

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова

Умарова Г.С.

**Картина мира казахского этноса в трудах В.И. Даля:
результаты научных исследований.**

Художественные, научно-популярные, публицистические тексты В.И. Даля

Уральск, 2025

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 (5Каз)
У52

Баспаға М.Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университетінің ғылыми кеңесінде
ұсынылған (2025 жыл, 24 ақпандағы №6 хаттама)

Автор:

Умарова Г.С. – к.ф.н., доцент ЗКУ им.М.Утемисова

Рецензенты:

Власова Г.И. – д.ф.н., профессор Казахстанского филиала Московского государственного университета им.М.Ломоносова

Сабыр М.Б. – д.ф.н., профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета

Хасанов Г.К. – д.ф.н., профессор Западно-Казахстанского университета им.М.Утемисова.

Умарова Г.С.

У52 Картина мира казахского этноса в трудах В.И. Даля: результаты научных исследований. Художественные, научно-популярные, публицистические тексты В.И. Даля : Монография. 3 изд., доп. на рус., англ. и каз. языках / Г.С. Умарова – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКУ им.М.Утемисова, 2025. – 260 с. Авторское право от 31.01.2020. № 7865

ISBN 978-601-266-721-9

Монография включает в себя цикл статей, отражающий результаты исследований автором проблем осмысления мира казахского этноса через документальную и художественную прозу классика русской литературы В.И.Даля. Рассматриваются не только собственно литературоведческая и фольклористическая проблематика в творческом наследии Даля, но и проделаны философские и социо-исторические анализы, рассмотрены хронотопы, пути изучения в процессе ознакомления его текстов в школе и в вузе, позволяющие глубже осмыслить идею неразделимости бытового и бытийного в жизни казахского народа, внести уточнения в традиционные представления о мировоззрении и творческой индивидуальности писателя.

Монография содержит мало доступные читателям художественные, научно-популярные, публицистические тексты В.И.Даля, отражающие картину мира казахов середины XIX века.

Статьи на русском, английском языках; художественные тексты, созданные на основе сюжета об Есенгельды и Бекее в казахской словесности, даны в оригинале на казахском языке и в переводе автором монографии на русском языке.

Для специалистов-филологов, магистрантов, студентов, учителей литературы.

Рекомендовано к публикации Решением Ученого совета ЗКГУ им.М.Утемисова от 31.03.2014. Протокол №7.

© Умарова Г.С., 2025

© Ред.-издат. центр ЗКУ им. М. Утемисова, 2025

Содержание

Предисловие.....	4
Глава 1. Картина мира казахского этноса в трудах В.И.Даля. Комментарий, результаты научных исследований «казахских текстов» В.И.Даля Г.Умаровой.....	7
Комическое и сатирическое в повести В.И.Даля «Майна».....	7
The comic and satirical in the story “Maina” by V.I.Dahl.....	12
Зачатки синергетики в лингвистических трудах В.И.Даля о немецком и казахском языках.....	14
The Beginnings of Synergy in the Linguistics Works on German and Kazakh Languages by V.I.Dahl.....	18
Тема женской эмансипации в казахских повестях В.И.Даля.....	20
Theme of female emancipation in the Kazakh stoties by V.I.Dahl.....	24
Поэтика повести «Майна».....	26
Образы Есенгельды и Бикей в русской и казахской литературе.....	38
Концепт <i>аксакал</i> как литературный штамп в повести В.И.Даля «Бикей и Мауляна».....	48
Семантическая интерпретация понятия «АКСАКАЛ» в разных лингвокультурах.....	53
Semantic Interpretation of the Concept “Aqsaqal” in Different Linguistic Cultures.....	65
Творческий результат пребывания В.И.Даля в Приуралье.....	78
Герменевтический подход по анализу повести «Бекей и Мауляна» В.И.Даля на уроках литературы.....	83
Время и пространство в «уральских» повестях В.И.Даля.....	87
Поэтика имени Майна в одноименной повести В.И.Даля.....	91
Диалектизмы в очерке В.И.Даля «Уральский казак».....	94
Внесюжетные элементы в повестях В.И.Даля и Л.Н.Толстого, их роль в сюжете.....	98
Глава 2. Художественные тексты В.И. Даля о казахах.....	103
«Бекей и Мауляна». Повесть	103
«Майна». Повесть	142
Глава 3. Научно-документальная и публицистическая проза В.И. Даля	167
Бурани.....	167
О карте зауральских степей, изданной в Берлине.....	168
Глава 4. Образы Есенгельды и Бекей в прозе и поэзии современной казахской литературы/Қазіргі қазақ әдебиетіндегі проза мен поэзиядағы Есенгелді және Бекей бейнелері.....	179
М. Есләмғалиев. Зерлі тон.....	179
М.Еслямғалиев. Шуба, обшитая позументом. <i>Перевод Г.Умаровой</i>	212
С.Зиятов. Бекей биігі.....	250
С.Зиятов. Высота Бекея. <i>Перевод Г.Умаровой</i>	254
Список публикации результатов исследований доцента Г.С.Умарова.....	258

Предисловие

«На пороге новой эпохи глобализации по-иному осмысливается опыт былых, прежних... У народов, не успевших осознать глубину своего прошлого, нет будущего», – утверждает поэт, лингвист О.Сулейменов.

В истории мы находим созвучные мысли по проблемам современности, ощущаем в ней общечеловеческие черты, решение актуальных вопросов межнациональных отношений, умение сосуществовать с другими народами.

Немалый вклад в освещение картины мира казахов девятнадцатого века, истории казахов было вложено классиками русской литературы. Впервые не только в русской, но и в мировой литературе мировосприятие, картину мира казахского этноса начала XIX века отображено В.И.Далем (1801 - 1872) в повестях «Бикей и Мауляна»¹ и «Майна»; впервые он же вводит в научный оборот информацию о казахском языке в качестве языка самодостаточного, имеющего свои фонетические, грамматические особенности в научно-критической статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине». Это было написано в 40-е годы XIX века, когда казахский этнос относили к традиционно бесписьменным народам, а казахский язык считался диалектом татарского языка. Немало было написано писателем и публицистических статей о жизни, быте казахов в популярных русских и европейских изданиях.

Даль сумел понять внутреннее состояние народа как этноса, его дух через его культуру, и все это было сделано писателем в период, когда в мировой европейской науке и литературе существовал статичный образ кочевника как «варвара» или же миф о Востоке как об экзотике. Степное знание, привлеченное Далем-этнографом, писателем, лингвистом – для осмысления этносоциальной организации казахов, в корне изменяло представления о казахском обществе, как об одном из обществ кочевников. Далю удалось изучить казахское общество, прежде всего, как сумму связей через действия и отношения отдельных людей и групп, внешне выраженных в территориальной общности, хозяйственно-культурных традициях. В центр научного познания жизни казахов начала XIX века Даль выдвинул не только материальные параметры общества, но и такие факторы, как духовные ценности, самосознание общества, его социокультурные особенности, «ежедневную, домашнюю, обиходную философию»².

В духовной же жизни казахского народа Даль сумел увидеть своеобразные, отличные от европейских представлений, урегулированные культурные отношения. Он сумел приоткрыть для западного и русского читателя дух, философию, культуру казахов с своеобразными мировоззренческими принципами и ценностными ориентирами, в этом его великая заслуга как ученого, этнографа. Всё это дает нам повод говорить о том, что познание писателем народа, удивившего его как своим мудрым отношением к жизни, так иногда и наивными предрассудками, было всесторонним. Это познание позволило ему почувствовать не только немалые силы в казахском народе, но и разглядеть многие темные стороны в его прошлом и настоящем. Столь кропотливо собранный в степном крае богатый материал способствовал тому, что Даль-писатель сумел создать на его основе лучшие повести и рассказы, среди которых «Бикей и Мауляна» и «Майна».

Об особенностях произношения звуков в казахском языке Даль пишет в статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине»³. Автором карты был Циммерман. Карта Циммермана была напечатана весной 1840 года. Статья Даля написана, соответственно, позже. В аспекте нашего исследования примечателен сам факт

¹ Повесть «Бикей и Мауляна» написана в 1836 году, в 1845 году переведена на французский язык и издана в Париже /Bikey et Maolina au les Kirghis-Kaissak/ Par Dhale. Traduit du russe par Folormey. Peris, 1845.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. / В. Г. Белинский, 1926. Т. 12. С. 85.

³ Даль (2002). С. 112.

обращения лингвиста к не изученной в то время грамматике казахского языка. Это было время, когда в ученой среде отрицалось мнение о существовании казахского языка как самостоятельного. Казахский язык рассматривали как наречие турецкого языка, не делая различий между татарским и казахским языками⁴. В статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине» Даль указывает, что «произношение кайсаков или киргизов отличается не только от турецкого, но и татарского, употребительного в губернии».

Даль-публицист, как официальный государственный чиновник, знакомит русского читателя с ранее неизвестным ему казахским народом, его месторасположением, национальными особенностями, традициями, брачными и родоплеменными отношениями, вероисповеданием, бытовой культурой для более правильного управления этим народом. Перед читателями в публицистических и научных трудах ученого предстает Даль, глубоко познавший законы развития казахской действительности 30–40-х годов XIX века и предвидевший как положительные, так и негативные тенденции в отношениях России к казахам.

Творческое же изучение прошлого казахов, углубление в стихию казахской жизни, в её ежедневное бытие помогли Далю прочувствовать простор, созерцательность, щедрость и расточительность этого народа, его искусство побеждать быт смехом, юмором, наивную веру во все, что услышит, а иногда и невежество с хитростью. В казахских повестях в образах главных героев отразились позитивные и негативные черты национального характера, своеобразие культуры и быта, тесно связанные с народными традициями, экономическими и политическими условиями жизни. Но для писателя важны были и нравственные понятия того или иного общества. Поднимая философско-исторические и моральные проблемы своего времени в размышлениях о быте и бытии казахского этноса, творения Даля помогали читателю осмыслить основы человеческой жизни.

Таковы результаты исследований художественных, научно-популярных, публицистических трудов В.Даля о казахам автором предлагаемой монографии. Основные положения результатов исследований представлены в первой монографии «В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах» (Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М.Утемисова, 2012. – 305 с.).

В связи с тем, что широкому кругу читателей, интересующимся творческим наследием В.Даля о казахам, труднодоступны тексты писателя, этнографа, ученого (они были изданы лишь в начале двадцатого столетия и частично в советское время), предпринята попытка собрать и переиздать их, сопровождая циклом статей, комментирующих эти тексты с теоретических и историко-литературных аспектов. Предлагаемые вниманию читателей статьи были опубликованы в отечественных, российских и зарубежных изданиях (в сборниках Международных научно-практических конференций в Seattle, WA, USA; в Las Vegas, NV, USA, New York, USA, Rome-Italy).

В ходе исследования было сделано очень интересное литературное явление: связь классической русской литературы с казахской прозой советского времени и современной казахской поэзией. Эта связь основана на переключке сюжетов об Есенгельды и Бекее в повести В.Даля «Бикей⁵ и Мауляна» (1836), в повести М.Еслямгалиева «Зерлі тон»/«Шуба, обшитая позументом» (1980) и в поэме С.Зиятова «Бекей биігі»/ «Высота Бекея» (2005). Поэтому в монографию включены тексты М.Еслямгалиева и С.Зиятова, что даст возможность исследователям сопоставить эти произведения и осмыслить их с точки зрения новой культурной парадигмы

⁴ Анов Н. Ак-Мечеть : Роман / Н. Анов. Алма-Ата, 1965. С. 156–157.

⁵ Бикей – вариант письма В.Даля, в оригинале на казахском языке – Бекей (Г.У.)

применительно к истории русской и казахской литературы, их взаимосвязи и своеобразии.

Так была составлена вторая монография «Картина мира казахского этноса в трудах В.И. Даля: результаты научных исследований. Художественные, научно-популярные, публицистические тексты В.И. Даля». Третья, дополненная и переиздающая в 2025 году, включает новые «прочтения» текстов писателя на основе новых методов современного литературоведения.

Для специалистов-филологов, магистрантов, студентов, учителей литературы.

Глава 1
Картина мира казахского этноса в трудах В.И. Даля
Комментарий, результаты научных исследований
«казахских текстов» В.И. Даля Г.Умаровой

**Комическое и сатирическое в повести В.И.Даля
«Майна»⁶**

В развитии русской литературной мысли, начиная с эпохи Гоголя понятие «комическое» и ранее существующее «сатирическое» постоянно взаимодействуют и пересекаются – поэтому представляется естественным соединить их в заглавии статьи. И еще потому, что прозаик В.И.Даль, известный современному читателю более как составитель «Толкового словаря великорусского языка», в повести «Майна» активно использует комическое и сатирическое в роли художественных средств.

Как свидетельствует «Краткая литературная энциклопедия» [1], комическое (от греч. *komikos* – смешной, веселый) – эстетическая категория, подразумевающая отражение в искусстве явлений, содержащих несоответствие, несообразность или алогическое противоречие, и оценку их посредством смеха. Более точное определение несоответствия, вызывающего смех, можно встретить у Н.Г.Чернышевского[2]: «...внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внешностью, имеющего притязания на содержание и реальное значение».

Тимофеев Л.И. и Тураев С.В. в «Кратком словаре литературоведческих терминов» [3] утверждают, что комические положения всегда разрешимы, смех оказывается той жизнеутверждающей силой, которая беспощадно разит признаки прошлого, расправляется с различными общественными пороками.

Сущность комического ярко проявляется в искусстве, так как оно изображает различные жизненные несоответствия, отклонения от нормы, общественные недостатки с позиции высокого эстетического идеала. Высокий эстетический идеал несет в своей душе художник, и его он утверждает, осмеивая существующее. Искусство учит человека смеяться, что не менее важно, чем способность глубоко сочувствовать возвышенному и благородному.

Разновидностями комического в искусстве являются юмор, смех, сатира, ирония.

Художественное обобщение жизни в повести Даля «Майна» неотделимо от юмора. Юмор – наиболее жизнеутверждающая и сложная по оттенкам форма комического. В нем серьезное высказывается с усмешкой, в незначительном и даже ничтожном всегда просматривается важное и глубокое. Юмористический смех не отрицает жизненного явления, писатель сознает лишь его несовершенство[4]. Даль, как писатель с немалым опытом, видимо, владел этими познаниями особенностей юмора, как разновидности комического, и активно использует их при создании образов и отображении казахских реалий на страницах повести «Майна», чтобы разрядить обстановку, подчеркнуть несоответствие представления героя о себе и окружающих о нем, или же показать нелепость ситуации, в которые попадает незадачливый герой и т.п..

Юмор, комическое как выражения самой природы человека, как особенности характера казахов был замечен Далем при изучении им казахского общества в оренбургский период творчества писателя (1833-1841). Известно, что в замыслах писателя было много заготовленных материалов для новой казахской повести «со смешной, шуточной, забавной стороной азиатского, степного быта» [5]. И поэтому источником комического, насыщенно используемого автором на страницах повести

⁶ Статья в «Ұлт тағылымы». – «Достояние нации» /[Научное приложение Международного научно-педагогического журнала «Высшая школа Казахстана» МОН РК]. Алматы, 2007. № 4 с.309 – 314.

«Майна», явилась специфическая жизненная практика героев, иногда контрастностью между тем, каким хотел показать себя герой и его духовной немощью, как в случае старого жениха Беркута Юлбарсова, или неприспособленность и частая растерянность перед жизненными ситуациями Майора, выбранного жениха Майны.

Комизм отдельных героев раскрывается в повести в тесном единстве с выявлением комизма сферы жизни, в которую они включены, как её неотделимая часть. Юмор, сатира характеризуют, поэтому не только обрисовку того или иного отдельного героя, но окрашивают повествование в целом, определяя его тон, общий колорит. Опираясь на свое приобретенное при общении, научном изучении, исследовании мало доступных и редких исторических источников, опираясь на свое знание казахов, на свои глубокие жизненные наблюдения, Даль насыщает юмором авторский рассказ о героях и диалоги действующих лиц, описание их внешности и отражение их внутреннего мира.

Понимание сатиры не как специального жанра, а как особого эстетического отношения к действительности, способного подчинять своим задачам различные жанровые формы, в русской литературе начинается в сущности, как раз с 1840-х годов. В результате теоретических и практических усилий писателей натуральной школы становится несомненно, что сатира – это специфический, особый способ комически видеть всю жизнь и познавать её смехом.

Комическое как принадлежность самой жизни, не замеченная обычным поверхностным взглядом и вскрытая проницательностью писателя, – одна из глубоких и любимых художественных идей сороковых годов. Её мы неоднократно в различных вариациях встретим в статьях Белинского. «Комическое для него порою – не столько поэтическое создание, сколько черта самой действительности, «удачно схваченная поэтом» [6].

Итак, юмором, как одним из художественных средств пользуется В.И.Даль в повести «Майна». Во время сватовства Майора, Сакалбай, отец Майора и отец Майны, Карасакал-батыр, сидели, потупив головы, не зная, о чем же еще сказать. В этой неловкой ситуации, «надувшись и приняв важную осанку, дядя сказал пренапыщенное похвальное слово хозяину, Карасакалу, и брату своему Сакалбаю; превозносил дружбу их, зажиточность, добрую славу, заключил из этого, что и дети их должны быть им подобны и друг друга достойны; потом стал насчитывать калым, <...> стараясь, по обычаю, умножить разными уловками счет голов; в первый год, говорил он, брать десять овец ягненных и двух коз – 24 головы; там трёх жеребых кобыл – тридцать, и так далее[7].

Карасакал – батыр, отец Майны, пишет полное красноречия, пышных пустых фраз письмо «бывшему» свату, Сакалбаю, о том, что он решил выдать дочь за султана Беркута сына Юлбарсова; что белая кость султана несомненна[8]. Даль мастерски воспроизводит привычное течение житейских обрядов. Но читатель, благодаря удачно схваченному взгляду писателя, видит их бессмыслие, замаскированное обиходностью, в тексте получившее юмористическое «боковое освещение». Само имя жениха на казахском языке означает «Орел», а фамилия «Львов», что контрастно внешнему виду и духовному содержанию героя.

Белинский причислял Даля к представителям «натуральной школы» в русской литературе. Особенности этой школы проявлялись, прежде всего, в смешных именах героев.

Так же смешно звучат, по законам натуральной школы, собственные имена в повести «Майна». «Названия родов Малой орды иногда взяты от разных предметов или понятий, как Карасакал – черная борода, Сарыбаш – желтая голова, Кара-балык – черная рыба», – пишет автор. Для писателя смешным и непонятным кажется стремление казахов давать имя ребенку с увиденного в момент рождения ребенка предмета ли, явления ли, человека ли. В натуральной школе имена героев чаще всего

служили созданию интонации именно «иронической, комической, сатирической». Часто использовались писателями школы «говорящие фамилии». Братьями Бикей – героя повести «Бикей и Мауляна» были Джан-Кучюк и Кунак-бай. Кунак-бай значит: богатый друг (богатый гость – У.Г.С.), но Джан-Кучюк, душа-собака, собачья душа, есть кличка, достойная низменного человека. «Джан-Кучюк был один из тех дикарей, которого можно и должно называть просто зверем, не распространяясь в картинном изображении бессмысленно-зверского нрава его...»[9]. В повести «Майна» читаем: «У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, – давать имя новорожденному, по произволу, с первого встречного предмета или понятия. Между баюлинцами был старик Сакалбай и у него четыре сына – Полковник, Майор, Капитан и Поручик. Я называю всех их по именам, – это не чины, а имена их – только по странности имена сих, которые даны были в честь русских чинов» [10]. Но автору не приходится придумывать смешные имена героям: у казахов существовало мнение, что чем смешнее дают имя ребенку, тем дольше будет жить человек на свете, или же ребенка с таким именем не могут сглазить, и, соответственно, он не будет болеть.

Чисто стилистический, словесный комизм, «острое слово» в произведениях писателей «натуральной школы» не стремится расположиться на авансцене. Истинно смешное залегает у комиков- «натуралистов» гораздо глубже. Но трудно отрицать, что вообще комическая экспрессия стиля – очень важный для сатиры момент. Сам способ «смешного» высказывания, манера словесного выражения для неё вовсе не безразличны[11].

В повести «Майна» нашли место некоторые приемы комического, имевшие место в 40-е годы как один из основных методов. Это отличает Даля от других очеркистов (у Григоровича в очерках нет комизма, у Буткова, Гребенки он носит совершенно иной характер). Даль здесь в большей степени последователь Гоголя[12]. Комизм ситуаций часто использован Далем именно на страницах повести «Майна». Комична ситуация, когда мы читаем строки о том, как Майна и Куцый в пути после нападения на них шайки остались без еды, и голодный «рыцарь» Майны представил себе, как он один съедает целого барана. «Наслаждаясь мысленно этим лакомым и сытным блюдом, он представлял, как сочное мясо тешило непрехотливый язык и небо. Он рассмеялся и утер рот ладонью, взад и вперед, от уха до уха. Потом Куцый зевнул, растворив челюсти свои четверти на полторы, поежился, пожал плечами туда и сюда, и стал дремать на коне, как после сытного обеда».

В повести много юмора, смеха, светлых тонов при изображении героев и жизненных ситуаций.

Такие юмористические ситуации активно используются писателем при обрисовке образа и поступков жениха главной героини – Майора. По своему воспитанию, характеру восприятия жизни Майор – своеобразный «недоросль». Обедненность сознания Майора не результат его биологической неполноценности, а следствие тех условий, в которых он живет. За него решает проблемы, составляет план его действий отец. Майор привык во всем полагаться на отца, который все решает и делает за него, называя сына глупым. Ему же оставалось только «слушать и молчать».

Доверчивый и бесхарактерный, Майор легко становится объектом всяческих проделок окружающих, «героем» комических приключений. Отец повез его к своему другу, не предупредив, что едет сватать Майора за дочь друга Майну. В пути, узнав об этом, Майор убегает домой. После сватовства, состоявшего без будущего жениха и без согласия жениха и невесты, Сакалбай, вернувшись, высмеивает сына: *Собака, чего лаешь? Волков пугаю. Собака, чего хвост поджала? Волков боюсь. Таков и ты, сын мой; за девками гоняешься, а их же боишься... А еще Майор! За что же я на тебя такой почетный уряд положил, коли последний хорунжий больше тебя смыслил?* [13].

При этом отец указывает на несоответствие высокого имени и поступков сына.

Забавна сцена поражения Майора Майной ночью, в темноте. Она принимает его за мнимого врага-преследователя. Смешон Майор и во время свадебной церемонии, когда Сакалбай ради приличия решил соблюсти народный обычай, долго не соглашаясь на свадьбу сына и Майны, Майор ударил перед ним «челом в землю и завыл: «Язык свой вырву, грудь истерзаю, отсеку правую руку свою».

Описания эти усиливают общий жизнерадостный колорит произведения. Юмор, использованный на страницах повести, не надуманный, это одна из особенностей казахов, умеющих шутить и воспринимать шутки.

Для повести «Майна» характерны комические описания внешности.

Комическое описание внешности героя использовано писателем, в особенности, при знакомстве с «рыцарем» Майны Куцым, «действительно бывалым лицом», как указывает автор. Вот одно из удачных: у молодца крепкого, здорового телосложения был вид «урода, на которого нельзя было смотреть без смеху. Ростом не велик, в плечах широк, с коротенькими ножками, огромной головой и еще огромнейшими ушами, подслеповатыми глазами, представлял он собою живой бурятский кумирчик, как отливаются они из меди или фарфора. Широкие костлявые скулы давали уродливой голове его точный вид нашего самовара....От всегдашней верховой езды, ноги образовали у Куцего, каждая, почти полукружие; и если каблуки сходились вместе, то колено было от колена еще как Москва от Питера» [14]. Это «сокровище», утверждает автор, «снабжен был от природы достаточным чутьем и памятью местности, чтобы служить вожакom по местности». «Молодец наш», «рыцарь и герой наш», рассказывает Даль, владел двумя слабостями: первой слабостью были женщины, женитьба, а другой слабостью была ненасытная утроба его, мог съесть за раз целого барана. Он охотно верил в то, что «на нем лежит большой чин, и что Майна скорее согласится выйти за него, чем за Майора или за старика Беркута, в сравнении с коим Куцый считал себя красавцем». Когда же Майна поведала ему о своем плане побега из родительского дома с ним вместе, уверив его в том, что она влюблена в него, счастью Куцего не было предела. Автор с иронией отмечает, что Майна, позволив Куцему поцеловать свою руку, разрешила поступить ему так, как не поступал ни один казах со своей возлюбленной.

В словесной ткани характеристики Куцего мы встречаем комическое сочетание различных сравнений героя с предметами и явлениями, не имеющих между собой никакой внутренней связи; нахождение их в одном ряду как бы отражает «логику» героя и его действий. Автор именует его то «попутчик и вожак», то «безродный дюрт-каринец», то «молодец», то «бурятский кумирчик», то «самовар», то «сокровище», то «рыцарь и герой». Сопоставление весьма отличных друг от друга определений в данном случае служит средством выявления комизма внешней, ложной значительности.

Обладая даром открывать комическое в реальной действительности, Даль использует его при обрисовке образа Куцего не для праздного развлечения и забавы людей, а использует это художественное средство как одно из проявлений жизни, писатель выступает не как бесстрастный наблюдатель, а человек, гражданин, который неравнодушен к судьбе казахского нищего-байгуша Куцего. Комизм в описании Куцего не исключает трезвого взгляда и сочувствия. Использование Далем юмора на страницах повести «Майна» способствует более тонкому и яркому изображению образов.

Столкновение «высокого» и «низкого» как источник комического предстает в изображении образа Беркута – дряхлого старика, имеющего трех жен и вздумавшего взять себе четвертую жену – юную Майну. «Беркут, то есть орел, сын Юлбарса, то есть тигра, или по-русски, бобра, - это громкое имя и прозвание; царь пернатых и первый за львом сановник и вельможа четвероногих. Но султан, в том виде, по крайней мере, не отвечал собою на громкое имя свое: ему было за 60 лет.... Он знал на память две-три

молитвы из Корана, разумеется, не понимая их, твердо помнил наизусть все 14 колен родословного древа своего от Чингиса и утешался твердой надеждой, что в нем, по крайней мере, не прекратится... но Беркут жил между дюрт-каринцами без имени и весу, и отличался тем только от прочих кайсаков, что ему говорили: *таксыр*» [Так чествуют султанов: *таксыр* равнозначно значению *благородие, сиятельство* – Г.У.]. Наряду с комическим пафосом писатель великолепно раскрывает противоречие между высокими благородными словами и низменной сущностью Беркута. Стремление героя «приукрасить» себя изображено сатирически. В данной ситуации комическое перерастает в сатиру, достигает сатирического накала. «Сам он был собою очень доволен и знал все: так, например, когда один караван-баши попотчевал султана на дневке чаем, которого этот отродясь не видывал, то Беркут Юлбарсов не хотел показывать даже и в этом деле невежество свое, а сказал, прихлебывая: «Знаю я чай этот, знаю – его делает какая-то птица, комар ли, оса ли; только он жидок что-то у тебя и не сладок» [15]. Из этого надо догадываться, что султан слышал когда-то и что-то про мед, который пьют с чаем, и, полагая, что его потчуют медом, находил его жидким и несладким».

Далее использовано комическое, его разновидности – юмор, сатира в повести «Майна» как одно из художественных средств, помогающих реалистически изобразить казахскую действительность начала девятнадцатого столетия, ибо, во-первых, комическое было обусловлено общественными противоречиями казахских реалий тех времен; во-вторых, комическое в данном художественном тексте является достоянием авторского сознания.

Литература:

1. Краткая литературная энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – Ч.3. – С. 69-691.
2. Чернышевский Н.Г.. Полн.собр. соч. в 15-ти томах, Т.II. – М.: Просвещение, 1949. – С.31
3. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1978. – С.65.
4. Там же, С. 65.
5. Евстратов Н. Даль и Западный Казахстан.//Уч.зап.Уральского пед.ин-та. 1957. – Т.4., вып.12. – С. 259-260.
6. Лаврецкий А. Эстетика Белинского. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 206-207.
7. Даль В.И.. Полн. собр. соч. в 10 томах. – СПб.; М.: Изд-во т-ва М.О.Вольф. – 1897-1898, Т. VII. – С. 367.
8. Там же, т. VII. – С. 383-384.
9. Там же, т. VII. – С. 261.
10. Там же, т. VII. – С. 362.
11. Жук А.А. Сатира натуральной школы. – Саратов, 1979.– С. 153.
12. Смирнова В.А. Даль и натуральная школа. – Саратов, 1972. – С.57.
13. Даль В.И.. Полн. собр. соч. в 10 т.. – Т. VII. – С. 371.
14. Там же, т. VII. – С. 173-174.
15. Даль Владимир Иванович: Оренбург.край в очерках и науч.трудах писателя. – Оренбург: Оренбургское книжное изд., 2001. – С. 316.

The comic and satirical in the story “Maina” by V.I. Dahl⁷

*Gulnara Umarova
West Kazakhstan State
Mahambet Utemisov University*

In the development of Russian literary thought, beginning with the times of Gogol, the concept of “the comic” and the previously existing “the satirical” constantly interact and overlap – so it seems natural to combine them in the title of the present article. Vladimir Dahl, the novelist, actively uses the comic and the satirical in the role of artistic media in his story “Maina”.

In “The Short Literary Encyclopedia” [1], the Comic (from the Greek. Komikos – funny, hilarious) is an aesthetic category implying reflection of events that contain some discrepancy, inconsistency or contradiction illogical in arts, and further their evaluation through laughter. A more precise definition of inconsistency that causes laughter one may find in N.G. Chernyshevsky’s works [2]: “...An inner emptiness and insignificance clothed in appearance that has a claim to the content and the real value”.

In the “Concise Dictionary of Literary Terms” [3] L.I. Timofeyev and S.V. Turayev claim that comic situations are always solvable and laughter is that vital force which ruthlessly ruins the signs of the past, crushes various social vices. The essence of the comic is clearly manifested in the arts teaching people to laugh – this is no less important than the ability to deeply empathize with the sublime and noble things and events. Humor, laughter, satire and irony are the varieties of the Comic in arts.

The artistic generalization of life in Dahl’s story “Maina” is inseparably connected with humor. Humor is the most life-affirming and complex form of the comic. It expresses things serious with a smile, small and insignificant things and events are always seen as having great importance. Humorous laughter does not deny the phenomena of life, the writer is aware of its imperfection only [4]. V.I. Dahl actively uses humor when creating and displaying images of the Kazakh realities on the pages of his story “Maina” in order to defuse the situation, to emphasize the discrepancy of the representations of the hero made by himself and by the others, or to show the absurdity of the situation which gets the hapless hero etc.

Humor as an expression of the nature of man, as an expression of the Kazakhs’ national character was seen by Dahl in his research of the Kazakh society during the so called “Orenburg period” of his life and creative work (1833-1841). It is known that there were a lot of prepared materials for a new Kazakh story in the intentions of the writer, it was aimed at “funny, humorous sides of the Asiatic steppe life” [5]. And therefore the source of the comic richly used by the author in his novel “Maina” was a specific life experience of its heroes. Sometimes it was the contrast between the intentions of the hero and his spiritual weakness, as in the case of an old groom Berkut Yulbarsov or the contrast between impracticality and frequent confusion of Major (another Maina’s groom) that he demonstrated in the face of life situations.

The funny sides of the individual characters in the story are revealed in close unity with the identification of the comic aspects of the life they are involved into as its inseparable part. Humor is therefore does not only describe the delineation of a single character, but paints the narrative as a whole, determining its tone and the overall flavour. Having a back on the experience of communication, scientific study and investigation of the inaccessible and rare historical sources, relying on the knowledge of the Kazakhs and his profound life observations, Dahl saturates the author’s narration, dialogues of the personages, descriptions of their appearance and their inner world with a lot of humour.

⁷ Seattle-2013: 4TH International Academic Research Conference on business, education, nature and technology. Part 4: Kazakhstan. November 4-5, 2013, Seattle, WA, USA, P.415-417.

The treatment of satire not as a special genre but as a special aesthetic attitude to reality that is able to subordinate different genre forms to its tasks begins in Russian literature just from the 1840's. Theoretical and practical efforts of writers of the natural school resulted in the understanding of the fact that satire is a specific, particular way of life treatment with the help of the comic, the way to aware it by laughter. So Dahl uses the comic as one of the expressive means in the story "Maina".

Karasakal-Batyr (the warrior), Maina's father, writes a letter to his "ex" matchmaker, Sakalbay, it is full of eloquence and lush empty phrases. He says that he decided to marry his daughter to Sultan Berkut (eagle – G.U.), a son of Yulbarsov, as the white bone of Sultan is doubtless [6] (to possess "the white bone" means to belong to the higher social layers, to be of noble origin – G.U.). Dahl masterfully depicts the usual course of everyday rituals. But the reader sees the absurdity under the mask of their everyday life, the text has received a humorous "side lighting". The very name of the groom in the Kazakh language means "Eagle" and his family name comes from "Lion" (Yulduz), this fact discloses the contrast between the names and the appearance and the spiritual content of the hero.

V.G. Belinsky ranked Dahl among the members of the "natural school" in Russian literature. The features of this school were primarily manifested by the funny names of heroes, the name of Maina's groom – Mayor, in particular.

The same funny for the representatives of the natural school look the soundings of some other proper names in the story discussed. Dahl writes that the names of the Kazakh Maly Orda genera (the Minor genera) are sometimes derived from the names of different objects or concepts, e.g. Karasakal – "black beard", Sarybash – "yellow head", Karabalyk – "black fish". In the writer's opinion the intentions of the Kazakhs to name a child according to the objects, persons or events they see just at the moment a child is born seem ridiculous and incomprehensible. In the natural school the names of the characters most often served as means of the creation of the ironic, comic, or satirical tone. "Speaking names" were frequently used by the writers of the school.

In the story "Maina" we read: "The Kaysaks have an interesting Kalmyk or Mongolian custom that is also found among semi-nomadic Bashkirs – to name a newborn, at will, in accordance with the immediately seen object or concept. The other Muslim nations do not practice this.

There lived an old man among the Bayulints (generic name – G.U.) – Sakalbay, he had four sons – Colonel, Major, Captain and Lieutenant. I call them all by their names – these are ranks, not Russian personal names, they all were given in accordance with the strange forms of address" [7]. But the author does not have to invent funny names of his heroes: there existed an idea that the funnier the name of a child, the longer he lives in the world, or a child with that name can not be put the evil eye on, and therefore won't be hurt.

Purely stylistic, verbal comicality, different squibs do not tend to stay in the foreground in the works of the natural school writers. Truly ridiculous things lie much deeper in the texts by the "comedian" writers of the natural school. But in general it's hard to deny that comic expressivity of style is a very important moment for satire. The very way of the "ridiculous" statements, the manner of verbal expression is not indifferent for it [8].

Some of the techniques of the comic practiced in the 40s of the 19th century as one of its basic methods took their place in the story "Maina". This differs Dahl from other essayists (there is no anything comic in Grigorovich's essays, Butkov's and Grebenka's comic methods are quite different). Dahl is more a follower of Gogol [9]. Comic situations are often used by Dahl on the pages of his story "Maina". It is a comic situation where Maina and Kutsiy (Shorty) were left without food after the attack of the gang, and in the case where a hungry "knight" Maina was picturing how he would eat a whole sheep. "Enjoying this tasty and satisfying dish in his thoughts, he imagined how that succulent meat was amusing his unpretentious tongue and palate. He burst into laughter and wiped his mouth with his hand, back and forth, from ear to ear. Then Kutsiy yawned, his jaw dissolving a quarter and a half,

wincing, shrugged his shoulders back and forth, and began to doze off on a horse, like after a good dinner “.

The story is full of humor, laughter, there are light colors in the descriptions of the characters and situations. These humorous situations are widely used by the author in the depiction of the image and the actions of the protagonist's groom – Major. According to his education, the perception of the nature of life Major is a kind of “ignoramus”. Major's depletion of consciousness is not the result of his biological inferiority, it is a consequence of the conditions in which he lives. It is his father who solves his problems for him, who formulates plans of his actions. Major has got used to relying on his father, who decides and makes everything for him, calling his son stupid. He just had to “listen to his father and keep silent”.

The humor used on the pages of the story is not far-fetched, it is one of the characteristic features of the Kazakhs who are always able to joke and take a joke.

Dahl used the comic, its varieties – humor and satire – in the story “Maina” as one of the artistic means that helped him to portray the Kazakh life of the early nineteenth century realistically. First, the comic was caused by the public controversies of the Kazakh realities of the time, and secondly, the comic in the literary text is a property of the author's consciousness.

References

1. Short Literary Encyclopedia. – Moscow: Publishing house "Soviet encyclopedia", 1966. – Part 3, p. 69-691.
2. Chernyshevsky N.G. Complete Collection of Works. – V.II. – 1949, p.3.
3. Timofeyev L.I., Turaev S.V. Concise Dictionary of Literary Terms. – M.: Education, 1978, p.65.
4. Ibid, p. 65.
5. Evstratov N. Dahl and West Kazakhstan. – S. 259-260.
6. Lavretzky A. Belinsky's Aesthetics. – M., 1959. – P. 206-207.
7. Dahl V.I. Complete Collection of Works in 10 volumes. – M.O. Volf partnership. – 1897-1898. – Vol. VII, p. 383-384.
8. Ibid, Vol. VII, p. 362.
9. Dzukh A.A. Satire natural school. – Saratov, 1979. – P. 153.
10. Smirnova V.A. Dahl and natural school. – Saratov, 1972. – P.57.

Зачатки синергетики в лингвистических трудах В.И.Даля о немецком и казахском языках⁸

В статье приводится трактовка термина «синергетика», начиная с трудов еще Пифагора и Гераклита, затем Гумбольдта и Соссюра. Делается акцент на истолковании данного термина в исследованиях современных ученых С.Г.Гураль и В.А.Масловой. Рассматриваются языковые оппозиции в географических наименованиях местностей в казахском языке, перенесенных в немецкий язык в процессе составления карты западной части Казахстана географом Циммерманом (1840). Эти языковые оппозиции были отмечены лингвистом, этнографом, писателем В.И.Далем (1801 – 1872). Им были написаны комментарий в статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине».

⁸ В Материалах МНПК «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад» - Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Евразийский Национальный университет им. Л.Н.Гумилева – Казань, 17-19 октября, 2013 г., с. 305 – 308.

Синергетика как междисциплинарное направление в современном языкознании развивается стремительно и бурно. Название «синергетика» означает «совместное действие», подчеркивая согласованность функционирования частей, отражающуюся в поведении системы как целого. Синергетика занимается изучением систем, состоящих из большого (очень большого, «огромного») числа частей, компонентов или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой.

О так называемом синергетическом подходе к социальным процессам, культуре, науке, искусству, экономике и, наконец, к образованию, все чаще говорят в последнее время. Особого отношения заслуживает внимательное рассмотрение синергетического подхода к анализу языка. В частности, С.Г.Гураль отмечает, что синергетический анализ языка позволяет получить новое знание о смыслообразовании, об организации коммуникативных процессов, а также методе обучения языку [1, с.7-9].

О том, что прямой перенос достижений синергетики в лингвистику представляется достаточно трудоемким процессом, не допускающим приблизительных и упрощенных представлений о сложной структуре и типологии семантических пространств, замечено В.А.Масловой [2, с.85-90]. Так, понимание оппозитивности как важнейшего принципа мышления, культуры и языка берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, затем Гумбольдтом и Соссюром переносится на язык. «В языке нет ничего, кроме оппозиций», – писал Ф.де Соссюр.

Таковыми были языковые оппозиции в географических наименованиях местностей в казахском языке, перенесенных в немецкий язык в процессе составления карты западной части Казахстана. Эти языковые оппозиции были отмечены лингвистом, этнографом, писателем В.И.Далем (1801 – 1872). Им были написаны комментарии в статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине» [3, с.112]. Автором карты был Циммерман. Карта Циммермана была напечатана весной 1840 года. Статья Даля написана, соответственно, позже.

В аспекте нашего исследования примечателен сам факт обращения лингвиста к малоизученной в то время грамматике казахского языка. Это было время, когда в ученой среде отрицалось мнение о существовании казахского языка как самостоятельного, – его рассматривали как наречие турецкого языка, не делая различий между татарским и казахским языками⁹.

«Произношение кайсаков или киргизов отличается не только от турецкого, но и татарского, употребительного в губернии», – указывает Даль в статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине».

Напомним факты из истории: в начале девятнадцатого столетия научное сообщество России располагало небольшой информацией о быте казахов, которых тогда называли киргизами, а о казахском языке научных данных вообще не было. Так, в «Вестнике Европы» были опубликованы статьи «Прием и угощение у киргизов»,¹⁰ «Киргизы»¹¹, большая обстоятельная статья «О киргизах»¹² – о делении на орды, о формах управления, брачных правилах и другом. «В журналах «Московский телеграф» (1825–1834), «Сын Отечества», «Библиотека для чтения», «Телескоп» и других издавались этнографические материалы преимущественно по зарубежным странам и по окраинным областям России. И этот материал не оставался чистым сырьем, а проникал в среду образованных людей, входил в какой-то мере в сокровищницу умственной культуры русского общества того времени», – отмечает С.А. Токарев¹³.

⁹ Анов Н. Ак-Мечеть : Роман / Н. Анов. Алма-Ата, 1965. С. 156–157.

¹⁰ Вестник Европы. 1809. № 8.

¹¹ Там же. № 16.

¹² Там же. № 22.

¹³ Токарев С. А. История русской этнографии : (Доктябрьский период) / С. А. Токарев. М., 1966. С. 184–185.

Информацию же о казахском языке в научный оборот впервые вводит В.И. Даль, пребывавший в 30-40-е годы XIX века как чиновник особых поручений при военном губернаторе Оренбургского края В.А.Перовском. Помимо служебной деятельности Даль изучает этнографии народов, населяющих Россию, в числе которых оказалась культура и язык казахского народа.

Отличительная черта творчества Даля в оренбургский период – его многогранность. Писатель ярко проявил себя и как публицист (статьи, очерки в известных газетах и журналах), и как сказочник («О баранах», «Башкирская русалка», «Были и небылицы»), и как прозаик (повести «Бикей и Мауляна», «Майна» и рассказы «Осколок льду», об истории русских пленных «Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах персиянами крепости Герата», очерк «Уральский казак»), и как лингвист (изучал татарский, башкирский, казахский языки, собрал основной материал для «Толкового словаря живого великорусского языка»), и как переводчик (переводы с татарского, казахского, немецкого языков). Переводческая работа, лингвистические и этнографические исследования, несомненно, сопутствовали писательскому росту.

Даль был мыслителем универсальным, что не мешало ему быть специалистом в отдельных областях науки и литературы. Его личность как бы олицетворяет принцип дополнительности, а научная деятельность соизмерима с работой целого «института широкого профиля», где изучаются история, этнография, культура, лингвистика казахов, уральских казаков, башкир, татар, многих тюркских народов.

Фантастическая способность Даля анализировать всевозможные явления помогала ему ясно замечать то, что их объединяет. Эту способность можно охарактеризовать словами Паскаля: «Поскольку все скреплено природными и неощутимыми узами, соединяющими самые далекие и непохожие явления, мне представляется невозможным познание частей без познания целого, равно как познание целого без досконального познания всех частей».¹⁴

Знакомство с жизненным укладом, нравами, культурой казахского народа, изучение казахского языка, изучение фактов, не укладывающихся в так называемый «европоцентризм», непосредственно отражаются в многочисленных статьях, очерках, написанных Далем в 30–40-е годы XIX в. Об этом свидетельствуют и материалы, изданные в 2002 году к 200-летию Даля Оренбургским издательством [3].

Интерес к тюркским языкам и, в частности, к казахскому языку, совершенно неизученному в то время, способствовал тому, что уже к концу первого года службы в Оренбурге Даль-филолог свободно разговаривал на казахском языке. Как указывалось выше, к этому времени Даль владел татарским и башкирским языками. Это послужило поводом современным ученым-лингвистам причислить Даля к первым лингвистам-тюркологам. В многочисленных научных трудах, очерках, статьях Даля мы находим подробное разъяснение значений казахских слов и оборотов, а иногда и целых предложений, порядка слов в синтаксисе казахского языка. Обратимся к этим трудам лингвиста.

Об особенностях произношения звуков в казахском языке, как было указано выше, Даль пишет в статье «О карте Зауральских степей, изданной в Берлине» [3, с. 131–132] Циммермана.

Рассматривая недочеты Циммермана, допущенные им при составлении карты казахских степей, Даль предлагает использовать географические названия местностей, озер, рек, урочищ, данные местными жителями, «не картавя и не исправляя, иначе невозможно будет признать название это, увидев его где-нибудь в другом месте, и не признаем в устах коренного жителя, который по-турецки не знает». В доказательство

¹⁴ Ларошфуко Ф. де. Максимумы; Паскаль. Б. Мысли; Лабрюйер Ф. де. Характеры / Ф. де Ларошфуко, Б. Паскаль, Ф. де Лабрюйер. М., 1974. С. 125.

правомерности употребления казахской топонимики при составлении карты Степи, Даль пишет: «Составляя карту Сербии, земли чехов, никому не придет в голову переименовывать названия мест, рек и городов на русский лад под тем предлогом, что русский язык должен быть господствующим, а сербский и чешский – суть наречия языка коренного» [3, с.131–132]. Автор статьи предлагает сохранять написание казахских слов, используемых при составлении карт на немецком ли, на русском ли языках, по возможности, без изменения. Приводится, как образец, слово «тау», свойственные казахскому языку дифтонги *джа, дже, джи, джу*, предлагается писать окончание *ты*, а не исправлять его на *лы*. Он использует слова *Джаман-Айраклы, Ходжа-куль* и др. «Так, слова *атлы, бурклы, гаклы* означают, будучи составлены по тому же образцу, *человека, у которого есть лошадь, шапка, ум*», – приводит Даль примеры из казахского языка.

Возмущаясь неправильным использованием немецким ориенталистом казахского слова *аул* – *Aule*, Даль объясняет лексическое значение данного слова: «Аулом называется на татарском языке (не будем спорить о происхождении слова. – В. Д.) деревня, жилое место, а у кочевых народов – кучка войлочных кибиток одной семьи, которая держится всегда вместе и состоит от трех до двенадцати кибиток. Если же рассудим, что селений постоянных в степи нет, а кочевые беспрестанно меняют места свои, так что едва ли есть где-нибудь в степи точка, на которой бы в течение известного времени не кочевали кайсаки и не ставили своих аулов, то загадка остается загадкой. То же можно сказать о надписи: *Зимовье Малой Орды на Аксакуле, т. е. Аксакал-Барбы*. Зимовий бесчисленное множество, они раскинуты от Урала до Сыра и далее, и никаким образом не могут быть показаны на карте подобного размера» [3, с.123]. В этой статье дается трактовка названия Аральского моря, которое Циммерман ошибочно, по мнению Даля, именует то «Арал-куль», то «Арал-дынгиз». И тогда, когда в русском ли, в немецком ли языках даются переименованные географические названия, получается «хоть и гладко на письме, но кочковато на деле, произвольно и несправедливо», – считает Даль [3, с.132].

Множество казахских географических названий активно используется самим Далем в этих статьях: залив Каспийского моря *Култук, Кара-таман, Кара-Кумбез*, мыс *Куланлы, на котором водятся множество куланов*, – объясняет автор. Он исправляет неправильное написание, допущенное Циммерманом, *Тюп-караган*, а не Тюк.

Даль объясняет допущенные ошибки незнанием местности, неправильными трактовками казахских слов и понятий. «Недостаток местных сведений необходимо заставит вас упустить важнейшее». Сам он знает досконально подробности Киргизской Степи. Так, указывает на неточное определение на карте месторасположения Калмыкова, Оренбурга, Сарайчика [3, с.114].

Итак, Даль-лингвист сумел увидеть трансмерность оппозитивных отношений, так как он был погружен в язык как самоорганизующуюся среду жизнедеятельности; проделанный им синергетический анализ введенных в немецкий язык Циммерманом казахских топонимов позволил получить новое знание об их смыслообразовании в новом языке в случае, если употребить их правильно. Тем самым, еще в начале девятнадцатого столетия Далем было замечено, что прямой перенос достижений синергетики в лингвистику представляется достаточно трудоемким процессом, не допускающим приблизительных и упрощенных представлений о сложной структуре и типологии семантических пространств.

Литература:

1. Гураль С.К. Синергетика и лингвосинергетика / С.К.Гураль // Вестник Томского государственного университета. – Сер. «Филологические науки». – № 302. – 2007. – С.7-9.

2. Маслова В.А. Синергетика или лингвистика: мода или новая парадигма знания? / В.А.Маслова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. – Сер. «Филология». – Том 20 (59). – № 1. – 2007. – С.85-90.

3. Даль Владимир Иванович: Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя /сост.и примеч.: А.Г.Прокофьева и [и др.]; вступ.ст.Г.П.Матвиевской. Оренбург: Оренбург.кн.изд-во, 2002. – 478 с.

4. Умарова Г.С. В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах / Г.С.Умарова // Монография. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им.М.Утемисова, 2012. – 305 с.

The beginnings of synergy in the linguistics works on German and Kazakh languages by V.I. Dahl¹⁵

*G.S. Umarova, Uralsk,
West-Kazakhstan State
University n.a. Mahambet Utemisov*

Synergetics is an interdisciplinary field of modern linguistics that is rapidly developing. The term "synergy" means "joint action", emphasizing the consistent functioning of the parts and reflects the behavior of the system as a whole. Synergetics investigates systems consisting of larger (very large, "huge") number of parts, components or sub-systems, interacting in a complex way.

The so-called synergetic approach to social processes, culture, science, art, economics, and, finally, to education, is being discussed more and more at present. Careful examination of the synergetic approach to language deserves special treatment. In particular, S.G.Gural notes that the synergetic analysis of the language gives new knowledge about the meanings, the organization of communication processes, as well as the method of language learning [1, p.7-9].

The fact that the direct transfer of synergy achievements into linguistics is a very complicated process, which prohibits approximate and simplistic view of the complex structure and typology of semantic spaces was marked by V.A.Maslova [2, p.85-90]. The idea of oppositivism as an important principle of thinking, culture and language goes back to the writings of Pythagoras and Heraclitus, and then was transferred to language by Humboldt and Saussure. "The language is nothing but opposition" - wrote F.de Saussure.

Such were the language oppositions of the geographical names of localities in the Kazakh language transferred into the German language in the process of mapping the western part of Kazakhstan. These language oppositions were noted by a linguist, ethnographer, and writer V.I. Dahl (1801 – 1872). He wrote a comment in the article "On the map of Trans-Ural steppes, published in Berlin" [3, p.112]. Zimmerman was the author of this map published in the spring of 1840. "The pronunciation of Kaysak or Kyrgyz differs not only from Turkish but also Tatar, predominantly in the province", - Dahl points out in his article "On the map of Trans-Ural steppes published in Berlin".

Let's recall the facts of history: in the early nineteenth century, the scientific community of Russia had little information about the life of Kazakhs called Kyrgyz at that time. And the Kazakh scientific data did not exist at all. Thus, in "The Journal of Europe" the article "The reception and entertainment among the Kyrgyz", "Kyrgyz people", a most thorough article

¹⁵ Modern Science: Problems and Perspectives. International Conferece. Volum 4 /Article/ Зачатки синергетики в лингвистических трудах В.И.Даля по немецкому и казахскому языкам – Америка. Las Vegas, NV, USA. April 15, 2013 г., p/c.224 – 227.

"On the Kyrgyz" – about the division into hordes, about the forms of governance, the rules of marriage and others were published. Different journals, such as: "Moscow Telegraph"(1825-1834), "Son of the Fatherland", "Library for Reading", "Telescope" and others predominantly published ethnographic materials of foreign countries and outlying areas of Russia. And these materials did not remain pure raw stuff, and were spread among educated people, served to some extent to the treasury of intellectual culture of the Russian society of the time, "- said Sergey Tokarev [4].

Some information on the Kazakh language was first introduced into scientific description by V.I. Dahl. In the 30-40-ies of the XIX century he was a deputy for special assignments at the Military Governor of the Orenburg region V.A. Perovsky. In addition to his service Dahl examines the ethnography of the peoples living in Russia, among them was the language and culture of the Kazakh people.

Dahl's fantastic ability to analyze various phenomena helped him to notice clearly what they had in common. This ability can be described with the words of Pascal: "Since all is sealed by natural and imperceptible ties that connect the most distant and dissimilar phenomena, it seems to me next to impossible to learn parts without the knowledge of the whole, as well as a thorough knowledge of the whole without the knowledge of all the parts".

The study of Turkic languages, and in particular, the Kazakh language, completely unexplored at that time made it possible for the modern linguists to classify Dahl as one of the first Türkology linguists. In numerous scientific papers, essays, and articles we find Dahl's detailed explanations on Kazakh words and phrases, and sometimes whole sentences, word order of the syntax of the Kazakh language. Let us analyse these papers.

As it was said above Dahl describes the pronunciation of sounds in the Kazakh language in his "On the map of Trans-Ural steppes, published in Berlin by Zimmerman" [3, pp. 131-132].

Considering the shortcomings of Zimmerman admitted in the map of the Kazakh steppes, Dahl proposes to use geographical names of areas, lakes, rivers, settlements that were given by the local people, "not with a lisp and without false corrections, otherwise it will be impossible to recognize this name after, seeing it somewhere else, and do not recognize it in the mouths of indigenous people, who do not know Turkish". As proof of the legality of the Kazakh toponymy in the Steppes mapping, Dahl wrote, "Mapping Serbia, Czechs land, nobody would dream to alter the names of places, rivers, and towns in the Russian manner on the pretext that the Russian language should be dominant, and the Serbian and Czech make some dialects of the aboriginal language" [3, p.131-132]. The author proposes to preserve the writing of the Kazakh words in the Russian or German maps if possible, without change, for example, the word "tau" (mountain), specific Kazakh diphthongs: джа (dža), дже (dže), джи (dži), джу (džu), the ending "tu", but not "ly". He uses such words as: Джаман-Айраклы (Jaman Ayrakly), Ходжа-Куль (Hodga-Cul') a.o. "Thus, the words атлы (atly), бурклы (burkly), гаклы (gakly) being drawn up in the same model mean a man who has a horse, hat, mind"- Dahl gives the examples of Kazakh.

Dahl was very angry with the improper usage of the Kazakh word "aul" – Aule in this map. He gives the following explanation of the lexical meaning of the word: "Aul in Tatar is a village, residential location, and for the nomadic peoples it's a bunch of felt tents of the same family, which is always kept together, and consists of three or more, even twelve wagons. If, however, we admit that there are no constant settlements in the desert, and the nomadics are continually changing the places of settlement, so that there is hardly a spot somewhere in the desert, which would be for a time not roamed by the kaysaks and their auls, the mystery remains a mystery. The same can be said of the inscription "Zimovie of the Maly Horde on Aksakule, i.e. Aksakal-Barby (Winter settlement of the Smaller Horde on Aksakule). Winter settlements are countless, they stretch from the Urals to the Syr and beyond, and in no way can be shown on the map of this size "[3, p.123]. This article provides an interpretation

of the name of the Aral Sea, which Zimmerman erroneously, according to Dahl, calls "Aral-cul" or the "Aral-dyngiz" [3, p.132].

Many Kazakh place names are actively used by Dahl in these articles: The Gulf of the Caspian Sea Kultuk, Kara-Taman, Kara-Kumbez, Cape Kulanly, where lots of wild asses live. He corrects Zimmermann's misspellings: Tup-Karagan, not Tuck.

Dahl explains the mistakes by the ignorance of the location and misrepresentations of the Kazakh words and concepts: "The lack of local information will make you miss the most important things". He himself has a thorough knowledge of the details of the Kirghiz Steppe, points to the wrong definition of the location of Kalmykov, Orenburg, Saraichik on the map of the steppe [3, p.114].

So Dahl, a linguist, has managed to see the transmeasurment of the oppositional relations, because he was immersed in the language as a self-organized living environment. His synergistic analysis of the Kazakh toponyms placed into German gave an opportunity to obtain new knowledge of their meanings in the new language. Thus, in the early nineteenth century, Dahl saw that the direct transference of synergy achievements into linguistics is a very complicated process, which prohibits approximate and simplistic view of the complex structure and typology of semantic spaces.

Literature:

1. Gural S.K. Synergetics and lingvosinergetika / S.K.Gural // Bulletin of the Tomsk State University. – Ser. "Philology". – № 302. – 2007. – P.7-9.

2. Maslova V.A. Synergetics and linguistics: fashion or a new paradigm of knowledge? / V.A.Maslova//Uchenye Zapiski Tavricheskogo Universiteta. – Ser. "Philology". – Volume 20 (59). – № 1. – 2007. – P.85-90.

3. Dahl V.I.: Orenburg region in the essays and scientific works of the writer/ Compiled and annotated: A.G.Prokofeva and [others]; introd. article G.P.Matvievsкая. – Orenburg: Orenburg publishers, 2002. – 478 p.

4. Tokarev S.A. History of Russian Ethnography (pre-October period) / SA Tokarev. – Moscow, 1966. – P. 184-185.

Тема женской эмансипации в казахских повестях В.И.Даля¹⁶

Тема женской эмансипации была одной из доминирующих в русской литературе в 30-40-е годы XIX века. Убежденность в необходимости изменения идеологических установок эпохи, общественного устройства, традиционных семейных норм и уклада, готовность к утверждению новых социокультурных установок нашли вполне закономерное и адекватное выражение в художественном творчестве писателей и поэтов. В раскрытие данной темы внес свою лепту и В.И.Даль.

Образы Мауляны и Майны в повестях В.И.Даля (1801 – 1872) «Бикей и Мауляна» и «Майна», отвечающие коренным принципам художественного демократизма Даля, не раскрыты достаточно полно в качестве ключевых образов произведений Даля казахской тематики. В контексте данной статьи мы попытаемся дать свою интерпретацию образов Мауляны и Майны как представительниц казахского общества начала XIX столетия.

Образ казахской женщины впервые в русской литературе появился в повести Ушакова «Киргиз-кайса», но там этот образ был дан в общих чертах. Реалистический

¹⁶ Вестник Каз. универ.Международных отношений и мировых языков. №4(14) 2005. Алматы. Материалы Республ. н.-пр.конф. «Казахский компонент в современной компаративистике».

и объективный образ казахской женщины впервые в русской и мировой литературе предстает в повестях Даля «Бикей и Мауляна» и «Майна».

Именно образы героинь создают поэтическую тональность повествования, отодвигая бытопись в духе «натуральной школы». Повести «Бикей и Мауляна» и «Майна» объединяет тема любви казахских девушек к избранным спутникам жизни. В рассказе о любви Бикей и Мауляны больше лирики, это любовь яркая, высокая и облагораживающая, сумевшая изменить героев, но закончившаяся трагедией. Любовь Майны более основательная, более земная. Кроме того, именно через образы Мауляны и Майны Даль касается темы эмансипации женщины.

Эта тема в русской литературе относится к числу традиционных. В.И. Кулешов утверждает, что она «развивалась в 40-е годы не только под воздействием литературных факторов, но и философских и социально-политических учений этого времени. Она широко обсуждалась в романах Жорж Санд, в утопических системах, в статьях Белинского и в художественных произведениях» [1, с.62]. «Эту тему, – поясняет исследователь, – натуральная школа обрела в творчестве Пушкина и Лермонтова в зачаточном состоянии. Школа подхватила и придала ей окончательно современный вид» [1, с.208].

Женщины, естественно, присутствовали почти во всех произведениях русской литературы как необходимые участницы сюжетных ситуаций. Но ни образ Софьи в «Недоросле», ни образ Софьи в «Горе от ума» не несут в себе еще специфических эмансипаторских тенденций. Героини примиряются с моралью общества и лишь отчасти и временно осознают её несовершенство.

Только пушкинская Татьяна, воспитанная на романах Ричардсона, Руссо, де Сталь, мечтает о новой любви по выбору сердца, оттеняет целомудренной чистотой своей души порочный уклад окружающего её общества. Но она смирится со своей участью, «будет век верна» своему долгу. По утверждению исследователя «натуральной школы» В.И. Кулешова, «образ женщины в творчестве Пушкина выступает в лирическом ореоле, его чувство к женщине носит светлый, жизнерадостный характер. Женщина – источник наслаждения, радости. Женщина у него слишком мадонна. Специфически эмансипаторские вопросы перед ним как бы и не встают, женщина у него уже свободна и равноправна в любви, наслаждениях, упоении жизнью».

В 40-х годах в русской литературе сильно понизился престиж героев и возвысилось самосознание героинь. Натуральная школа осознала один из важнейших лозунгов, выдвинутых уже утопистами школы Сен-Симона: «Не может быть общество свободно, если в нем несвободна женщина». Натуральная школа старалась показать опутавший женщину клубок и распутать многочисленные цепи, сковавшие ее. Тема эмансипации женщин из «периферийной», недоговоренной превращается в самостоятельную, важнейшую тему.

По мысли В.И. Кулешова, «влияние французской писательницы Ж. Санд на многих писателей натуральной школы выражалось, главным образом, в отстаивании прав женщины выбирать себе суженого, разрывать ложные брачные путы» [1, с.208]. У Ж. Санд женщина всегда сильнее, благороднее мужчины. Это же мы наблюдаем в образе Майны и в поступке Мауляны, когда она пытается спасти Бикей, растерявшегося от неожиданного появления разъяренных братьев.

Натуральная школа не избирала экзальтированных героинь из аристократического мира, избегала идеализаторских концовок, предпочитая изображать ужас повседневности, реальное течение жизни, не обременяя сюжета посторонними теориями, если они не вели к уяснению общественно-социальной сущности изображаемого события. От этого критицизм обличений возрастал, тема эмансипации женщины еще органичнее сливалась со всеми социальными темами.

Вполне оригинальный подход к теме эмансипации женщины мы наблюдаем у Даля в его казахских повестях, хотя во многом писатель соблюдает каноны школы: отстаивается право женщины выбирать себе суженого.

Перед писателем открывается совершенно незнакомый ранее тип свободной женщины, с необычным мировосприятием, отношением к жизни, с иными жизненными ценностями, часто ставящими её на один уровень с мужчинами в быту. Мауляна и Майна не воспитаны в светском обществе и не читали французских книг, но, соответственно психологии кочевников, они близки к природе, что неоднократно подчеркивается автором, остро чувствуют поэзию, красоту. Перед писателем была обаятельная, сильная, волевая казахская красавица, сумевшая отстоять свою любовь, и он решает рассказать об этой красавице, о её любви.

На общем фоне казахской жизни начала XIX века «мир женщины» выступал как некоторая обособленная сфера, обладавшая чертами известного своеобразия. Женщина, вне зависимости от того, из состоятельной или из бедной она семьи, должна была учиться выполнять и женскую, и мужскую работу.

В поэтическом строе «Бикея и Мауляны» выделяется несколько линий, отличающихся одна от другой. Прежде всего, это лирико-патетическая повествовательная манера, передающая обаяние и красоту главной героини. В образе Мауляны Даль допускает определенную идеализацию.

Зримый идеал женщины у Даля в образе Мауляны – это внешность, отражающая национальный тип: «И она рядилась, как это водится, при перекочевке, в лучшее платье свое, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца, у братьев бойкого скакуна, на коем заганивала куланов, и мчалась вдоль и поперек шумного, многоголосного, обширного скопища, где целое огромное селение, целый город, со всем имуществом и скарбом своим. И Мауляна выросла статна и пригожа, как видели сами» [2. VII, 297–298].

Близость к природе, по мысли Даля, одна из причин того, что Мауляна выросла с тонким чувством прекрасного.

Даль всюду подчеркивает нравственную чистоту, ум и удивительную, природную, красоту Мауляны: «В ней была душа, в Мауляне нашей, и душа страстная, пылкая, необузданная, неразгаданная, а все-таки душа» [2.VII, 298].

Любовь к Мауляне, сообщает читателю автор, изменила Бикея, пробудила в нем высокие нравственные стремления: «Кто знал Бикея искони, не узнавал его теперь: Бикей стал новым и иным человеком; так полюбил он Мауляну и так был любим ею» [2.VII, 294].

Бикея и Мауляну объединяет чувство собственного достоинства, стремление к свободе. Даль пишет, что «в этой чете столкнулись два человека, в своем роде необыкновенных», судьба одарила их «мозгом и сердцем» [2.VII, 302]. Суровые и жестокие ситуации, в которые попадают Мауляна и Бикей, преодолеваются ими той нравственной силой, которая способна разорванному, дисгармоническому бытию вернуть его целостность и человеческий смысл.

Далю в повести «Бикей и Мауляна» удалось овладеть новой областью – изобразить дружбу между женщиной и мужчиной.

Значительность натуры Мауляны проявилась, прежде всего, в момент, когда, оставшись вдовой, она сумела отстоять свою свободу, добившись разрешения и защиты у оренбургского губернатора. В образе Мауляны *трагическое* противоречие между личностью и обществом достигает своего апогея. Героиня протестует, устраивает «этико-эстетический бунт» против установленных веками требований морали общества, по которым она, вдова убитого Бикея, должна была стать женой его брата и его убийцы Джан-Кучука. Такое требование традиционной казахской морали вносит дисгармонию во внутренний мир героини, разрушает её жизнь, заставляя подчиниться тому, что противоречит её представлениям о счастье.

Мы можем утверждать, что Далю удалось показать в образах Мауляны и Майны типические черты казахской женщины: их свободолобие, любовь к народной поэзии, особое чутье к поэтическому слову, в минуты душевного подъема они могли излить свои чувства через песни, а поющий человек ощущает себя частью природы, находится в согласии с природой, с жизнью. Каждая из этих героинь имеет самобытный характер. Отстаивая свое право выбирать суженого, каждая из них идет к этому своим путем: Мауляна выходит замуж по любви против воли родителей Бикея, Майна же не подчиняется воле отца, задумавшего выгодно выдать её за шестидесятилетнего старика, выбирает Майора – здесь меньше чувств, больше рассудка.

Даль не приравнивает казахских женщин к знатым дамам, а, наоборот, утверждает, что именно простой человек, не развращенный аристократическими предрассудками и ближе стоящий к природе, способен на большое чувство. И потому он, по мысли писателя, и есть настоящий Человек. Изображая казахских женщин смелыми и независимыми, Даль отражал действительность. Раннее приобщение к преодолению трудностей быта, свобода в родительском доме, видимо, закаляли их волю, делали их сильными.

Истории, подобные историям далевских героинь, выбравших самим себе суженых, в казахском обществе были не единичны.

Идеализация казахских женщин в произведениях Даля выступает как нетипичное явление, хотя и имевшее место в казахском обществе. Несомненной чертой далевских героинь является их неотразимое обаяние, которое светится во внешности этих женщин: в них земное, плотское пронизано духовным и немислимо без него. Творчество Даля в русской литературе 30–40-х годов девятнадцатого столетия открывало новую художественную страницу в летописи женских характеров и истинно возвышенного, единственно человеческого чувства, которому имя – любовь.

Итак, образы казахских женщин в русской литературе, в частности, в повестях Даля («Бикей и Мауляна», «Майна») развили далее традиционную тему эмансипации женщины, отстаивания права женщины выбирать себе суженого, но Далю удалось также изобразить дружбу между женщиной и мужчиной (между Мауляной и Бикеем), чего раньше не наблюдалось в русской литературе. Впервые в русской литературе был создан реалистический и объективный образ казахской женщины, героически отстаившей своё право на выбор суженого, спутника жизни по своему желанию. Образы казахских женщин несут в себе не только общечеловеческие женские начала, но и национальные особенности, традиции своего народа. Главные героини казахских повестей Даля – Мауляна и Майна – наделены незаурядным умом, сильным характером.

Литература:

1. Кулешов В. И. Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX в. / В.И.Кулешов. – М., 1958. – С. 62.
2. Даль В.И. Полн.собр.соч. : в 10 т. / В. И. Даль ; критико-биограф. очерк П. И. Мельникова (А. Печерского). 1-е посмертное полн. изд., доп., сверенное и вновь просмотр. по рукописям. – СПб. ; М. : Изд. т-ва М. О. Вольф, 1897-1898. – Т.VII, С. 297–298.

Theme of Female emancipation in the kazakh stories by V.I.Dahl¹⁷

*Gulnara Umarova
West Kazakhstan State
Mahambet Utemisov University*

The theme of female emancipation was one of the dominant ones in Russian literature in the 30-40s of the XIX century. A famous Russian writer V. I. Dahl (1801 – 1872) made some contribution to the topic. The images of Maulana and Maina in the stories "Bikey and Maulana" and "Maina" by Dahl correlate with the fundamental principles of Dahl's artful democracy Dahl, but are not quite fully disclosed as key images of Dahl's works on Kazakh topics. In this article we make an attempt to give the interpretation of the images of Maulana and Maina as representatives of the Kazakh society at the beginning of the XIX century.

The image of the Kazakh woman in Russian literature first appeared in the story "Kirghiz-kaysak" by Ushakov, but there this image was given in general terms. Realistic and objective images of the Kazakh women in Russian and world literature were for the first time presented in the stories "Bikey and Maulana" and "Maina" written by V. I. Dahl.

It is the images of the heroines that create a poetic tone of the narration, displacing the description of ordinary life in the spirit of "natural school". The two stories are united by the love theme of the Kazakh girls to the chosen companions of life.

There is more lyrics in the story about love of Bikey and Maulana, it's about love that is bright, high and ennobling, love that managed to change the heroes, but ended in tragedy. Maina's love is more thorough, more earthly. It is through these images the topic of women's emancipation is touched upon. This theme in Russian literature is considered to be a traditional one. V. I. Kuleshov states that it "was developed in the 40s, not only under the influence of literary factors, but also the philosophical and socio-political theories of the time."¹⁸

"This theme – explains the researcher – was found by the natural school in its infancy in the works of Pushkin and Lermontov. The school took it up and gave it a completely modern look".¹⁹

Only Pushkin's Tatyana, brought up on the novels by Richardson, Rousseau, de Stael, dreaming of a new love for the choice of the heart, sets off the chaste purity of her soul the vicious way of the surrounding society. But she resigns herself to her fate, and "will be faithful to her duty for ages".

According to V.I.Kuleshov, natural school researcher, "The image of the woman in the works by Pushkin stands in a lyrical aura, his sense of a woman having a bright, sunny disposition. The woman is a source of pleasure and joy. His woman is too Madonna-like. Specific emancipators' questions seem not to be in front of him, the woman is already free and equal in love, pleasure, ecstasy of life".

Rather an original approach to the subject of women emancipation we see in Dahl's Kazakh stories, though in many ways the writer observes the canons of the school: woman's right to choose her future husband is asserted.

The writer offers an absolutely new strange type of a free woman, with an unusual perception of the world, attitude to life, with different values in life, that often puts her on a par with men in private life.

¹⁷ Modern Challenges and Decisions of Globalization. International Conference. July 15, 2013. New York, USA. Prt 2. Session: Kazakhstan. / P.194-196.

¹⁸ Kuleshov V.I. "Otechestvennye zapiski (Notes of the Fatherland)" and the literature of 40 years of XIX century. – Moscow, 1958. – P.62.

¹⁹ Kuleshov V.I. "Otechestvennye zapiski (Notes of the Fatherland)" and the literature of 40 years of XIX century. – Moscow, 1958. – P.208.

Maulana and Maina were not brought up in a secular society and did not read French books, but according to the psychology of the nomads, they are close to nature, keenly aware of poetry and beauty. These facts have been repeatedly emphasized by the author. The writer sees a charming, strong-willed Kazakh beauty, managed to defend her love, and he decides to tell about this beautiful woman and her love.

Against the backdrop of Kazakh life at the beginning of the XIX century "the world of the woman" acted as a kind of an isolated area possessing the characteristics of a well-known identity. A female, whether of rich or poor origin, should learn and perform both female and male labour.

In the poetic structure of "Bikey and Maulana" several different lines are singled out. First of all, it's a pathetic lyrical narrative style which transmits the charm and beauty of the heroine. But there is some idealization in the image of Maulana.

Dahl's ideal of a woman in the form of Maulana is clearly shown by her appearance reflecting a national type: "And she would put on her best clothes as they were migrating, decorated herself with necklaces and wrists, asked her father and brothers for a spirited horse, ready to conquer koulans (wild asses), and raced up and down the busy, multi-voiced, vast crowd of a large village or city, with all her wealth and possessions. And Maulana rose stately and comely, as you have seen yourself".²⁰ And Dahl is unable to take away his eyes from the girl – she is beautiful: there is the depth and mystery of the steppe wells in her black, slightly slanted eyes, her black eyebrows make a bird breaking open its narrow, pointed wings.

The closeness to nature, according to Dahl, is one of the reasons that Maulana has grown with a keen sense of beauty. Dahl emphasizes Maulana's moral purity, intelligence and an amazing, natural, beauty all over: "There was a soul in our Maulana and the soul of a passionate, ardent, unbridled, unsolved person, and yet it was the soul".²¹

The fact that in accordance with people's perceptions of personal beauty Dahl provides Maulana with moral purity, spontaneity, emotional wholeness, reveals Pushkin's traditions of understanding of national character.

The author says: "Love to Maulana changed Bikey, awakened high moral aspirations in him: "That who knew Bikey from time immemorial did not recognize him now: Bikey has become a new and different person, so great was his love to Maulana and so great was her love to him".²²

Bikey and Maulana are united by their self-esteem and the desire for freedom. V. I. Dahl writes: "this couple was made by two persons, somewhat unusual, "the fate bestowed upon them the" brain and heart".²³ The harsh and violent situations that Maulana and Bikey are got involved in are overcome by them with that very moral force that can bring the broken disharmonious existence back to its integrity and human sense.

In the story "Bikey and Maulana" Dahl managed to master a new area – depiction of the friendship between a woman and a man. The significance of the nature of Maulana manifested, above all, at a time when, left a widow, she managed to defend her freedom by obtaining permission and protection from the governor of Orenburg.

The tragic contradiction between the individual and the society reaches its climax in the image of Maulana. The heroine protests in the form of an "ethical and aesthetic revolt" against the established requirements of the society morals according to which she, the widow of the murdered Bikey, was to become the wife of his brother and his killer – Jan Kucuk. Such a requirement of traditional Kazakh morality brings disharmony to the inner world of the

²⁰ Dahl V.I. Bikey and Maulana, Maina// Complete Set of Works. – Vol. VII. – St. Petersburg: M. O. Wolf Publishing House, 1898. – P. 297-298.

²¹ *ibid.*, P.298.

²² *ibid.*, P.295

²³ Dahl V.I. Bikey and Maulana, Maina// Complete Set of Works. – Vol. VII. – St. Petersburg: M. O. Wolf Publishing House, 1898. – P. 302.

heroine, destroys her life, forcing her to submit to the rule that is contrary to her conception of happiness.

We can say that Dahl was able to show typical features of the Kazakh women with the help of the images of Maulana and Maina. These features are the following: love of freedom, love of folk poetry, special flair for the poetic word. In the moments of elation they could give vent to their feelings through songs, and a singing person feels a part of nature, is in harmony with nature and life.

Each of the characters under description has a distinctive character. Defending their rights to choose the spouse, each of them takes her own way of acting. Maulana got married for love against the wishes of Bikey's parents. Maina is also not subject to the will of her father, who intended to benefit her by marrying a sixty-year-old man. She chooses Mayor, here there is less sense, more reason.

Dahl argues that it is a simple man, not corrupted by aristocratic prejudices and standing closer to nature, is capable of great feeling. Early inducement to overcome the difficulties of life, liberty in the family home, apparently tempered their will, made them strong.

Stories like the stories of Dahl's heroines who chose their spouses were not unique in the Kazakh society. Idealization of the Kazakh women in the works by V. I. Dahl serves as an atypical phenomenon, although it took place in the Kazakh society.

One of the indubitable features of Dahl's characters is their irresistible charm that glows in the appearance of the women: their earthly, carnal feelings are permeated with the spiritual and are unthinkable without it.

Dahl's creativity in Russian literature of the 30s and 40s of the nineteenth century opened a new page in the annals of female characters and a truly sublime human feeling that is possessed by humans, the feeling whose name is love.

Thus, the images of the Kazakh women in Russian literature, particularly in the stories by V.I. Dahl ("Bikey and Maulana", "Maina"), developed on the traditional theme of the women's emancipation, upholding a woman's right to choose her future husband. Dahl has also managed to portray the friendship between a woman and a man (between Maulana and Bikey), this was not marked in Russian literature before. A realistic and objective image of the Kazakh woman who heroically defended her right to choose her spouse and life partner according to her wish was created in the Russian literature for the first time. Images of the Kazakh women not only bear the universal femininity, but also reflect the national characteristics and traditions of the Kazakh people.

References:

1. Kuleshov V.I. Otechestvennye zapiski (Notes of the Fatherland)" and the literature of the 40 years of XIX century. – Moscow, 1958.
2. Dahl V.I. Bikey and Maulana, Maina// Complete Set of Works. – Vol. VII. – St. Petersburg: M. O. Wolf Publishing House, 1898. – P. 292-304.

Поэтика повести «Майна»²⁴

Повесть написана в Оренбурге в конце 30-х годов XIX века. Уже в название повести «Майна» вынесено имя девушки, главной героини, и все события в повести будут связаны с её образом.

Имена собственные в произведениях Даля тесно связаны с темой произведения, изображаемыми временем и пространством, сутью создаваемых образов.

²⁴ Умарова Г.С. В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: Монография. – Уралск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им.М.Утемисова, 2012. – С.105 – 122.

Как и в повести «Бикей и Мауляна», имя героини не было выдуманно автором, это не условно-литературное, а реально-бытовое имя. Такой приём является продолжением линии реалистического изображения казахской картины мира, являющейся фоном основных событий в повести. Автор утверждает, что основу повести составляет «истинное и свежее происшествие из частной жизни» [VII, 360].

Именем героини произведение названо также потому, что именно с ней, с её судьбой связан сюжет повести. Через её образ, через рассказ о её судьбе Даль продолжает тему женской эмансипации, начатой в повести «Бикей и Мауляна». Основную линию «Майны» составляет победа земного, человеческого, и не случайно в центре повествования находится женский образ, ведь по самой природе женщина – носительница гармонии, покоя, счастья в семье, в жизни вообще. И это важно для писателя, по убеждению которого «человек обретает свое истинное предназначение в любви, а не в ненависти»²⁵.

Когда Майне исполнилось четырнадцать лет, её сосватали, по казахскому этикету, без её ведома и согласия, за Майора, сына Сакалбая из рода баюлинцев. Но, по причине баранты, насильственного угона скота казахами других родов, и последующей вражды, из-за преследования со стороны русских чиновников-следователей за палы чумекейцы, родственники Майны, вынуждены были откочевать на территории близ хивинского ханства.

Прошло три года, жених и невеста не имели возможности узнать что-либо друг о друге. К Майне сватается выгодный для её отца жених, шестидесятилетний султан, который собирался сделать её своей четвертой женой. Уговоры и просьбы дочери не выдавать её за старика отцом были отвергнуты. И тогда Майна решает сама защитить себя от такого произвола: она предпринимает побег к ранее нареченному жениху – за восемьсот верст, верхом по незнакомым местам в сопровождении работника отца, нищего пастуха без имени, по прозвищу Куцый. Побег невесты увенчался успехом: ей, после различных приключений, удалось попасть к баюлинцам, в дом Сакалбая.

После получения письма от отца Майны с сообщением о том, что ее выдают за султана Беркута, Сакалбай не мог допустить, чтобы Майор остался без невесты и вынужден был, по обычаю, опять без ведома сына, сосватать новую невесту. Звали её Хамиля. Калым за неё был уплачен, и чтобы зря не пропадать добру – уплаченному калыму – Сакалбай решил женить на ней своего третьего сына, Капитана, и сын беспрекословно выполнил желание отца. В конце повести играется свадьба сразу трех пар: Майора с Майной, Капитана с Хамилей, а заодно и Куцего с девушкой из байгушей («дешевой», как сказал Сакалбай).

В повести «Майна» И.П.Фесенко отмечает черты приключенческого жанра: «Продвижение беглецов по степи изображено по всем канонам приключенческого жанра»²⁶. Вот Майна, потеряв спутника, дважды называет себя незнакомому всаднику сыном Сакалбая (она одета в мужское платье): «Сказав это, Майна как-то не могла глядеть прямо в глаза вершнику и отвела взоры в сторону; они прямо упали на связанного по рукам и ногам Куцого...» [VII, 404]. Напряжение достигает предела. Но ситуация разрешается комически. Оказывается, Майна находилась рядом с юртой Сакалбая; именно у него украл овцу, а затем неудачно попытался стащить котел Куцый; отстреливаясь из лука от преследователей, в темноте Майна ненароком ранила Майора, ходившего на баранту. Во всем этом легко угадывается комедийный прием узнавания. Влюбленные обретают друг друга, Куцему находят невесту «в байгушах», т.е. среди нищих кайсаков. А народ, как в сказке, пирует «трои сутки».

Все решения отца и Майор, и Капитан принимают как должное, несколько не возмущаясь: такие поступки героев были продиктованы духом эпохи, бытовой

²⁵ Фесенко Ю. П. В.И. Даль / Ю. П. Фесенко. – Луганск, 1990. – С. 130.

²⁶ Там же. С. 123.

обиходной моралью тогдашнего казахского общества, регулирующей жизнь огромной массы людей. Такое восприятие действительности и пассивное отношение молодых людей к своей судьбе и женитьбе можно объяснить как следствие общих нравственных убеждений и настроений соответствующей среды.

Майна же наперекор воле отца совершает дерзкий 800-верстный побег по степи к избранному ею жениху. Это едва ли не единственный героический женский образ в литературе той поры. Как подчеркивает Р.В. Иезуитова, «вопросы женской эмансипации тогда лишь начинали проникать в русскую прозу»²⁷, и первоочередным было расширение социальных прав представительниц «цивилизованных» сословий.

Майну сватают в 14 лет. Современному читателю непонятно, как четырнадцатилетнюю девочку можно выдать замуж. В начале же XIX века казашка вступала в брак рано – в 14-17 лет. В то время это был нормальный возраст для брака. Родители, взрослые смотрели на молодую девушку как на женщину уже в том возрасте, в котором последующие поколения увидели бы в ней лишь ребенка. Четырнадцатилетняя девушка – уже невеста, и к ней можно свататься. В этой ситуации определение девушки как «ребенка» отнюдь не отделяет её от «возраста любви». Пока оплатят калым, проходит определенное время, которое может тянуться несколько лет. Так, в случае Майны сватовство, уплата калыма и перекочевка длились три года, и героине исполнилось семнадцать лет, что вполне является возрастом замужней женщины того времени.

Внутреннее созвучие повестей «Бикей и Мауляна» и «Майна» заключается также и в том, что в них представлена народная жизнь казахов, их «картина мира», тесно связанная с жизнью героев. В повести «Майна» Даль продолжает свое художественное исследование народа «как ядра и корня» в истории развития общества. На первый взгляд кажется, что автор вновь повторяет этнографическое и фольклорное описание особенностей казахского общества, данное уже в повести «Бикей и Мауляна». Но это не механический слепок с предыдущего. Этнографические подробности варьируются, уточняются, расширяются.

Начало текста повести «Майна» до предела насыщено различными подробностями казахской жизни – рассказывается легенда о казахском султани Каипхане, благополучно и удачно устроившемся самовластным хивинским ханом. Его стала одолевать невыносимая ностальгия, тоска по родной земле после того, как ему передали тарту, гостинцы с его родины: «Эта лапа [гуся, тушу которого передали хану Каипу.– Г.У.] купалась свободно в реках и озерах вольной родины моей, топтала мураву луговую и песок сыпучий» [VII, 354–355]. И хан, хотя его и стерегли, сумел сбежать в лохмотьях нищего, чтобы его не узнали, в родные степи, и «плакал как дитя, когда прикочевал опять в родные степи свои, на простор, где ничто не замыкало перед ними окраины неба и земли». В этой легенде звучит мотив сильнейшей любви к воле и свободному выбору и предпочтение воли всем богатствам, благам и возможностям власти. Как и в повести «Бикей и Мауляна», автор акцентирует внимание читателя на такой особенности характера казахов, как привязанность к родной земле, к племени родственников. Вспомним рассказ о привязанности русских людей, оказавшихся в плену в Хиве, к родной земле, к религии в повести «Бикей и Мауляна». У казахов – та же привязанность к родной земле и религии, но еще более они привязаны к племени родственников. Это основной компонент национального образа мира казахов. Основа объединения у кочевых народов лишь одна – кровь, потому что общество монолитной сплоченности и прочности. Это объединение родственников. Трактовку такой особой привязанности казахов к родственникам и родной земле мы находим и у Г. Гачева:

²⁷ Иезуитова Р. В. Светская повесть / Р. В. Иезуитова // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. – Л., 1953. – С. 194–195.

«Здесь родина есть движущееся тело коллектива, а не понятие родины как земли»²⁸. И каждый индивид этого общества привязан к племени, как и султан Каип.

Автор погружает читателя в общую картину мироздания, мироощущения казаха. Кочевнику-казаху непонятно, почему он должен жить в неволе, оседло, он сравнивает себя со своей скотиной, любимым конем, с птицей, которые вольны: «За что я буду жить хуже скота своего, – говорит кайсак, если вы спросите, для чего он не терпит оседлости, – зачем мне жить хуже скота, которому больше воли, чем мне? Разве я хуже птицы, которая бьется в золотой клетке и просит воли?» [VII, 355].

Подобное «сравнение» кочевником себя с животными и птицами не придумано писателем, оно является характерно-национальной особенностью. Такое сравнение-уравнение человека с животным объясняется тем, что казах, как кочевник, воспринимает себя вместе с животными и птицами частью единой природы, говоря словами Г. Гачева, «один Космос общий обитают, и одна общая людям и животным тут мера дана и принята человеком как закон. Демократия тут – равенство и братство с конем, и овцой, и верблюдом, уважение к ним и приноравливание: значит и норы свой человек подналаживает под них, что на Психею, характер человека, особь статью налагает. И потому молчат, как кони и овцы, и верблюды. В себе передумывают-переговаривают»²⁹. Так называемые «молчаливые чревовещатели». Так поступает Исянгельды в повести «Бикей и Мауляна», обдумывая свою прошедшую жизнь сам с собой, мучаясь совестью за смерть сына. Так и «Сакалбай ехал впереди, оборотившись, как магнитная стрелка, на урочище, где стояли аулы чумекейцев, повесил нос, покачивая слегка головою по ходу коня; и, спустив длинный рукав чапана во все кнутовище, постегивал задумавшись плетью набивные тебеньки седла». Ехал он сватать сына Майора вместе с братом своим и будущим женихом, и про себя передумывал предстоящее сватовство. Майору же о предстоящем сватовстве не поведали.

Потому рассказ автора в начале повести о различных подробностях казахской жизни демонстрирует исключительное познание писателем национальных особенностей. Даль открыл мир народа с тотемным стилем мышления, со своеобразным восприятием человека, тесно связанного с миром природы, животных, и этот мир казаха-кочевника открыт Космосу.

Далю удалось понять Космос казаха, и поэтому он говорит: чтобы постоянно чувствовать волю, казаху необходимо «за полчаса собрать свои пожитки, днем ли или ночью, и идти во все четыре стороны». Оседлую жизнь, пишет автор, кочевник почитает величайшим бедствием в мире. И далее повествует о том, почему казахи вынуждены жить оседло. Они всеми силами, даже попрошайничая или работая сайгачниками, делают все возможное, чтобы вновь обрести хоть какой-нибудь скот и вернуться к своим родичам в просторную степь и жить вольно. Вообще в казахском сознании, «в жителях вольных степей, на обочине жесткого исламского мира, – *акценты на свободе сильнее* [выделено мной. – Г.У.], чем в обитателях земледельческих и городских регионов, где статуйно высятся мечети, и бдит государство над исполнением шариата. Тут же мечетей нет, а ислам – в слове лишь и в памяти и в обычае: не в камне, а в мыслящей душе человека, которому вольно, много времени – раздумывать, качаясь в седле, и перерабатывать в своей глубине, в своем колодце попадающие туда *слово и мысль*»³⁰ [выделено мной. – Г.У.].

В текст художественного произведения включаются объяснения, почему казахи не очень утруждают себя работой; эпизод о том, как один из казахов решил русскому другу подарить верблюда для перекочевки и перевозки своего дома, чтобы сделать

²⁸ Гачев Г. Путешествие в казахский космос / Г. Гачев. – Семей, 2002. – С. 16–17.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 139.

жизнь друга веселей; рассказ о том, как кочуют казахи трех родов Малой орды. Дается подробная информация о чумекейцах, поколения Наурузбай, которые сошлись с баюлинцами, с поколением Канык, отделения байбакты. В этом эпизоде писателем подчеркивается древность и знаменитость рода Канык, известного со времен Чингисхана и Тамерлана изобретением телег, и не уступающего «в древности ни одному роду немецких баронов». Дается ссылка на труды историка Абулгазы. Древность рода Канык и знаменитость их изобретения подчеркивается в труде академика А.Х. Маргулана, который отмечает отражение истории данного рода казахов в научных работах Абулгазы, Махмуда Кашгари, в Зенд-Авесте, в классических трудах Аристов, Бартольда, Бронникова и других³¹. Даль же в повести «Майна» вновь демонстрирует прекрасное знание истории казахов, в частности, деление их на жузы и роды, племена. Такие подробности истории казахов еще не были широко известны в то время, и, конечно, не все чиновники, составлявшие документы о казахах, владели знаниями родового деления, в чем преуспел Даль.

Итак, начало повести, насыщенное информацией о казахском народе, вводило читателя в картину мира казахского общества начала девятнадцатого столетия. Писатель упоминает все эти подробности как реальные детали быта по мере течения повести, соотнося их с общей картиной реальной жизни казахов, и они исподволь, набирая силу в авторских медитациях, приобретают статус символов казахской действительности, на фоне которой происходят события, связанные с Майной, с её судьбой. Таким образом, Даль с первых страниц повести «Майна» передает «ежедневную, домашнюю, обиходную»³² философию жизни казаха, объясняющую и помогающую русскому читателю адекватно воспринимать поступки героев.

Из художественных средств в «Майне» активно используются *комическое* и *сатирическое*. Художественное обобщение жизни в повести неотделимо от юмора, сатиры. Юмор, комическое как выражение самой природы человека, как одна из особенностей характера казахов была замечена Далем при изучении им казахского общества. Известно, что у писателя было много заготовленных материалов для новой казахской повести «с смешной, шуточной, забавной стороной азиатского, степного быта»³³.

Источником комического, обильно используемого автором на страницах повести «Майна», явилась специфическая жизненная практика героев, иногда контрастность между тем, каким хотел показать себя герой, и его духовной немощью, как в случае старого жениха Беркута Юлбарсова, или неприспособленность и частая растерянность перед жизненными ситуациями Майора, избранного жениха Майны.

Комизм отдельных героев раскрывается в повести в тесном единстве с выявлением комизма сферы жизни, в которую они включены как её неотделимая часть. Поэтому юмор, сатира в повести Даля не только характерны для обрисовки того или иного отдельного героя, но и окрашивают повествование в целом, определяя его тон, общий колорит. Опираясь на свое, приобретенное при общении и научном изучении мало доступных и редких исторических источников, знание казахов, на свои глубокие жизненные наблюдения, Даль насыщает юмором авторский рассказ о героях и диалоги действующих лиц, описание их внешности, обстановки и отражение их внутреннего мира.

Понимание сатиры как особого эстетического отношения к действительности, способного подчинять своим задачам различные жанровые формы, начинается в сущности, как раз с 1840-х годов. В результате теоретических и практических усилий

³¹ Маргулан А. Х. Мир казаха // Маргулан А. Х. Сборник ранее не опубликованных работ А.Х.Маргулана / А. Х. Маргулан. – Алматы, 1997. – С 39–41.

³² Белинский В. Г. Т. 12. С. 85.

³³ Евстратов Н. Г. В. И. Даль и Западный Казахстан / Н. Г. Евстратов // Уч. зап. Уральского пед. ин-та. – Уральск, 1957. – Т. 4, вып. 12. С. 259–260.

натуральной школы становится несомненно, что сатира – это специфический, особый способ комически видеть всю жизнь и познавать её смехом.

Комическое как принадлежность самой жизни, не замеченная обычным поверхностным взглядом и вскрытая пронизательностью писателя, – одна из глубоких и любимых художественных идей 40-х годов XIX века. Её мы неоднократно в различных вариациях встретим в статьях Белинского. Комическое для него порой – не столько поэтическое создание, сколько черта самой действительности, «удачно схваченная поэтом»³⁴. Навстречу этому теоретическому требованию шла практика: бурное развитие физиологий в начале десятилетия. Как было уже упомянуто при анализе сказки «О баранах», Даль увидел юмор как выражение национальной особенности казахского народа. К тому же, сами запросы жанра физиологического очерка определяли характер комизма в нем. По замечанию А.Г. Цейтлина, «явная сатирическая тенденция (с её неизбежной резкой оценочностью) “нефизиологична”»³⁵. Но в то же время, согласно исследованиям А.А. Жук, «без комизма русский физиологический очерк обходится очень редко. На практике физиологизм описаний чаще всего изнутри перестраивался юмором»³⁶.

В повести «Майна» нашли место некоторые приемы комического, ставшие в 40-е годы одним из основных методов, отличающих Даля от других очеркистов (у Григоровича³⁷ в очерках нет комизма, у Буткова, Гребенки он носит совершенно иной характер).

Именно на страницах повести «Майна» Даль часто использует комизм ситуаций. Например, писатель вводит в сцену сватовства Майора, эпизод, где отец Майора Сакалбай и отец Майны Карасакал-батыр сидели потупив головы, не зная о чем же еще сказать. В этой неуместной ситуации, «надувшись и приняв важную осанку, дядя сказал пренапыщенное похвальное слово хозяину, Карасакалу, и брату своему Сакалбаю; превозносил дружбу их, зажиточность, добрую славу, заключил из этого, что и дети их должны быть им подобны и друг друга достойны; потом стал насчитывать калым, стараясь по обычаю умножить разными уловками счет голов; в первый год, говорил он, брать десять овец ягненных и двух коз – 24 головы; там трёх жеребых кобыл – тридцать» [VII, 367].

Комична сцена, когда Майор – жених, прибывший впервые знакомиться со своей невестой, – по казахскому этикету должен был выкупить ее у старух и женщин, стоящих почетной стражей в дверях кибитки невесты, различными подарками. Но вместо этого, он, смутившись и растерявшись еще больше при виде женщин, «собрал с какою-то необыкновенною могутою все духовные и телесные силы свои, кинулся очертя голову, как иступленный, в толпу баб, сбил их как *разъяренный козел*, ударом головы своей с ног, и прорвался» в юрту. Вместо приветствия, предназначенного девушке, он обратился к ней словами «Селям-aleyкум», как в казахском обществе здороваются только с людьми мужского пола.

Карасакал-батыр, отец Майны, пишет полное «красноречия», пышных пустых фраз письмо бывшему свату, Сакалбаю, о том, что он решил выдать дочь за султана Беркута сына Юлбарсова: «Точка воззвания излагает недостойное почтение свое на странице уважения: раб праха стоп ваших, употребляющий прах этот вместо сурьмы к бровям своим, просит от Всевышнего на долю нашу счастья и благополучия, в честь и славу великого посла Аллаха (да будет чтима память его), просит со слезами и отдавая

³⁴ Лаврецкий А. Эстетика Белинского / А. Лаврецкий. – М., 1959. – С. 206–207.

³⁵ Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе XIX в. : (Русский физиологический очерк) / А. Г. Цейтлин. – М., 1965. – С. 177, 181.

³⁶ Жук А. А. Сатира натуральной школы / А. А. Жук. – Саратов, 1979. – С. 79.

³⁷ Дмитрий Васильевич Григорович – автор очерка «Петербургские шарманщики». Данный очерк был опубликован в сборнике «Физиология Петербурга» одновременно с очерком Даля «Петербургский дворник» (1848-1849).

на жертву за вас себя и своих, чтобы вы вечно восседали на престоле исполнения всех желаний своих. ...Всемерно желая исполнить данное вам слово, мы терпеливо переносили бремя налагающих на нас лет, тем более, что дочь наша Майна еще только подрастала. И теперь не желаем мы воспользоваться задаром приношением вашим, хотя великодушные сердца вашего нам вполне известно; нет, однако же, средств возратить вам уплаченный вами отчасти калым; идти в вашу сторону мы не смеем, потому что мы в войне с семиродцами, и русские считают за ними *следствие* [выделено Далем. – Г.У.]. Посему, призывая бога на помощь и не отчаиваясь по милости его удовлетворить вас со временем, мы рассудили принять калым от любезного нам ныне, в плачевной юдоли нашей, султана Беркута, сына Юлбарсова, имеющего пребывание в роде Дюрт-кара, от устья рек Сыра и Кувана до озер Аксакал-бабры и далее; белая кость султана Беркута несомненна, но я бы не променял на неё более мне любезной отрасли вашего почтенного племени, коим славится вселенная, хотя султан и прислал мне в первую осень задатку 40 овец и семь коз ягненных; я не принял бы и этого, если бы неумолимая судьба не разлучила нас с вами навсегда, не внемля моим грешным молитвам и не слыша от вас памяти об нас, недостойных» [VII, 383–384]. Чтобы написать столь «красноречивое», полное необъятной напыщенности и пустословия письмо Сакалбаю, бывшему приятелю, с которым Карасакалу не хотелось ссориться и терять хорошие отношения, пришлось пригласить одного из грамотеев – проезжавшего азитского купца, – напоить его кумысом и накормить салмой.

Письмо шло до Сакалбая месяцев пять. «Но этого мало: надобно было прочитать его: и тут прошло с неделю времени, покуда собрались да нашли грамотея. Старик сначала слушал, нагнувшись вперед, уставив глаза на бумагу, улыбаясь и поглаживая бородку; он заставлял повторять каждое слово, каждую строчку, указывая пальцем невпопад на бумагу, тешился и был доволен. Когда же поклоны и пожелания кончились и дочитались до дела, то Сакалбай наморщился, подперся локтем и молча отдувался. “Старый плут! – сказал он, наконец, когда все письмо было в десятый раз перечитано и растолковано. – Старый плут! А бараны мои за ним пропадут? Разве я на то выплатил ему по уговору задаток калыма, чтобы он ушел в Дюрт-каринцы и сидел там, да отдал девку за султана? Шайтан его возьми, султана! Кто ему велел отбивать чужих девок, да еще и сосватанных?” В данном эпизоде писателем используется смысловая двусмысленность казахского юмора, где за прямым таится и второй план понимания текста.

Даль мастерски воспроизводит привычное течение житейских обрядов, но показывает их в юмористическом «боковом освещении». И читатель, благодаря такой удачно выбранной точке зрения автора, видит их бессмыслие, замаскированное обиходностью.

Комична ситуация, когда Майна и Куцый в пути после нападения на них шайки остались без еды, и голодный «рыцарь» Майны представил себе, как он один съедает целого барана. «Наслаждаясь мысленно этим лакомым и сытным блюдом, он представлял, как сочное мясо тешило непрехотливый язык и небо. Он рассмеялся и утер рот ладонью, взад и вперед, от уха до уха. Потом Куцый зевнул, растворив челюсти свои четверти на полторы, поежился, пожал плечами туда и сюда, и стал дремать на коне, как после сытного обеда».

Так же смешно звучат имена собственные. Названия родов Малой орды производились иногда от названий разных предметов или понятий, так, Карасакал – черная борода, Сарыбаш – желтая голова, Кара-балык – черная рыба. Для писателя смешно и непонятно стремление казахов давать имя ребенка с увиденного в момент рождения ребенку предмета, явления или человека. В произведениях натуральной школы имена героев часто служат созданию интонации именно «иронической, комической, сатирической». На то обстоятельство, что смешные и уродливые фамилии

бедных чиновников для школы – прием канонический, обращал внимание еще А.Г. Цейтлин³⁸.

Но Далю не приходится придумывать смешные имена героям. В повести «Майна» читаем: «У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, давать имя новорожденному, по произволу, с первого встречного предмета или понятия. Между баюлинцами был старик Сакалбай и у него четыре сына – Полковник, Майор, Капитан и Поручик. Я называю всех их по именам, – это не чины, а имена их – только по странности имена сих, которые даны были в честь русских чинов» [VII, 362]. Сам же Сакалбай объясняет столь странные имена сыновей проявлением уважения по отношению к своим русским друзьям, имеющим эти звания. Имя нового жениха Майны – Беркут на казахском языке означает «Орел», а фамилия «Львов», что контрастирует с внешним видом и, главное, не соответствует духовному содержанию героя.

У казахов существовало мнение, что, чем смешнее дают имя ребенку, тем дольше будет жить человек на свете, или же ребенка с таким именем не могут сглазить, и, соответственно, он не будет болеть и будет здоровым, крепким. Здоровье ребенка у кочевых народов (коими были и казахи, у которых часто болели и умирали дети), являлось главной проблемой жизни, и, поэтому, по своему наивному представлению, они старались, чтобы имя ребенка помогло сохранить ему здоровье. О произвольном подборе имени ребенка повествует и Левшин: «В выборе имен отец и мать не руководствуются ничем, кроме произвола своего. Иные заимствуют их от урочищ, от очертания лица и обстоятельств, предшествовавших рождению, другие от имени первого вошедшего в кибитку при родах, многие стараются подбирать всем сыновьям имена сходные, сообразуясь с именем старшего. Например, я знал четырех братьев: Аргимбая, Алчибая, Алтымбая и Миндибая»³⁹. В свою очередь, мы можем подтвердить сказанное примерами имен своих родственников и знакомых: соседями-казахами сыновьям были даны имена: Насибулла, Мутигулла, Байдулла, Сагидулла, Кубайдулла, Кибадулла. Дед назвал сына, родившегося во время рыбной ловли у берегов Каспийского моря – Тенизбай [теңіз – «море» – Г.У.], а другого сына, родившегося во время дождя, – Жанбырбай [жанбыр – «дождь»], третьего – Курайбай [құрау – «иней»]. Даже в конце XX и в начале XXI века среди казахов сохраняется данная традиция – давать детям непривычные имена. О нетипичном для казахов женском имени Сивьетта написали в газете «Егемен Казахстан»⁴⁰: родители, у которых при рождении умирали дети, по совету одного мудрого старого казаха, выбрали нетипичное для казашки имя, и теперь дочь их выросла, стала студенткой и лауреатом международного конкурса певцов в Голливуде.

Юмор активно используется писателем при обрисовке образа и поступков Майора. Образ Майора не осложнен острыми драматическими коллизиями, какие наблюдает читатель при обрисовке образа Бикей в повести «Бикей и Мауляна».

По своему воспитанию, характеру восприятия жизни Майор – своеобразный «недоросль». Обедненность сознания Майора – результат не его биологической неполноценности, а следствие тех условий, в которых он живет. За него решает проблемы, составляет план его действий отец. Когда ему и брату отец доверил обменять на базаре баранов и привезти муку, то Майор по наивности и детской доверчивости, поддавшись обману казаков, привез худую лошадь в долг, который обещался вернуть будущей весной баранами. Майор привык во всем полагаться на

³⁸ Цейтлин А. Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского. К истории одного сюжета / А. Г. Цейтлин. – М., 1923. – С. 31.

³⁹ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-кайсацких орд и степей / А. И. Левшин. – Алматы, 1996. – С. 332.

⁴⁰ Егемен Казахстан [Независимый Казахстан]. 2006. 7 октября.

отца, который все решает и делает за него, называя сына глупым. Ему же оставалось только «слушать и молчать». Автоматически выполняет приказы отца и женится на засватанной за Майора девушке брат Майора Капитан. Так принято «по заданным от века традициям».

Бездеятельность, безволие Майора, замеченные Далем, подчеркивают, насколько писатель изучил тонкости психологии казахов как кочевников. Подобные тонкости отмечены и Г. Гачевым: «Кочевье внешне освобождает индивид от необходимости искать самому содержание и смысл жизни и дает вроде уже содержательную и осмысленную форму для жизни. Смысл жизни предполагает само собой разумеющимся и заданным от века – в сохранении данной общины, родины, – и это ввергает индивида в то же бездумное, беззаботное и безответственное существование. Индивид автоматически и инстинктивно шел туда, куда вел вожак [в данном случае – отец Майора. – Г.У.], не имея собственного разума и воли»⁴¹.

Доверчивый и бесхарактерный, Майор легко становится объектом всяческих проделок окружающих, «героем» комических приключений. Отец повез его к своему другу, не предупредив, что едет сватать за Майора дочь друга. В пути, узнав об этом, Майор убегает домой. После сватовства, состоявшего без будущего жениха и без согласия жениха и невесты, Сакалбай, вернувшись, высмеивает сына и при этом указывает на несоответствие высокого имени и поступков: «Собака, чего лаешь? Волков пугаю. Собака, чего хвост поджала? Волков боюсь. Таков и ты, сын мой; за девками гоняешься, а их же боишься... А еще Майор! За что же я на тебя такой почетный уряд положил, коли последний хорунжий больше тебя смыслит?» [VII, 371].

Забавна сцена поражения ночью, в темноте, Майора Майной. Она принимает его за мнимого врага-преследователя. Смешон Майор и во время свадебной церемонии, когда Сакалбай ради приличия решил соблюсти народный обычай, долго не соглашаясь на свадьбу сына и Майны, Майор ударил перед ним «челом в землю и завыл: “Язык свой вырву, грудь истерзаю, отсеку правую руку свою”».

Описания эти усиливают общий жизнерадостный колорит произведения. Юмор повести не надуманный – это одна из особенностей казахов, умеющих шутить и воспринимать шутки, посредством юмора выходить из сложившейся ситуации.

Столкновение «высокого» и «низкого» как проявление комичности предстает в изображении Беркута – дряхлого старика, женатого на трех женах и вздумавшего взять себе четвертую жену – юную Майну. «Беркут, то есть орел, сын Юлбарса, то есть тигра, или по-русски, бобра, – это громкое имя и прозвание; царь пернатых и первый за львом сановник и вельможа четвероногих. Но султан, в том виде, по крайней мере, не отвечал собою на громкое имя свое: ему было за 60 лет... Он знал на память две-три молитвы из Корана, разумеется, не понимая их, твердо помнил наизусть все 14 колен родословного древа своего от Чингиса и утешался твердой надеждой, что в нем, по крайней мере, не прекратится... Но Беркут жил между дюрт-каринцами без имени и весу, и отличался тем только от прочих кайсаков, что ему говорили: *таксыр*» [VII, 386]. Таксыр – «благородие, сиятельство», поясняет автор казахское слово: «Так чествуют султанов».

Наряду с комическим пафосом писатель великолепно раскрывает противоречие между высокими благородными словами и низменной сущностью Беркута. Стремление героя «приукрасить» себя автор изображает сатирически. «Сам он был собою очень доволен и знал все: так, например, когда один караван-баши попотчивал султана на дневке чаем, которого этот, отродясь, не видывал, то Беркут Юлбарсов не хотел показывать даже и в этом деле невежество свое, а сказал, прихлебывая: “Знаю я чай этот, знаю – его делает какая-то птица, комар ли, оса ли; только он жидок что-то у тебя и не сладок”. Из этого надо догадываться, что султан слышал когда-то и что-то про

⁴¹ Гачев Г. Путешествие в казахский космос / Г. Гачев. – Семей, 2002. – С. 20.

мед, который пьют с чаем, и, полагая, что его потчуют медом, находил его жидким и несладким» [VII, 387]. В данной ситуации комическое перерастает в сатиру.

«Чисто стилистический, словесный комизм, “острое слово”, – как утверждает А.А. Жук, – в натуральной школе не стремится расположиться на авансцене. Истинно смешное залегает у комиков-“натуралистов” гораздо глубже. Но трудно отрицать, что вообще комическая экспрессия стиля – очень важный для сатиры момент. Сам способ “смешного” высказывания, манера словесного выражения для неё вовсе не безразличны»⁴². Подобный способ использования «словесного выражения» комизма мы наблюдаем у Даля на страницах повести «Майна».

«Даль здесь в большей степени последователь Гоголя»⁴³, – утверждает исследователь В.А. Смирнова. Мы позволим себе не согласиться с её мнением о том, что Даль – последователь Гоголя. Мы намерены утверждать, что, наоборот, Гоголь является последователем Даля. Опыт второго способствовал расцвету таланта первого. Напомним, что лучшее произведение Гоголя «Мертвые души» появилось весной 1841 года. Гоголь в письме о Дале пишет следующее: «...писатель этот более других угодил личности моего вкуса и своеобразно моих собственных требований; каждая строчка меня вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни»⁴⁴. Записные книжки Гоголя наполнены сведениями и пометами о быте, нравах, обычаях, природе, жилищах, одежде, кушаньях, подробностями и названиями, относящимися до разного рода занятий, ремесел и промыслов. «Некоторые записи словно бы взяты прямо “из Даля”, – отмечает В.И. Порудоминский, – Привлекают внимание, к примеру, страницы, посвященные Оренбургской губернии – краю, в ту пору малоизвестному, – Даль, однако, прослужил в нем почти восемь лет, изъездил вдоль и поперек, досконально изучил и как чиновник, и как этнограф, и как натуралист, и просто как наблюдательный человек, не устающий пополнять и углублять свою бывалость <...> Нет оснований утверждать, но невозможно не предположить, что в “записочки” Гоголя перекочевывала “живая статистика” из сочинений и устных рассказов Даля, – иначе с чего бы заявлять Гоголю, что каждая строчка Даля учит его и вразумляет»⁴⁵.

Разумеется, речь идет не о прямых заимствованиях, а о том, что Гоголь относил Даля к людям, «у которых мог чему-нибудь поучиться»⁴⁶.

В повести «Майна» «писатель прибегает к афоризмам, к пословицам, поговоркам, <...> следуя народной традиции казахов»⁴⁷. Начало текста повести «Майна» пестрит казахскими пословицами: «Богатому всюду хорошо, а бедному везде худо»; «Беда бедного та, что, покуда жирный исхудает, худого черт возьмет» и др. Пословиц, афоризмов, сравнений полна речь Сакалбая. Эту особую черту казахов отмечал и первый казахский ученый-этнограф Ч. Валиханов: «Песни, сказки и пословицы представят Степь читателю гораздо обворожительнее, чем целые книги, которые бы написали с целью опоэтизировать быт киргиза [казаха. – Г.У.]. Всякий порядочный бий и султан помешан на пословицах, в разговоре старается пересыпать ими почти всякую фразу»⁴⁸.

Для повести «Майна» характерны комические описания внешности. В особенности это заметно при знакомстве с «рыцарем» Майны Куцым, «действительно

⁴² Жук А. А. Сатира натуральной школы / А. А. Жук. – Саратов, 1979. – С. 153.

⁴³ Смирнова (Писарева) В. А. Даль и натуральная школа : дисс. ... канд. филол. наук / В. А. Смирнова (Писарева). – Саратов, 1972. – С. 57.

⁴⁴ Цит. по кн.: Канкава М. В. В.И. Даль как лексикограф / М. В. Канкава. – Тбилиси, 1958.

⁴⁵ Порудоминский В. И. Гоголь и Даль / В. И. Порудоминский // Русская речь. 1988. № 6. – С. 10.

⁴⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л., 1952. – Т. 8. – С. 446.

⁴⁷ Опря О. В. Фольклорные традиции в творчестве В.И. Даля : дисс. ... канд. филол. наук / О. В. Опря. – Самара, 2003. – С. 136, 139.

⁴⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 389.

бывалым лицом», как указывает автор. Вот одно из таких описаний: у молодца крепкого, здорового телосложения был вид «урода, на которого нельзя было смотреть без смеху. Ростом не велик, в плечах широк, с коротенькими ножками, огромной головой и еще огромнейшими ушами, подслеповатыми глазами, представлял он собою живой бурятский кумирчик, как отливаются они из меди или фарфора. Широкие костлявые скулы давали уродливой голове его точный вид нашего самовара <...> От всегдашней верховой езды, ноги образовали у Куцего, каждая, почти полукружие; и если каблуки сходились вместе, то колено было от колена еще как Москва от Питера» [VII, 173–174].

Это «сокровище», утверждает автор, «снабжен был от природы достаточным чутьем и памятью местности, чтобы служить вожаком». «Молодец наш», «рыцарь и герой наш», рассказывает Даль, владел двумя слабостями: первой слабостью были женщины, женитьба, а другой слабостью была ненасытная утроба его, мог съедать за раз целого барана. Он охотно верил в то, что «на нем лежит большой чин, и что Майна скорее согласится выйти за него, чем за Майора или за старика Беркута, в сравнении с коим Куцый считал себя красавцем». Когда же Майна поведала ему о своем плане побега из родительского дома с ним вместе, уверив его в том, что она влюблена в него, счастью Куцего не было предела. Автор с иронией отмечает, что Майна, позволив Куцему поцеловать свою руку, разрешила поступить ему так, как не поступал ни один казах со своей возлюбленной.

В характеристике Куцего мы встречаем комические сочетания и сравнения героя с предметами и явлениями, не имеющими между собой никакой внутренней связи. Нахождение их в одном ряду как бы отражает «логику» героя и его действий. Писатель великолепно играет словами, именуя героя то «попутчиком и вожаком», то «безродным дюрт-каринцем», то «молодцем», то «бурятским кумирчиком», то «огненной сопкой», то «самоваром», то «сокровищем», и даже «рыцарем и героем». Сопоставление весьма отличных друг от друга определений в данном случае служит средством выявления комизма внешней, ложной значительности.

Юмор в описаниях Куцего имеет разный характер: светлый, веселый юмор сменяется иногда мрачным, близким к трагическому. Это скорее добрая усмешка над Куцым, нежели злая ирония по поводу несообразности его внешнего вида. Мрачным юмор становится в эпизоде рассказа Куцего о преданности слуги своей хозяйке, а также в эпизоде избияния «рыцаря»: «Куцый не испустил ни одного стога, ни вздоха, когда избили его нагайкой от затылка до пяток [Избившие сняли с него всю одежду и оставили попутчика Майны нагишом. – Г.У.]; он только, стиснув зубы, переминался, а узнав Майну, заплакал в голос и целовал копыта её лошади. “Не сказал я, – воскликнул он, – не сказал ни слова, сколько ни старались они около меня, не выпытали ничего!”... Майна отдала уроду чапан свой, тюбетейку, одного коня, и, отдохнув немного, поехали они дальше. Помолчав с четверть часа, Куцый захохотал, пробормотав: “Обманул-таки собак, обманул! Они и теперь думают, что мы таминцы!” Потом, оборотясь вдруг после этого быстро к Майне и ощупав у себя торока, закричал: “А где же наш курт? [сушенный сыр. – Г.У.] А что мы есть будем?» [VII, 400–401].

Обладая даром открывать комическое в реальной действительности, Даль использует комическое при обрисовке образа Куцего не для праздного развлечения и забавы людей, а представляет как одно из проявлений жизни. Писатель выступает не как бесстрастный наблюдатель, а как человек, гражданин, который неравнодушен к судьбе казахского нищего – байгуша Куцего. Автор отмечает, что «Куцый служил шутом или дурачком для всех кочевых обитателей целого пространства между Сыром Куваном; никто, ниже последний мальчишка или девчонка, не могли с ним сойтись или встретиться, не захохотав и не подняв его на смех». Но комизм в описании Куцего не исключает трезвого взгляда и сочувствия. Использование Далем юмора на страницах повести «Майна» способствует более тонкому и яркому изображению персонажей.

Образ крепкого и памятливого обжоры-шута Куцего, по утверждению Ю.П. Фесенко, фигура Дон Кихота и Санчо Пансы в одном лице и является преимущественно источником трагикомического.

Полагаем, что Даль, соответственно духу времени 1834 – 1836 годов, в литературном сознании которого фигурировало имя Сервантеса, автора «Дон Кихота» с его сатирой на рыцарство, находит созвучное и в казахской действительности, в частности, в образе Куцего. Автор «Майны» активно вводит образ казахского «рыцаря» в художественный текст, не понижая, а, наоборот, повышая своё творение по шкале эстетических ценностей. Писатель, сохраняя комическое в образе и поступках Куцего, всё же изображает его как заслуживающий сочувствия персонаж. В итоге перед читателем предстаёт чужак, олицетворяющий противоречия между грубой реальностью и наивной мечтой о любви к Майне и счастливой судьбе с ней. В то же время все мечты чужака обречены на провал. Образ Куцего – это художественное обобщение противоречия идеала и действительности, олицетворение человека, который не способен ни изменить жизнь, ни даже просто разобраться в ней. В русской литературе XIX века после Даля философско-психологическую трактовку образа Дон Кихота продолжают Тургенев и Достоевский.

В русскую литературу активнее стали проникать просветительские идеи французских писателей (Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро и др.). Эти идеи выразились, прежде всего, в стремлении, как заметил исследователь В.И.Водовозов, «внушить добрые, человеческие стремления, любовь к ближнему, то понятие о правде, по которому все люди, без различия сословия и состояния, должны обходиться друг с другом по-братски»⁴⁹. В творчестве русских писателей, начиная с Пушкина, эта идея стала воплощаться через раскрытие темы «маленького человека».

Тема «бедных людей», «маленького человека» – одна из излюбленных у писателей натуральной школы. В повести «Майна» она проявляется в первую очередь в образе Куцего. Эта тема, «самостоятельно наметившаяся у Даля к середине 30-х годов»⁵⁰, лишний раз подчеркивает органичность его пути к натуральной школе. Эта тема будет затронута и раскрыта в повести «Подкидыш», более значительно проявится в образе уездного чиновника в «Бедовике» (1839), задолго до «Шинели» Гоголя. В «Подкидыше» писатель осуществил специфический поворот в решении темы «маленького человека», включив в неё принцип двойного отношения к герою (раскрывает ничтожество и глубоко сочувствует), – тот принцип, предвестие которого было у Пушкина и который затем так мощно раскроется у Гоголя. «Даль шел в решении этой темы рядом с Пушкиным, опережая Гоголя, гений которого даст классическое воплощение её в “Шинели”», – подчеркивает В.А. Смирнова⁵¹.

В «Майне» «маленькие люди», «байгуши» описываются односторонне, они вызывают сочувствие лишь своими страданиями, они не способны к протесту, не борцы, не герои, хотя Куций, один из их представителей, обладает и немалыми положительными качествами. Далю удастся вскрыть ненормальность психологии байгушей, их надломленность, смирение, подобное смирению Вырина из «Станционного смотрителя» и Акакия Акакиевича из «Шинели».

В байгуше Куцем Даль с горькой иронией старается объединить «величие» и «падение» горюна. Слова «трагедия» и «комедия» в судьбе Куцего являются ключевыми. Эта контаминация трагического и комического, бытового и метафизического, высокого и низкого придает стилю писателя в создании образа

⁴⁹ Водовозов В. И. Новая русская литература : (От Жуковского до Гоголя включительно) / В. И. Водовозов. – СПб., 1886. – С. 377.

⁵⁰ Смирнова (Писарева) В. А. Даль и натуральная школа : дисс. ... канд. филол. наук / В. А. Смирнова (Писарева). – Саратов, 1972. – С.50.

⁵¹ Там же.

казахского нищего особый характер. Куцый добр, старается жить в духе и обычае своего народа, терпит побои, но не выдает свою хозяйку.

Куцый – лицо столь же типичное, сколь и остальные персонажи повести. «Куцый лето и зиму ходил в одном платье: в нагольном косматом тумаке или малахае, в стеганном полосатом халате, покрытом до последней нитки заплатками всех цветов и родов – шелковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, наконец, кожаными и меховыми. Лучшее место на халате был лоскут алого сукна, с ладонь, положенный на спине, между лопаток: тут была зашита спасительная молитва, которая, однако же, не спасала Куцего от частых побоев толстою плетью по этому же самому месту». Но он, как и любой казах, старался использовать свое красноречие при удобном случае. Так Куцый произносит свое Слово, обращаясь к Сакалбаю и остальным присутствующим, объясняя, почему он сопровождал Майну во время её побега из родительского дома. «Слово Куцего – Энеида наизнанку, карикатура киргизского красноречия, но в духе и обычае народа», – подчеркивает автор [VII, 388– 390, 408]. Даль мастерски описывает внешность Куцего, используя в изобилии сравнения, применяя насмешку, юмор, то веселый, то мрачный, близкий к трагическому, подавая колоритно образ байгушанищего.

Образ Куцего помогает автору аналитически вскрыть язву тогдашнего казахского общества, грязной, удручающей стороны казахской жизни. Это демократический образ, к которому нужно вызвать сочувствие – обязательный в физиологическом очерке натуральной школы. Писатель в данном случае как бы развивает мысль Пушкина, высказанную им в «Станционном смотрителе»: «Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда». В повести «Майна», так же, как и в «Подкидыше», звучит гуманное сочувствие к бесконечно суженному жизнью человеческому существованию, впервые замеченное еще А.И. Герценом⁵².

Художественный мир В.И. Даля в повести «Майна» при всей своей внешней аморфности, фрагментарности, случайности, был отражением течения живой жизни, отражением проблем казахской жизни того времени, отражением исторических перипетий 30–40-х годов XIX столетия.

Образы Есенгельды и Бекея в русской и казахской литературе⁵³

*Глубокое проникновение в культуры прошлого
и культуры других народов сближает времена
и страны. Единство мира становится все более
и более ощутимо. Расстояния между культурами
сокращаются, и все меньше остается места
для национальной вражды и тупого шовинизма.
Д.С.Лихачев*

Есенгельды и Бекей⁵⁴ Янмурзины – отец и сын, казахи Младшего жуза, жившие на территории Букеевской орды. В настоящее время это месторасположение

⁵² Герцен А. И. О романе из народной жизни в России // Герцен А. И. Полн. собр. соч. / А. И. Герцен. 1859. – Т. 13. С. 174.

⁵³ «Вестник» ЗКГУ, научный журнал № 2, 2007; № 1, 2008; Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сб. науч. трудов /редкол.: Ю.Н.Борисов (отв.ред.) [и др.]. – Саратов: изд-во Саратов.ун-та, 2009. – С. 65-67.

⁵⁴ Бикей – вариант написания в документе-оригинале и в записях и в повести В.И.Даля. Бекей – правильный вариант записи казахского мужского имени, а Бикей – женское имя. (Г.У.)

Сырымского района Западно-Казахстанской области. Уральская земля в начале XIX века входила в состав Оренбургской губернии.

Есенгельды был одним из богатых родоправителей, имел несколько жен. Многоженство отца породило вражду и ненависть между сыновьями от разных матерей, в результате чего один из сыновей – Джан-Кучук убивает сводного брата – Бекея. События происходили в начале сентября 1831 года. Материалы следствия были официально зафиксированы документами Оренбургской пограничной комиссии и хранятся в Государственном архиве Оренбургской области. Это «Дело «Об убийстве старшиною Исянгельды Янмурзина сына своего Бикея»⁵⁵. Впервые данные документы были обнаружены исследователем И.К.Зубовой, которая утверждает, что «в 1937 или 1939 году кто-то из работавших в архиве ученых написал на обложке: «Настоящее дело послужило темой для написания Далем повести «Бекей и Мауляна».⁵⁶ Большинство документов «Дела...» являются деловой перепиской председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф.Генса и военного губернатора П.П.Сухтелена, работавшего в этой должности с 1830 по 1833 годы. Г.Ф.Генс же занимал должность председателя Оренбургской пограничной комиссии с 1825 по 1844 годы.

В рапорте по делу Бикея от 22 сентября 1831 года Генс сообщает, что трагедия, вероятно, случилась 5 сентября. Имеется и официальное сообщение управляющего Уральским войском полковника Покатилова о той трагедии в Оренбургскую пограничную комиссию от 11 сентября. Слухи об убийстве доходят до Генса и через казахов, приезжавших в Оренбург.

В Оренбургскую пограничную комиссию поступило еще три рапорта – от 1 октября, 2 ноября и 6 ноября. В этих рапортах содержатся выясненные в ходе расследования подробности: как поступил Исянгельды (Есенгельды. – Г.У.), когда он, придя в ужас от услышанной вести об убийстве сына Бекея, решил спасти оставшихся сыновей. И с этой целью «разрезал у умирающего сына грудь и окровавленную руку поднёс к губам, объявляя предстоявшим, что ненависть их к умершему удовлетворена, но чтобы они не беспокоились о последствиях, ибо он сам сделался убийцею сына и должен ответственность за все».⁵⁷ Далее содержатся показания Исянгельды Янмурзина, в которых он то винит сына Бекея, рассказывая о нем как о своем враге, то утверждает, что сын нечаянно убит сам.

Г.Ф.Генс, который прекрасно изучил психологию казахов и неприятие ими русского судопроизводства, был обеспокоен случившимся и возможным привлечением к строгим уголовным наказаниям известного Аксакала – Исянгельды Янмурзина. Поэтому он пишет: «Старшина Исянгельды Янмурзин есть богатейший из Оренбургских киргизов, и Асановское отделение Танинского рода, им управляемое, отличается благосостоянием и спокойствием... Преследование на основании законов подозреваемых по сему делу встревожит не только 88-летнего старца Исянгельды, но и всех детей и богатых родственников его, которые принуждены будут откочевать от линии в степь, ... присоединиться к шайке мятежников Каип-Галия, в которую они по богатству их будут приняты с усердием. Естественно, что такое усиление сей шайки... причинит беспорядки на линии».⁵⁸ В то же время, Г.Ф.Генс обращает внимание военного губернатора на «беззащитную женщину, вдову убитого, не имеющего ни свидетелей, ни в распоряжении своем имения», и что она вынуждена противостоять

⁵⁵ По представлению Председателя Оренбургской Пограничной Комиссии, об убийстве Старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3795.

⁵⁶ И.К.Зубова/ «... Я пишу не сказку, а быль»// Оренбургский край. Архивные документы. / Материалы. Исс-я. В. 1. – О. -2001. / Вторые Междунаре-е Измайловские чтения, посвящ. 200-летию со д.р. В.И.Даля. – О. – 2001. – С.122-128.

⁵⁷ По представлению Председателя Оренбургской Пограничной Комиссии, об убийстве Старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3795/ л. 5 – 5 об.

⁵⁸ Там же. / Лл. 5 об. – 6.

богатой семье с крепкими связями и у неё может создаться представление о русском правосудии как о несправедливом суде. Поэтому председателем пограничной комиссии подчеркивается, что «таковая безуспешность следствия была бы крайне невыгодна, ибо народ, наверное, полагал бы, что виновные оправдались посредством подкупа свидетелей».⁵⁹ Вследствие этого было принято решение оказать помощь в восстановлении справедливости по отношению к Мауляне, вдове Бекея, добиться ей выделения определенной части имущества от Исянгельды Янмурзина. В документах указывается, что за выполнение этого решения несут ответственность П.П.Сухтелен и Г.Ф.Генс, а опекать Мауляну и следить на месте за выполнением требования Исянгельды Янмурзиным должен был султан-правитель Баймухамед Айчуваков.

П.П.Сухтелен, в свою очередь, пишет рапорт министру иностранных дел К.К.Родофиникину от 11 ноября, где подробно излагает все обстоятельства дела.

На последних страницах «Дела...» упоминается вторая жена Бекея, коей являлась «малолетняя девица, сестра умершей по уплате калыма невесты Бекея, которая по обычаям киргизов должна была заменить умершую».⁶⁰

Столь трагическое событие, происшедшее в семье Есенгельды, произошло незадолго до приезда писателя Владимира Ивановича Даля в качества чиновника особых поручений в Оренбургскую губернию при генерал-губернаторе В.А.Перовском в 1833 году. Память об этих событиях в народе была еще свежа, и рассказы об участниках событий вызвали живой интерес писателя. Да и по должности Даль имел доступ к этому «Делу «Об убийстве...», и поэтому писатель мог изучить официальные материалы о той трагедии.

Он мог услышать об этой трагедии со слов Г.Ф.Генса и атамана Уральского казачьего войска В.О.Покатилова. Подробности, разумеется, писатель узнавал и от очевидцев, от людей, близко знавших Есенгельды, Бекея, Мауляну. Одним из таких людей был султан Кусяб Гали, о котором сообщается на первых страницах повести «Бекей и Мауляна»: «Султан Кусяб Гали, старшина одной из дистанции понизовых кайсаков, принадлежащих к западной части орды султана-правителя Бай-Мухаммеда Айчувакова, ... говорил мне о причине глубокой вражды отца и сына; а султан Кусяб женат на родной сестре Бекея, на дочери Исянгильдия, следовательно, дело ему известно».⁶¹

О Бекее и Мауляне писателю поведали «много людей на линии и в Оренбурге, которые видели и знали» их, даже «один из самых сухих и закоснелых, угрюмых брюзгачей» мог поделиться приятным воспоминанием о Мауляне.

Человеком, увидевшим Мауляну в последние дни её жизни, был Иван Викторович Виткевич. О нем, как о знакомом и близком автору повести человеку, мы читаем на последних страницах повести Даля: «У меня есть в Оренбурге товарищ, ... он выучился азиатским языкам, по врожденной страсти своей хлопотать о других», помогал брошенной в одиночестве больной Мауляне, подав ей чашку воды.

Трагические события из казахской жизни так захватили писателя, что он начал работу над повестью сразу же в год приезда в Оренбург, в 1833 году. Полагаем, что участники событий заинтересовали писателя «сплетением умственных способностей и нравственных качеств человека, сочетая в себе обычаи народные, национальные». Вызывает удивление способность Даля за короткое время столь глубоко понять ранее неизвестных ему казахов, умение проникнуть в психологию народа, увидеть в них высокие чувства и устремления, и в то же время без снисходительности отмечать и низменные качества в представителях кочевого народа. Жизнь казахов, их история показались писателю полными философского содержания, исполненными

⁵⁹ Там же. / Лл. 6 об. – 7.

⁶⁰ Там же. / Лл. 25 – 25 об.

⁶¹ Даль В.И. //Т.VII. – С. 246 – 247.

«небывалого», писатель сумел увидеть в этой истории из жизни казахов внутренний драматизм.

Ссылаясь на официальный документ в повести, писатель действует в рамках установки, характерной для пушкинской прозы 30-х годов. Автору «Бекея и Мауляны» в этих трагических событиях из казахской жизни значимы ценность человеческой личности, нравственные аспекты в поступках людей. Даль сумел увидеть в поступках и устремлениях казахов не только национальные черты, но и общечеловеческие проблемы: «И там, за Яиком, ... прорывается иногда это влечение, это чувство, которое уносит человека далеко, далеко выше всех известных нам созданий. Иногда... в кои веки раз, так же точно, как и у нас...».⁶² Такие же размышления посещают автора, когда он повествует о намерении Бекея жениться на любимой Мауляне, отвергнув ранее засватанную за него отцом, но нелюбимую нареченную невесту Дамилю: «И вот еще новая причина ко вражде и семейным ссорам, новая здесь, в рассказе моем, а в свете, да и в других рассказах, романах и повестях, все это не ново: *дети любят, а старики не выдают их, артачатся, привередничают – это всегдашняя завязка!*»⁶³. (выделено. – Г.У.).

Накопивший до этого немалый опыт по изучению истории, культуры и языков других народов, Даль активно включается в изучение и познание казахского народа. И, в результате, на основе реальных событий из жизни казахов, связанных с историей отца и сына, Есенгельды и Бикее, в русской литературе начала XIX века писатель создает оригинальную по своему содержанию и по своей форме повесть «Бекей и Мауляна». Хотя автор в VI главе повести и ссылается на официальный документ «Об убийстве...», ему удалось написать художественное произведение о любви Бекея и Мауляны, произведение с индивидуальным голосом писателя, перенявшего здоровые и жизнеспособные элементы казахского фольклора. В повести ощущается национальная самобытность, особый взгляд на мир, своеобразие казахской жизни, культуры и языка. Реальное событие из жизни казахов, став сюжетом повести Даля, а также устно-поэтические элементы казахского фольклора, использованные писателем и органически сплотившиеся с авторским текстом, в целом обогатили творение прозаика темами, идеями и способствовали отображению и решению автором многих общечеловеческих и нравственных проблем.

Память об Есенгельды и Бекее до сих пор, даже и в XXI веке, жива в народе и бытует в форме легенд. Об этом повествует легенда, услышанная нами в ходе исследования от А.С. Мухамбеткалиева, преподавателя Западно-Казахстанского государственного университета. Из легенды мы узнаем о крепкой дружбе между Бикеем и его русским другом, о том, как они постоянно выручали и поддерживали друг друга в беде и в радости.

В современной казахской литературе были написаны повесть «Шуба, обшитая позументом» (1982) и поэма «Высота Бекея» (2005),⁶⁴ сюжетом обоих произведений явились трагические события в семье Есенгельды, связанные с убийством Бекея.

М.Еслямгалиев (1946-2004), уроженец села Арал-тобе нынешнего Сырымского района Западно-Казахстанской области, написал повесть на казахском языке («Зерли тон») «Шуба, обшитая позументом»⁶⁵ на основе народного предания. Есенгельды из повести «Шуба, обшитая позументом» (Исянгельды – герой повести Даля) – родом из этих мест. На территории села Арал-тобе Сырымского района Западно-Казахстанской области находится почитаемая народом могила Есенгельды. По утверждению

⁶² Там же. / Т.VII. – С. 294 – 295.

⁶³ Там же. /Т.VII. – С. 295.

⁶⁴ См.: на страницах областной газеты «Орал Онири» («Жизнь Приуралья»). //Уральск. - 29.11.2005.- № 144. (18695).

⁶⁵ Еслямгалиев М. /Екінші тыныс (Второе дыхание): повести и рассказы. //Алматы: Жалын. – 1982. – С. 3-58.

профессора Западно-Казахстанского государственного университета, доцента филологического факультета, сокурсника М.Еслямгалиева, С.Г.Шарабасова, повесть «Шуба, обшитая позументом» создана автором на основе услышанных им от аксакалов преданий об Есенгельды, и писатель не мог знать о повести Даля «Бекей и Мауляна» и «Дела «Об убийстве...».

Главными героями повести «Шуба, обшитая позументом» являются Есенгельды и его сын Бекей. Много в повести русского писателя Даля и казахского писателя Еслямгалиева сходится. И общая ситуация, и герои те же, потому что основой обоих произведений является реальное событие – трагедия, разыгравшаяся в семье родоправителя Есенгельды Янмурзина.

Далее не использована информация из документов «Дела...» о второй жене Бекея. «Мауляна была единственною его женою и единственною радостью и утешением»⁶⁶, – пишет автор повести «Бекей и Мауляна». Полагаем, что писателю важна была любовь Бекея к Мауляне, и как эта любовь преобразила героя, сделала его другим человеком. Можно предположить, что Далеу узнал от очевидцев, каким был на самом деле при жизни Бекей. В повести автор ссылается и на другое дело из архива Оренбургского генерал-губернатора, связанное с именем Бекея и русских пленников, от которых доставлял сообщения, письма герой, за что был награжден по распоряжению военного губернатора.⁶⁷

И Далеу, и Еслямгалиевым в своих произведениях достоверно изображается, что Бекей не был понят самым близким человеком – отцом, и убит братом Джан-Кучуком, рьяно ненавидевшем его за ум, за успех среди однодворцев и русских друзей. Роднит оба творения мысль о необходимости свободы личности, умеющей самостоятельно рассуждать и мыслить. Обоих писателей объединяет знание казахской действительности и психологии казахов. Заслуга русского писателя, изучившего досконально неизвестную ему казахскую жизнь начала XIX века, заключается в том, что он сумел на основе фактического материала, конфликта из частной жизни, выделить характерные лица, героев и превратить их в эпическое полотно, в «энциклопедию казахской жизни» и затронуть общечеловеческие проблемы – значимости человеческой жизни, свободы личности. На образе неординарной для казахского общества того времени личности Бекея писатель отмечает необходимость свободы личности, жаждущей «свободы собственной, единственной потребности» для полноценной жизни. Значимость повести «Бекей и Мауляна» еще в том, что писатель отобразил образ казахской женщины (Мауляны) волевой, её страстное, всепобеждающее стремление выстоять и защитить свою честь и свободу, её преданность любимому человеку, желание защитить себя как личность, не подчинившись традиционному народному обычаю левирата. По сохранившемуся в казахском обществе патриархально-родовому обычаю Мауляна должна была стать женой братоубийцы Джан-Кучука.

Эта женская тематика, хотя и присутствует в рассказе Еслямгалиева, но она на втором плане, она более приглушена. Для казахского писателя важен образ Есенгельды. Он здесь на первом плане. Есенгельды противостоит не чужой, а свой мир, ему противостоят в собственном ауле, в собственной семье одноплеменники и сноха, вдова убитого сына Бекея, требуя наказания за убийство мужа. В повести «Шуба, обшитая позументом» главный персонаж вынужден нести наказание за убийство сына по народному закону, решению судом биев. Решению суда биев в казахской действительности подчинялись все члены общества, независимо от их материального и сословного положения. И всемогущий Есенгельды подчиняется суду биев, к которому за справедливостью обратилась вдова Бекея, сноха Есенгельды.

⁶⁶ Там же. /Т.VII. – С. 302.

⁶⁷ Там же. /Т.VII. – С. 251.

И Даль, и Еслямгалиев в целях реалистического изображения объективной действительности казахской жизни начала XIX века вводят в свои произведения описание суда биев – обязательного атрибута феодально-патриархального общества, каким было казахское общество в то время.

У Даля вину за убийство сына Есенгельды берет на себя, чтобы спасти от официального русского судопроизводства сына-убийцу Джан-Кучука, и чтобы не дать разжиганию в своем племени огня мести, вражды: «Лишаясь одного сына, я должен спасти остальных; - я его убил; на мне кровь его, на мне и ответ за кровь. ... Дело было сделано, пособить было нечем, и старик, зная строгость законов, зная и обратившийся в неизменный закон обычай кровомести земляков своих – предпочел взвалить на себя все бремя ответственности и спасти, коли можно, остальных сыновей своих».

Автор рассказывает, что «народная молва, громко и согласно, обвиняет Исянгильдия со старшими сыновьями его, Джан-Кучюком и Кунак-баем, в убийстве. Но два обстоятельства важны в молве этой: первое – Бикей против отца никогда не забывался, ... и второе: старик Исянгильди не ожидал и не хотел убийства; он горько и неутешно зарыдал и обагрил себя кровью убитого, чтобы спасти от мести народной и кары закона остальных сыновей и родственников своих, принять с кровью убитого всю ответственность на себя и положить конец делу, которое вовлекло бы в бедствие целый род и племя его».⁶⁸ Для Даля примечательно именно здравое рассуждение Есенгельды – его думы о спасении рода, племени, желание предотвратить очередное кровопролитие. Но всю оставшуюся жизнь он мучается покаянием, совесть не дает ему покоя. Для русского писателя важен процесс покаяния в герое, как показатель положительных нравственных качеств персонажа. Для автора значимо, как изменился герой, ожидавший увидеть живого сына, когда увидел его мертвым. Для повествователя важно, как отразилась эта трагедия на персонаже, как сумел Есенгельды собрать силу воли в такую минуту и вспомнить, что нужно спасти оставшегося сына Джан-Кучука, и в то же время успеть предотвратить вражду внутри племени, между родственниками. Даль как знаток психологии казахов, которые воспринимают смерть, хотя и насильственную, не как фатальное событие, а как событие космического ряда (Напомним: об этом писал Даль и в предании «Полунощник») подчеркивает, что отец семейства и родоправитель Есенгельды должен был думать о живых сородичах. В этом сила далевого героя.

Видимо, чиновник, который оформлял документы «Дела «Об убийстве старшиною Исянгельды Янмурзина сына своего Бикея» и записал поступки Янмурзина, в отличие от чиновника Даля, был далек от знания жизни казахов и вследствие этого воспринимал их как варваров (в то время чаще бытовавшее представление о казахах). Иначе как объяснить столь дикое описание «разрезал грудь умирающего сына (Выд. – Г.У.)?!» По религиозным понятиям казахов такое кощунство даже по отношению к телу врага недопустимо, у верующих мусульман подобные поступки воспринимаются как грех перед аллахом.

В повести «Шуба, обшитая позументом» Еслямгалиев изображает Есенгельды жестоким родоправителем: он избивает до полусмерти пастуха Жаманкару только за то, что тот не сумел вовремя усмирить строптивых, неаезженных коней из табуна хозяина, не выполнил приказ хозяина. После избиения Жаманкара, не придя в себя, умирает. За безвременно умершего отца мстит сын Сырлыбай, который зарезал самого лучшего коня в табуне Есенгельды. На этого иноходца Есенгельды возлагал большие надежды, мечтал победить на нем во время очередной байги, состязания. Такая мысль претила самолюбию бая, и он не переставал в душе лелеять эту заветную мечту. О том, что иноходец зарезан, сообщает баю сам Сырлыбай, подчеркнув, что это была месть за отца. Не сдержав себя от злости, Есенгельды рубит голову мстителю.

⁶⁸ VII. – С. 318.

Повесть названа «Шуба, обшитая позументом» потому, что семейной реликвией нескольких поколений дедов бая Есенгельды была шуба. Шуба эта была необыкновенной красоты, обшитая позументами, с пристегнутым к поясу кинжалом. В детской памяти Есенгельды сохранился рассказ отца о том, как прадеды их были людьми сильными, отважными, могли ходить на медведя без всякого оружия и могли победить дикого зверя одной только силой. Отец Есенгельды утверждал, что, видимо, шуба была сшита из шкуры медведя, убитого их отважными дедами, и так свято береглась потомками. Есенгельды позволял себе носить эту шубу только в особых случаях и обязательно носил с кинжалом. В тот раз, в день пригона косяков лошадей с зимнего пастбища табунщиками под руководством Сырлыбая, хозяин в приятном предчувствии встречи с любимым иноходцем, вышел навстречу в шубе с кинжалом. И тем же кинжалом убивает дерзкого табунщика.

Созвучие повестей Даля и Еслямгалиева в том, что в них авторы подчеркивают, как Есенгельды теряет интерес к жизни после смерти любимого и смышленного сына Бекея. У Даля персонаж мучается покаянием, у Еслямгалиева – герой полностью отходит от мирских проблем, ему не интересны даже умножение его многочисленных табунов, от чего в прежние времена он испытывал радостные минуты счастья.

В повести Еслямгалиева второго сына Есенгельды, сводного брата Бекея зовут Жасагай. Матерью Бекея была Зауреш, дочь поэта-бедняка. Есенгельды женился на ней против воли отца: так был сильно влюблен в её красоту и ум. У Есенгельды, как и в повести Даля, три жены. Зауреш была его первой женой. У Даля же против воли отца на любимой женщине женится Бекей.

Есенгельды в повести Еслямгалиева обучает Бекея как самого одаренного из сыновей в Оренбурге. Во время учебы Бекей дружит с Василием Панкратовым, и после учебы часто переписывается с ним, при возможности встречается с русским другом. Обучившись в Петербурге, Василий служит в Саратове, но дружескую связь с Бекеем поддерживает всегда. Отцом Панкратова в повести казахского писателя был губернатор Оренбурга.

Бекей, полагал Есенгельды, пошел в дедушку по матери: любил сочинять и петь песни, был добродушным в отношении с однородцами, при всяком случае старался помочь кому-нибудь то скотиной, то еще чем-нибудь.

Жасагай (Джан-Кучук в «Бекей и Мауляна». –Г.У.) – полная противоположность брата, думает лишь о том, как увеличить добро отца, тем и был по нраву отцу. Отца в нем раздражала лишь его страсть к доносителству, чаще всего на Бекея.

Обоих сыновей Есенгельды женил рано и каждого выделил отдельно. Бекей поселился на Борбастау и слыл неплохим хозяином, пользовавшимся уважением и среди состоятельных и среди бедных казахов. Многие знали, как Бекей любил жену Алконыр (в отличие от Даля Еслямгалиев называет жену Бекея не Мауляной, что еще раз подтверждает наши предположения о незнании автором казахской повести «Дела...» и о настоящем имени любимой женщины Бекея) и жил с ней в любви и согласии. Как и у Даля, героиня Еслямгалиева наделена способностью остро воспринимать и чувствовать поэзию, она неплохо поет.

Узнав, что русский царь собирается отмечать трехсотлетие царского правления, Бекей решает отправить в подарок царю шестьдесят отборных казахских иноходцев. За помощью он обращается к уральскому другу унтер-офицеру Ормантаю, отправлявшемуся по делам в Оренбург и в Москву. Вместе с Ормантаем Бекей гонит лошадей до Оренбурга. Там он встречается с давним другом Василием и, заручившись поддержкой отца Панкратова, губернатора, возвращается домой. По дороге его встречает брат Жасагай, требуя возврата иноходцев отцу. Бекей сообщает ему, что кони уже три дня как в пути в Москву. Такой ответ выводит из себя Жасагаю, и он в злости насмерть бьет брата по голове плетью с железом на конце. Жасагай руководствуется

словами отца, который в сердцах потребовал доставить Бекея к нему «живым или мертвым».

Только после получения приказа от русского царя о назначении Бекея родоправителем казахов, живущих на берегу Жайка (Урала), (приказ прибыл на сороковой день после похорон Бекея) Есенгельды понимает, насколько был здравомыслящим и дальновидным его сын. Отца мучает совесть, он теряет интерес к жизни, становится равнодушным ко всему, что происходит вокруг.

Алконыр (Мауляна – у Даля. – *Г.У.*), вдова Бекея, обращается к трем биям, народным судиям: сырымцу Телтуган, нарынцу Айтиму, шилийцу Сагыру, чтобы ей разрешили в их присутствии предъявить свекру Есенгельды требования – плату за смерть Бекея, её мужа. Убежденные в её правоте (такого требования в казахском обществе ранее не бывало: сноха никогда не смела требовать вообще что-либо, тем более плату у свекра), бии решили добиться правосудия, пригласив Есенгельды. Все бии, да и Есенгельды, были уверены, что Алконыр потребует часть богатства свекра – косяки лошадей.

Собираясь на суд биев, Есенгельды надел свою знаменитую шубу. Самоуверенный бай долго не соглашается оплатить предъявляемое ему требование, лишь после долгого убедительного разговора биев о правомерности требования снохи Алконыр, дает согласие выполнить её требование. Когда пригласили на суд невестку, она, с ненавистью во взгляде, извинившись перед биями, требует, чтобы свекор отдал ей семейную реликвию – свято оберегаемую Есенгельды шубу. Свое столь необычное требование Алконыр объясняет тем, что для свекра человеческая жизнь, даже жизнь сына, не имеет цены в сопоставлении с этой шубой или косяком лошадей. Она добивается своего: перед ней положили шубу – Алконыр, наступив на шубу, гордо выходит из комнаты, а все участники суда от столь неожиданного требования потеряли дар речи. Всем сидящим показалось, будто из комнаты вынесли покойника.

Алконыр, требуя выдачи ей шубы как символа семейной реликвии, символа богатства нескольких поколений прадедов Есенгельды, одерживает нравственную победу над бесчеловечным свекром. Если в повести Даля Мауляна добивается справедливости через русского губернатора, Алконыр Еслямгалиева отстаивает свою честь и честь убитого мужа через суд народных биев. Примечательно, что и Даль, и Еслямгалиев затрагивают женскую тему, и каждый по-своему изображают казахскую женщину, сумевшую заставить окружающих людей считаться с её мнением, увидеть в ней личность, способную постоять за себя. Каждый из писателей увидел в любимой женщине Бекея самоотверженность, силу характера.

Для Еслямгалиева в повести важно то, что, если жестокий бай Есенгельды не подвластен юридическому наказанию русского судопроизводства, он повинуетсся суду биев. А биев назначал народ. Как писателю времен социалистического реализма, Еслямгалиеву необходимо было подчеркнуть мысль о наказании бая народом, и в то же время суд биев, как отмечалось, являлся объективной действительностью.

Повесть «Шуба, обшитая позументом» была написана М.Еслямгалиевым в 1982 году, в советское время. И по концепции социалистического реализма писатель изображает Есенгельды – представителя богатого сословия, только в образе отрицательного героя, безнаказанно совершающего одни преступления за другими. И только народ в лице биев смог заставить бая повиноваться, ответить за свой проступок, что тоже было созвучно социалистическому реализму, но и было отражением объективной казахской действительности начала XIX века.

Но образ главного героя Еслямгалиева неоднозначен. Автором отмечается, что Есенгельды был тонким психологом, который отмечает сильные и слабые стороны каждого из биев. О том, что к каждому выступающему бию необходимо подходить индивидуально, Есенгельды напоминает бию (адвокату) Шомбалу, который должен был выступить на суде от его имени. На страницах произведения подчеркивается, что

Есенгельды способен испытывать глубокие чувства. Об этом читатель узнает в эпизоде рассказа автором, как Есенгельды полюбил Зауреш, мать Бекея, женщину не своего сословия, и женился на ней против воли отца, что было нехарактерно казахскому обществу. Есенгельды глубоко страдает после убийства сына. И он повинуеться народному суду, суду биев. В данном эпизоде герой как представитель казахского общества соблюдает и повинуеться народным традициям.

Сила Есенгельды в повести Еслямгалиева, по нашему мнению, в том, что в дни трагедии, после гибели сына, он сумел понять, что главное счастье в жизни человека достигается не материальным богатством, а тем добром, что он успевает творить на земле при жизни. К таким мыслям отец Бекея приходит в ночные часы, когда слышит от друзей сына, однодворцев разговоры, их добрые отклики о сыне, когда несколько ночей подряд женщины аула пели жоктау – песни-плачи по убитому Бекею. Есенгельды понимает, что трагедия его самого в воспитании его в таком духе, где сутью жизни было накопление богатства материального.

Автором обращается внимание читателей на то, что, хотя в семье Есенгельды жили все три его жены, но ссор, сплетен, вздоров между ними не наблюдалось: они понимали – все они члены одной семьи. В этом своеобразие произведения казахского писателя. Только дети от разных матерей, Бекей и Жасаган, не ладили меж собой, и причина их вражды и ненависти – в многоженстве отца.

Полагаем, что еще одно достоинство повести Еслямгалиева проявилось в сцене изображения суда биев. В повести все герои, кроме образа Есенгельды, даны не в развитии.

Имеются в произведении «Шуба, обшитая позументом» и фактические ошибки, хотя это может быть и правом автора на художественный вымысел. Далее в повести «Бекей и Мауляна» подчеркивается, что в момент написания произведения «Исянгельды было 88 лет». Повесть Даля написана в 1833 году. Герой же рассказа М.Еслямгалиева был жив еще в годы первой русской революции – в 1905 году.

У современных казахов Сырымского народа бытует мнение о святости Есенгельды и Бекея, и почитается память о них. Об это свидетельствует и почитание народом мест их захоронения.

С.Зиятов (родился в 1983 г.), уроженец Сырымского района Западно-Казахстанской области, написал поэму на основе фольклорного материала и назвал произведение «Высота Бекея» («Бекей биеги», 2005).⁶⁹ В поэме рассказывается история, услышанная им в детстве от отца, о том, как на территории нынешнего Сырымского района Западно-Казахстанской области жил богатый казах Есенгельды. Он получает приглашение от оренбургского губернатора Перовского принять участие в приеме царевича Александра (будущего Александра II), а также просьбу об оказании помощи губернатору в устройстве бала в честь приезда высокого гостя.

О факте посещения царевичем Александром Оренбургского края в этот период упоминается и в работе Н.Г.Евстратова.⁷⁰

И в литературной обработке фольклорного материала Зиятова Есенгельды имеет много сыновей, но самым смышленным отец считал сына Бекея, и поэтому обращается за советом к нему. Бекей советует отцу преподнести в подарок царевичу сто отборных казахских аргамаков и в помощь для устройства бала по этому случаю оренбургскому губернатору везти огромное количество кумыса, мяса. Есенгельды, соглашаясь с сыном Бекеем, отправляет его самого сопровождать весь дар до Оренбурга. Сыновья от другого брака, сгорая завистью и ненавистью к Бекею, настраивают отца против него. Озлобленный отец, долго не думая, догоняет сына на полпути и сам же убивает его.

⁶⁹ Зиятов С. / Высота Бикея (Бикей биеги)//Газета «Орал өңірі». – «Жизнь Приуралья». – 29.11.2005. – № 144 (18695).

⁷⁰ Евстратов Н. Даль и Западный Казахстан. – Уральский педин-т. Ученые записи, т. IV, вып. 12. – Уральск, 1957.

Автор поэмы утверждает, что Бекей был похоронен на границе Сырымского и Теректинского районов, а сам Есенгельды покоится на земле аула Аралтобе Западно-Казахстанской области (бывшей Уральской области).

В беседе с нами Зиятов, автор поэмы, утверждает, что о повести Даля он узнал после написания своего произведения и о документах из оренбургского архива не ведал.

В поэме повествуется о том, что остальные сыновья Есенгельды после его смерти по своей невежественности растеряли унаследованное от отца богатство и превратились в нищих. Народом осуждается невежество, недальновидность оставшихся сыновей Есенгельды.

В аспекте нашего исследования примечательно то, что Даль сумел предвидеть на общероссийском уровне реальные события из казахской жизни, ставшие впоследствии сюжетом для фольклорных и художественных произведений казахской литературы XX-XXI веков. Талант Даля проявился в том, что он сумел заметить и выделить среди бытовой жизни казахской действительности вечное, бытийное, не успевшее превратиться в культурную память народа. Полагаем, в этом феномен, дальновидность Даля.

Казахский писатель М.Еслямгалиев и юный поэт С.Зиятов, сами того не подозревая, вступают как бы в диалог со старшим мастером пера из русской литературы XIX века Далем. Каждый художник, по-своему, в соответствии с законом развития литературы своего времени, рассматривая одни и те же события из жизни казахов начала XIX в., осмысливая через эти события нравственные проблемы, превращает свои чувства и мысли в достояние читателей.

Мы же, в свою очередь, можем свидетельствовать о том, что место, где покоится прах Есенгельды, считается местом захоронения святого и мудрого Аксакала, почитаемого предка, и это святое место до сегодняшнего дня посещается казахами.

Таким образом, по народной легенде, повести М.Еслямгалиева и поэме С.Зиятова, и в реальной жизни, в XX и в начале XXI века места захоронения Есенгельды и Бекея превратились в важную достопримечательность Западного Казахстана, округа. Память о них народ хранит до сих пор, и творит, быть может, бессознательно, миф о них, так как, по мысли народа, – Есенгельды и его сын Бекей были олицетворением лучших порывов в человеке: остались в памяти предков благодаря своему уму, рассудительности, умению думать о благе близких, и их помнят потому, что в жизни они, каждый по-своему, творил добро.

В аспекте нашего исследования важен факт, что были прототипы героев Даля из повести «Бекей и Мауляна». Конфликт из частной жизни превратился под пером писателя в эпическое полотно, способствуя раскрытию идеи писателя. Примечательно, что Далю-писателю в этой истории интересны были, прежде всего, любовь Бекея и Мауляны, их трагические судьбы, проблемы отцов и детей, отражение национальных особенностей в поступках героев, а также то, что осмысление живого жизненного материала помогло писателю осмыслить действительность посредством типических характеров в реально-исторических обстоятельствах. Важно, что Даль в истории судеб отца и сына, в истории любви Бекея и Мауляны интересовался, думается, прежде всего, духовно-социальная перспектива времени, противоречие между личностью и обществом, женская тематика и нравственные проблемы. Через образ Бекея автор запечатлел противоречие личности, которую отличали иное мировоззрение, новые взгляды на жизнь, противоречие этой личности с обществом. Такое противоречие было актуально и активно освещалось в русской литературе в 30- 40-е годы XIX столетия.

Мы позволим себе допустить мысль о том, что впервые в русской литературе в образах Бекея и Мауляны Даль наметил казахский вариант образов «лишних» людей, которые продемонстрирует в своем творчестве младший современник писателя Герцен в образе Бельтовых (в романе «Кто виноват?»).

Концепт «аксакал» как литературный штамп в повести В.Даля «Бикей и Мауляна»⁷¹

В контексте данной статьи попробуем изучить репрезентативность концепта «аксакал» для понимания «ценностных кодов» казахского общества, культуры, отражение ее в казахской и русской литературе, в частности, как показатель картины мира казахов в повести В.Даля «Бикей и Мауляна».

Концепт «аксакал» в казахском национальном сознании традиционно ассоциируется не только с человеком, достигшим пожилого возраста, но и с устойчивыми нравственно-поведенческими признаками, которые ему свойственны.

Термин «концепт», в ставшей уже классической статье С.А.Аскольдова (Алексеева) «Концепт и слово» [1, с.269], трактуется как средство познания с функцией заместительства.

Сам же концепт, по Аскольдову, «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость». Концепт может быть, по мысли автора, заместителем разного рода мыслительных функций, таких, как математические концепты [1, с.270].

Развивая концептологическую теорию С.А.Аскольдова, Д.С.Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», называет концепт «алгебраическим выражением для каждого основного (словарного) значения слова, которым носитель языка оперирует в речи, устной и письменной» [2, с.281]. Вопрос о том, какое из словарных значений слова замещает собой концепт, считает Лихачев, решается, исходя из контекста словоупотребления или из ситуации. Тем самым расширяется понимание концепта не только как мыслительного (ментального) образования, но и как инструмента формирования концептосферы языка.

В поисках определения сущности концепта Н.Д.Арутюнова дефинирует его как понятие практической, т.е. обыденной философии, которая представляет собой результат целого ряда факторов, таких, как национальная традиция, религия, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей.

Тем самым концепты формируют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [3, с.3].

Такое понимание концепта носит этнокультурологическую направленность. Оно как бы переводит концепт из сферы ментальной, философской и психологической в сферу ценностно-культурную [4, с.3].

В работе Прохорова Ю.Е. концепт – это «некоторая референция⁷², определяющая взаимосвязь, отношения между действительностью ситуации общения и теми семиотическими и семантическими полями, которые на данном языке в данной культуре устойчиво с этой ситуацией соотносятся». В то же время «концепт не есть «слово», концепт есть совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного элемента картины мира, детерминированного целым рядом параметров» [5, с.143, 159].

Итак, по Прохорову, концепт – это сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении.

В концепте всегда есть составляющие, которыми он и определяется. Следовательно, в нем имеется шифр. Концепт – это множественность, хотя не всякая множественность концептуальна. Не бывает концепта с одной лишь составляющей...

⁷¹ «Вестник» ЗКГУ им.М.Утемисова – Уральск: РИЦ ЗКГУ им.М.Утемисова, 2013, № 4, с.172 – 179.

⁷² Лат.*refero* – отношу, связываю, сопоставляю

Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т.д., – утверждают французские философы Делез Ж., Гваттари Ф. [6, с.26].

Не вдаваясь в проблему соотношения понятий концепта и ценности в культуре, отметим лишь, что в контексте данной статьи мы используем концепт как «совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного элемента картины мира, детерминированного целым рядом параметров», и что концепт – это множественность; а также концепт как понятие практической, т.е. обыденной философии в качестве результата целого ряда факторов, таких, как национальная традиция, ощущения, идеология и система ценностей.

Наиболее типичное восприятие концепта «аксакал» в казахском национальном сознании и с устойчивыми нравственно-поведенческими признаками, свойственные этому практическому понятию дается в пятнадцатитомном словаре казахского литературного языка [7, с.264-265].

Ақсақал зат есім/сущ. 1. Жасы үлкен, құрметті ер адам, қария. Ақсақал ақ сәлделі, таяқ қолда/ Секілді жүрген адам ұзақ жолда/Кедейдің бай болсам деп ойлап жатқан/Үйіне кіріп келді бір қарт сонда (А.Байтұрсынов. Шығ.). Аксакал (им.сущ.). 1. Старший по возрасту, уважаемый человек, мужчина; старик. В дом бедняка, мечтающего стать богатым, зашел седой аксакал с палочкой в руке, видимо, с долгой дороги. (А.Байтұрсынов. Сочинения. Построчн.перевод – Г.У.).

2. тар.-тарихи. Байырғы қазақ қоғамында ел тағдырын шешуге араласқан жасы үлкен, ықпалды ер адам, ру басы. Абайдың әкесі Құнанбай осы күнгі Семей облысының жеріндегі Шыңғыс тауының етегін мекендеген Тобықты руының басшысы, а қ с а қ а л ы (выд. – Г.У.), аса ірі феодал болған. (М.Қаратаев. Тұған әдебиет). 2. историч. В исторически сложившемся казахском обществе «аксакал» - человек, старший по возрасту, пользующийся авторитетом; принимающий активное участие в решении судьбы страны; руководитель рода, племени. Отец Абая, Құнанбай был аксакалом, руководителем, главным среди казахов рода тобықты, населявшего территорию современной Семипалатинской области у подножия Чингизских гор; являлся очень крупным феодалом. (М.Қаратаев. Родная литература. Перевод – Г.У.).

3. ауыспалы мағына/перен.знач. Тәжірибесі мол адам, өз ісінің шебері. Майдан даласында жүзге кеп қалған п о э з и я а қ с а қ а л ы, Жамбылдың «Москва – менің қамалым» деген өлеңі басылып тарады. Жауынгердің жүрегіне от тастайтын әке сөзіндей болған бұл өлең тез тарап кетті. (С.Бакбергенов. Белгісіз солдат.). 3. Перен.знач. Человек, владеющий большим опытом, профессионал своего дела. Было издано и распространено на полях сражений Отечественной войны произведение почти столетнего аксакала поэзии Жамбула «Москва – менің қамалым»/ «Москва – моя крепость». Это стихотворение, словно родное отеческое слово для сердца каждого солдата, стало популярным среди них. (С.Бакбергенов. Белгісіз солдат./С.Бакбергенов. «Неизвестный солдат». Перевод – Г.У.).

А қ с а қ а л д а р кеңесі. Қоғамдық-әлеуметтік. Жасы үлкен қадірменді соғыс және еңбек ардагерлерінің тұрақты жиыны, тобы. Қамелетке толмағандарды адамгершілік рухта тәрбиелеу үшін а қ с а қ а л д а р алқасының кеңесін пайдаланған жөн. («Жалын»). Совет аксакалов. Общественно-социальн. Постоянно действующее объединение, совет из почитаемых, уважаемых ветеранов войны и труда. Для нравственного и духовного воспитания подрастающего поколения важно использовать Совет аксакалов. («Жалын»/ Журнал. Перевод – Г.У.).

Ауылдың ақсақалы. а) көне. Ауыл болып отырған елді басқару ісіне араласатын ықпалды, жасы үлкен ер азамат. Ісі бар адам ауыл а қ с а қ а л ы н а айтушы еді, онан асса биге түсуші еді, биден асса ханға барушы еді. («Қазақ»). ә) Ауылдың ақылшысы, жасы үлкен ер адам, сыйлы қариясы. Ауыл а қ с а қ а л ы қобызшы Қарібай деген шал бұлар келісімен болған уақиғаны айтып берді. (І. Есенберлин. Қаһар.). Аксакал аула. а) устар. Влиятельный, пожилой гражданин аула, участвующий в решении вопросов по

управлению аулом, населенным пунктом. Для решения проблем человек обращался сначала к аксакалу аула как старейшине, затем обращался к бию, только после всего этого шел к хану. («Қазақ»/ «Казах». Газета.) ә) Наставник аульчан, старший по возрасту в ауле мужчина, уважаемый старец. Аульный аксакал, владеющий талантом игры на кобызе, рассказал о событии, свершившемся сразу же после их прибытия. (И.Есенберлин. Ярость. Перевод – Г.У.).

А қ с а қ а л д ы. Сын есім/прилаг. Жасы үлкен қарты, ақылшы, қамқоршы қариясы бар. *Мынау келген Назар ма? / А қ с а қ а л д ы ауыл азар ма? / Сұрағаның бір-ақ тай, / Бермейді деп сазарма.* (Абай. Тол.жинағы). Прилаг. Рядом есть старший по возрасту, наставник, старейшина-опекун. *Это пришел Назар что ли? / Разве в ауле, где есть аксакал, допустим ли беспорядок? / Требовавший годовалого стригунка, жеребенка / Не обижайся, что не дали просимого.* (Абай. Полн.собр.соч. Видимо, Назар незаконно требовал у кого-то дать ему жеребенка, но, аульный аксакал решил, что такое недопустимо, несправедливо. Комментарий и построчн.перевод. – Г.У.).

А қ с а қ а л д ы қ. Зат. 1. Көпті көрген, көп жасаған адамға лайықтық, үлкендік.

Мына Құрымбай дегенің Ергалидің түсінбей жүрген адамы, жынды деуге жынды емес, есі бүтін деуге басқалардай үлкенді сыйлап, а қ с а қ а л д ы қ жолға бағынып, әдеп сақтап отырған жас емес. Мінезі де, сөзі де тұрпайы. (Б.Майлин. Таңд.). Собирательное существительное, обозначающее свойства, характерные особенности почитаемого человека, много повидавшего, имеющего немало жизненного опыта. *Этого Курымбая, которого как человека никак не мог понять Ергали, невозможно было отнести его ни к психам, ни к разумным, уважающим старших; ни к числу тех, кто почитал аксакалов; ни к молодым, соблюдающим традиции. И характер, и слова его грубые, вульгарные.* (Б.Майлин. Избранное. Перевод – Г.У.).

2. *тарихи.* Жасы үлкен, беделді адамдардың, ел ішіндегі руды басқаруға негізделген байырғы қазақ қоғамындағы, дәстүрлі тәртіп жүйесі. *Автономия тиген екі-үш жыл бойында советтік, мемлекеттік жаңа тәртіп ғасырлар бойы шегенделген а қ с а қ а л д ы қ – феодалдық ескі салтпен тайталасуда.* (Ғ. Мустафин. Дауыл). 2. *историч.* Старший по возрасту, авторитетный человек, по исторически сложившимся традициям глава рода, племени; традиционная система воспитания. *Государственная, советская система воспитания как новая форма, оформившаяся за последние два-три года автономии, противостоит веками сложившимся феодальным традициям – почитанием мнения, советов аксакалов.* (Г.Мустафин. Бұра. Перевод – Г.У.).

Таким образом, в словаре казахского литературного языка, аксакал, прежде всего, пожилой, уважаемый человек. В казахском национальном миропонимании, в отличие от трактовки в «Словаре великорусского словаря В.Даля» с прямым переводом: белая борода, отсутствует внешний признак седой бороды. В казахском языке и мировосприятии понятие «аксакал» и сохранившие с ним историческую преемственность категории «уважаемый человек», «родоправитель», «старейшина рода» обладают дополнительными коннотативными значениями. Наиболее близким синонимом слова «аксакал» является «человек с жизненным опытом, способный быть наставником». Этот синоним содержит в себе оценочный характер, эта оценка носит явно выраженный позитивный характер.

Соответствующие характеристики даны и определению в казахском языке «*ақсақалдық*»: характерные особенности почитаемого человека, много повидавшего, имеющего немалый жизненный опыт; старший по возрасту, авторитетный человек, по исторически сложившимся традициям глава рода, племени; традиционная система воспитания.

В казахской ментальности понятие «*ақсақалдық*» вмещало традиционную систему воспитания, включающую в себя духовные ценности, приоритет которых на протяжении долгого периода казахской истории был безусловен. К сожалению, на

современном этапе утрачивается первоначальный смысл, сохранилась его общая идея как один из фундаментальных «кодексов» национального сознания. Это одна из ключевых идей казахской языковой картины мира.

Итак, содержание концепта «аксакал» включает в себя в массовом сознании казахов перенесение названия возраста человека на характер его отношений с людьми, где всегда присутствует (явно или в подтексте) момент уважительного отношения, выражения наставничества по отношению к младшим по возрасту, чаще – проявление качества руководителя. Аксакал воспринимался в казахском обществе, прежде всего, как уважаемый человек. В определенное историческое время – в девятнадцатом веке – аксакалом называли и выборного старосту.

По миропониманию казахов, в ауле, где есть уважаемый аксакал, и стар, и млад, советуется с ним, дорожит мнением почитаемого человека.

В ауле, в котором есть уважаемые аксакалы, по традиционно сложившему народному образу жизни, не допускалась несправедливость. Это подтверждается Абаем Кунанбаевым – очевидцем и представителем казахского общества второй половины девятнадцатого века. Образец из стихотворения поэта был нами приведен выше.

В русской литературе, впервые благодаря научным трудам, словарю и художественным произведениям В.Даля (впоследствии М.Пришвину), сформировалось литературное представление об аксакале, сохраняя, при всем многообразии его художественных воплощений, некие константные черты.

Образ Аксакала возникает в повести В.Даля «Бикей и Мауляна» (1836 г.). Так, отца главного героя Бекея, Исянгельды [Есенгельды – Г.У.], писатель называет Аксакалом. Исянгельды – самая значительная личность в далевской повести. Он обрисован более широко и многосторонне, чем другие персонажи. Во-первых, Исянгельды как один из представителей родового старшинства выступает в роли руководителя всего племени: «он имел три жены, а от каждой жены по несколько детей. С почетным прозванием *Аксакал*, Белая борода, управлял уже слишком 10 лет танинцами» [8, с.245-246].

Дело в том, что в первой половине XIX века в казахском обществе патриархально-родовой быт еще имел силу. По утверждению историка Е.Б. Бекмаханова, «существование патриархально-родового быта внутри рода выражалось в сохранении авторитета родового старшины – *аксакала*. Раньше *аксакалами* звали людей преклонных лет, к ним часто обращались за советами, как к людям, имеющим богатый жизненный опыт. В первой половине XIX века первоначальный смысл “*аксакал*” теряется. Теперь независимо от возраста *аксакалами* звали всякого человека, наделенного властью. Например, аксакалами именовались султаны-правители и ага-султаны» [10, с.112].

Но, по нашему предположению, автор повести, называя своего героя Аксакалом, включает в это понятие оба смысла слова: человек, наделенный властью, и, прежде всего, человек с большим жизненным опытом. Писатель изображает Исянгельды как многогранную личность: уважаемый аксакал, дальновидный родоправитель, рачительный хозяин, знаток и хранитель народных традиций, благодаря его мудрости все племя живет относительно спокойной жизнью. Он проявляет заботу о нуждах однородцев.

В то же время, воспринимая новую действительность, Аксакал понял необходимость содружества с соседними народами, смог найти общий язык и сдружиться с полинейными казаками. Исянгельды сумел справиться с постоянным злом казахской жизни того времени – покончил с барантой. «Миролюбивый Исянгельды умел избегать губительной баранты, которая не обогатила еще ни одного рода киргизского, хотя и обратила целые аулы в байгушей, в нищих; старик всегда старался держаться кочевьем своим поблизости линии, не сообщался с

неблагонамеренными, отдаленными родами и нередко прекращал благоразумием случайные ссоры однодворцев своих с соседями» [8, с. 245].

Характер Исянгельды очерчен психологически очень точно. Он, как и все старейшины родов, привык, чтобы все слушались его беспрекословно и выполняли его распоряжения: «старик привык к покорности и повиновению» [8,с.248]. Если в отношениях с сыном Бикеем он, не задумываясь, поступает в согласии с советами жены и сыновей, особенно Джан-Кучука, то в защите своего племени, рода житейская мудрость Аксакала помогает ему, в нем торжествуют добрые начала – и это совсем не так мало. Исянгельды, в соответствии с традициями своего времени, своего народа, не допускает «обратившийся в неизменный обычай кровомести земляков своих» – он предпочел взвалить на себя все бремя ответственности, и спасти, коли можно, остальных сыновей своих.

И еще одну миссию, как родоначальник племени, он должен был выполнить – сохранить покой в своем племени, и не допустить кровной вражды внутри племени, ибо только ему ведомо, что «каша снова заварится, и будет стоять, может быть, не одной богатырской головы. Месть за кровь убитого есть доблесть, столь свято в степи чтимая, что доселе не было еще примера, где бы наследники и родичи убитого забывали выместить, хотя бы в десятом поколении, позорную смерть пращура» [8, с.321].

Таким образом, в характере Исянгельды Аксакала читатель обнаруживает и доброе, и злое. Писатель, видимо, убеждается во мнении Белинского о том, что «зло скрывается не в человеке, но в обществе» [9,с.107]. Далее дана объективная интерпретация концепта «аксакал» через образ Исянгельды в казахском обществе того времени как родоначальника племени, рода.

Второе значение концепта «аксакал» как почетный, уважаемый в обществе человек Даль использует при трактовке читателям такого явления казахского общества, как «коренной суд кайсаков» [народный суд казахов – Г.У.]. Коренной суд таков: хан или султан (правитель) с почетными *аксакалами*, биями, старшинами и муллами садятся в глубине кибитки... Наконец, все выходят: султан или хан советуется с биями и муллами...» [8, с.321].

Концепт «аксакал» в повести «Бикей и Мауляна» используется Далем в качестве «алгебраического выражения для каждого основного (словарного) значения слова», [2,с.281] исходя из контекста словоупотребления, тем самым расширяя понимание концепта «аксакал» не только как мыслительного (ментального) образования, но и как инструмента формирования концептосферы казахского языка в художественном тексте русской литературы.

Мы убеждаемся, что писателю удалось органически связать казахскую лексику со всей структурой произведения на русском языке. Концепт «аксакал» в повести «Бикей и Мауляна» отражает элементы картины бытия, детерминированной особенностями деятельности представителей казахского общества, закрепленной в данной национальной картине мира и транслируемой средствами языка в общении. А также концепт «аксакал» в повести Даля использован как понятие практической, т.е. обыденной философии, обусловленной такими факторами, как национальная традиция, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей.

Портрет аксакала в повести Даля сохраняет свои архетипические признаки, отчетливо трансформируясь не столько в стереотип, сколько в литературный штамп. В итоге, многообразие индивидуальной авторской художественной системы оставило неизменными не только семантическое ядро концепта «аксакал», но и ассоциативное поле, с ним связанное, понятийную и эмоциональную сторону концепта. Этот концепт отчетливо этноспецифичен. Отражая реалии казахской общественной жизни девятнадцатого века, русская литература, в частности, повесть В.Даля «Бикей и

Мауляна» сохранила специфические когнитивные стереотипы казахской нации в отношении к аксакалам.

Литература:

1. Аскольдов С.А. (Алексеев). Концепт и слово // Русская словесность. – М., 1977.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М., 1977.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
4. Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: Монография / В.П. Синячкин. – М.: РУДН, 2010.
5. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / Пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина. – М., 1998.
7. Қазақ әдеби тілінің сөздігі /Тілданым. Қазақстан Республикасы Білім және ғылым Министрлігі А.Байтұрсынұлы атындағы тіл білімі институты / Он бес томдық. I том. – Алматы: Арыс, 2006.
8. Даль В.И. Полн. собр. соч.: в 10 т. / В.И. Даль. – СПб.; М., 1889, Т. VII.
9. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. / В.Г. Белинский, 1926. – Т. 12.
10. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века / Е.Б. Бекмаханов. – Алма-Ата, 1992.
11. Умарова Г.С. Казахское слово и русский художественный текст / Статья / Вестник Каз универ. Международных отношений и мировых языков. №5(14) 2005, с. 151 - 156. – Алматы // Матер РНПК «Казахский компонент в современной компаративистике».
12. Умарова Г.С. Концепт аксакал как отражение картины мира казахов в повести В.И. Даля «Бикей и Мауляна» / Статья / Филологическое наследие В.И. Даля. – Материалы региональной научно-практической конференции. – Орал, 2013 – С. 22 -27.
13. onlinedics.ru/slovar/dal/a/aksakal...
14. enc-dic.com/fasmer/Aksakal-946

Семантическая интерпретация понятия «аксакал» в разных лингвокультурах⁷³

Зухра Равильевна Аглеева (Zukhra Ravilevna Agleeva), Лидия Глебовна Золотых (Lidiia Glebovna Zolotykh), Малика Сагандыковна Кунусова (Malika Sagandykovna Kunusova), Ольга Владимировна Джененко (Olga Vladimirovna Dzhenenko) (Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20-а) (Astrakhan State University), Гульнара Сидегалиевна Умарова (Gulnara Sidegalieva Umarova) (Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Республика Казахстан, г. Уральск, пр. Достык 162) (Mahambet Utemisov West Kazakhstan state University)

(РОССИЯ, КАЗАХСТАН)

⁷³ Семантическая интерпретация понятия «аксакал» в разных лингвокультурах. Статья / В соавторстве / В материалах Vol 6, No 5 S4 (2015) October 2015 - Special Issue Mediterranean Journal of Social Sciences. Ссылка на оглавление выпуска <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/issue/view/182>. Италия. – 3, 7 п.л.

ABSTRACT

Статья посвящена языковой единице, которая в смежных лингвокультурах играет двоякую роль: (1) в тюркских языках (азербайджанский, башкирский, казахский, татарский, туркменский и др.) и в некоторых языках кавказской семьи является наименованием сложившегося несколько веков назад и достаточно актуального на данный момент концепта “Аксакал”, (2) в русском и отдельных тюркских языках – актуализирующуюся лексему, которая может употребляться как в первичном значении (*аксакал* – букв. белобородый, с белой бородой – то есть старый, старейший, мудрейший, умный, обретший благодаря жизненному опыту, мудрость), так и в переносном и ироническом планах (в спортивном, политическом дискурсах, в сфере шоу-бизнеса и др.). На основе анализа функционирования лексемы в разных лингвокультурах и различных видах дискурса делается вывод о том, что старое общетюркское слово *аксакал* не только не потерялось в веках, но, приобретая новые значения, расширило дискурсивные возможности, отражает современные евразийские реалии и входит в активный словарь наших современников.

KEYWORDS: лингвокультура, аксакал, этнокультурная специфика, семантика, актуализация, смысловая реализация.

Введение. Этнокультурная специфика семантики лексемы *аксакал* обуславливается её особой культурологической значимостью и сохраняет особенности менталитета того или иного народа. Репрезентация ценностно-смысловых объектов лингвокультурного сообщества лаконичным словом *аксакал* совмещает в себе универсальное и идиоэтническое отражение реального мира. Применение интегрированного подхода к изучению семантики слова *аксакал* с привлечением не только лингвистических, но и этнографических, антропологических, психологических, общекультурных данных позволяет представить адекватную интерпретацию значимого фрагмента культурного пространства.

Литературный обзор. Несмотря на значимость и повысившуюся в последние десятилетия частотность употребления лексемы *аксакал*, нельзя говорить о большом количестве публикаций, анализирующих этот концепт. Обратимся к русскоязычным источникам.

В статье “Культурные концепты в русском языке Казахстана” Е. Журавлева называет одну из “характерных для казахстанского общества традиций, определяющих менталитет как казахов, так и всех проживающих в Казахстане людей – уважение к старшим, особенно пожилым людям”, и связывает это с концептом “Аксакал”. Автор обращается к толкованию слова В.И.Далем, приводит несколько примеров из современной публицистики. Делается вывод об определяющем характере данного концепта, вхождении его в “круг культурно-исторических констант, составляющих ядро казахстанской ментальности” (Журавлева).

Г.С. Умарова в статье “Концепт аксакал как отражение картины мира казахов в повести В.И. Даля “Бикей и Мауляна” замечает, что концепт “Аксакал” в повести “Бикей и Мауляна” отражает элементы картины бытия, детерминированной особенностями деятельности представителей казахского общества, закреплённой в данной национальной картине мира и транслируемой средствами языка в общении. Делается акцент на том, что концепт “Аксакал” в повести Даля использован как понятие практической, т.е. обыденной философии в качестве результата взаимодействия целого ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей. Характеризуя портрет аксакала в повести Даля, автор делает вывод о сохранении архетипических его признаков, о том, что, отражая реалии казахской общественной жизни девятнадцатого века, русская литература, в частности, повесть “Бикей и Мауляна” сохранила специфические когнитивные стереотипы казахской нации в отношении к аксакалам.

Луиза Хамзиновна Самситова в автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук “Культурные концепты в башкирской языковой картине мира” справедливо замечает, что изучение культурных концептов дает возможность охарактеризовать менталитет, быт, традиции, обычаи, философию, психологию, духовность народа, отраженные в языке. Анализируя культуру взаимоотношений башкиров, автор отмечает, что они “были основаны на доверии и открытости. К человеку старшего поколения башкиры относились и относятся с особым почтением”. Отмечается авторитет *аксакалов*, “которые играют немаловажную роль в формировании личности”, благодаря их мудрости, молодое поколение учится “законам жизни, толерантности”, учится отличать добро от зла и т.д. (Самситова, 2014).

Авторы статьи “Словарь евразийской лингвокультуры” делятся наблюдениями над “противоположными тенденциями развития современной цивилизации, языков, культур”. Отмечаемое авторами противоречие (глобализация как неминуемое требование времени, с одной стороны, и попытка сохранения своей культуры, языка народа, с другой) характерно прежде всего для полиэтнических государств. И Казахстан, о котором идет речь в статье, и Россия – государства многонациональные, мультикультурные. Авторы отмечают “особую психологию народов, ... особое мировидение, присущее евразийцам” (Сабитова и др. 2011). Излагается концепция “Словаря евразийской лингвокультуры” – описание концептов-доминант казахстанской национальной идеи. Словарная статья “аксакал” приводится в качестве примера. В предлагаемом фрагменте дается словарное толкование и энциклопедическая, историко-этимологическая справка, основанные на материалах словаря В.И. Даля и Энциклопедического словаря, представление об аксакале в евразийской лингвокультуре, включающее три пункта (*Аксакал* – мудрость, знание; *Аксакал* – опытный человек; *Аксакал* – почтение), которые иллюстрируются материалами из казахстанской публицистики; данные ассоциативного эксперимента. Словарная статья дает представление о роли концепта “*Аксакал*” в национальной, в том числе и языковой, картине мира казахстанцев.

Методика. Обратив внимание на то, что существующая литература (см. выше) представляет лексему *аксакал* как этноспецифичную, присущую той лингвокультуре, о которой пишут авторы, мы решили показать, что общетюркская лексема значительно шире в плане значений и функционирования, она пополняется новыми семами и коннотациями. Став практически интернациональной в евразийской культуре (в России, странах Средней Азии и др.), в одних языках она предстает как культурный концепт, в других – как лингвокультурема, в третьих – как понятие, в иных – как лексема. Основными методами нашей работы над лексемой *аксакал* явились описательный, сопоставительный и дистрибутивный (дал возможность изучить характер изменения сочетаемости лексемы в разных значениях, особенно в современном употреблении). Источником исследования стала авторская картотека, составленная на основе текстов художественной литературы, публицистики, сайтов интернета, Национального корпуса русского языка, записанных фрагментов диалогов и полилогов. Результаты функционирования лексемы в устном дискурсе мы решили не приводить в данной статье, так как эти интересные факты достаточно объемны. Материал для написания статьи – толковые, этимологические, энциклопедические словари, в той или иной мере описывающие лексему *аксакал*.

Результаты. Как показали результаты исследования, “*Аксакал*” как культурный концепт представлен во многих языковых картинах мира. Сама лексема, вошедшая в лексическую систему русского языка, генетически восходит к тюркским языкам, в которых имеет значение ‘белобородый’. В “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля находим следующее определение слова *аксакал* – ‘в пограничных с Азиею и в населённых татарами областях: старик, старшина, староста, выборный; в

перевод: белая борода'. Очевидно, что характеристика человека преклонного возраста основана на его внешнем виде.

В “ментальном лексиконе” (см. Emmorey, Fromkin 1989: 124-125) это же значение может передаваться без указания на внешний вид человека. Например, в адыгских языках – адыгейском и кабардино-черкесском – данное понятие передается лексемой “нэхъыжь” (букв. ‘старший, старейшина’). Причем, чаще всего слово “нэхъыжь” сопровождается суффиксальным элементом *фI*, восходящим к качественному прилагательному *фIы* “хороший”: *нэхъыжьыфI*. В данном контексте суффиксальный элемент содержит значение уважительного отношения к старшим. Лексема *нэхъыжь* или *нэхъыжьыфI* занимает значительное место в образовании фразеологических единиц, например: *НэхъыжьыфI зилэм нэхъыщIэфIи илэщ* – ‘там, где есть хороший старший, там есть и хороший младший’; *Нэхъыжьым жьэ ет, нэхъыщIэм гъуэгъу ет* – ‘старшему дай слово, а младшему – дорогу’; *Нэхъыжь нэмыс, нэхъыщIэ насып* – ‘(пусть будет) почет старшему, счастье младшему’.

В толковых словарях тюркских языков находим и исторические дефиниции лексемы *аксакал*, несколько претерпевшие изменения, и современные, отражающие восприятие понятия в национальном сознании различных этносов. Так, в словаре казахского литературного языка основная дефиниция понятия *аксакал* – ‘пожилой, уважаемый человек’. В казахском национальном миропонимании так же, как и в менталитете многих тюркских и кавказских народов, понятие “аксакал” и сохранившие с ним историческую преемственность категории “уважаемый человек”, “родоправитель”, “старейшина рода” обладают дополнительными коннотативными значениями. Смысловая реализация слова *аксакал* приближена к понятию “человек с жизненным опытом, способный быть наставником”. Такое тождество актуализирует оценочный характер, и эта оценка носит явно выраженный позитивный характер. Соответствующие характеристики даны в казахском языке и деривату “*ақсақалдық*”: характерные особенности почитаемого человека, много повидавшего, имеющего немалый жизненный опыт; старший по возрасту, авторитетный человек, по-исторически сложившимся традициям глава рода, племени; традиционная система воспитания. В казахской ментальности понятие “*ақсақалдық*” вмещало традиционную систему воспитания, включающую в себя духовные ценности, приоритет которых на протяжении долгого периода истории был безусловен. Итак, содержание понятия “аксакал” включает в себя в массовом сознании казахов перенесение названия возраста человека на характер его отношений с людьми, где всегда присутствует (явно или в подтексте) момент уважительного отношения, выражения наставничества по отношению к младшим по возрасту, чаще – проявление качества руководителя.

Устаревшее значение слова *аксакал* (‘старшина, староста, выборный’), отмечаемое в словарях В.И. Даля, Т.Ф. Ефремовой, П.Я. Черных, в различных энциклопедических словарях, встречается в путевых дневниках и записках, мемуарах и т.д. Известный художник В.В. Верещагин, много путешествовавший по Азии, отмечает особенности управления аулами в дореволюционной России: “*Управление деревни сосредоточивается в руках старшины и казы (каза – духовное лицо, род судьи); должности эти не выборные, а по назначению и в большинстве случаев даже наследственные – так, мой приятель Таи, аксакал Ходжакента, наследовал должность от отца, который, в свою очередь, получил ее от своего родителя и т.д.*”; “*При таком порядке управление, разумеется, чисто патриархальное: аксакал и казы, на условии взаимного дележа, грабят народ, и, сколько мне ни случалось слышать, людей честных в том смысле, как мы это слово понимаем, нелегко встретить, без взяток и поборов судящих и управляющих, между ними нет*” (“Из путешествия по Средней Азии”, 1883). В данных контекстах речь идет, разумеется, не о возрасте или мудрости, опыте, а об административной должности. Как видим, оценка этой деятельности Верещагиным резко критическая. Можно предположить, что далеко не все местные

чиновники так “управляли” своими подчиненными, но именно в этом значении лексема *аксакал* имеет часто отрицательную коннотацию, так как характеризует власть имущих, многие из которых и в дореволюционные годы пользовались своим положением и были коррумпированы. Задолго до выхода в свет заметок художник написал картину “Узбек, старшина (аксакал) деревни Ходжагент” (1868), в названии которой акцентируется внимание на значении слова аксакал. Зарисовка помогает представить ‘старшину деревни’: “благодаря взаимодействию различных семиотических систем, мы имеем возможность заглянуть в мир наших предшественников” (Аглеева, 2010: 134), увидеть признаки этноментальности во внешнем облике героя, а “совокупность составляющих различных семиотических систем позволяет наиболее полно и осязаемо репрезентировать глубину концептов” (там же).

Академик В.А. Обручев, автор научно-фантастических романов “Плутония” и “Земля Санникова”, участвовавший по приглашению Русского географического общества в экспедиции в Центральную Азию, написал повесть “В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя)”, в которой не только рассказывает о быте местных жителей, например: *Аксакал помог мне найти проводника из местных охотников; аксакал снабдил меня вьюком хорошего сена из люцерны и клевера*, но и приводит краткий пояснительный словарь, в котором дает толкование слова *аксакал*: “Аксакал (тюркск.) – буквально “белая борода”, почтенный, уважаемый человек, старшина, начальник” (ihavebook.org/books/142657/v-debryah-centralnoy-azii.html).

В произведениях киргизского прозаика Чингиза Айтматова представлены различные значения анализируемого слова. В повести “Белый пароход” писатель через противопоставление очень лаконично передает то, что обычно отличает, по его мнению, аксакалов: *“Да и наружность Момуна была вовсе не аксакальская. Ни степенности, ни важности, ни суровости. Добряк он был, и с первого взгляда разгадывалось в нем это неблагоприятное свойство человеческое”*. Тем не менее, на всем протяжении произведения к деду Момуну обращаются не иначе как *аксакал*, ср.: 1. *Скрипя наметенным снегом, пришельцы загребали подошвами по веранде, забарабанили в дверь. – Аксакал, откройте! Замерзаем!*; 2. – *Аксакал, я тебя так люблю! Честное слово, аксакал, как отца родного*; 3. – *Да не стоит, аксакал, – возразил, смутившись, шофер. – Ты гость, а мы здешние, ты садись за руль, – уговорил его дед Момун*. Такая “диссипация культурной информации в языке, которая осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка”, употребляющими слово “в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной эмотивной модальностью, посредством одной реплики, стимулирует смысловую реализацию” (Золотых, 2013 с. 35) лексемы *аксакал*.

Лев Гумилев писал: “Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, этносы оставляют след былого путем свершения деяний, которые составляют скелет этнической истории. Этот след – память о событиях”. Самым надежным способом фиксации памяти о событиях является слово. Конечно, время привносит нередко новое в семантику слова, в сферу его употребления. Так, в современном Кыргызстане лексема *аксакал* функционирует на официальном уровне (“Известные *аксакалы* – академики и профессора – обратились к Президенту, как гаранту Конституции, с призывом остановить уголовные дела в отношении оппозиционеров и сесть за стол переговоров с ними. Об этом говорится в их заявлении от 4 февраля 2009 года” – <http://www.qwas.ru/kyrgyzstan/ar-namys/izvestnye>). Частотно также использование названия общественной организации *Совет аксакалов* (“**Совет аксакалов** Киргизии потребовал, чтобы с территории республики была выведена американская авиабаза. *Аксакалы* заявили, что военное присутствие США в Киргизии угрожает национальным интересам республики” – http://www.stoletie.ru/lenta/kirgizskije_aksakaly_trebujuť_zakryt_bazu_ssha_2010). В последние годы некоторые полиэтнические субъекты России стали также привлекать

опытных, уважаемых людей в общественные организации, целью которых является решение социальных вопросов, проблем межнационального общения. Таким образом, и в русском языке актуализируется сема 'общественно-социальное постоянно действующее объединение, совет из почитаемых, уважаемых ветеранов войны и труда'. Обратимся к средствам массовой информации, отражающим этот процесс. В статье "Аксакалы принесут мир на нашу землю" сообщается о создании в Югре Совета старейшин: *"По задумке он должен помочь в решении "национального вопроса". Главная идея совета проста – многие проблемные вопросы межнациональных отношений могут разрешаться в духе уважения к старшим* (<http://etnic.ru/about/news/aksakali.html>). НТВ.Ru рассказало о том, какую роль могут сыграть аксакалы в воспитании молодежи: *"Хоть обычай и противоречит исламу, а сам ритуал попадает под статью Уголовного кодекса, ингушская молодежь продолжает красть невест. В Ингушетии собрание старейшин внесло поправки в законы гор, чтобы сделать их более цивилизованными. Аксакалы ввели крупные штрафы для похитителей невест и утвердили тарифы компенсаций за отказ от кровной мести"* (<http://www.ntv.ru/novosti/202086/?fb#ixzz3gRYpBNuj>). В Приморье, *"чтобы не возникали эпицентры стихийных волнений с экстремистской и националистической подоплекой, вызванных бытовыми трудностями, языковыми и религиозными барьерами, необходимо срочно предпринять несколько шагов, <...> в их числе – избрание в национально-культурных автономиях лидеров из числа старейшин. К "аксакалам", по мнению представителей полиции и общественности, будут прислушиваться больше. Духовный лидер диаспоры и руководитель национальной общественной организации в тандеме смогут стать источником информации для проживающих и только собирающихся к нам мигрантов, а "Совет старейшин" сможет "погасить" множество вспыхивающих конфликтов"* (http://www.pk25.ru/news/primorye/01_09_11). Об общественной деятельности такого рода советов говорится и в следующей заметке: *"Старейшины Нижнекамска уже на протяжении 15 лет принимают активное участие в жизни города. Вот и сегодня выступили с весьма интересным предложением. По мнению аксакалов, городу крайне необходим салон ритуальных услуг. И не просто салон, а где бы соблюдались бы все каноны ислама и православия"* (<http://ntrtv.ru/12275-nizhnekamskie-aksakaly-vstretilis-zachashkoy-chaya-s-merom-goroda.html>). Как видно из последнего примера, определение аксакал применяется к представителям разных конфессий и разных национальностей, главное, чтобы они соответствовали тем представлениям, которые предполагает слово: *"Есть люди, которым ничто не дается в этой жизни просто. Всевышний, проверяя их на прочность, преподносит им все новые и новые испытания. Одни ломаются, находя успокоение в вине, другие крепчают духом. Живет он с Богом в душе, работает, как требуют церковные каноны, шесть дней в неделю. В воскресенье отдыхает, вернее, в этот день помогает другим. Люди уважают его, называют аксакалом Акат"* (<http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>).

Интересна смысловая интерпретация понятия аксакал в азербайджанской лингвокультуре. Значимость этого понятия определяется созданием в 1990 г. Совета аксакалов Азербайджана, который занимает особое место среди гражданских институтов страны. Так, когнитивно-дискурсивный анализ текста отчета внеочередного VI съезда Совета аксакалов Азербайджана позволяет представить дискурсивно-прагматическую деятельность аксакалов в языковых конструкциях, интерпретирующих высокую нравственность. Ср.: *сохранение национально-духовных ценностей; распространение в обществе таких высоких человеческих качеств, как чистота и простота; формирование нравственно и физически здорового молодого поколения; воспитание молодежи в духе верности Родине*. Приведённые языковые номинации интегрируют результаты разнообразной опытно-предметной деятельности аксакалов.

Экспрессивная окраска в словах, выражающих положительную оценку аксакалов, наслаивается на эмоционально-оценочное значение используемых в тексте в отношении их эпитетов и метафор: *золотой фонд, ценные люди, сливки общества, самые ценные представители общества* и т.д. Такой символизм приносит дополнительную ценность объекту номинации “аксакал”, не нарушая непосредственно “исторического содержания”. Система аналогий и ассимиляций – “основа символизма в целом. На основании его каждая вещь, исходя из метафизического принципа, <...> объясняет и выражает этот принцип по-своему и в соответствии со своим собственным уровнем существования таким образом, что все вещи взаимосвязаны и соединены в единую универсальную гармоничную систему, которая является, под своими многочисленными обликами, отражением собственного фундаментального единства” (René Guénon: 67). Когнитивный этап смыслообразования слова *аксакал* – это концептуализация знаний, в процессе которой происходит смысловое дополнение и периферийная корректировка уже структурированного и вербализованного концептуального образования. Доказательством этому может служить история традиций *аксакальства*: В азербайджанском эпосе “Китаби-Деде Горгуд” повествуется об *институте аксакалов*, который был вызывающей всеобщее уважение структурой, стоящей на своем слове и дававшей советы по всем вопросам общественного управления. Деде Горгуд был главой этого института. Слово последовавших за ним аксакалов племени – руководителей считалось законом для людей. Самые мудрые аксакалы азербайджанского общества в качестве советников осуществляли деятельность во дворце Шаха Исмаила (<http://www.xalqgazeti.com/ru/news/politics/10500;18.02.2013/>). Следовательно, семантика слова *аксакал* объективирует в языковом сознании и внеязыковые знания.

В татарской лингвокультуре отношение к аксакалам исключительно положительное, может быть, потому, что реализуются в основном смысловые элементы ‘мудрый’, ‘опытный’, обладающий щедростью, добротой и благородством, ‘старый’, ‘убеленный сединой’, ‘имеющий седую (белую) бороду’, считающий своим долгом передать опыт, предостеречь от ошибок, делать добрые дела. Часто именно к аксакалам обращались за советом, благословением и т.д.

Подобную смысловую интерпретацию этой лексемы наблюдаем и в повести киргизского писателя Ч.Айтматова “Материнское поле”: *“Тем временем приехал сюда старик наш один, вроде бы не по очень срочному делу. Я ему сказала: – Кстати приехали, аксакал, благословите с добрым началом пахоты. Он развернул ладони, сидя на коне, и, поглаживая бороду, прошептал: – Пусть покровитель хлеборобов Дыйкан-баба побудет здесь, пусть урожай будет, как половодье”*. Тихое, от души, благословение – это то, что характерно для настоящего аксакала, мудрого, знающего и понимающего жизнь, желающего предостеречь молодежь от зла.

Еще одна смысловая грань слова-концепта *аксакал* раскрывается в высказывании редактора отдела информационно-аналитического журнала “Элита Татарстана” А.Хазиевой. Характеризуя современную татарскую литературу, она пишет: *“Сейчас нам очень не хватает слова “аксакал” в литературе. В нашей республике раньше были весомые имена, к которым прислушивались, которых ценили – Н.Исанбет, Г.Баширов, С.Хаким, А.Еники, М.Амир, Х.Туфан, чуть позже Г.Ахунов, И.Юзеев, А.Гилязов – громкие имена, благодаря чему слово писателя слышали и ценили разные слои общества. ...Они были и учителями, и советчиками для молодых. Сегодня у нас нет таких величин, объединяющих народ и позволяющих литературе держать марку. Очень талантливый, ныне покойный поэт Р. Ахметзянов однажды жаловался: вот, мол, раньше были какие аксакалы, сейчас таких нет. Действительно, места для настоящих аксакалов в татарской литературе пока пустуют. Вакансия есть, “специалистов” нет”* (<http://www.elitat.ru/index.php?rubrika>).

Частотно функционирование слова *аксакал* еще в одном значении – ‘старожил’: 1. “Литературная гостиная”, читальный зал библиотеки собрал ценителей татарской поэзии, где прошел конкурс чтецов. Сюда же пришли и *аксакалы* района. Они провели беседу “Рассказы старожилов” ([http:// kombibl.wmsite.ru/novosti/den-tatarskoj-kultury](http://kombibl.wmsite.ru/novosti/den-tatarskoj-kultury)); 2. Много повидавшим и испытавшим на своем веку, но не потерявшим вкуса к жизни *аксакалам* своей родной деревни посвящая (из посвящения пьесы Т. Миннуллина “Альмандр из Альдермеша”) и т.д.

В художественном дискурсе, где, по мнению Н.Ф.Алефиренко, “происходит не только когнитивно-синергетическая обработка событийной, социокультурной, коммуникативно-прагматической и языковой информации, но и ее трансмутация...” и “в результате таких лингвокреативных преобразований смысловых конститuentов ... порождается национально-языковое видение картины мира” (Алефиренко, 2009) выявляется общее и специфическое в прагматическом использовании полисеманта *аксакал*. В произведениях современных русских писателей лексема *аксакал* встречается в разных значениях и отличается различными коннотациями, что зависит от коммуникативных целей, интенции, установок, т.е. иллокутивного аспекта (Дж. Остин, 1986). Если речь идет об обычаях, быте, традициях тюркских или кавказских этносов, чаще используется первое значение, отмеченное толковыми словарями. Так, в “Ай-Петри” А.Иличевского прослеживается двоякое отношение к *аксакалам*. С одной стороны, это хранители традиций, строго относящиеся к вопросам морали, своеобразная “полиция нравов”, и в такой ситуации автором употребляется соответствующая лексика: *аксакалы восседали; время от времени аксакалы попеременно припадали к нему (столбу в комнате), проводя сверху вниз ладонью, шевеля губами и после целуя докоснувшуюся руку* и т.д. В сцене в чайной отношение к *аксакалам*, однако, меняется, автор иронизирует по их поводу: «Один *аксакал* похож на высохшего богатыря. Над его головой *парит облезлый беличий трех*. Изредка старики вспыхивают, и тогда *клекот и рубящие жесты взлетают* над их столиком». Эпитет *высохший* в сочетании со словом *богатырь* – оксюморон. Нарушение лексической сочетаемости наблюдается и во втором предложении. Глагол *парить* в значении ‘держаться в воздухе на неподвижно раскрытых крыльях’ употребляется обычно в контекстах иной тональности (*орел парит в небе; гордо парить; парить в облаках* и т.д.). *Парит облезлый трех* – непривычный, явно сниженный, неожиданный оборот, использование определения *облезлый* лишь усугубляет насмешку над стариками. Эта сцена воспринимается неоднозначно: с одной стороны, возвышенная лексика, чуть ли не философские рассуждения, с другой – бесшабашное поведение героев, приведшее к трагедии, описываемое примерно в том же стиле, что и портреты *аксакалов*: *так галлюцинируя наяву, мы подвисаем в этой чайной; глушим чай; взлетаем от двух глотков* и т.д.

В сказке Л.Петрушевской “Маленькая волшебница” *аксакалом* продавщица называет волшебника Амати только по признаку *старый человек*, о чем свидетельствуют обращения к нему (*дедуля, дедушка, как герой двенадцатого года*). Все иные семы, присутствующие в лексеме *аксакал*, не подразумеваются. Героиня сказки вкладывает в слово *аксакал* отрицательный смысл, что подчеркивается определением *чумовой*: “Во *аксакал* чумовой! – произнесла продавщица”. Героиня из тех молодых людей, кто нетерпим к медлительности, “заторможенности” в восприятии нового, свойственным большинству пожилых. Отношение к старику сказалось и в характеристике женщиной его слов и действий: “... во дедуля дает, ничего не тумкает! ... Вы, дедушка, случайно не с луны рухнули?”.

В “Таинственной страсти”, произведении о трудных судьбах известных интеллигентов-шестидесятников, Василий Аксенов использует слово *аксакал* в саркастическом контексте. Рассказывая о парижской эмиграции, писатель иронически замечает: “К этому времени стала уже понемногу формироваться среда новой

“парижской ноты”. Он оглянулся: ёлы-палы, дорогие товарищи, посмотрите, что делается – вчерашняя пустыня наполняется жизнью. Вот идет в молодежной курточке *аксакал* Сталинградской битвы Виктуар Платонов, а из-за другого угла навстречу ему выдвигается с тростью в железной руке главный редактор журнала “Архипелаг” Вольдемар Емельянов...”. Соединение словосочетаний в *молодежной курточке* и *аксакал Сталинградской битвы* еще более подчеркивает отношение писателя к ситуации. *Аксакал* употреблено здесь в значении ‘ветеран’.

Несмотря на то, что слово *аксакал* вошло еще в “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И.Даля, широко употреблялось в произведениях русских писателей XIX века (в том числе и в повести самого В. Даля “Бикей и Мауляна” (Умарова, 2013), в русской лингвокультуре лексема воспринималась как наименование “чужого” концепта, отражавшего иную культуру. Но в результате “корреляции между историей народов и историей культур” (Гумилев) данная лексема заняла значительное место в русском языке.

По нашим наблюдениям, в настоящее время происходит становление лингвокультуры *аксакал*, лексема обогатилась новыми семами, отмечаются семантические изменения, сдвиги, смещения при сохранении и общеизвестных значений. Остановимся на первичном значении этого слова. Обращение к лексеме *аксакал* в современной российской прессе достаточно частотно. Возможно, это объясняется тяготением к речевой экономии (значение лексемы общеизвестно, она может заменять собой пространственные словосочетания) или стремлением развести понятия *аксакал* и *ветеран*, так как последнее слово более ограничено в употреблении и отличается стилевой окраской. В основном в контекстах лексема функционирует в значении ‘опытный, имеющий опыт работы в определенной сфере’: “В Ульяновской области намерены открыть “Школу главного врача”, чтобы переобучать в ней руководителей медицинских учреждений. Помогать в этом, надеются в правительстве области, будут “аксакалы”, работающие главными врачами уже давно. Поддержкой и сопровождением проекта займется медицинская палата области” (<http://sim-k.ru/2015/03/03/a-gde-oni-aksakaly/>).

Обращение к опыту, знаниям ветеранов характерно и для других отраслей производства, в частности, по материалам интернет-статьи “Аксакалы поделятся опытом”, – для экономики: “Президиум областной Торгово-промышленной палаты принял решение создать общественное формирование при палате, в которое вошли *аксакалы* областной экономики – умудренные опытом люди, которые в солидном возрасте остались неравнодушны к своему делу. Называется это новое объединение “Совет старейшин”. В совет мудрейших вошли **профессионалы в своей отрасли**. Цель его создания – помочь сегодняшнему бизнесу в решении различных проблем. Они могут стать своеобразными наставниками, вовремя подсказывающими возможные пути выхода из возникающих проблем” (<http://www.vest-news.ru/article/56933>). Лексема *аксакал* встречается и в анонсах о высокопоставленных (часто первых) лицах: освещая официальный визит президента Казахстана Н.Назарбаева в Узбекистан и его встречу с президентом этой страны, журналист дает информацию под заголовком “Аксакалы встречаются вновь”, акцентируя опытность обоих политиков и достаточно долгое пребывание у власти(http://www.uzmetronom.com/2010/03/15/aksakaly_vstrechajutsja_vnov). Подобного рода текстов много и в печатных СМИ, и в интернете. Анализ их дает возможность констатировать, что чаще всего тексты, в которых полисемант *аксакал* употребляется в значениях ‘пожилой, уважаемый человек’, ‘опытный человек, пользующийся уважением’, отличаются строгостью изложения, даже в какой-то степени официозом.

Сема ‘старший по возрасту’ лексемы *аксакал* присутствует в следующем контексте: *Вопросы как-то при этом всплывают о смысле жизни. Скорее – о ранней смерти. Что это за дела – Франц Шуберт умер в неполных 32 года?! Моцарт – в 36,*

Шуман – в 46. Шопен – в 49. Аксакал Чайковский – в 53. Это что – у вас такие порядки? (А. Избицер. Музыка вечности). Лексема употреблена, чтобы подчеркнуть не старческий возраст деятелей искусства, а старшинство по возрасту среди приведенного ряда фамилий знаменитых композиторов, чья жизнь была короткой.

В современном русском языке появилась тенденция употребления слова *аксакал* в специфических контекстах: шутливых или иронических (например, *аксакал КВН*, *аксакал сборной команды*, *аксакал-автолюбитель*, *аксакал юриспруденции*, *аксакал теннисного корта* и даже *аксакалы клумбы*, *аксакал семейных отношений* и т.д.). Смещение значения за счет преобладания семы ‘старый, заслуженный деятель, работник, ветеран’ наблюдается в современной публицистике. Причем часто большее значение имеет опыт, а не собственно возраст, понятно, что по возрасту и защитник Д. Красоткин (*главный аксакал нашего хоккея*), и певец В. Кипелов (*аксакал российского хард-рока*), и большое количество спортсменов, называемых перед уходом их из большого спорта *ветеранами* или *аксакалами*, далеки от пожилого возраста. В статье Ф. Ермошина «*Рок-аксакалы на летней веранде*» дается информация о концерте: “24 июня блюзовая команда “Удачное приобретение” вместе с А.Макаревичем выступили на летней веранде ресторана “Дилижанс”. Теплая погода, оазис летней веранды, виртуозная игра музыкантов, любимые мелодии – все это сделало вечер незабываемым. Музыканты много шутили. Атмосфера была непринужденная, даже праздничная, ведь коллективу в этом году исполняется 40 лет. Алексея “Вайт” Белова, лидера группы, недаром называют *отцом московского блюза*. “Аксакал... горец”, – так отозвался о нем “Макар” (25.06.2010; <http://www.odintsovo.info/news28651>). Аксакал в шутливом значении в разные годы применялся в СМИ по отношению к юбилярам Л.Якубовичу (*аксакал шоу-бизнеса*), Н.Н.Дроздову (*аксакал отечественного телевидения*). Наиболее часто прибегают к этому определению спортивные журналисты, называя *аксакалами* самых старших в команде спортсменов, заканчивающих спортивную карьеру (в каждом виде спорта это свой возраст, хотя могут быть и исключения): “...Хорошо, что накануне душа-человек – главный тренер, *аксакал сборной России по пулевой стрельбе* О.А.Лапкин потратил час в гостиничном номере на стрелковый ликбез для вашего корреспондента, “чайнодауна” стрелкового спорта” (Советский спорт, 2008); “– В этом году должны биться за выход в премьер-лигу, но только через месяц-два после начала чемпионата станет понятно, готова ли “Алания” к этому, – отметил *аксакал*” (Советский спорт, 2009); “26 июля теперь уже *аксакал сборной*, признанный мастер массажа Михаил Николаевич отпраздновал свое 55-летие” (Советский спорт, 2008); “Есть настоящие *аксакалы настольного тенниса*, которые являются активными пропагандистами настольного тенниса, здорового образа жизни, показывают прекрасный пример спортивного долголетия подрастающему поколению. Возрастная категория 65 лет и старше. *Аксакалы настольного тенниса* с азартом и юношеским задором выясняли отношения между собой” ([Якутия 24.ru](http://yktia.ru)).

В заметке о чемпионате России среди ветеранов по биатлону “Аксакалы лыж и винтовки” автор использует и трансформированную фразеологическую единицу, подчеркивающую то значение, в котором используется лексема из заголовка: “*В течение нескольких дней в лесу на левом берегу Волги, где базируется спорткомплекс УлГУ “Заря” и созданный при нем биатлонный центр, проходили забеги стреляющих лыжников. Ветеранские турниры – скорее, не гонка за медалями, а возможность доказать себе и другим, что порох в пороховницах еще есть*” (<http://ulpressa.ru/2012/03/03/aksakalyi-lyzh-i-vintovki/>). В небольшом отрывке используется и перифраза *стреляющие лыжники*, т.е. биатлонисты.

Шутливая манера повествования присуща и Феликсу Квадригину (“На байдарке” – <http://litfile.net/web/95849/98058-98693>). Говоря в общем-то о серьезных вещах, автор дает советы начинающим байдарочникам от имени “байдарочных аксакалов”, то есть опытных, побывавших не в одном трудном походе: “Объем снаряжения, равный

одному (одному!) рюкзаку, – величайшее достижение эволюции байдарочного туризма. Начинающему байдарочнику не следует повторять этот извилистый и нелегкий путь: ведь существуют же для чего-нибудь байдарочные *аксакалы!*”; “... байдарочные *аксакалы* рекомендуют перед началом похода проклеить “шкуру” вдоль указанных мест...”; “Только приходящая со временем Высшая Байдарочная Мудрость делает соблюдение этого закона рефлекторным. А он всего-навсего гласит: осмотри стоянку перед уходом. Мудрые байдарочные *аксакалы* твердили вам об этом законе едва ли не чаще, чем о всех остальных”. Несмотря на свойственную автору манеру, помимо уже приведенных, в данных контекстах наличествует дополнительные смы – ‘мастер своего дела’, ‘профессионал’.

Ироническое начало присутствует нередко и в политическом дискурсе: “Но, судя по всему, это доброе начинание рискует превратиться, как шикарно выражался еще один политический *аксакал* Черномырдин, в “как всегда” (Комсомольская правда, 2007); “*Аксакал* большой политики не без основания считает, что Россия недостаточно представлена в международных спортивных организациях” (Труд-7, 2002).

Интересно, что подобное явление наблюдается, например, и в белорусской журналистике (см. ст. “*Аксакалы*” белорусской эстрады получили награды из рук президента Беларуси”, где говорится о вручении Президентом Беларуси А. Лукашенко ордена Франциска Скорины известным музыкантам – <http://news.tut.by/politics/70505.html>). Происходит процесс, характерный для многих слов: не столь популярная в прежние годы лексема раскрывается новыми гранями, приобретая новые коннотации, стилистическую окраску. По мнению А.Р.Лурия, “усваивая значение слов, мы усваиваем общечеловеческий опыт, отражая объективный мир с различной полнотой и глубиной. “Значение” есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную ширину охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определенный набор связей” (Лурия, 1979: 53).

Активизировалось значение, представленное в “Толковом словаре русского языка” Т.Ф. Ефремовой: ‘перен. Что-л. старое, давно существующее, долго используемое’. Так, в информационном очерке А. Кислякова *аксакалом* называется космический корабль: “Во главу угла ставится теперь старый, но испытанный временем орбитальный *аксакал* – корабль “Союз” (<http://news.mail.ru/society>). В этом же значении определение *аксакал* употреблено, например, Н. Лесковой по отношению к Сухумскому ботаническому саду, что позволяет отметить “почтенный возраст» сада: “По богатству коллекции он занимал одно из лидирующих мест среди дендрариев мира, а по возрасту это настоящий *аксакал*: официальная дата создания ботанического сада, “разбитого лекарем Багриновским в крепости Сухум”, – 1838 год”. В подобном значении использует слово *аксакал* и Т. Вед:

На берегу деревьев-аксакалы, / раскинув, кроны мощные застыли. / В тени их прятались уставшие аулы – / когда-то здесь переселенцы жили. (http://proza.kz/ru/prose/out-of-genre/39545.tatyana_ved.derevyaaksakali).

Совмещение двух значений (относимых, с одной стороны, к одушевленным, а с другой – к неодушевленным субъектам) можно отметить в приводимом ниже контексте: “И его явила нам тысячелетняя Казань, сплотившая тюркскую и славянскую духовные стихии. Казань явила историческое породнение этих стихий. Этот город-поэт, город-мудрец, город-старец, *город-аксакал* возвещает о теплой вселенной на земле, а не о холодном космосе в небесах” (<http://www.moskvatatar.ru/news.php>).

Заключение. Анализ содержания концепта “Аксакал” в устном дискурсе, особенности функционирования переводных эквивалентов лексемы *аксакал* или описательных оборотов, передающих содержание этой безэквивалентной для некоторых языков единицы, – вот лишь некоторые аспекты, которые интересуют нас в

дальнейшем, так как этими вопросами никто не занимался, это своеобразная лакуна в межкультурных сопоставлениях, требующая своего описания.

“Аксакал” как культурный концепт, лингвокультурема или понятие представлен во многих языковых картинах мира. Через вербализованные лексемой *аксакал* когнитивные структуры язык начинает принимать самое активное участие в познавательной деятельности человека. Деятельностный подход к исследованию лексемы *аксакал* позволяет раскрыть её этнокультурную природу.

Таким образом, старое общетюркское слово *аксакал* не только не потерялось в веках, но, приобретая новые значения, расширило дискурсивные возможности. Оно отражает современные евразийские реалии и входит в активный словарь наших современников, способствуя познанию культуры, истории, языка живущего рядом народа, что “необходимо особенно в наши дни, когда столь важно привитие толерантности, уважения к представителям других культур” (Аглеева, 2006).

Эта общетюркская по происхождению, интернациональная языковая единица является одним из репрезентаторов моделей мира и несёт культурно-познавательную информацию, которая содержит вековые ценностные установки, представления и стереотипы.

Литература

1. Аглеева З.Р. Мифологема как элемент языковой игры // Язык и культура. Материалы Международной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 196 с.
2. Аглеева З.Р. Роль фразеологических единиц в репрезентации национальной языковой картины мира // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конф.: Труды и материалы. В 2 тт. Т. 2 / Под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань, 2006.
3. Аглеев И.А., Алефиренко Н.Ф. Региональная лексика Астрахани в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. – Луганск-Москва: изд-во ВНУ им. В.И. Даля, 2014.
4. Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс – *modus vivendi* на рубеже XX и XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научн. журнал. – Киров, 2009, № 1. – С. 3-10.
5. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации // http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/207207/fulltext.htm
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Диамант, 2002.
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. Электронный ресурс. <http://www.efremova.info/>
8. Журавлева Е. Культурные концепты в русском языке Казахстана. – Электронный ресурс // <http://refdb.ru/look/2760848-p31.html>
9. Золотых Л.Г. К проблеме исследования диссипации культурной информации в языке // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4. – С. 34-38.
10. Казахско-русский словарь / Под ред. Р.К. Сыздыковой, К.Ш. Хусаин. – Алматы, 2002.
11. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1979. – 320 с.
12. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997.
14. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1986. – С. 87-108.

15. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. – Уфа, 2014.
16. Словарь евразийской лингвокультуры / Сабитова З.К., Жанкидирова Г.Т., Складенко К.С., Шантаева Д.С., Шетиева А.Т. – Электронный ресурс // <http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/17797/84/3/7/0/>
17. Татарско-русский словарь: в 2 т. / редколл.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев и др. – Казань: Магариф, 2007.
18. Умарова Г.С. Концепт аксакал как отражение картины мира казахов в повести В.И.Даля «Бикей и Мауляна» / Статья / Филологическое наследие В.И.Даля. – Материалы региональной научно-практической конференции. – Орал, 2013 – С. 22 -27.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 томах. – М.: «АСТ», «АСТРЕЛЬ», 2004.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 томах. – М.: Русский язык, 1999.
21. Emmorey K.D., Fromkin V.A. The mental lexicon // *Linguistics: The Cambridge Survey*. Vol. III. Cambridge (Mass.), 1989. –P. 124-149.
22. Guénon René. Le symbolisme de la croix. Символика креста / Пер. Т.М. Фадеева, Ю.Н. Стефанов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Semantic Interpretation of the Concept “Aqsaqal” in Different Linguistic Cultures⁷⁴

Zukhra Ravilevna Agleeva
Lidiia Glebovna Zolotykh
Malika Sagandykovna Kunusova
Olga Vladimirovna Dzhenenko
Gulnara Sidegalievna Umarova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation, West Kazakhstan State University, Kazakhstan

Doi:10.5901/mjss.2015.v6n5s4p114

Abstract

This article deals with the linguistic unit, which in related linguistic cultures plays a dual role: firstly, in the Turkic languages (Azerbaijani, Bashkir, Kazakh, Tatar, Turkmen, etc.) and in some languages of the Caucasian family, it is the term of the emerged a few centuries ago and rather relevant at the moment concept aqsaqal. Secondly, in Russian and individual Turkic languages, it means an actualized lexical token that can be used both in its primary meaning (Aqsaqal- literally: gray-bearded, with a gray beard, that is old, elderly, wise, intelligent, who has obtained wisdom due to life experience), and in the figurative and ironic meaning (in the sports and political discourses, show business, etc.). Based on an analysis of the functioning of the lexical token in different linguistic cultures and different types of discourse, it is concluded that the old Turkic word aqsaqal not only has survived over centuries, but also has acquired new meanings and thus extended the discourse capacity, reflects the modern Eurasian realities, and is part of the active vocabulary of our contemporaries.

Keywords: *linguistic culture, aqsaqal, ethno-cultural specificity, semantics, actualization, semantic embodiment.*

1. Introduction

⁷⁴ ISSN 2039-2117 (online)/Mediterranean Journal of Social Science/Vol 6 No 5 S4
ISSN 2039-9340 (print)/MC SER Publishing, Rome-Italy October 2015

Ethnocultural specificity of the semantics of the lexical token *aqsaqal* is determined by its special culturological significance and retains the features of the mentality of a certain ethnic group. The representation of axiological objects of the linguocultural community with the concise word *aqsaqal* combines the universal and idioethnic reflection of the real world. The use of an integrated approach to the study of the semantics of the word *aqsaqal* with the involvement of not only linguistic, but also ethnographic, anthropological, psychological, and general cultural data allows providing adequate interpretation of a significant fragment of the cultural space.

Despite the importance and the increased in recent decades frequency of use of the lexical token *aqsaqal*, there are not so many publications analyzing this concept. Let us review the Russian-language sources.

In the article “Cultural Concepts in the Russian Language of Kazakhstan”, E. Zhuravleva called one of the “typical for the Kazakhstani society traditions that determine the mentality of both Kazakhs, and all people living in Kazakhstan—the respect for senior people, especially the elderly,” and associates it with the concept *aqsaqal*. The author refers to the interpretation of the word by V.I. Dahl and gives several examples from modern journalism. The conclusion is made on the decisive nature of this concept, its belonging to the “circle of cultural and historical constants that make up the core of the Kazakhstani mentality” (Zhuravleva).

G.S. Umarova in her article “The Concept *Aqsaqal* as a Reflection of the World Vision of the Kazakhs in the Story by V.I. Dahl ‘*Bikei and Mauliana*’” noted that the concept *aqsaqal* in the story “*Bikei and Mauliana*” reflected the elements of the picture of the being, determined by the features of the activities of representatives of the Kazakh society, enshrined in the national vision of the world, and broadcast by means of the language in communication. The emphasis is made on the fact that the concept *aqsaqal* in the story by Dahl is used as the concept of practical, that is, everyday philosophy as a result of the interaction of a number of factors, such as national tradition, folklore, ideology, and the system of values. Describing the *aqsaqal*’s portrait in the story by Dahl, the author concludes that its archetypal attributes are preserved, that reflecting the realities of the Kazakh social life in the nineteenth-century, Russian literature, particularly the novel “*Bikei and Mauliana*” preserved the specific cognitive stereotypes of the Kazakh nation in relation to *aqsaqals*. ”

Luiza Samsitova in the abstract of the dissertation of PhD in Philology “Cultural Concepts in the Bashkir linguistic View of the World,” noted that the study of cultural concepts allowed to characterize the mentality, way of life, traditions, customs, philosophy, psychology, and spirituality of the people, reflected in the language. Analyzing the culture of relationship of the Bashkir, the author noted that they “were based on trust and openness. The Bashkirs treat a person of the elder generation with special reverence.” The authority of *aqsaqals* “who play an important role in the formation of personality” is marked, because their wisdom teaches the younger generation “the laws of life, tolerance,” teaches to distinguish the good from the evil, etc. (Samsitova, 2014).

The authors of the article “Dictionary of the Eurasian Linguistic Culture” share observations on the “opposite tendencies of development of modern civilization, languages, and cultures.” The contradiction pointed out by the authors (globalization as an inevitable demand of the times, on the one hand, and the attempt to preserve one’s culture, the language of the people, on the other hand) is typical primarily of multi-ethnic states. Both Kazakhstan referred to in the article and Russia are multinational and multicultural states. The authors pointed to “the specific psychology of peoples ... specific world view inherent in Eurasians” (Sabitova et al., 2011). They present the concept of the “Dictionary of the Eurasian Linguistic Culture” – the description of the dominant concepts of the Kazakhstani national idea. The dictionary entry *aqsaqal* is provided only for reference. The proposed fragment provides a dictionary interpretation and the encyclopedic, historical, and etymological reference, based on the materials of Dahl’s dictionary and the Encyclopedic dictionary, of the concept *Aqsaqal*

in the Eurasian linguistic culture, which includes three points (Aqsaqal – wisdom, knowledge; Aqsaqal – experienced person; Aqsaqal – esteem), which are illustrated by the materials of the Kazakhstani journalism; as well as the data of association experiment. The dictionary article gives an idea of the role of the concept aqsaqal in the national, including linguistic, worldview of the Kazakhs.

2. Methodology

The existing scientific studies present the lexical token aqsaqal as ethnospecific, inherent in the linguistic culture, about which the authors write. We have decided to show that the general Turkic token is much wider in terms of meanings and functions; it is updated with new semes and connotations. Having become almost international in the Eurasian culture (in Russia, Central Asia, and others countries), it appears in some languages as a cultural concept, in others – as a linguocultural text element (linguocultureme), in the third – as a concept, in other – as a lexical token. The main methods of our consideration of the lexical token aqsaqal were the descriptive, comparative, and distributive methods (which allowed studying the behavior of the compatibility of the lexical token in different meanings, especially in its modern use). The source of the study was the author's catalog compiled based on the texts of fiction, journalism, Internet websites, the Russian National Corpus, recorded fragments of dialogs and polylogs. We decided not to include in this article the results of functioning of the lexical token in the verbal discourse, as these interesting facts are quite voluminous. The material used for the article included the explanatory, etymological, encyclopedic dictionaries, which in one way or another described the lexical token aqsaqal.

3. Results

As the survey revealed, aqsaqal as a cultural concept is represented in many linguistic views of the world. The lexical token itself is included in the lexical system of the Russian language, genetically derives from the Turkic languages, in which it means gray-bearded. In the Dahl's "Dictionary of the Live Great Russian Language", we can find the following definition of the word aqsaqal – "in areas bordering Asia and populated by Tatars: an old man, foreman, the elder, elected; it is translated as: grey beard." Obviously, the characteristic of a person of advanced age is based on his appearance.

In the "mental lexicon (Emmorey and Fromkin, 1989), the same value can be expressed without pointing to the appearance of a person. For example, in the Adyghe languages – the Adyghe and Kabardino – Cherkessian languages – the concept is expressed with the lexical token nekh"yzh' (literally, 'senior, elder'). And most often, the word nekh"yzh' is followed by the suffixed element fl, which derives from the qualitative adjective fly – good: nekh"yzh'yfl. In this context, the suffix element contains the element of respectful attitude to the elders. The lexical token nekh"yzh' or nekh"yzh'yfl occupies an important place in the formation of set expressions, for example: Nekh"yzh'yfl zilem nekh"yshchlefli ileshch [where there is a good elder person, there's a good junior one]; Nekh"yzh'ym zh'e et, nekh"yshchlem g'uegu et [Give the senior the floor to speak, and the junior the way to go]; Nekh"yzh'nemys, nekh"yshchle nasyp [let the senior be honored and the junior be happy].

In explanatory dictionaries of Turkic languages, we find historical definitions of the lexical token aqsaqal, which have undergone certain changes, and modern, reflecting the perception of the concept in the national consciousness of various ethnic groups. For example, in the dictionary of the Kazakh literary language, the basic definition of the concept aqsaqal is "an old, respected person". In the Kazakh national worldview, as well as in the mentality of many Turkic and Caucasian peoples, the term aqsaqal and the historically successive categories "respected person", "the governor of the kin", "the elder of the kin" have additional connotative meanings. The semantic embodiment of the word aqsaqal is close to the notion "a person who has life experience and can be a mentor". Such equivalence actualizes the evaluative nature, and this estimate is of pronounced positive nature. The relevant characteristics are given in the Kazakh language and the derivative aqsaqaldi'q: the typical features of a revered person who has seen a lot, has considerable experience; the

eldest, respected person, by historically formed traditions – the head of the clan, tribe; the traditional system of parenting. In the Kazakh mentality, the concept *aqsaqaldı'q* comprised the traditional system of parenting that includes spiritual values, the priority of which for a long period of history was unconditional. Thus, the meaning of the concept *aqsaqal* includes in the mass consciousness of the Kazakhs extension of the name of the age of a person to the nature of his relationship with people, which always comprises (directly or in the context) the aspect of respect, expression of mentoring with respect to the younger ones, and more often – manifestation of the leadership qualities.

The obsolete meaning of the word *aqsaqal* (foreman, elder, elected) given in the dictionaries of V.I. Dahl, T.F. Efremova, P. Ia. Chernykh and in a variety of encyclopedic dictionaries is found in travel diaries and notes, memoirs, etc. The renowned artist V.V. Vereshchagin, who traveled extensively around Asia, noted the features of aul governance in pre-revolutionary Russia: “Upravlenie derevni sosredotochivaetsia v rukakh starshiny I kazy (kaza – dukhovnoe litso, rod sud'i); dolzhnosti eti ne vyborye, a po naznacheniiu i v bol'shinstve sluchaev dazhe nasledstvennye – tak, moi priiatel' Tash, aksakal Khadzhakenta, nasledoval dolzhnost' oy ottsa, kotoryi, v svoiu ochered', poluchil ee ot svoego roditelia i t.d.”; “Pri takom poriadke upravlenie, razumeetsia, chisto patriarkhal'noe: aksakal i kazy, na uslovii vzaimnogo delezha, grabiat narod, i, skol'ko mne ni sluchalos' slyshat', liudei chestnykh v tom smysle, kak my eto slovo ponimaem, nelitsepriiatno, bez vziatok i poborov sudiashchikh i upravliaiushchikh, mezhdumimi net” [Governance of a village is concentrated in the hands of the elder and the *kaza* (*Kaza* – a spiritual person, kind of a judge); these positions are not elected, but assigned, and in most cases even hereditary – thus, my friend Tash Aqsaqal of Khojakent inherited the post from his father, who in turn received it from his parent, etc.”; “With this order, the governance is, of course, purely patriarchal: *aqsaqal* and *kazas*, on the condition of mutual sharing, rob the people, and I have happened to hear many times from honest people, in the sense as we understand this word, impartially, there is no one judging and governing without bribes and extortion among them] (“From the Journey across Central Asia”, 1883). In these contexts, it is certainly spoken not about age or wisdom, experience, but about the administrative position. As you can see, the evaluation of this activity by Vereshchagin is sharply critical. It can be assumed that not all local officials “governed” their subordinates in such a way, but in this sense exactly the token *aqsaqal* often has a negative connotation, as it characterizes those in power, many of whom even before the revolution had made use of their position and been corrupt. Long before the release of the notes, the artist painted the picture “Uzbek, foreman (*aqsaqal*) of the village of Hodjakent” (1868), the title of which focuses on the meaning of the word *aqsaqal*. The sketch helps imagine “foreman of the village” – “thanks to the interaction of various semiotic systems, we have the chance to glimpse into the world of our predecessors” (Agleeva, 2010), see the signs of ethnic mentality in the appearance of the character, and “the total of components of different semiotic systems allows most fully and tangibly representing the depth of concepts”(ibid).

V. Obruchev, the author of science fiction novels “Plutonium” and “Sannikov Land”, who participated at the invitation of the Russian Geographical Society in the expedition to Central Asia, wrote the novel “In the Wilds of Central Asia (Notes of a Treasure Hunter)”, “in which he not only tells about the life of local residents, for example: *Aksakal pomog mne naiti provodnika iz mestnykh okhotnikov; aksakal snabdil menia v'ukom khoroshego sena iz liutserny i klevera* [*Aqsaqal helped me find a guide of the local hunters, aqsaqal gave me a good pack of alfalfa and clover hay*], but also provides a brief explanatory dictionary, in which he gives interpretation of the word *aqsaqal*: “*Aqsaqal* (Turkic.) – literally: “gray beard”, a venerable, respected man, foreman, chief” (ihavebook.org/books/142657/v-debryah-centralnoy-azii.html).

In the works of the Kyrgyz writer Chingiz Aitmatov, different meanings of the analyzed word are presented. In the story “The White Ship”, the writer through opposition very

concisely conveys what usually distinguishes aqsaqals in his opinion: “Da i naruzhnost’ Momuna byla vovse ne aksakal’skaia. Ni stepennosti, ni vazhnosti, ni surovosti. Dobriak on byl, i s pervogo vzgliada razgadyvalos’ v nem eto neblagodarnoe svoistvo chelovecheskoe” [The appearance of Momun was not of an aqsaqal at all. No staidness, importance, or severity. He was a good man, and at the first glance one could understand this thankless human property in him]. Nevertheless, throughout the work, old Momun is appealed to only as aqsaqal. Compare: 1. Skripia nametennym snegom, prishel’tsy zagremeli podoshvami po verande, zabarabanili v dver’. – Aksakal, ot kroite! Zamerzaem! [Gritting with the carried snow, newcomers rattled the soles on the porch, knocked at the door. – Aqsaqal, open up! We are freezing!]; 2. –Aksakal, ia tebia tak liubliu! Chestnoe slovo, aksakal, kak ottsa rodnogo [Aqsaqal, I love you so much! Honestly, aqsaqal, as my own father]; 3. –Da ne stoit, aksakal, -vozrazil, smutivshis’, shofer. –Ty gost’, a my zdes hnie , ty sadis’ za rul’, -ugovoril ego ded Momun [Never mind, aqsaqal, said the embarrassed driver, -You’ re the guest, and we are local, so you drive, persuaded him old Momun]. This “dissipation of cultural information in the language, which consciously or unconsciously is reproduced by the native speakers,” who use the word “in certain situations, with certain intentions, and with a certain emotive modality through a single replica, stimulates semantic embodiment” (Zolotykh, 2013) of the lexical token aqsaqal.

Lev Gumilev wrote: “Ever –changing, dying, and being reborn, as every living creature on our planet, ethnic groups leave a track of the past by committing acts that constitute the skeleton of the ethnic history. This track is the memory of events.” The most reliable way to fix the memory of events is the word. Of course, time often brings the new to the semantics of the word, in the scope of its use. For example, in modern Kyrgyzstan, the lexical token aqsaqal operates at the official level (“Famous aqsaqal –academics and professors –appealed to the President as the guarantor of the Constitution, calling him to stop the criminal cases against the opposition members and negotiate with them. It is said in their statement of February 4, 2009” <http://www.qwas.ru/kyrgyzstan/ar> -namys/izvestnye). The use of the name of the social organization “Council of Aqsaqal” is also rather frequent (“the Council of Aqsaqals of Kyrgyzstan demanded that the US air base was removed from the republic. Aqsaqals declared that the US military presence in Kyrgyzstan threatens the national interests of the republic” - http://www.stoletie.ru/lenta/kirgizskije_aksakaly_trebujut_zakryt_bazu_ssha 2010). In recent years, several multiethnic regions of Russia have also started to invite experienced, respected people in the social organizations, which aim to address social issues, issues of interethnic communication. Thus, in the Russian language, the same “social permanent association, the board of the revered, respected veterans of war and labor” also becomes relevant. Let us refer to the media, covering the process. In the article “Aqsaqals will Bring Peace to our Land”, it is reported about the establishment of the Council of Elders in Yugra: “The idea is that it should help solve the “ethnic issue”. The bottom line of the advice is simple –many problematic issues of interethnic relations can be resolved in a spirit of respect for elders (<http://etnic.ru/about/news/aksakali.html>). NTV.Ru spoke about the role that aqsaqals can play in the education of young people: “Although the custom is contrary to Islam, and the ritual itself is a crime according to the Criminal Code, the Ingush youth continues to steal brides. In Ingushetia, the meeting of the elders amended the laws of the mountains, to make them more civilized. Aqsaqals introduced heavy fines for bride kidnappers and approved rates of compensation for the abandonment of blood vengeance” (<http://www.ntv.ru/novosti/202086/?fb#ixzz3gRYpBNuj>). In Primorye, “in order to prevent the occurrence of epicenters of extremist and nationalistic disturbances caused by domestic difficulties, linguistic and religious barriers, it is necessary to take urgent steps, <...> including election of leaders from among the elders in the national –cultural autonomies. People will better defer to the opinion of aqsaqals according to representatives of the police and the public. The spiritual leader of the diaspora and the head of the national public

organization in tandem can become a source of information for migrants who already are residents and those who are only going to come, and the “Council of Elders” will be able to “extinguish” many flaring conflicts” (http://www.pk25.ru/news/primorye/01_09_11). The social activities of such councils are referred to in the following article: “The elders of Nizhnekamsk for over 15 years have been actively involved in the life of the city. And today they have made a very interesting proposal. In the opinion of the aqsqaqs, the city urgently needs a funeral agency. Not just an agency, but which would observe all the canons of Islam and Orthodoxy” (<http://ntrtv.ru/12275-nizhnekamskie-aksakaly-vstretilis-zachashkoy-chaya-s-merom-goroda.html>). As you can see from the last example, the definition aqsqaq is applied to the members of different faiths and ethnic groups, most importantly, they must conform to the representations, which the word assumes: “Est’ liudi, kotorym ничто не даётся в этой жизни просто. Всевышний, проверяя их на прочность, преподносит им все новое и новое испытание. Одни ломаются, находят успокоение в вине, другие крепчают духом. Живет он с Богом в душе, работает, как требовали церковные каноны, шесть дней в неделю. В воскресенье отдыхает, вернее, в этот день помогает другим. Люди уважают его, называют аскалом Акат” [There are people who do not receive anything easily in this life. The Almighty checking their strength tests them again and again. Some of them break and find solace in wine; others grow stronger in spirit. He lives with the God in his soul, works as the church canons require, six days a week. On Sunday, he rests; or rather, on this day, he helps others. People respect him, calling him aqsqaq Akat] (<http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>).

The Azerbaijani linguistic culture has an interesting semantic interpretation of the concept aqsqaq. The significance of this concept is determined by the creation in 1990 of the Council of Aqsqaqs of Azerbaijan, which holds a special place among the civil institutions of the country. For example, the cognitive-discursive analysis of the text of the report of the Extraordinary VI Congress of the Council of Aqsqaqs of Azerbaijan allows us to represent the discursive-pragmatic activities of aqsqaqs in linguistic structures, interpreting high morality. Compare: preservation of national and spiritual values, spread in the society of high human qualities, such as purity and simplicity, formation of morally and physically healthy young generation, parenting of the youth in the spirit of fidelity to motherland. The given linguistic categories integrate the results of the diverse experimental and objective activity of aqsqaqs.

The expressiveness of words expressing a positive assessment of aqsqaqs is superimposed on the emotional and estimating meaning of the epithets and metaphors used with regard to them: the golden fund, valuable people, the cream of society, the most valuable members of the society, etc. Such symbolism brings additional value to the object of the aqsqaq category, not violating directly the “historical content”. The system of analogies and assimilation is “the foundation of symbolism in general. Based on it, each thing according to the metaphysical principle <...> explains and expresses this principle in its own way and according to its own level of existence so that all things are interconnected and connected into a single universal harmonic system, which under its many guises is the reflection of its own fundamental unity” (Gue`non, 2008). The cognitive stage of meaning –making of the word aqsqaq is the conceptualization of knowledge, in the process of which the semantic completion and peripheral adjustment of the already structured and verbalized concept of education takes place. Proof of this is the story of the traditions of the aqsqaq institution: The Azerbaijani epic “Kitabi Dede Korkut” tells about the institute of aqsqaqs, which was a generally respected structure standing on its word and giving advice on all matters of public administration. Dede Korkut was the head of this institute. The word of the aqsqaqs of the tribe who followed him was believed the law for people. The wisest aqsqaqs of the Azerbaijani society as advisers conducted their activity in the palace of Shah Ismail (<http://www.xalqqazeti.com/ru/news/politics/10500>; 18.02.2013/). Consequently, the semantics

of the word aqsaqal objectifies in the linguistic consciousness the extralinguistic knowledge as well.

In relation to the Tatar linguistic culture, the attitude to aqsaqals is extremely positive, perhaps because mainly they are associated with the semantic elements wise, experienced, generous, kind and high-minded, old, gray-haired, having gray (white) beard, considering it his duty to pass on his experience, to warn against errors, to do good deeds. Often people turned to aqsaqals for advice, blessing, etc.

We can witness such semantic interpretation of this token in the story by the Kyrgyz writer Ch. Aitmatov "Mother's Field": "Tem vremenem priekhal siuda starik nash odin, vrode by ne po ochen' srochnomu delu. Ia emu skazala: -Kstati priekhali, aksakal, blagoslovite s dobrym nachalom pakhoty. On razvernul ladoni, sidia na kone, i, poglazhivaia borodu, prosheptal: -Pust' pokrovitel' khleborobov Dyikan -baba pobudet zdes', pust' urozhai budet, kak polovod'e" [In the meantime, our old man came here alone, seemingly about not a very urgent matter. I told him, "You have come just in time, aqsaqal, bless us for a good beginning of the plowing." He unfolded his hands, sitting on a horse and stroking his beard, whispered, "Let the patron of farmers Dyikan Baba visit this place; let the harvest be like a flood]. Quiet, with all the heart, blessing -that is what is characteristic of a true aqsaqal -wise, aware of the life and understanding it, who wants to warn young people against the evil.

Another semantic facet of the word - concept aqsaqal is disclosed in the statement of the editor of the informational and analytical journal "Elite of Tatarstan" A.Khazieva. Describing the modern Tatar literature, she wrote, 'Seichas nam ochen'ne khvataet slova "Aksakal" v literature. V nashei respublike ran'she buli vesomye imena, k kotorym prislushivalis', kotorykh tsenili - N.Isanbed, G. Bashirov, S. Khakim, A. Eniki, M. Amir, Kh. Tufan, chut' pozzhe G. Akhunov, I. luzeev, A.Giliazov- gromkie imena , blagodaria chemu slovo pisatel'ia slyshali i tsenili raznye sloi obshchestva. ...Oni byli i uchiteliami, i uchiteliami, i sovetchikami dlia molodykh. Segodnia u nas net takikh velichin, ob "ediniashchikh narod i pozvoliaushchikh literature derzhat' marku. Ochen' talantlivyi, nyne pokoinyi poet R. Akhmetzianov odnazhdy zhalovalsia: " vot, mol, ran'she byli kakie aksakaly, seichas takikh net". Deistvitel'no, mesta dlia nastoiashchikh aksakalov v tatarskoi literature poka pustuiut. Vakansiia est', "spetsialistov" net' [Now we are lacking the word aqsaqal in the literature. In our republic, significant names used to exist, whose opinions were respected and valued- N. Isanbet, G Bashirov, S. Khakim, A. Eniki, M. Amir Kh. Tufan, Abit later- G. Akhunov, L. Luzeev, A. Giliazov - dominant names, due to whom the word of the writer was heard and valued by different layers of the society. ... They were both teachers, and counselors for young people. Today, we do not have such figures that unite the people and allow literature to maintain its reputation. The very talented, presently late poet R. Akhmetzianov once complained, "There used to be great aqsaqals, not anymore". Indeed, the place for the real aqsaqals in the Tatar literature is empty. There is a vacancy, but there are no "experts"] (<http://www.elitat.ru/index.php?Rubrika>).

The different frequent meaning of the word aqsaqal is "an old -timer": 1. "Literaturnaia gostinaia", chital'nyi zal biblioteki sobral tsenitelei tatarskoi poezii, gde proshel konkurs chtetsov. Siuda zhe prishli I aksakaly raiona. Oni proveli besedu "Rasskazy starozhilov" [Literary Salon" -the reading room of the library has gathered together connoisseurs of the Tatar poetry, where a contest was held among readers. This event was also attended by the aqsaqals of the district. They had a conversation" "Stories of the old -timers"] (<http://kombibl.wmsite.ru/novosti/den-tatarskoj-kultury>); 2. "Mnogo povidavshim I ispytavshim na svoem veku, no ne poteravshim vkusa k zhizni aksakalam svoei rodnoi derevni posviashchaiu" [I dedicate it to the aqsaqals of my native village who have seen and experienced a lot during their life, but have not lost the taste for life](abstract from the play by T.Minnullina "Almandr of Aldermesh"), etc.

In the artistic discourse, where, according to N.F.Alefirenko, "not only the cognitive and synergetic processing of the eventual,socio-cultural, communicative and pragmatic,and

linguistic\snic takes place, but also its transmutation...” and “as a result of such linguistically creative transformations of the semantic constituents ... the national vision of the linguistic picture of the world is generated” (Alefirenko, 2009), the general and the specific in the pragmatic use of the polysemant *agsagal* is revealed. In the works of contemporary Russian writers, the lexical token *agsagal* occurs in different meanings and has different connotations, depending on the communication objectives, intentions and attitudes, i.e. the illocutionary aspect (Austin, 1986). When it comes to customs, way of life and traditions of Turkic and Caucasian ethnic groups the first value marked by explanatory dictionaries is often used. For example, in “Ai-Petri” by A. Il’ichevskii an ambiguous attitude towards *agsaqals* is traced. On the one hand, they are the keepers of traditions strictly guarding morality, a kind of the “morality police”, and in the situation, the author uses appropriate vocabulary: “*aksakaly vossedali; vremia ot vremeni aksakaly poperememno pripadali k nemu (stolbu v komnote), provodia sverkh u vniz ladon’iu, shevelia gubami i posle tseluia dokosnuvshiu isia ruki*” [*agsaqals solemnly sat; occasionally the aksakals alternately cling to it (the post in the room), stroking it from top to bottom with their palms, moving their lips and after that kissing the touched hand*], etc. In the tearoom scenes, the attitude to *agsakals*, however, changes, and the author ironically treats them: “*Odin aqsagal poho zh na vysokshago bogatyria. Nad ego golovoi parit obleslyi belicgii treukh. Izredko stariki vspyhivaiut, i togda klekoti rubiashchie zhesty vsletaiut nad ikh stolikom*” [one *agsagal* looks like a dried – hero/ over his head, a shabby squirrel *treukh* soars. Occasionally, the old men flash and then screams and chopping gestures soar above their table]. The epithet *vysokshii* [dried-up] in conjunction with the word *bogatyri* [hero] is an oxymoron. Violation of lexical compatibility is observed in the second sentence too. The verb *parit* [soar] in the meaning “stay in the air using motionlessly spread wings” is commonly used in the context of a different tone (*orel parit v nebe* [eagle soars in the sky]; *gordo parit* [proudly soar], *parit v oblakax* [soar into the clouds], etc.). *Oblezlyi treukh parit* [shabby *treukh* soars] is an unusual obviously decreased unexpected expression; the use of the definition *oblezlyi* [shabby] only exacerbates the jest about the elderly. Thus scenes are perceived controversially: on the one hand, the elevated vocabulary, almost philosophical arguments, and on the other – reckless behavior of the characters which led to a tragedy described in roughly the same styles as the portraits of the *agsaqals*: *tak gallitsinirua naiavu, my podvisaem v etoi chainoi; glishim chai; vsletaem ot dvukh glotkov* [so, hallucinating in the tearoom; drink tea; take off from two sips], etc.

In the tale by L. Petrushevskaia “little Fairy” the shop assistant calls *agsagal* the wizard *Amati* only by the attribute an old man, as evidenced by the references to him (*dedulia, dedushka, kak geroi dvenadsatogo goda* [old man as a hero of 1812]). All other senses present in the lexical token *agsagal* are not implied. The main character of the tale gives the words *agsagal* a negative sense, which is emphasized by the definition *bizarre*: “*vo aksakal chumovoi! – proiznesla prodavshitsa* [the *agsagal* is totally mizzare! Said the saleswoman]. The main character is one of the young people who are intolerant of the slowness, “retardation” in the perception of the new, which is peculiar to most seniors. The attitude to the old man was also expressed in the characterization by the woman of his words and action: “...*vo dedulia daet, nichego ne tumkaet!... vy, dedushka, sluchaino ne s luny ruxnuli?*” [... the old man is so strange, doesn’t get it at all! ... do you old man live under the rock?]

In “Mysterious Passion,” a work about the difficult fate of famous intellectuals of the sixties, Vasily Aksenov uses the word *agsagal* in a sarcastic context. Talking about the Parisian exile, the writer remarked ironically, “*K etomu vremeni stala uje ponevnjgu formirovat’sia sreda novoi “parijskoi noty”*. On *oglianul’sia: ely-paly, dorogie tovorishy, posmotrite chto delaetsia – vcherashniaia pustynia napolniaetsia zhizn’iu*. Vot idet v molodejnoj kurtochke *aksakal Stalingsratskoi bitvy Viktuar Platonov*, a iz za drugogo ugla navstrechu emu *vidvigaetsia s trost’iu v jeleznoi ruke glavnyi redaktor zhurnala “Arkhipelag” Vol’demor Emelianov*...” [by this time, a new medium of the “Parisian music” had

gradually became to form. He looked around :Cripes dear comrades, see what is being done the yesterday deserts is being filled with life. Here in a youth jacket, the aqsagal of the Battle of Stalingrad Vicnoire Platonov walks and from the opposite side Chief Editor of Archipelago Vol'demor Evelianov advances towards him with a cane in his iron hand...]. Connection of the phrases *v molodejnoi kurtochke*[in young jacket] and *aksakal Stalingradskoi bitvy*[aqsagal of the Battle of Stalingrad] further emphasizes the writer's attitude to the situation. Aqsagal "veteran" here.

Despite the fact that the word aqsagal was included in the "Explanatory Dictionary of Russian Language" of V.L.Dahl was ideally widely used in the works by Russian writers of the XIX century (including the story of V.L.Dahl "Sikei and Mauliana"(Umarova2013)/ in the Russian linguistic culture the lexical token is perceived as the name of a "strange" concept, which reflects a different culture. But as a result of "correlation between the history of people and the history of cultures"(Gumilev) this token took a significant place in the Russian language.

According to our observations, currently, the formation of the linguocultureme aqsagal place; the lexeme has been enriched with new senses; semantic changes, shifts, and displacements are marked while the well-known meanings also persist. Let us consider the primary meaning of the word. Appealing to the token aqsagal in modern Russian press is rather frequent. This is probably due to the gravity of speech economy (the meaning of the lexical token is well known, it can replace lengthy phrases) or the desire to dilute the concepts aqsagal and veteran as the last word is more restricted in the use and has different stylistic overtones. mainly in contexts the token functions within the meaning "experienced, having experience in a particular area": "V Ulyanovskoi oblasti namereny otkryt' "shrolu glavnogo vracha", chtoby pereobuchat' v nei rukovoditelei meditsinskikh uchrejenii. Pomogat' v etom nadeiutsia v soprovozhenii proekta zaimetsia meditsinskaia palata oblasti"[the Ulyanovsk Region plans to open the "Chief Physician School" to retrain heads of medical institutions in it. The government relies on the help of aqsagals who have been working as chief for a long time. Support and maintenance of the project will be provided by the Medical Chamber of the region]

Appeal to the experience, knowledge of veterans is typical of other industry sectors, in particular, based on the online article "Aqsagals will share their experience" – for economy: "Prezidium oblastnoi Torgovo- promyshlennoi palaty prinial reshenie sozdat' obshchestvennoe formirovanie pri palate, v kotoroe voshli aksakaly oblastnoi ekonomiki – umudrennye opytom liudi, kotorye v solidnom vozroste ostalis' neravnodushny k svoemu delu. Nazyvaensia eto novoe ob'edinenie "Sovet stareishin". V sovet mudreishikh voshli professionally v svoei otrasly. Tsel'ego sozdania – pomosh' segodnesnemu biznesu v reshenii razlichnykh problem. Oni mogut stat' svoeobraznymi nastavnikami vovremia podskazyvaiuhchimi vozmojnye puty vykhoda iz voznikaiushikh problem"[The Bureau of the Regional Chamber of Commerce decided to set up community groups in the Chamber, which included the aqsagals of the regional economy – the highly experienced people of a respectable age who have remained in different to their business. This new association is called the "Council of Elders". The board of the elders included professionals in their field. The purpose of its establishment is to help today's businesses in solving various issues. They can become a kind of mentors, timely telling the possible ways out of the evergrowing issues]. The lexical token aqsagal can be found in the announcements of high-ranking officials (often the top figures): covering the official visit of President of Kazakhstan N.Nazarbayev to Uzbekistan and his meeting with the president of this country the journalist gives information under the heading "Aqsagals meet again emphasizing the experience of both politicians and their long stay in power. There are numerous nexts like this in the printed media and on the internet. Their analysis makes it possible to state that most of the texts, in which the polysemant aqsagal is used to mean "an old, respected person." "an experienced person", are characterized by rigor, even officialdom to some extent.

The seme “the eldest” of the lexical token aqsagal is present in the following context:” Voprosy kak-to pri etom vsplyvaiut o svysle jizni. Skoree – o rannei smerti. Chto eto za dela-Frants Shubert umer v nepolnykh 32 goda?! Motsart – v 36, Shuman – 46. Shopen -49. Aqsagal chaikovskii-53. Tnj chto – u vas takie poriadki?”[Smehow, the questions about the meaning of life come up to ming. Rather about an early death . Is it normal Franz Schubert died before he was 32? Mozart-36,Schumann – 46, Chopin-49. Aqsagal Tchaikovsky – 53 . Is that your common rule?]. The lexical token was used to emphasize not the old age of the men of art ,but the seniority among the given row names of famous covposers who had a short life.

In the modern Russian there is a tendency of using the word aqsagal in in specific context :humorous or ironic(for example, aqsagal of KVN(“Club of the funny and inventive”) , aqsagal of the national team, aqsagal-car enthusiast, aqsagal in the law science , aqsagalof the nennis court, and even aqsagals og flowerberds , agsaqal og family relationsgips,etc.).The offset of the predominance of the seme “ old honored worker, employee,veteran” is observed in modern journalist. Amd often the experience is more important, but not the age itself/ It is clear that both the defender D. Krasotkin(the aqsagal of our ice hockey),and the singer Vladimir Kipelev (the aqsagal of Russian hard rock), and a karge number of anhletes, who had been called veterans and aqsagals before leaving the big sport had been far from senior age. The article of F.Ermoshin “ Rock Aqsagals on the Summer Porch information about the concert:”24iiunia bliuzovaia komanda “Udachnoe priobretenie” vmeste s A.Makarevichem vystupili na lenbei verande restorana “Dilizhans”. Teplaia pogoda, oaziz letnei verandy , virtuoznaia igra muzikantov,liubimie melodii – vse eto sdelano vecher nezabyvaevyv. Muzikanty mnogo chutili. Atmosfera ,yla neprinuzhlennaia , daje prazdnichnaia , ved’ kollektivu v etom godu ispolniaetsia 40 let. Alekseia “Vait” Belova, lidera gruppy nedarom nazivaiut ottsom moskovskogo bliuza. “Aqsagal ... gorets – tak otozvaksia o nem”Makar”[On June 24,the bluesband “lucky Purchase” with A.Makarevich performed on the summer porch of the Diligence Restaurant. Warv weather , an oasis of the summer posch , the virtuoso musicians, and favourate tunes – all this made evening memorable.Musicians joked a lot. The atmosphere was relaxed, tvtn festive, because the team celebrate40 years this eay. Aleksei “white” Belov, the lider of the group, is reasonably called the father of the Moscow blues. “Aksakal ... highlander,” said about him “Makar” (25.06.2010; <http://www.odintsovo.info/news28651>). Aqsakal in a joking meaning in various years was used in the mass media in relation to the jubilee celebrating L. lakubovich (the aqsakal of the show business), N.N. Drozdov (the aqsakal of national television). Most frequently, this definition is used by sports journalists, who call aqsagals the most senior athletes in a team, who are approaching the end of the their career (in each sport, it is a different age, although there may be exceptions):” ... Khorosho, chto nakanune dusha-chelovek – glavnyi trener, aksakal sbornoi Rossii po pulevoi strel’be O.A Lapkin potratil chas v gostinichnom nomere na strelkovyi likbez dlia vashego korrespondenta, “chainodauna strelkovogo sporta” [...It’s good that the day before the big-hearted man – the head coach, the aqsakal of the Russian national team in shooting O.A. Lapkin spent an hour in the hotel room for a small educational program for your correspondent, “chainodaun” of the shooting sport] (Soviet Sport, 2008); “V etom godu dolzhny bit’sia za vykhod v prem’er-ligu, no tol’ko cherez mesiats-dva posle nachala chempionata stanet poniatno, gotova li “Alaniia” k etomu, - otmetil aksakal” [This year, they are to struggle for the access to the Premier League, but only a month or two after the start of the championship, it will be clear whether “Alania” is ready for this, said the aqsakal”] (Sovetskii Sport, 2009); “26 iiulia teper’ uzhe aksakal sbornoi, priznannyi master massazha Mikhail Nikolaevich otprazdnoval svoe 55-letie” [On July 26, the then aqsakal of the national team, a recognized master of massage Mikhail Nikolaevich celebrated his 55th anniversary] (Sovetskii Sport, 2008); “Est’ nastoiashcie aksakaly nastol’nogo tennisa, kotorye iavliaiutsia aktivnymi propagandistami nastol’nogo tennis, zdorovogo obraza zhizni, pokazyvaiut prekrasnyi primer sportivnogo dolgoletia podrastaiushchemu pokoleniiu. Vozrastnaia kategoria 65 let I starshe. Aksakaly nastol’nogo tennis s azartom I iunosheskim

zadorom vyiasniali otnosheniia mezhdub soboi ” [There are true aqsaqals of table tennis, who are active promoters of table tennis, a healthy way of life, show a perfect example of sports longevity for the younger generation. The age group is 65 years and older. Aqsaqals of table tennis with passion and youthful enthusiasm were sorting out the relationships between them] (Yakutia 24.ru).

In the article the Russian championship among veterans of biathlon “Aqsaqals of Skis and Rifles,” the author also used the transformed phraseological unit, stressing the meaning, in which the token from the title was used: “V techenie neskol’kikh dnei v lesu na levom beregu Volgi, gde baziruetsia sportkompleks UIGU “Zaria” I sozdannyi pri nem biatlonnyi tsentr, prokhodili zabegi streliaiushchikh lyzhnikov. Veteranskie turniry – skoree, ne gonkas za medaliami, a vozmozhnost’ dokazat’ sebe I drugim, chto porokh v porokhovnitsakh eshche est’” [Within a few days in the woods on the left of Volga, where the UIGU sports complex “Zaris” is located, as the biathlon center affiliated to it, races of shooting skiers took place. Veteran competitions are rather not a race for the medals, but the opportunity to prove themselves and others that there is yet life in the old dog] (<http://ulpressa.ru/2012/03/03/aksakalyi-lyzh-i-vintovki/>). In a small expert, the paraphrase streliaiushchikh lyzhnikov [shooting skiers], i.e. biathletes, was used.

The playful narrative style is also inherent in Felix Kvadrigin (“On a Kayak” – <http://litfile.net/web/95849/98058-98693>). Speaking in general about serious things, the author gives advice to novice kayakers on behalf of the kayak aqsaqaks, i.e. experienced ones who have participated in many difficult swims: “Ob’em snariazheniia, ravnyi odnomu (odnomu!) riukzaku, - velichaishee dostizhenie evoliutsii baidarochnogo turizma. Nachinaishchemu baidarochniku ne sleduet povtoriat’ etot izvilisty I nelegkii put’: ved’ sushchestvuiut zhe dlia chego-nibud’ baidarochnyr aksakaly!”; “...baidarochnye aksakaly rekomenduiut pered nachalom pokhoda prokleit’ m “shkuru” vdol’ ukazannykh mest...”; “Tol’ko prikhodiashchaia so vremenem Vysshiaia Baidarochnaia Mudrost’ delaet sabliudenie etogo zakona reflektornym. A on vsego-navsego glasi: osmotri stoianku pered ukhodom. Mudrye baidarochnye aksakaly tverdili vam ob etom zakone edva li ne chashche, chem. O vsekh ostal’nykh” [the amount of equipment equal to one (one!) backpack is the greatest achievement of the evolution of the kayaking tourism. The novice kayaker should not pass again this tortuous and difficult path: this is what the kayaking aqsaqals exist for!”; “... kayaking aqsaqals recommend before the start of the swim to glue “the skin” along the shown places...” “Only the higher kayaking wisdom that comes with experience makes the compliance with this law a reflex. It merely reads – examine the encampment before leaving. The wise kayaking aqsaqals repeated this law to you perhaps more often than any other]. Despite the style inherent in the author, in addition to the semes already given in these contexts, he adds extra semes – “craftsman”, “professional”.

The ironic meaning often is present in the political discourse: “No, sudia po vsemu, eto dobroe nachinanie riskuet prevratit’sia, kak shikarno vyrazhalsia eshe odin politicheskii aksakal Chernomyrdin, v “kak vseгда” [But, apparently, this good initiative risks becoming (as another political Aqsaqal Chernomyrdin used to say beautifully) “as usually”] (Komsomolskaya Pravda, 2007); “Aksakak bol’shoi politiki ne bez osnovaniia schitaet, chto Rossiia nedostatochno predstavlena v mezhdunarodnykh sportivnykh organizatsiakh” [Aqsaqal of the big politics reasonably believes that Russia is not sufficiently represented in internationak sports organizations] (Trud-7, 2002).

Interestingly, a similar phenomenon is also observed, for example, in the Bellarussian journalism (see Article “Aqsaqals” of the Belarussian Music Received Awards from the President of Belarus”, which describes the awarding the Order of Francysk to famous musicians by the President of Belarus Alexander Lukashenka (<http://news.tut.by/politics/70505.html>). There is a process typical of many words: the lexical token not very popular in previous years reveals new faces, acquiring new connotations and stylistic coloring. According to A.R. Lurii, “internalizing the meaning of words, we

internaliz the common human experience, reflecting the objective world with different fullness and depth. “Meaning” is stable system of generalizations related to the word, which is the same for all people, and this system can only have a different depth, different generalization, different coverage of the subjects designated by it, but it is sure to keep intact the “core”-a certain set of relationships”(Luriiia, 1979).

The meaning given in the “Dictionary of Russian Language” of T.F. Efremova has revived-“metaphor:smth. Old, long-standing, long used.” For example, in the information sketch of A. Kisliakov Aqsaqal is a spaceship-“ Vo qlavu uqla stavitsia teper’ staryi, no ispytannyi vremenem orbital’nyi aksakal-korabl’””Soiuz”[The focus is now made on the old, but time-tested orbital aqsaqal-Soyuz] (<http://news.Mail.ru/society>). In the same meaning the definition of aqsaqal, is used, for example, by N. Leskova with regard to the Sukhumi Botanical Garden, to describe the “venerable age” of the garden: “Po boqatstvu kollektzii on zanimal odno iz lideriushchikh mest sredi dendrariiev mira, a po vozrastu eto nastoiashchii aksakal: Ofitsial’naia data sozdaniia botanicheskogo sada, “razbitoqo lekarem Baqrinovskim v kreposti Sukhum”, -1838 qod” [By the wealth of the collection, it held a leading position among the world arboreta and by the age, it is a real aqsaqal: the official date of the creation of the botanical garden, “set up by the physician Baqrinovskii in the Sukhum Fortress” is the year 1838]. In this meaning, the word aqsaqal was also used by T. Ved:

“Na berequ derev’ia-aqsaqaly, / raskinuv, krony moshchye zastyli. / V teni ikh priatalis’ ustavshie auly - / koqda-to zdes’ peresenentsy zhili” [On the bank, the trees-aqsqaals, / having spread their powerful crowns froze. / In their shadow tired villages hid themselves-/once settlers lived here]. (http://proza.kz/ru/proza/out-of-genre/39545.tatyana_ved.derevyakasakali).

The combination of the two meanings (attributed, on the one hand, to animate, and on the other- to inanimate entities) may be noted in the following context: “/ eqo iavila nam tysiacheletniaia Kazan’, splotivshaia tiurkskuiu I slavianskuiu dukhovnye stihii. Kazan’ iavila istoricheskoe porodnenie etikh stikhii. Etot qorod-poet, qorod-mudrets, qorod-starets, qorod-aksakal vozveshchaet o teploi vselenoi na zemle, a ne o kholodnom kosmose v nebesakh” [And it was shown to us by millennial Kazan that rallied the Turkic and Slavic spiritual verses. Kazan has shown the historical twinning of these two verses. This poet city, sage city, elderly city, aqsaqal city heralds the warm universe on earth, not the cold space in heaven] (<http://ww.moskvatatar.ru/news.php>).

4. Conclusion

An analysis of the content of concept aqsaqal in the oral discourse, the particularities of the functioning of translation equivalents of the token aqsaqal or descriptive construction, conveying the contents of the non-equivalent to some languages unit-these are just some of the aspects that interest us further, as these questions have not been approached by anyone, it is kind of a gap in intercultural comparisons that a description.

Aqsaqal as a cultural concept, a linguocultureme, or a notion is presented in many linguistic views of the world. Through cognitive structures verbalized by the token aqsaqal, the language begins to take a very active part in human cognitive activity. The activity-based approach to the study of the lexical token aqsaqal can reveal its ethnocultural nature.

Thus, the Old Turkic word aqsaqal not only survived over centuries, but expanded its discursive capacity by acquiring new meanings. It reflects the modern Eurasian realities and is contained in the active vocabulary of our contemporaries, promoting cognition of the culture, history, and language of the people living nearby, which “is particularly necessary in these days, when it is important to parent tolerance and respect for other cultures’ representatives” (Agleeva, 2006).

This international linguistic unit of general Turkic origin is one of the world models presenters and bears cultural and cognitive information, which contains age-old value paradigms, perceptions, and stereotypes.

References

1. Agleev, I.A., & Alefirenko, N.F. (2014). Regional'naia liksika Astrakhani v "Tolkovom slovore zhivogo velikoruskogo iazyka" V.I. Dalia [Regional lexicon of Astrakhan in the "Explanatory Dictionary of Russian Language" by V.I. Dahl]/ Luhans-Moskow: Publishing House of the V.I. Dahl VSU [in Russian].
2. Agleeva, Z.R. (2006). Rol' frazeologicheskikh edinit v reprezentatsil natsinal'noi iazykovoi kartiny mira [The role of phraseological units in the representation of the national linguistic view of the world]. Sokhranenie i razvitie rodnnykh iazykov v usloviakh mnogonatsinal'nogo gosudarstva: problemy i perspektivy – The Preservation and Development of Native Languages in a Multinational State: Problems and Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, in 2 vols, Vol. 2. Zamaletdinova, R.R., Ed., Kazan [in Russian].
3. Agleeva, Z.R. (2010). Mifologema kak element iazykovoi igry [Mythologeme as an element of the language game] (pp.196) Iazyk i kul'tura – Language and Culture: Proceedings of the International Scientific Conference, Belgorod, Publishing house of BSU [in Russian]
4. Alefirenko, N.F. (2009) Mediadiskurs – modus Vivendi na rubezhe KhKh I KhKhI vv. [The media discourse modus vivendi at the turn of the twentieth and twenty-first centuries]. Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: Nauchn. Zhurnal – Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University: Scientific. Journal, Kirov, 1,3 – 10 [in Russian]
5. Asylgaraev.Sh.N., Ganiev.F.A., Zakiev.M.Z., et al. (Eds) (2007). Tatarsko – russkii slovar' [Tatar – Russian Dictionary] In 2 volumes. Kazan: Magarif [in Russian]
6. Austin, J. (1986). Slovo kak deistvie [The word as action]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Lingvisticheskaia pragmatika – New in Foreign Linguistics, Vol XVII. Linguistic Pragmatics, 87-108. Moscow: Progress [in Russian]
7. Chernykh.P.Ia. (1999) Istorika-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka [Historical and etimological dictionary of the modern Russian language] In 2 volumes. Moscow: Russkii Iazyk [in Russian]
8. Dahl.V.I. (2002). Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 volumes. Moscow: Diamant [in Russian].
9. Efremova, T.F. Tolkovy slovar' ruskogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved from: <http://www.efremova.info/> [in Russian].
10. Emmorey, K.D., & Fromkin V.A. (1989). The mental lexicon. Linguistics: The Cambridge Survey (Vol.III, pp.124-149).Cambridge (Mass).
11. Fasmer, M. (2004). Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Historical and etimological dictionary of the Russian language]. In 4 volumes. Moscow:"Product", "Astrel" [in Russian].
12. Guénon René (2008). Simvolika kresta [Le symbolisme de la croix]. (Fadeeva, T.M.,& Stefanov, Iu.N., Trans.) Moscow: Progress-Traditsiia [in Russian].
13. Gumilev.L.N. Ritmy Evrazii: Epokhi i tsivilizatsii [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Retrieved from: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoria/207207/fulltext.htm [in Russian].
14. Luria.A.R.(1979). Yazik i soznanie [Language and consciousness] (pp.320). Moscow Publishing House of the Moscow Lomonosov State University [in Russian].
15. Natsional'nyi korpus Russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/> [in Russian].
16. Ozhegov.S.I., & Shvedova, N.Y.(1997). Tolkovy slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow:Azbukovnik [in Russian].
17. Sabitova.Z.K., Zhankidirova.G.T., Skliarenko.K.S., Shantaeva.D.S., Shetieva.A.T. Slovar' evraziiskoi lingvokul'turi [Dictionary of Eurasian linguistic culture]. Retrieved from:<http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/17797/84/3/7/0/> [in Russian].

18. Samsitova.L.H.(2014). Kul'turnye kontsepty v bashkirskoi iazykovoi kartine mira [Cultural concepts in the Bashkir language picture of the world] (Doctoral dissertation).Ufa [in Russian].

Studies in the Humanities

19. Syzdykova.R.K.,& Khusain.K.Sh.(Eds.) (2002) Kazakhsko-russkii slovar'[Kazakh-Russian dictionary]. Almaty [in Russian].

20. Umarova.G.S.(2013). Kontsept aksakal kak otrazhenie kartiny mira kzakhov v povesti V.I.Dalia "Bikei I Mauliana" [The concept aqsaqal as a reflection of the world view of the Kazakhs in the story by V.I.Dahl "Bikei I Mauliana"] (pp.22-27). Filologicheskoe nasledie V.I.Dalia-Philologikal heritage of V.I.Dahl: Proseedings of the Regional Scientific-Practical Conference, Oral [in Kazakhstan].

22. Zhuravleva.E. Kul'turnye konsepti v russkom iazyke Kazakhstana [The cultural concepts in the Russian language in Kazakhstan]. Retrieved from: <http://refdb.ru/look/2760848-p31.html> [in Russian].

23. Zholotykh.L.G. (2013).K probleme issledovaniia dissipatsii kul'turnoi informatsii v iazyke [To the study of the problem of dissipation of cultural information in the language]. Gumanitarnye issledovaniia- Humanitarian Research,4,34-38 [in Russian].

ТВОРЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРЕБЫВАНИЯ В.И.ДАЛЯ В ПРИУРАЛЬЕ⁷⁵

Умарова Г. С., к.ф.н., доцент,
Дандыкулова А.О.,
ст-ка 3 курса ОП «Филология»
(ЗКГУ им.М. Утемисова)
umarova_1959@mail.ru

Нашей задачей является ознакомление читателей с творческим результатом пребывания русского писателя, лингвиста, этнографа Владимира Ивановича Даля (1801 - 1872) в Оренбургской губернии. В течение восьми лет с 1833 по 1841 годы работал он в Оренбургской губернии в должности чиновника особых поручений. В то время Оренбургская губерния была крупнейшим краем на юго-востоке Российской империи. В ее состав входили земли современного Северного, Западного и Центрального Казахстана и др. территории.

Оренбургский период творчества В.И.Даля жизни считается самой плодотворной в литературной и научной деятельности писателя.

Территория современного Приуралья в начале XIX века входила в состав Оренбургской губернии. Область Уральского казачьего войска была в подчинении Оренбургского генерал-губернаторства. По заключению исследователя Мельникова-Печерского, «в восемь лет жизни в Оренбургском крае Владимир Иванович Даль изъездил его весь из конца в конец, вдоль и поперек..., совершенно изучил быт киргизов (казахов – Г.У., А.Д.) и уральских казаков». [1, С.7].

В результате исследования созданных Далем в этот период произведений Г.С.Умаровой была создана следующая таблица, отражающая основные труды писателя, ученого.

⁷⁵ Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С. 33-38.

«Оренбургский» период творчества В.И.Даля(1833-1841)

Труды	Жанр	Время создания
Скачка в Уральске	Статья	17-20.09. 1834.
Скачка в Уральске и Оренбурге	Статья	1835
Арал	Статья	1835
Военное предприятие против Хиву	Статья	1839-1840
Новый атаман	Очерк	
Буран Подписан псевдонимом <i>В.Луганский.</i>	Очерк	
О лечебных свойствах кумыса	Очерк	
Уральский казак	Очерк	1843
Ряд статей, в том числе статья « <i>Верблюды</i> » для учебника «Ботаника»	Статья	
Письма из Хивинского похода	Эпистолярный жанр.	1867
«Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах персиянами крепости Герата» или «Рассказ пленника Федора Федоровича Грушина»	Рассказ	1837-1838
Примечания к работе профессора Э.А.Эверсмана «Естественная история Оренбургского края»		
Рецензия О карте Зауральских степей г. Циммермана, изданные в Берлине Научный комментарий.	Статья	1840
Полунощник	Запись предания	1836-1837
Жизнь Джигих-хана	Сбор и запись легенд	1836-1837
Об Аксак-Тимуре		1836-1837
Бикей и Мауляна	Повесть	1836
Bikey et Maolina au les Kirghis-Kaissak/ Par Dhale Traduit du russe par Folormey Peris.	Повесть. Перевод на французский язык.	1845
Майна (Произведение вошло в Полное собрание сочинений В.И.Даля. 10 т.– СПб. – М., 1897- 1898, т.9).	Повесть	1837
Осколок льду	Рассказ	

О баранах	Сказка	
Башкирская русалка	Сказка	
Письмо Гречу из Уральска. (Подписан псевдонимом В.Луганский).	Эпистолярный жанр.	25.09.1833
Письмо к В.А.Жуковскому		1837
Воспоминание о А.С.Пушкине Были и небылицы	Сборник рассказов	1837
Бедовик	Повесть	1837
Болгарка	Рассказ	1837
Солдатские досуги	Рассказ	1837
Мичман Поцелуев	Автобиографическая повесть	1837
Вакх Сидоров Чайкин		1837
Колбасники и бородачи	Рассказ	1837

Разносторонность интересов Даля проявилась и в изучении края, и в собирательской и литературной деятельности. Здесь все было необычным для писателя: история, природа, народы, населяющие этот край, и их этнография. Даль понимал, сколько возможностей скрывает в себе этот материал: «...едва ли Кавказ со всеми причудами своими может обещать то, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта и прилежащие к Уралу степи» [2, № 230].

Все отраженные в таблице художественные, научные и публицистические произведения создавались на основе собранных материалов Далем во время исполнения им служебных обязанностей чиновника особых поручений при военном губернаторе Оренбургского края В.А.Перовском. Губернатор Перовский был глубоко заинтересован в доскональном знании киргизской [казахской. – Г.У.] Степи, чтобы управлять ею разумно. Пристальное и всестороннее изучение жизни уральских казаков и казахов Младшего жуза входило в круг прямых обязанностей Даля-чиновника.

Даль бывал в командировке из Оренбурга в Уральск, затем вниз по Уралу до Гурьева, на обратном пути побывал в Букеевской орде, на Узени, в Александров Гае, по речкам Чижи, Деркул, вновь посетил Уральск и по степным дорогам через Илецкий городок возвратился в Оренбург. В год визита в Уральск Пушкина – 1833 – Даль в течение 12 недель кочевал между казацкими станицами и казахскими аулами, записывал песни и сказания, одним из первых изучал казахские эпосы и знакомил Россию со степью в рассказах «Майна», «Бикей и Мауляна».

Как чиновник, В.И.Даль завоевал доверие и симпатии казахов, проявил сочувственное отношение к Исатаю Тайманову и поэту-воину Махамбету Утемисову, возглавивших народное восстание [2, С.208].

В.И.Даль свято исполнял возложенные на него обязанности чиновника особых поручений: он справедливо решал межнациональные конфликты, за что казахи прозвали Әділ би(Справедливый судья–А.Д.). Современник Даля, известный в казахской истории акын Махамбет Утемисов писал оренбургскому генерал-губернатору Перовскому - «...пришлите праведных чиновников, которые бы вникли в бедственное положение... Особенно мы желаем, чтобы жалобы наши были исследованы господином подполковником Далем» [3, С.245- 260].

Немалый накопленный опыт и запас разнообразных, в том числе и естественно-научных, этнографических, фольклористических и языковых наблюдений, накопленных Далем до Оренбурга, получили дальнейшее развитие в «уральский» период жизни.

Один из самых ранних филологических очерков – «Уральский казак» (1843) напечатан в сборнике «Наши, списанные с натуры русскими». Само название сборника, в котором был помещен очерк, указывает на основную цель таких произведений – знакомство с различными слоями русского населения. Белинский отмечал, что этот мастерски написанный очерк «в «Наших» читается, как повесть, имеющая всё достоинство фактической достоверности, легко и приятно знакомящая русского читателя с одним из интереснейших явлений в современной жизни его отечества». [В.И.Даль «Избранные произведения»: Правда; Москва; 1983].

В конце 1837 году в Оренбурге была учреждена Комиссия для размежевания четырех губерний – Астраханской, Саратовской, Оренбургской губернии, Киргизской Внутренней орды, уральских казаков. Работа длилась в течение семи лет. Даль участвовал в работе данной топографической партии, и, следовательно, прекрасно разбирался в географических названиях лабиринтов Каспийских островов, протоков, разливов, заливов, земель близ Каспийского моря, что позволило ученому заметить недочеты, допущенные при составлении «Карты Зауральских степей, изданные в Берлине» Циммерманом. В результате такого изучения местности Даль пишет статью о неправильных употреблении казахской топонимии в научном труде немецкого географа.

В оренбургский период деятельности Даль становится известен широкому кругу читателей как писатель-этнограф, ученый-натуралист. 21 декабря 1838 года Петербургская Академия наук, признав многочисленные научные исследования В.И.Даля по этнографии, истории, ботаники, зоологии, медицины, картографии. Многие из этих работ были опубликованы в периодических изданиях 30-40-х годов XIX века («Северная пчела», «Литературная газета», «Современник», «Библиотека для чтения», «Москвитянин», «Журнал Министерства внутренних дел» и др.) и с тех пор не переиздавались. Как исследователь-востоковед, Даль в этот период известен работами о Хиве, в том числе записанными им рассказами хивинских пленников, такими, «Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах персиянами крепости Герата» или «Рассказ пленника Федора Федоровича Грушина».

Как врач и натуралист, Даль в оренбургском крае пишет очерк «О кумысе», в «Библиотеке для чтения» издает статью «О козьем пухе», рассматривающую историю оренбургского пуховязального промысла, в ежегоднике Дерптского университета – заметки «О русском языке» и «О лечебных свойствах кумыса». В.И.Даль первым открыл для россиян целебные свойства кумыса. «У киргизов чахотка почти неизвестна, – писал он. – Кумыс приносит особенную пользу при всех хронических грудных страданиях». Известно, что Л.Н.Толстой в 1876 году приезжал в эти края на кумыс; приезжал в Приуралье на кумыс и А.П. Чехов. В.И.Даль организовал в Оренбурге Русское Географическое Общество. Вокруг Даля группировались передовые оренбургские деятели, нашедшие в его лице энергичную поддержку в изучении истории и культуры казахского народа.

Так как казахи ведут кочевой образ жизни, в центре ее оказываются животные, особенно верблюды и лошади. В «Письмах о Хивинском походе», статьях «Верблюды», «Скачка в Уральске» и «Скачки в Уральске и Оренбурге» Даль пишет об особом умении казахов ухаживать за верблюдами, это животное является непременным участником всех важнейших обрядов, от свадеб до похорон. Обстоятельно рассказывает Даль о порядке подготовки лошадей к скачкам, казахских приемах езды. Лошади также «первые действующие лица во время празднеств, скачек, а люди уже второстепенные». К сожалению, писателя удивляет халатное отношение к редким казахским породам лошадей.

Всякое попечение о скотоводстве казахи, по словам Даля, предоставляют «своему Аллаху и великому пророку его, но в глубине степи, судьба уберегла доселе несколько добрых чистых пород» лошадей, и «их предпочитают башкирским». Даль удивлен тем,

как «коннорожденные народы эти искони пристрастились к табунам своим; табуны их и кормят, и поят, они же и одевают; но кроме счета, примет и отмет косяков своих не знают ничего. Уродись же резвый, неутомимый конь – тогда его берегут и холят, и красуются, и похваляются им, а сами искусственного улучшения пород и вовсе не ведают!»

Самое яркое описание происшедшего во время Хивинского похода дано в «Письмах о Хивинском походе», которые Даль опубликовал в конце жизни в 1876 году. «Письма...» представляют собой точную летопись этого тяжелого зимнего похода и содержат ценные наблюдения о казахских степях. По стилю и эмоциональной окраске – это художественное произведение («Не велика спица в колеснице», «Русские солдаты едят как акулы, а работают как мухи»). Автор использует множество пословиц, описывает зимнюю ночь в степи, кош, артели, рассказывает, как праздновали и проводили масленицу солдаты. Даль предлагает читать «Письма» как его дневник. Тщательное изучение Далем бытовой культуры казахов отражается на страницах «Писем...». Так, он пишет, что «кайсаки в походах и поездках своих всегда раздеваются на ночь до нага [в юрте. – Г.У.]: они уверяют, что это гораздо теплее, если только хорошо завернуться и укрыться».

Кропотливо собранный в степном крае богатый материал способствовал тому, что Даль-писатель сумел создать на его основе лучшие повести и рассказы, среди которых «Бикей и Мауляна» и «Майна». Оригинальная по своему содержанию и по своей форме повесть «Бикей и Мауляна» была создана В.И. Далем на основе реального жизненного материала – истории, происшедшей в Малой орде в зауральской степи в 30-х годах XIX века.

Повесть «Бикей и Мауляна» была написана в 1836 году, а в 1845 году переведена на французский язык и издана в Париже. Она впервые раскрывала русскому и иностранному читателю характер человека казахской степи, знакомила с мироощущением, миропониманием кочевника, отличными от восприятия мира русского и европейского читателя. В основе сюжета повести «Бикей и Мауляна» – любовь главных героев, которые на пути к счастью встречают множество препятствий. [4, 476].

Итак, рассмотрев страницы жизни и творчества Даля, связанные с оренбургским и уральскими периодами, мы приходим к выводу о том, что в 1833 – 1841 годы:

- В.И. Даль прибыл на оренбургскую землю сложившимся художником с репутацией одного из самых издаваемых и читаемых в России писателей;
- добрые нравственные наклонности и интерес к культуре, истории, языкам других народов, полученных в родительском доме, писатель пронес через всю свою жизнь и творчество;
- выделяет главной темой произведений человека с его земными чувствами, воспевая земное, человеческое;
- выражает свое видение реалистического произведения и выбирает историзм в качестве основного принципа отображения действительности;
- понимает основополагающую роль сложившегося жизненного уклада в обретении народами неповторимых духовных черт.

Литература:

1. Владимир Иванович Даль в Западном Казахстане / Евстратов А.Н., Опря О.В. – Уральск: Центр обучения государственному языку «Ағартушы», 2007.
2. Даль В.И. Письмо Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833. № 230.
3. Евстратов Н.В. И. Даль и Западный Казахстан. // Ученые записки Уральского пединститута. Т. IV: Вып. 12, Уральск, 1957.

4. Умарова Г.С. В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: Монография. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им.М. Утемисова, 2012.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПО АНАЛИЗУ ПОВЕСТИ «БЕКЕЙ И МАУЛЯНА» В.И.ДАЛЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ⁷⁶

Умарова Г. С., к.ф.н., доцент,
Уразова А., ст-ка 4 курса
ОП «Русский язык и литература
в школах с нерусским языком обучения»
(ЗКГУ им.М. Утемисова)
umarova_1959@mail.ru

На уроках литературы учащиеся, прежде всего, занимаются выяснением того, кто является автором произведения, когда был создан изучаемый художественный текст, как понимать и интерпретировать его ученикам XXI века. Над решением этих вопросов должны работать учащиеся школы нового формата, где основной акцент делается на самостоятельную работу, направляемую учителем.

Прежде всего, выясняется толкование понятия текст по определению литературоведа Ю.М.Лотмана. «Текст – один из компонентов художественного произведения, конечно, крайне существенный компонент, без которого существование художественного произведения невозможно» [1]. Понимание при чтении художественного произведения, созданного еще в начале XIX века, дается учащимся с трудом. Поэтому мы применяем для анализа художественного произведения, повести В.И.Даля «Бикей и Мауляна» герменевтический метод.

Герменевтика (греч *hermeneutikos* – объясняю) – наука, связанная с исследованием, объяснением, толкованием философских, исторических, религиозных, филологических текстов.

Герменевтика – метод интерпретации художественных произведений, комментирует произведения.

Основатель философской герменевтики Г.Гадамер пишет: «Благодаря истолкованию текст должен обрести язык. Поэтому истолкование должно найти правильный язык, если оно действительно хочет помочь тексту заговорить» [2].

Чтение – «сложный вид психической деятельности, процесс восприятия и переработки текста, результатом которого является его понимание», – объясняет Н.А.Рубакин, изучавший вопрос влияния чтения на психологию человека [3].

Задача учителя современной школы – учить понимать тексты – и научные, и художественные. Добиться правильного истолкования помогут возможности герменевтики. Г.Гадамер отмечал, что «слову присуща загадочная связанность с отображенным, принадлежность к бытию отображенного» [2]. Таким образом, понимание литературы – равносильно пониманию действительности. «Филология есть искусство понимать сказанное и написанное», – считает исследователь С. Аверинцев [4].

Учить понимать тексты – учить понимать реальную жизнь. Работу с текстом нельзя подменять объяснениями, даже правильными. Ученики привыкают повторять чужое мнение – учителя, автора учебника, критика, но они не умеют черпать

⁷⁶ Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С.167-172.

информацию из самого текста, так как у них слабо развиты когнитивные способности. В связи с этим важно учитывать такое свойство текста как информативность.

Информативность текста – это, прежде всего, информация о базовых национальных и культурных ценностях (а затем и общечеловеческих) как фундаментального ядра системы образования. Ученику важно научиться универсальным учебным действиям, так как современная система образования требует от ученика самостоятельности [7, с.153-157].

Герменевтический анализ имеет большое культурологическое значение. Он заставляет и учителя, и ученика расстаться с той практикой, когда при изучении литературного произведения художественный текст читается бегло, без «пристрастия», которое, якобы, разрушает эстетическое восприятие содержания и образную систему произведения.

Также герменевтический анализ помогает ученикам смотреть на произведение с другой стороны, выступать им в роли человека, проживающего в той эпохе, в то время, которые отображены в анализируемом художественном произведении. Ученики, составляя ассоциативную карту знакомятся с традициями, проблемами и мировоззрением того времени. В данном случае, в повести В.И.Даля «Бикей и Мауляна» отображены художественно осмысленные события начала XIX века. Рассказывается о жизни казахов того времени. События происходили на территории современного Западного Казахстана. Основу сюжета составляет история любви Бикей и Мауляны, полюбивших друга друга.

Герменевтический анализ помогает проникнуть в глубину текста, открыть его смыслы. Только тогда читатель перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и переживал писатель.

Еще раз напомним, что под герменевтикой (от греческого *hermeneutikos* — разъясняющий, истолковывающий) понимают теорию и методологию истолкования текстов. Нередко герменевтику называют «искусством понимания».

Рассмотрим возможности применения законов герменевтики для улучшения понимания и интерпретации художественного произведения на уроках литературы в старших классах. Законы герменевтики ученикам поможет систематизировать концептуальная, или ассоциативная карта. Концепт-карты помогают упорядочить информацию, активизируют ассоциативное мышление. Концепт-карты были придуманы Т.Бьюзеном с целью более быстрого и легкого запоминания сложного материала [5]. Это *метод графического, «ветвистого» изображения материала*. На каждой из линий, расходящихся от основного концепта, записывается одно ключевое слово.

Согласно понятиям герменевтики, огромную роль в интерпретации текста играет реконструкция исторической и культурной среды. Например, при анализе повести «Бикей и Мауляна» В.И.Даля ученики составляют следующую ассоциативную карту: на доске учитель записывает основные концепты «Бикей и Мауляна», «Казахское общество».

Учителю важны личные читательские представления учеников. Какими они представляют главных героев Бикей и Мауляну? С этой целью выписывают из текста цитаты. Ими приводятся следующие цитаты: *«Бикей Исянгильдиев был один из старшин отделения Гасан рода Тана...Отец не ладил с сыном, благоразумный и почтенный, чужими и своими уважаемый Исянгильди Аксакал – не ладил с младшим сыном своим, – умным, бойким, славным молодечеством и добротой души Бикеем!», «Бикей был природою наделен бойкостью, быстротой добротой духа», или о Мауляне «...свежее, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили...приятный вид кайсачки»*. На основе выписанных цитат ученики рассказывают о своих впечатлениях о главных героях повести.

Класс делится на группы, которые составляют «тонкие» и «толстые» вопросы, способствующие выяснению, пониманию и созданию портретов, образов героев, с последующим написанием эссе по темам: «В чем причина непонимания между отцом и сыном?», «Почему судьба двух любящих героев Бикея и Мауляны складывается трагически?»

Важно, чтобы анализ текста увлек, захватил учеников, важно создать ситуацию, когда «текст ведет себя как собеседник в диалоге» [1].

В тексте повести «Бикей и Мауляна» из русской литературы XIX века очень много тюркизмов и казахизмов. Поэтому проводится с участием учеников объяснение значений этих слов на «Словарной карте», подбирая к ним синонимы, антонимы, словосочетания и предложения с целью выяснения восприятия их. Это слова: *баранта*, *туляу*, *пеня*, *кул* или *кенизак*, *куш-юлы*, *темир-казык*, *киряга*, *ага*, *джюлаучи*, *ак-сияк*, *агач*, *су*, *шункар*, *миним кулым*.

Карта концепта

Выясняются причины создания впервые в мировой литературе произведения о казахах. Для этого на основе метода «Фишбоун» ребята строят по схеме факты из жизни писателя, приведшие к творческому результату – созданию художественного текста.

«Языковой образ позволяет осуществить переход от подчиненного течению времени развертывания языкового материала к не знающей временных ограничений работе мысли, интегрирующей этот материал в смысл» [8].

Работа над пониманием текста помогает представить и образ автора. Работая над текстом повести выясняем языковую картину мира казахского народа того времени.

Итак, герменевтический анализ имеет большое культурологическое значение. Он заставляет и учителя, и ученика расстаться с той практикой, когда при изучении литературного произведения художественный текст читается бегло, без «пристрастия». Специальное исследование (герменевтический анализ) способствует проникновению в глубину текста, открытию его смыслов. Только тогда ученик перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и переувоспринимал писатель.

Литература:

1. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=seotika&author=lotmanyum&book=1996&page=45>

2. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М., 1988.

3. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. <http://www.klex.ru/6ms>

4. Аверинцев С. Похвальное слово филологии.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/pohv_sl.php 172

5. Методика Бьюзена.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gbs.com.ua/ru/creative/idealogia/tony_buzan.html

6. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://userdocs.ru/literatura/7129/index.html?page=26>

7. Опря О.В. Герменевтический подход к анализу текста на уроках литературы в старших классах. / Сборник научных статей XIX МНК «Русистика и современность». Том II / МАПРЯЛ. – Астана, 2016.

8. Боголюбов Л.Н. Обществознание.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prosv.ru/ebooks/Bogolubov_Obwestvozn_10_Ucheb/6.html

9. Умарова Г.С. Картина мира казахского этноса в трудах В.И.Даля: результаты научных исследований. – Уральск, 2014.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В «УРАЛЬСКИХ» ПОВЕСТЯХ В.И.ДАЛЯ⁷⁷

*Умарова Г. С., доцент, к.ф.н.,
Ткешева А.М., ст-ка 4 курса
ОП «Русский язык и литература
в школах с нерусским языком обучения»
(ЗКГУ им.М. Утемисова)
umarova_1959@mail.ru*

При анализе поэтики художественного произведения в современном литературоведении рассматриваются параметры отражения в нем художественного времени и художественного пространства.

Специальные исследования о художественном времени и художественном пространстве появились в начале XX в. Впервые в книге П.А.Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» (1924, опубликована в 1993) и в работе М.М.Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» (1924, опубликована в 1979) содержатся понятия «пространственной формы героя» и «временного целого героя». В исследованиях по поэтике в Германии, начиная с 1930-х годов, разграничивали «erzählte Zeit» (рассказанное время) и «Zeit des Erzählens» (время рассказывания). М.М.Бахтину принадлежит еще одна работа: «Формы времени и хронотопа в романе» (1930-е годы). С 1960-1970-х годов интерес к проблеме возрастает: появляются разделы о пространстве и времени в книге Д.С.Лихачева о поэтике древнерусской литературы, ряд статей на эту тему Ю.М.Лотмана, а также исследования других авторов [1, С.179].

По Флоренскому, «художник насыщает известные области пространства содержанием, доступным восприимчивости, на которое рассчитано данное произведение... Художник со своим средством запечатления движется в данном пространстве, как в неровной местности, и по тому, как эти его средства разбегаются из одних мест и скапливаются в других, составляет себе представление об организации пространства. Он ощущает себя тогда принужденным объективными условиями работы – рельефом местности, в которой он работает, поступать так, а не иначе, не делать того, что, ему казалось бы желательным, и, напротив, делать нежелательное, и даже непредвиденное. Он – словно натирает карандашом бумагу с подложенною под нее моделью, образы же выступают сами собою. Таков реалистический подход к искусству...»[2].

Художественное время и пространство теперь – необходимые и обязательные категории при анализе художественного произведения как организующие структурные компоненты. Только в очерково-мемуарной литературе время и пространство выступают как реальные и исторически реальные. В художественно-поэтическом произведении и время, и пространство являются вымышленными категориями, выступают как результат работы творческой фантазии автора. В связи с этим различаются и свойства времени и пространства. Так, если протекание реального времени возможно лишь в одном направлении: от прошлого, через настоящее – к будущему, то художественное время может обратиться вспять на многие эпохи и этапы или, напротив, устремиться в будущее на многие столетия [3, С.242-243].

Временные и пространственные представления бесконечно многообразны и глубоко значимы. Теоретически различаются образы времени биографического

⁷⁷ Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уралск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С. 11-17.

(детство, юность, зрелость, старость), исторического (характеристики смены эпох и поколений, крупных событий в жизни общества), космического (представление о вечности и вселенской истории), календарного (смена времен года, будней и праздников), суточного (день и ночь, утро и вечер), а также представления о движении и неподвижности, о соотношенности прошлого, настоящего, будущего.

Время и пространство запечатлеваются в литературных произведениях двойко. Во-первых, в виде мотивов и лейтмотивов (преимущественно в лирике), которые нередко приобретают символический характер и обозначают ту или иную картину мира. Во-вторых, они составляют основу сюжетов. В контексте данной статьи мы попытаемся исследовать художественное время и художественное пространство как основу сюжетов «уральских» повестей русского писателя В. И. Даля.

Одним из наиболее плодотворных периодов в жизни и деятельности В. И. Даля были годы, проведенные им в Оренбурге с 1833 по 1841 г. В этот период им были написаны повести «Бикей и Мауляна», «Майна» и очерк «Уральский казак». Эти произведения отражают биографическое время жизни писателя, который за восемь лет изучал историю, культуру, язык казахов и уральских казаков; написал множество научных и публицистических статей. Писатель художественно осмыслил увиденное, исследованное в указанных выше произведениях.

Нами замечено описание реального, конкретного пространствавремени в повести «Бикей и Мауляна»: «Белая борода, был богачейший из оренбургских киргизов и управлял уже с лишком 10 лет танинцами, и именно, отделением Гасан, которое было известно спокойствием и благосостоянием своим с тех самых пор, как, отделившись от земляков своих, составляющих большую часть внутренней, Букеевской орды, снова перекочевало за Урал, постоянно занимая часть левого берега его, противу станиц нижнеуральской линии» [5, С.31]. Данный пример демонстрирует, как в художественном образе мира В.Даля «имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом... Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [6, С.235]. Время протяженностью 10 лет является показателем длительного срока проявления делового качества, умения управлять танинцами, целым родом Белой бородой (*Аксакалом* – Г.У.,А.Т.) в конкретном пространстве реки Урал, отдалившись от Букеевской орды.

Другой эпизод в той же повести: «Все утро она проплакала, рыдала горько и неутешно, во весь день не брала ни крохи, ни капли в рот, а к вечеру спокойно уснула. Утром, на рассвете, спохватились - Мауляны нет...» [5, С.35]. Здесь образ суточного времени: утро, вечер, рассвет. По нашему мнению, время творческого бытия художественного произведения, соизмеримый с реальным временем, помогает воспринять и понять, сколько времени страдала героиня после убийства ее любимого мужа и к какому решению она пришла в такой трагический момент своей судьбы.

«Мауляна ушла ночью из аула, поймала тройку удалых коней, села и, не переводя духу, прискакала в Уральск, где явилась к атаману Д.М.Б., прилетев прямоком к нему во двор, что Калмыкова крепость, против которой кочевали тогда гассанцы, отстоит от Уральска 270 верст». Введение автором в повесть конкретного, природно-биографического пространства и суточного времени в рассматриваемом эпизоде подчеркивает смелость, решимость и одержимость героини, её выдержку и умение преодолеть большое расстояние, что не под силу не каждому мужчине.

В повести «Бикей и Мауляна» художественное время устремляется намного вперед, через образ биографического времени: «Она... умерла от оспы летом 1832 года, менее года после убийства мужа, на 22-м году от рождения своего». Так автор повествует о трагической смерти героини, оставшейся одинокой после убиенного мужа.

Разные проявления художественного времени и художественного пространства использованы Далем и в повести «Майна». Читаем: «Майне было всего годов 14; мать велела ей уже одеться, и она вошла в бархатном алом чапане с галунами...» [5, С.42]. Образ биографического времени – 14 лет, время юности и пора, когда в девятнадцатом веке по народной традиции девушку-казашку уже сватали. Далее узнаем, что Майна ждала нареченного жениха, откочевавшего с родственниками далеко и без вести, три года. В 17 лет уже она считалась засидевшейся невестой, тогда отец решает ее выдать за старика, пожелавшего жениться на ней. В структуре повести введение биографического времени способствует созданию объективной картины реальностей казахской жизни того времени.

Наивность нареченного жениха Майны Майора изображается посредством фантастического пространства – сна: «Во сне видел он великолепную скачку, нескончаемую толпу народа, крик, шум, огромные миски крошеной баранины - словом, надобно полагать, что Майор во сне уже праздновал свадьбу свою; но он мгновенно проснулся от страшного топота конского; ему казалось, что тысячи всадников неслись прямо через него» [4, С.42].

Описание природно-географического пространства: «Местоположение по сю сторону Эмбы, коей вершины отделяются от вершин Илека плоским и широким сыртом Буссага, ровное, гладкое: тут нет ни рытвины, ни оврага, ни кусточка, на несколько десятков верст». Такое описание, считаем, способствует читателю воспринять точки перехода Майны в другую реальность во время побега к нареченному жениху.

Пространство цивилизации (аул) открывает для себя Куцый, сопровождавший Майну во время побега: «Подкравшись к сонному аулу, он высмотрел ползком, где какой скот, подполз благополучно к овцам, поймал одну, проколол ее, оттащил ползком за полверсты и принес на становище свое». Такое повествование изображает не только перемещение героя в чужом пространстве, но и приметы определенной эпохи из жизни казахов, их пристрастия, еду.

Выше нами было упомянуто, что В.Даль создал произведения не только о казахах, населяющих территорию близ реки Урал, но еще написал очерк «Уральский казак». В нем писатель создает портрет рядового уральского казака Проклятова. Все события жизни и мировосприятие главного героя связаны с родной рекой. Эту мысль автор очерка передает посредством описания конкретного, природно-географического пространства: «Урал – золотое дно, серебряна покрывка, кормит и одевает его». *«Он хаживал и на косных и на посудах, кусовых и расшивах, не только из Гурьева в Астрахань, но и к Колпинскому кряжу и дальше».*

Вся судьба уральского казака, постоянные испытания судьбы рисуются через образ календарного времени: *«Пришла осень – старик опять идет с целым войском, ровно на войну, на рыболовство».* *«Пришла зима – Урал замерз, снежное море покрыло необозримую степь».* *«Летом сносил он голод молча, зимой покрывал и повертывался; летом жевал от жажды свинцовую пульку или жеребеек: это холодит; зимой закусывал снежком».*

Художественное время и художественное пространство органично вписываются в очерке в связи с творческой задачей писателя описания образа трудовой жизни Проклятова. Одной из форм пространства-времени является дорога (путь): *«...старик опять идет с целым войском, ровно на войну, на рыболовство. На тесной и быстрой реке столпятся от рубежа до рубежа тысячи бударок — тут булавке упасть негде, не только сети выкинуть...».*

Итак, нами изучены теоретическое осмысление и история появления литературоведческих понятий «художественное время» и «художественное пространство». Выяснено, что изучение вопроса началось в начале XX в. с научного труда П.А.Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-

изобразительных произведениях» (1924, опубликована в 1993), и с работы М.М.Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» (1924, опубликована в 1979). Мы узнали, что в исследованиях по поэтике в Германии, начиная с 1930-х годов, разграничивали «erzählte Zeit» (рассказанное время) и «Zeit des Erzählens» (время рассказывания). Продолжение исследования проблемы художественного времени и художественного пространства нашли в работе М.М.Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» (1930-е годы). С 1960-1970-х годов интерес к проблеме возрастает. Ею занимаются Д. С. Лихачев, рассматривая поэтику древнерусской литературы; Ю. М.Лотман, а также другие авторы.

По теории литературы узнали, что художественное время и художественное пространство бесконечно многообразны и глубоко значимы. Различают время: биографическое, историческое, космическое, календарное, суточное, соотношение прошлого, настоящего, будущего.

В художественной литературе могут присутствовать пространственные картины: образы пространства замкнутого и открытого, земного и космического, реально видимого и воображаемого, представления о предметности близкой и удаленной.

В практической части нами сделана попытка проанализировать присутствие художественного времени и художественного пространства в «уральских» произведениях В.И.Даля: в повестях «Бикей и Мауляна», «Майна» и в очерке «Уральский казак». В результате выяснено, что писателем в этих литературных произведениях как организующие структурные компоненты использованы биографическое, календарное, суточное образы художественного времени и образы конкретного, природно-географического, фантастического пространства и пространства цивилизации. Считаем, что эти разновидности художественного времени и художественного пространства способствовали насытить произведения приметами определенной эпохи, а именно 20-30-х годов девятнадцатого столетия из жизни западных казахов Степи, особенностями быта и мировосприятия казахов и уральских казаков того времени. Автором введены различные образы пространства и заполняющих его вещей: ландшафт казахской Степи, реки Урал, своеобразные одежды персонажей, утварь, средство передвижения (у казахов – кони, у казаков – бударки, кусовые, посуда (в значении водный транспорт – Г.У.), взаимоотношения героев, их миропонимание с целью отражения признаков времени в окружающем человека пространстве. Они, эти заполняющие вещи и явления, необходимы для восприятия определенной реальности, реальных людей той эпохи.

Благодаря художественному времени и художественному пространству автором в «уральских» произведениях осуществлены его творческие задачи. Именно пространство-время демонстрируют художественный метод и стиль В.Даля-писателя.

Таким образом, полагаем, что исследование особенностей отражения художественного времени и художественного пространства в «уральских» повестях В.И.Даля способствуют пониманию специфики художественного творчества писателя в целом.

Литература:

1. Теория литературы в 2 томах. Том 1. Под ред.Н.Д.Тамарченко. – 4-е изд., стер. – М.: Изд.центр «Академия», 2010.
- 2.philologos.narod.ru/florensky/fl.
- 3.Крупчанов Л.М. Теория литературы: учебник/Л.М.Крупчанов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
- 4.Теория литературы. Хализев В. Е. 4-е изд., испр. и доп. - М.: 2004.
- 5.Мастера словесности в уральском крае : учебное пособие/ Г.С. Умарова, О.В. Опря – Уральск, 2012.
- 6.Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. (ВЛЭ). – М., 1975.

М.Абдулова, Умарова Г.С.
г. Уральск, Республика Казахстан

В художественном произведении собственные имена выполняют главную роль в создании «семантической композиции» текста параллельно с другими средствами стиля [1, с.102]. Личное имя входит в литературное произведение с уже определенными и свойственными характеристиками персонажа и этим определяется задача произведения. По мнению исследователя Э.Б.Магазаника, писатель иногда неосознанно вводит имена, не обдумывая значение имен, но оно может сказать «больше, чем задумал писатель» [2, с.145].

Собственные имена в произведении зачастую являются символом произведения, например: Обломов, Гамлет, Манилов. Являясь символом, имена собственные более глубоко раскрывают тему и идею произведения, т.е. имена собственные в художественном тексте всегда что-то «говорят» [3, с.70]. Ю.Н.Тынянов заметил, что «в литературном произведении нет неговорящих имен... нет незнакомых имен. Все имена говорящие, что-то значат-говорят. У каждого личного имени, названное в произведении, уже есть определенное обозначение, цель, играющее всеми красками. Имена в произведении, однозначно придают произведению значимый оттенок» [4, с.80].

Зачастую имена героев загадочны, имеют скрытый смысл, раскрывающие некие таланты и способности героев, определяют их натуру, сущность, скрытые черты характера. Но одновременно имена собственные, наделенные загадкой, имеют и реалистичный и убедительный образ. Иначе говоря, автор приобщает одновременно и загадочность, и реалистичность, и убедительность значения имени. В литературе личные имена раскрывают характер и натуру героев. Несут подтекстовую информацию, смысл произведения.

В повести «Майна» В.И.Даля рассказывается о судьбах девушки Майны и юноши Майора. Когда Майне исполнилось четырнадцать лет, её сосватали, по казахскому этикету, без её ведома и согласия, за Майора, сына Сакалбая. Из-за насильственного угона скота казахами других родов, и последующей вражды родственники Майора вынуждены были откочевать на территории близ хивинского ханства. Когда же отец Майны, не дождавшись нареченного жениха, решается выдать дочь за старика, девушка решается сама защитить себя, пустившись в поиски жениха-сверстника в сопровождении работника отца. Им был нищий пастух без имени, по прозвищу Куцый. Побег невесты увенчался успехом: ей, после различных приключений, удалось попасть к баюлинцам, в дом Сакалбая. Была сыграна свадьба.

В повести В.И.Даля «Майна» мы видим, что имена собственные передают атмосферу того периода и пространства, изображаемого в повести. Писатель Даль утверждает, что в повести повествуемая история основана на реальных событиях, так и имя героини не выдумка автора. Имя Майна – это «реально-бытовое имя» [5, с.130].

Достоверность истории важна, но и так же важна реальность используемых имен в художественном тексте. Автор повести утверждает, что в основу легли реальные события, происшествие из частной жизни. Собственные имена в художественном тексте передают особенности национальной культуры и миропорядка и реальности, в

⁷⁸ «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», V Международный науч. форум (2021; Элиста). V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», 30 ноября 2021 г. [Текст]: материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. – 513 с. – С. 330-333. ISBN 978-5-91458-389-4.

котором живет сам автор. Следовательно, изучение имен собственных в художественном тексте дает возможность более точно понять авторский замысел и детально разъяснять и анализировать созданный автором текст.

Майна – героиня повести В.Даля, образ которой автор выделил смелостью, мужественностью, что не подобает образу девушки того времени. По меркам тех времен, в тюркской среде было предопределено, и считалось, что девушке не подобает бороться за свободу. Впервые в повести мы встречаем Майну, когда ее сватают за Майора. Союз этот был свободным, несмотря на столь юный возраст Майны и Майора: «Майне было всего годов 14; мать велела ей уже одеться, и она вошла в бархатном алом чапане с галунами, в конической шапочке, опушенной котиком, обнизанной и обвешанной бусами со стеклярусом, с коей висели по обе стороны длинные и широкие поднизи.» Майна без противоречия, по воле своей стала невестой. Причиной такого образа действия Майны является то, что она еще слишком юна, да и в обычаи степного народа понятие раннего замужества было нормальным явлением. Исследователь Г.С.Умарова отмечает: «Родители, взрослые смотрели на молодую девушку как на женщину уже в том возрасте, в котором последующие поколения увидели бы в ней лишь ребенка. Четырнадцатилетняя девушка – уже невеста, и к ней можно свататься» [6, с.107]. Майор был сверстником Майны, что это обстоятельство никак не пугало, не беспокоило героиню. Наоборот, Майна была любопытна, ей было интересно, кто жених, кем он окажется: «Который же это, который? Неужели старик, сидевший рядом со сватом? а более никого не видно было в кибитке». Майна была живой, шустрой, бойкой особой, а Майор напротив был застенчив «робкий и стыдливый». Когда же Майор, собрав всю смелость в руки и вымолвил: «селям-алей-кюм», тогда Майна залилась смехом, ответила без никакого стеснения: «Я тебе не брат и не дядя, или, может статься, ты ошибся и не туда зашел?» [7].

После сватовства, родители жениха с семьей откочевали очень далеко. Проходит три года, за это время семьи потеряли между собой связь. Отец решает выдать Майну замуж уже за старика, пожелавшего взять в жены. Майна была против этого несправедливого союза, была против решения отца. Она уже не та юная и глупая девочка, которая не понимала трагичность картины реальности. Она уже в новом обличье, где ребяческая манера и бойкость сменилось мужественностью. Майна против воли отца совершает «дерзкий» побег по степи к нареченному ранее жениху. В.Даль рисует нам образ степной девушки, наделенной героическим характером, храбростью, смелостью. Майна выбрала путь справедливости, независимость, личную свободу. Как подчеркивает Р.В.Иезуитова, «вопросы женской эмансипации тогда лишь начинали проникать в русскую прозу» [8], и обязательным было распространение социальных прав представительниц развитого общества. По нашему видению, в образе Майны русский писатель В.Даль увидел первый образец проявления этой самой женской эмансипации. Героиня повести, пускаясь в поиски нареченного жениха, поступает не по велению сердца, а по разуму. В этой повести представляется картина любви к воле, свободному выбору. Майна, как справедливый человек предпочитает свободу всем богатствам. __

Значение имени Майна, как и происхождение самого имени «Майна», глубоко откликается в судьбе и характере героини, определяя ее ум, волю, смелость. Имя «Майна» в переводе с фарси (персидский язык) означает «скворец». Скворцы – одни из первых вестников весны. Скворцы – птицы живые и беспокойные, как и героиня повести Майна. Когда отец Майны согласился выдать дочь за старого жениха, то «сердце ее бешено билось в груди, словно птица в клетке». Майна умоляла отца, чтобы тот не выдал ее за старика, так как у нее есть уже жених. Деваться ей от него некуда, согласия или несогласия никто у нее не спрашивал. Она умоляла отца, говорила: «У меня есть жених; ты же сам меня просватал, ты велел нам слюбиться – разве бывает у девок по два жениха? Это стыд и позор перед людьми! Я, воля твоя, своего не покину.

Что мне до султана Беркута – мало ли стариков таскается по белому свету, так разве они все мне женихи?» [9]. Но эти слова и слезы, и мольба не изменили решение отца. Беспокойная душа Майны, несмотря на преграды, рвется в долгий и рискованный путь. Подобна птице, расправляющая крылья, Майна расправила руки и умчалась за Майором: «Майна неслась во все повода, впотьмах, не разбирая пути» [10]. В.И.Даль не раз нам доказывает, что смелость Майны безгранична. Она сделает все что угодно, чтобы достичь желаемого, достичь справедливого исхода. Она сумела выстрелить во всадника: «Майна...пустила стрелу... вытянув тетиву...стрела тихо шикнула, едва слышно, без шуму и грохоту нашего огнестрельного оружия, – и бойкий всадник отшатнулся» [11]. Майна пошла на риск, переодевшись и притворившись мужчиной. Степная красавица наконец-то достигла желаемого, добралась до жениха живой и невредимой. Не это ли счастье ее счастье?

В.Даль пишет «Нет напева в русской песне, как нет напева в песне вешней кукушки; а есть напев в той песне, которую поют дети кочевой орды, девки красные, когда отдают сестру замуж: поют, как лебедь, у которого беркут унес лебеденка серого, поют, как клекчет орел, подымая от земли жеребенка». В этом контексте мы видим соотношение имени Майна и тех примеров, которые приводит сам писатель. Таким образом, сам В.И.Даль соотносит образ Майны с образом лебедя, что символизирует любовь и верность. Майна подобна лебедю, остается верна своему жениху, и сама отправляется в далекий путь в поиски Майора. Писатель отмечает и орла, символ которого означает храбрость и свободу. Следовательно, Даль отождествляет образ главной героини с образом птиц, образ которых соотносится с героиней. Исследователь Г.С.Умарова пишет, что «автор погружает нас в общую картину мироздания, мироощущения казаха. Кочевнику-казаху непонятно, почему он должен жить в неволе, оседло, он сравнивает себя со своей скотиной, любимым конем, с птицей, которые вольны: «За что я буду жить хуже скота своего, – говорит кайсак, если вы спросите, для чего он не терпит оседлости, –зачем мне жить хуже скота, которому больше воли, чем мне? Разве я хуже птицы, которая бьется в золотой клетке и просит воли?» [12, с. 108]._

Именем героини произведение названо также потому, что именно с ней, с её судьбой связан сюжет повести. Через её образ, через рассказ о её судьбе Даль продолжает тему женской эмансипации, начатой в повести «Бикей и Мауляна». Основную линию «Майны» составляет победа земного, человеческого, и не случайно в центре повествования находится женский образ, ведь по самой природе женщина – носительница гармонии, покоя, счастья в семье, в жизни вообще. И это важно для писателя, по убеждению которого «человек обретает свое истинное предназначение в любви, а не в ненависти».

В повести «Майна» личное имя героя очень символично, определяет характер, нрав и действия героев. У имени Майна есть свой смысл, который подобает личности героя, определяя характерно-качественную структуру личности. В.И.Даль показывает изменение сознания героя и нелегкий путь казахской женщины, осмысливающей свое место в новых обстоятельствах. Полагаем, что имя героини в соответствии с первоначальным значением с персидского языка – «скворец» – первовестник весны в повести русского писателя означает, что Майна – одна из первых женщин, воспевающих свободу личности. Имя собственное в повести Даля тесно связано с идеей произведения – отобразить проблему женской эмансипации, с изображаемыми временем и пространством, сутью создаваемого главного образа._

Литература:

1. Фоякова О.И. Имена собственные в художественном тексте. Л., 1990.
[http://journal.pushkin.institute/archive/archive/2013/6%20\(241\)/69](http://journal.pushkin.institute/archive/archive/2013/6%20(241)/69)
2. Магазаник Э.Б. Ономапозтика, или «говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978.

3. Катермина В. В. Имя и общество. Краснодар, 2013. – 70 с.
[http://journal.pushkin.institute/archive/archive/2013/6%20\(241\)/69_6-2013.pdf](http://journal.pushkin.institute/archive/archive/2013/6%20(241)/69_6-2013.pdf) (Дата обращения 05.04.2021)
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. М.: Наука, 1977. – 80 с.
<https://www.sunhome.ru/books/pojetika.html?p=80> (Дата обращения 16.04.2021)
5. Фесенко Ю. П. В.И. Даль / Ю. П. Фесенко. Луганск, 1990. – С. 130.
6. Иезуитова Р. В. Светская повесть / Р. В. Иезуитова // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1953. – С. 194.
7. Умарова Г.С. В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: Монография. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им.М.Утемисова, 2012. – 305 с.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ОЧЕРКЕ В.И.ДАЛЯ «УРАЛЬСКИЙ КАЗАК»⁷⁹

Ж. Автаева, Г.С.Умарова
г.Уральск, Республика Казахстан

Для выражения характерных черт уклада жизни и быта какого-либо народа или культуры, писатели широко используют особый лексический пласт языка – пассивный словарь – языковые единицы, имеющие ограниченную сферу употребления: диалектизмы, просторечия, архаизмы и историзмы, неологизмы, варваризмы, профессионализмы и пр [1]. Однако использование лексем подобного рода, как средств выразительности, нередко вызывает у читателей трудности восприятия. Предвидя это, часто сами авторы предоставляют в тексте различные ремарки, примечания или снабжают произведение специальными словариками, как, например, это сделал Н. В.Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». После предисловия пасичник Рудый Панько поясняет некоторые слова, большая часть из которых является обозначениями вещей: «банду́ра – инструмент, род гитары», «ди́жэ – кадка», «комора́ – амбар», «рушник – утиральник», «ху́стка – платок носовой» и др [2, с. 12-13]. Предположим, что писатель сразу бы использовал русские слова, но тогда произведение в значительной мере лишилось бы характерного колорита, культивируемого эстетикой романтизма.

Прежде чем перейти к основной части работы, дадим определение понятию «диалектизм». По литературоведческому словарю С.П.Белокуровой, это слова и выражения, характерные народной речи, местному говору. Диалекты используются в художественном тексте, как средство художественной выразительности, например, в качестве одного из вариантов речевой характеристики героев произведения [3].

Особенностями диалектов казаков Яика интересовались многие известные русские и советские писатели: В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, Л.Н.Толстой, В.Г. Короленко, К. А. Федин, В. В. Правдухин и другие.

Владимир Иванович Даль (1801-1872) – один из многих исследователей, которого также привлекала самобытность местной культуры. Даль много ездил по краю, общался киргизами (казахами – прим. Ж. А.) и уральскими казаками, что дало ему возможность собрать богатейший фольклорный и этнографический материал [4, с. 31]. П.И.Мельников-Печерский отмечал, что «к восьми годам (с 1833 по 1841) пребывания Владимира Ивановича в Оренбургском крае относится большая часть его повестей и рассказов. К этому периоду времени должно отнести и главнейшее пополнение запасов

⁷⁹ «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», V Международный науч. форум (2021; Элиста). V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», 30 ноября 2021 г. [Текст]: материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. – 513 с. – С. 326-330. ISBN 978-5-91458-389-4.

его для словаря, и собрание народных сказок, пословиц, песен». Отмечается, что почти все известные крупнейшие фольклорные собрания, составленные в первой половине XIX века, включают в себя десятки и сотни произведений, собранных Далем [5, с. 29].

В. Даль об особенностях языковой фонетики в речи уральских казаков писал следующее: «Быт и жизнь этого народа казаков, цветаста, ярка, обильна незнакомыми картинками и жизнью-самородою ... Если уралец и не имеет особого наречия, то по крайней мере, у него свой выговор, он произносит буквы *н, д, р, т* тверже и острее, почти как англичанин, говорящий по русски» [6]. В очерке-рассказе «Уральский казак» Даль продолжает отмечать особенности говора яицких казаков: «Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую согласную букву налегает на *р, с*, на *т*; гласные буквы, напротив, скрадывает: вы не услышите у него ни чистого *а*, ни *о*, ни *у*. Родительницы, напротив, живучи особняком в тесном кругу своём, ... все без изъятия перенимают друг у друга шепелявить и произносить букву *л* мягче обыкновенного. Они ходят гулять и веселиться на *синчик* в *сёлковой субенке*, а синчик называется у них первоосенний лед, до пороши по которому можно скользить в нарядных башмачках» [7].

Найдём в тексте физиологического очерка «Уральский казак» диалекты, а за их разъяснением обратимся к «Словарю говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи [8]. Выбор данного словаря не случаен: Нестор Михайлович Малеча (1887-1979) – этнограф, исследователь языка и фольклора уральского казачества. Стоит отметить, что некоторые диалектные формы были найдены и в «Толковом словаре» самого Даля.

«...Привезли на подводах каждый *бударку* свою, *ярыги* или сети, привезли по работнику киргизскому в мохнатом лисьем малахае – видно, собрались пугать лето, – стали на первом плавенном *рубеже* и ждут пушки. А где же Проклятое, лысый гурьевский казак, который век на службе, а от *уряду* бегают, потому что беден, а семья у него большая?»:

Бударка – от «будара» – 1. называется обыкновенная лодка; 2. Уст., – самостоятельная единица лова на весенней севрюжьей плавне, т.е. лодка с двумя рыбаками: один весельщик, другой кормельщик, который правит лодкой, замётывает и выбирает сеть [8, 1 т., с.57].

Будара, бударка ж. – перм. дубок, грузовая лодка, длиной 11-14 арш., шириной 11/2 арш.; подымает 15-25 пудов [10].

Рубеж –1. Граница, назначаемая во время общих рыболовств на Урале (багренья, плавни), ниже которой до определённого срока никто не имеет права производить лов; рубеж отмечается особыми знаками по обоим берегам реки; 2. Рыболовный участок по р. Уралу; всё течение Урала, начиная от Уральска вниз, было разделено в разное время то на 12, то на 17, а то и на 20 участков [8, 3 т., с. 549].

Уряд– состояние в командирской должности урядничьего чина в казачьем войске [там же, 4 т., с. 333].

Ярыга – плавная сеть для ловли рыбы на осенней севрюжьей плавне, имеющая вид мешка [там же, 4 т., с. 526].

Яриг м. церк. вретиче. Ярига ж. стар. то же, дерюга, грубая ткань, одежда [10].

«Окунулся он потому, что тысячи рыболовов, кинувшихся на лёд, на одну *зазнамо* хорошую *ятовь*, искрошили в четверть часа весь лёд под собою, вытаскивая на всех точках рыбу, и вскрыли всю реку»:

Зазнамо– заведомо[8, 2 т., с. 33].

Ятовь– глубокое место на Урале, где скопляется рыба, место залегания на зиму красной рыбы, длина ятови около версты, ширина – 50 саж [там же, 4 т., с. 529].

«У зверя не разум, а *побудка*; птица в перелёт идёт побудкой»:

Побудка – инстинкт у животных [там же, 3 т., с. 241].

«...стрелял смолоду гусей, лебедей, уток, сайгаков, *корсуков*, кабанов – все пулькой...»:

Корсук – мелкопородная лиса [там же, 2 т., с. 246].

Корсак м. корсук, вид небольшой лисы, в северной половине Киргизской степи. | В астрах. так называют киргизов или кайсаков [10].

«...подпруг и *катаура* никогда туго не подтягивал...»:

Катаур – широкая подпруга у седла, идущая через седельную подушку [8, 2 т., с. 177].

Катаур м. трок, верхняя подпруга, череспоясник по седлу, сверх подушки [10].

«...Он хаживал и на *косных* и на посудах, *кусовых* и *расшивах*...»:

Косная – лёгкая лодка [8, 2 т., с. 252].

Косная ж. коснушка. *Косная* лодка, на Волге и Касп. море, легкая лодка для переездов, не для промыслов, длина 9, ширина до 3 аршин, расшита на 6-12 весел, с двумя съёмными мачтами, косыми гротом и фоком, с брамтопами [10].

Кусовая – морское судно уральских казаков [8, 2 т., с. 327].

Посуда – парусное судно [там же, 3 т., с. 346].

Расшива – большое парусное речное судно [9].

«На поход снабжала хозяйка своего казака *кокурками*...»:

Кокурка – сдобная булка, небольшой белый хлебец, испечённый на коровьем или растительном масле; иногда с запечённым внутри яйцом; любимое яство уральских казаков [8, 2 т., с. 212].

Кокура, *кокурка* ж. булочка с яйцом (или без) [10].

«Он привык и на море верно мерить расстояние *закройми* ...»:

Закрой – очертания берега, едва видимые с судна (вёрст 12) [8, 2 т., с. 41].

«...И, завесив черни...»:

Завесить черни – отойти от берегов на такое расстояние, чтобы они скрылись [там же, 2 т., с. 14].

«... И добро и худо, и нужда и довольство живут *голмянами*...»:

Голмянами – порою, временем, полосою [там же, 1 т., с. 15].

«Проклятов – гурьевский казак ... надевает в зимние степные походы кожаные либо холщовые шаровары на гашнике, и если буран очень резок, то, сидя верхом, прикрывает ляжку с наветренной стороны полою полушубка».

Гашник – пояс, шнурок, а то и обыкновенная верёвочка, продеваемые в опушку, «ошкыр» холстяных шаровар [там же, 1 т., с. 188].

Проклятов до того любит воду – коли нет вина, – что на морском рыболовстве и на морской службе по Каспийскому морю пьет без всяких околичностей воду морскую и отвечает вам на вопрос: «Хороша ли?» – «Горонит маленько!»

Горонить – горчить, отдавать или отзываться горьким, или порченым, промозглым [там же, 1 т., с. 208].

Горонить – горький, острый на вкус, едкий, горючий, противоположный сладкому [10].

«... А Проклятов опять снаряжается на рыболовство, на багренье.»

Багренье – зимнее подлёдное рыболовство, начинавшееся у г.Уральска и оканчивавшееся около поселка Калёновского (200 км вниз по Уралу) [8, 1 т., с. 40].

«... Опускает шестисаженный багор, коего другой конец, перегибаясь чрез плечо, волочится по льду, поддевает рыбу...»

Багор – длинный шест с прикреплённым к нему железным крюком, а также отдельный железный крюк [там же, 1 т., с. 38].

Багор м. железный крюк на багровище (шест); отпорный багор, на судах и лодках, с прямым острием и с крючком [10].

«... А на возвышенном бугре стоит перед ним шутовка, нагая, с распущенными волосами».

Шутовка – русалка, колдунья, проклятая женщина, вообще нечистая сила женского пола, ведьма [8, 4 т., с. 500].

«Из всего оружия казачьего Проклятов менее всего жаловал саблю, называя её темляком, который–де болтается без пользы».

Темляк – 1. Железный багорчик на веревочном поводе; 2. Перенос., – сабля [там же, 4 т., с. 245].

Темляк м. тесьма с кистью, на шпаге, сабле [10].

«При моряне лед взламывает и спирает; казаки говорят тогда: шиханы ставить».

Шихан – ледяной холм, гора, нагромождение льда, происходящее при сильном ветре на Каспии [8, 4 т., с. 489].

Шихан м. татарск. вост. холм, бугор, особ. крутой, островерхий, шатром [10].

«Справить невесте сороку, головной женский убор, заменяющий со времени замужества, в праздничные дни, девичью поднизь»

Сорока–головной женский убор, главным образом замужних женщин и старух, наподобие кокошника [8, 4 т., с. 141].

Поднизка. Поднизь. – Лоб девушки украшался поднизкою, т.е. снизанной из более или менее крупного жемчуга сеткою, прикреплённого к золотому галуноу, которым и обвязывалась голов [там же, 3 т., с. 247].

Думается, самый известный рассказ В.Даля о жизни местного народа «Уральский казак». Главный герой – Маркиан Проклятов – собирательный образ уральского казака, который «сызмала в мокрой работе, по рыбному промыслу», для которого – «Урал – золотое дно, серебряна крышка, кормит и одевает его», у него не дрогнула бы рука «приколоть на месте во время ходу рыбы всякого, кто осмелился бы напоить скот из Урала».

В очерке Даль натурально отобразил казачий мир: их быт и нравы, промыслы – скотоводство и рыболовство с осенней и весенней плавней и багреньем, в которых участвует все казачье войско; процесс «наёмки на службу».

Об уральских казачьих говорах в литературе писали не так много, по сравнению с другими территориальными диалектами Российской Империи, поэтому для нашего края очень значим вклад В.И.Даля, который являлся одним из первооткрывателей данной темы. Наречия яицких казаков самобытны, являются неиссякаемым источником местной этнокультуры и Владимир Иванович Даль помог их сохранить на страницах своих произведений.

Литература:

1. Вендина Т.И. Введение в языкознание.– М.: «Высшая школа», 2001.– 288 с.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. – М.: «Эксмо», 2020. – 256 с.
3. Словарь литературоведческих терминов. / С.П. Белокурова. – СПб: «Паритет», 2006. – 314 с.
4. Спецкурс. Региональный компонент по литературе. Мастера словесности в уральском крае. / Г.С. Умарова, О.В. Опря – Уралск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М.Утемисова, 2012. – 168 с.
5. В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерозняк. Сост. Р.Н. Клеймёнова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – 312 с.
6. Письма В.И. Даля Н.И. Гречу // Северная пчела. – 1833. – № 230. – С. 920.
7. Даль В.И.. Уральский казак. – М.: «Директ-Медиа», 2012. – 17 с.
8. Малеча Н.М.. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В четырех томах. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003
9. Ушаков Д.Н.. Толковый словарь *русского языка*.– М.: Альта–Принт, 2005. – 4824 с.
10. Даль В.И.. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 19.11.21)

ВНЕСЮЖЕТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОВЕСТЯХ В.И.ДАЛЯ И Л.Н.ТОЛСТОГО, ИХ РОЛЬ В СЮЖЕТЕ⁸⁰

Ташева Ж.Б., студент
Умарова Г.С., к.ф.н. доцент, научн.рук.
Западно-Казахстанский ун-т
им. М. Утемисова, г. Уральск

Создавая литературное произведение, художник изображает реальную внешнюю действительность и одновременно творит новую, внутреннюю действительность произведения. Взаимодействием и взаимопроникновением этих двух начал определяется единство художественного мира произведения, с которым неразрывно связано понятие жанра, системы образов, стиля, с максимальной полнотой выражающееся в сюжете. Авторское видение и показатель мастерства писателя больше всего воплощает сюжет среди всех элементов композиции.

Поэтическую ткань произведения организуют различные художественные элементы. Не только сюжет или конфликт способствуют постижению основной мысли текста. Для раскрытия характеров героев, определения перспектив развития сюжета писатели включают в текст внесюжетные элементы. В этой работе мы и рассматриваем эти элементы.

К ним относятся пейзажные картины, портретные характеристики, различные виды художественной детали, выполняющие определенную смысловую и эмоциональную нагрузку, эпиграфы, вставные эпизоды, сновидения, лирические отступления и т. д.

Закрепленные письменно и обладающие общечеловеческим смыслом художественные тексты называют литературным произведением. Также форма существования литературы как искусства слова. Читатель всегда ощущает особую жизненную конкретность литературного произведения. Она всегда связана с реальной действительностью и в то же время не тождественна ей. Особая жизненная конкретность является её не картиной реальности, повторением, а художественным отражением, воссозданием «в форме жизни», как «представление», напоминающее особенности жизни. И в этом ряде очень важную роль играет сюжет, композиция и внесюжетные элементы [1].

Внимание читателя в художественных произведениях больше всего приковывается к сюжету, определяющему их композицию. Если ранее сюжет был ведущим в них, то в произведениях современной литературы событийные явления уходят на второй план, а внимание читателя занимает раздумья, переживания, размышления героев, описания внешнего мира и природы [2].

В композиции художественного произведения присутствуют, кроме сюжета, и внесюжетные элементы, которые часто оказываются не менее, а порой и более важным, чем сам сюжет. Если сюжет произведения – это динамическая сторона композиции, то внесюжетные элементы – это сторона статическая.

Внесюжетными называют такие элементы, которые не продвигают действия вперед, во время которых ничего не случается, а герои остаются в прежних положениях. Различают три основные разновидности внесюжетных элементов: описание; авторские отступления; вставные эпизоды.

⁸⁰ «XXI ғасырдағы филология ғылымының теориясы мен практикасының заманауи тұжырымдамалары» / «Современные концепции теории и практики филологической науки в XXI веке» / «Modern concepts of the theory and practice of Philological Science in the XXI Century» / Сборник научных статей молодых ученых. – Под общей редакцией А.Г.Бозбаевой – Уральск, 2022. – 225 с. – С. 177-182.

Внесюжетными элементами считают: описания обстановки действия; описаниям внешности героев (портрет); внутренний мир героев (внутренние монологи, несобственно-прямая речь, обобщённое воспроизведение мыслей и т.д.); отступление от сюжетного повествование, в которых выражены мысли и чувства автора по поводу происходящего (так называемые авторские отступления). _

Авторское отступления – это более или менее развернутые авторские высказывания философского, лирического, автобиографического и т.п. характера. При этом данные высказывания не характеризуют отдельных персонажей или взаимоотношений между ними. Авторские отступления – необязательный элемент в композиции произведения, но когда они там все же появляются («Евгений Онегин» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя, «Мастер и Маргарита» Булгакова и др.), то читатель более ярче понимает характер героя, замысел автора, его мировосприятие [3].

Итак, внесюжетными элементам называют те, которые не участвуют в продвижении основных действий сюжета, но они расширяют рамки изображаемого. Ими являются описание, авторские отступления, вставные эпизоды, пейзаж, сон, портрет, художественную деталь, пролог, эпилог. С их помощью устанавливается связь между автором, повествователем и читателем; выясняется авторское видение, понимание изображаемых событий, характера героя. Описание природы, портрета героя комментируют, дополняют, способствуют раскрытию характера. Внутренние монологи выполняют психологическую роль в изображении характерных черт, свойств героев, объясняя его поступки, действия.

Деталь фиксирует внимание читателя на наиболее важном, характерном в природе, в человеке или в окружающем его предметном мире по видению писателя. Художественная деталь – особо значимый, выделенный элемент образа, выразительная подробность в тексте литературного произведения. Пейзаж может создать эмоциональный фон, на котором разворачивается действие.

В данной статье мы излагаем основные положения результатов исследования внесюжетных элементов в повестях В.И.Даля и Л.Н.Толстого.

Владимир Иванович Даль (1801 - 1872) – писатель, этнограф, лингвист, фольклорист. В русской литературе Даль известен как яркий представитель натуральной школы. О Дале-писателе упоминает в теоретических материалах о принципах натуральной школы как предвестнике реализма в русской литературе 30-40-х годов XIX века В.Г.Белинский [4].

Сюжеты для повестей и рассказов Даль брал из самой жизни. Ими написаны произведения не только о русских людях, казаках, но и о казахах, поляках, башкирах, цыганах. К ним относятся «Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837–1838 годах персиянами крепости Герата» или «Рассказ пленника Федора Федоровича Грушина», повести «Бикей и Мауляна», «Майна», «Осколок льду», «Цыганка», очерк «Уральский казак», легенда «Башкирская русалка» и др. [5].

Превосходно изучив кочевой быт казахского народа, Даль написал в Оренбурге две замечательных повести – «Бикей и Мауляна» и «Майна». Повесть «Бикей и Мауляна» была встречена с восторгом критиками. Она была переведена на французский язык и издана в Париже 1845 году. Знакомство Даля с фольклором башкирского народа нашло свое отражение в рассказе «Башкирская русалка» [6, с.39].

В повести «Бикей и Мауляна» описана трагедия, разыгравшаяся в семействе аксакала Исянгельды Янмурзина. О нем сообщается как об одном из старшин богатого казахского рода. Особенность аксакала, подчеркиваемая повествователем, это его известное миролюбие и спокойствие, на основе которых Исянгельды Янмурзина строит жизнь своих сородичей с уральскими казаками.

Детально рассказывается история семьи аксакала. Он женат на трех женщинах по традиции казахского этноса той эпохи. Поэтому у Исянгельды Янмурзина много детей. История, приведшая к трагедии в семье аксакала, связана с эти обстоятельством. По

обычаю народа за одну просватанную еще в детстве дочь семья аксакала от первой жены получила калым. Ко времени выдачи ее замуж дочь умерла. Традиционно в таком случае необходимо или вернуть калым, или отдать другую дочь. В первой семье таковой не оказалось. Первая жена убеждает мужа не возвращать полученный калым. По ее же совету Исянгельды выдает замуж дочь со второй своей семьи. Мать невесты к этому времени уже не было в живых. То, что «отдали птенца из второго гнезда, а калым за него остался в первом», привело к вражде между семьями аксакала [7, с.50]. Родные братья и сестры умершей девушки восприняли такое решение отца не только своим ограблением, но, прежде всего, позором. Позором, по их понятию, явилась выдача их сестры без калыма, «как рабыню или неверную». Бикей, ее брат, не соглашается с отцом, восстает против его решения, требует от него возвращения полученного когда-то калыма умершей сестры от первой семьи отца детям и матери – второй семье.

Мы замечаем, что в повести много авторских отступлений, и сам автор замечает, что постоянно выходит из рамки самой повести.

Повесть начинается с восклицания: «Идет, идет! – раздалось в пестрой толпе...» [7, с.45]. После чего вводится отступление с описанием толпы, поражающего «нового зрителя странностью одежды и нарядов». Писатель представляет участников толпы по одежде, среди которых «многополосные халаты, желтые и красные кожаны, сшитые шерстью вверх конные дохи и ергаки». Здесь же появляются «невиданного покроя и неслыханного цвета» шапки, ходят кожаные шаровары и армяки. О качестве одежде говорится, что «все это изношено, изодрано – что и придает целому какой-то пестрый, махровый вид». Среди всех представителей этой азиатской толпы повествователя изумляют «человеко-твари – байгуши, киргизские нищие». У рассказчика их вид вызывает жалость. Он узнает, что они нищают целыми аулами и поколениями из-за голода и стужи. И ждать им помощи не откуда и не от кого. Их земляки к ним безжалостны, неумолимы.

О казахах, живущих вдоль пограничной линии Оренбурга, говорится в повести, что они очень бедны. Те, кто зимуют от Гурьева до Звериноголовска, на «20 тысяч кибиток», считая по пяти душ обоего пола на кибитку» приходится «по семи голов рогатого скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сто баранов». По официальным данным, считает автор, среди них богачи с десятками тысяч овец и коней. К ним относятся и «голыши», имеющие лишь одну «дойную козу», без решительно никаких более доходов. И то, эта коза может перевозить целое семейство и все имущество «голыша». Да и семейство его питается «молоком ее – через день и два, поочередно; это не сказка, а быль».

Описание внешности, непривычной для русских людей, одежд казахов, способствует читателю зрительно представить незнакомцев. Повествование о беднейших слоях казахов, кочующих в этих краях, как внесюжетный элемент повести, не участвующий в событиях сюжета, в жизни главных героев повести, дает дополнительную информацию о народе, откуда эти герои, тех людей, которые окружают их.

Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910) – выдающийся писатель и мыслитель русской литературы второй половины XIX века. В мировой литературе он известен как автор романа-эпопеи «Война и мир», социальным романом «Анна Каренина». Л.Н.Толстого исследователи причисляют к числу величайших писателей-романистов.

Нами исследованы изображение внесюжетных элементов в повести Л.Толстого «Детство» [8, с. 3]. Повествование в произведении ведётся от имени главного героя Николеньки Иртеньева, вспоминающего свои детские годы, отдельные события. Сюда относятся рассказы героя о пережитых чувствах первой увлеченности девочкой Сонечкой, отношениях к братьям, отцу и матери, к учителям Карлу Ивановичу, затем к французу; Наталье Савишне и др. С теплотой повествует герой о событиях из своей семьи. Мальчик, как человек своей эпохи, обращается к родителям на французский

манер Рара и Матапа. Самые близкие люди для Николеньки в его детстве были Рара – Пётр Александрович, Матап – мама, рано ушедшая из жизни; брат – Володя, сестры – Люба, Катя; бабушка. Очень близки к Николеньке, к его брату и сестрам, и его маме экономка Наталья Савишна; домашний учитель Карл Иванович.

Единственными побуждениями в те дни детства в доме родителей у мальчика были невинная веселость и беспредельная потребность любви.

Жизнь с бабушкой в Москве запомнилась мальчику днем именин ее. Внук сочинил ей свои первые стихи, чем и взволновал бабушку, которая с гордостью читала их гостям. Среди гостей была княгиня Корнякова, о которой любопытный внук узнает, что она наказывает детей розгами. Такой поступок княгини глубоко потрясло Николеньку. Он случайно слышит разговор бабушки с ее старинным другом князем Иваном Ивановичем об отце мальчика, не ценящего и не понимающего свою жену. Приехали на именины братья Ивины, родственники Иртеньевых, и Иленька Грапп, сын бедного иностранца, знакомого бабушки. Николеньке очень нравился Сережа Ивин, он во всем хотел быть на него похожим. Во время общих игр Сережа очень обидел и унизил слабого и тихого Илью, и это оставило в душе Николеньки глубокий след.

К вечеру на бал собралось много гостей, среди которых Николенька увидел чудесную девочку Сонечку Валахину. Главный герой влюбился в нее и был счастлив, танцуя с ней и веселясь. Николенька не узнавал самого себя, почему он вдруг стал так дерзок, уверен и смел. Он танцует с Сонечкой мазурку, взволновавшись, сбивается, чем и обращает на себя взоры всех гостей. О своей влюбленности в Сонечку он сообщает Володе. С Сонечкой говорит на ты.

Повесть «Детство» заканчивается повествованием о большом горе, постигшем семью: умирает мать героя. Душа героя наполняется отчаянием. После похорон семья, по решению отца, переезжает в Москву. Герой предполагает, что и самая счастливая пора его детства тем и закончилась. В опустевшем доме остается только Наталья Савишна, но вскоре и она, заболев, умирает. Повзрослевший Иртеньев, приезжая в деревню, всегда посещает могилы матери и Натальи Савишны.

В тексте повести мы рассмотрели такие внесюжетные элементы, как психологическое изображение, душевное состояние; описание; сон и еще многие другие элементы._

Исследуя внесюжетные элементы, во второй главе, мы приходили к такому выводу. Автор благодаря этим элементам может ярко выразить свои мысли, взгляды на жизнь, передать свое отношение к изображаемому событию или явлению.

Выводы. В.И.Даль в повестях «Бикей и Маулына» использует в качестве внесюжетных элементов описания, авторские отступления, портреты и т.д. Благодаря им В.И.Даль более подробно описывает историческую обстановку, историю, традиции казахского этноса времен, когда жили герои его повестей, тем способствуя созданию реалистического произведения.

Внутренние монологи главного героя в повести «Детство» Л.Н.Толстого раскрывают его психологию, воспринимающую новые знания, его стремление самому разобраться в тонкостях его отношений к родителям, окружающим и их к нему. Рассуждения, анализы своих поступков в качестве внесюжетных элементов в композиции повестей способствуют более полному раскрытию характера героя. Наблюдения за посторонними людьми, за отцом, матерью, братьями и сёстрами, письма к матери, подробное описание портрета любого человека, с кем ему приходится сталкиваться, способствуют писателю изобразить эволюцию характера героя, стремлению самосовершенствоваться. Речь героя из слов с области танцевального искусства, с французского языка подчеркивают особенности развития молодого человека светского общества.

Портреты персонажей, описание природы, рассуждения и мечты героя лишь расширяют историческую и культурную информацию об эпохе, при которой

развивается главный герой, как жили представители высшего общества, чем они занимались, увлекались, о чем говорили. Этот элемент способствует реалистическому изображению эпохи, при которой идет становление, взросление героя.

Внесюжетные элементы в повестях Владимир Ивановича Даля и Льва Николаевича Толстого помогают изобразить события и историческую эпоху, способствуя автору более понятно донести до читателя главную проблему произведения.

Литература:

1. Словарь литературоведческих терминов. С.П.Белокурова, 2005//
<http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика «Поэтика сюжетов». – М., Высшая школа, 1989. – 404 с.
http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Veselovskij_A._N._Istoricheskaya_poetika._1989.pdf
3. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: художественная литература, 1987. – 342с.
4. Белинский В.Г. «Взгляд на русскую литературу 1846 года»
<https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiWlZqPne33AhVjhosKHSi4AsgQFnoECC0QAQ&url=https%3A%2F%2Fphilolog.petrsu.ru%2Ffilolo%2Flit%2Fbel1847.pdf&usg=AOvVaw2vM3hSTs2IAFrv-Pq0eqFC>
5. Прянишников Н. Писатели – классики в оренбургском крае. – ОГИЗ: Чакаловское издательство, 1946.
6. Даль В.И. Цыганка. – СПб., 1830.
7. Даль В.И. Бикей и Мауляна / Умарова Г. С. Картина мира казахского этноса в трудах В. И. Даля: результаты научных исследований. – Уральск: РИО ЗКГУ им. Утемисова, 2014 г. – 222 с.
8. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / Классики и Современники – М., изд. Художественная литература – с. 319.

ГЛАВА 2 ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ В.И. ДАЛЯ О КАЗАХАХ

БИКЕЙ И МАУЛЯНА⁸¹

ПОВЕСТЬ ГЛАВА I КАРАВАН

– Идет, идет! – раздалось в пестрой толпе, стоявшей отдельными кучками, смотря по званию или сословию, знакомству и связям зрителей. – Караван идет!

И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, как сама молва, зашевелилась. Ребятишки, оборванные татарчата, полунагие, но в огромных мохнатых шапках, обгоняли с криком друг друга и давали поучительные круги около зрителей высшего сословия, чинно выступавших в голове отряда; разнородная челядь теснилась вслед – хотя тесниться было не для чего, и простора на все четыре стороны на необзримой степи довольно. Тут шло несколько чиновных и должностных, с фамилией и с семейством; тут были торгаши, мыльные и сальные, в долгополых сюртуках и в пестрых шейных платочках; были и приписные, и беглые мещане, отбивающие у первых меновой торг с кайсаками, коим отсыпают нередко щедрою рукой за барана несколько помадных банок нюхательного табаку, да мерочку муки, пополам с золою, с известью и песком; были и татары, промышляющие шубами, тулупами, яргаками и шкурами, такие же пройдохи, как и те; было и несколько человек, так называемых конфетчиков, т.е. просто лавочников, содержащих в городе, в частных домах, плохие лавки под названием магазинов. В Оренбурге есть и гостиный двор, но это огромное здание более подходит на арестантский двор или на монастырь; лавки все обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят. В толпе нашей были и казаки, коих, впрочем, можно было признать казаками только по навыку, по остаткам малиновых лампасов, сквозящихся в дыры подпоясанного полотенцем стеганого халата; и тут же расхаживало и несколько темно-зеленых сюртуков не солдатского сукна, с прозелеными выпушками, с медными бляхами на груди... Это сердцеvedы наши, отгадайчики тайных дум и затей всякого, кто взад или вперед переходит рубеж – они отгадывают по шапке – что в голове, по голове, – что за паухой! Впрочем, здесь нет утонченной образованности: мне случилось однажды увидеть опыты киргиза пронести овчинный тулуп без пошлыны: он просто накинул его, среди знойного лета, на плечо, поверх двух халатов, заложенных полами в кожаные шаровары, и уверял, что он всегда так ходит.

В толпе, о которой говорим, поражает нового зрителя странность одежды и нарядов, а слушателя – общее употребление татарского языка. Тут видите вы многополосные халаты, желтые и красные кожаны, сшитые шерстью вверх конные дохи и ергаки, тут шапки невиданного покроя и неслыханного цвета; кожаные шаровары и армяки; и все это изношено, изодрано – что и придает целому какой-то пестрый, махровый вид. Но верх безобразия представляют здесь собою жалкие человеко-твари – байгуши, киргизские нищие: степные дикари эти нищают целыми аулами и поколениями и гибнут голодом и стужей без всякой надежды на помощь. Земляки их, в этом отношении, безжалостны, неумолимы. Полинейные кайсаки вообще так бедны, что на 20 тысяч кибиток, зимующих от Гурьева до Звериноголовска, на протяжении 1850 верст, считают кругом по пяти душ обоого пола на кибитку и притом

⁸¹ В.И.Даль. Полное собрание срчинений в 10-томах // С.-П.-М.: Изд-е товарищества М.О.Вольф, 1898. – Т. VII.

только по семи голов рогатого скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сту баранов; но в этом числе есть богачи, у которых десятки тысяч овец и коней, и голыши, у которых на целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких; на козу эту выючит целое семейство все имущество свое и питается молоком ее – через день и два, поочередно; это не сказка, а быль.

Толпа народа, которую я описал, стояла на левом, азиатском берегу Урала, неподалеку от оренбургского менового двора; она подалась, при восклицании: «караван идет!» несколько шагов вперед и обратила внимание свое на стелящееся по степи облако пыли. В тылу у зрителей был огромный каменный меновой двор, коего стены бесконечного протяжения, казалось бы, готовы заключить в себе всех верблюдов Средней Азии...

Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом, пологом берегу Урала, зеленилась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки, высились несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор, а повыше, в форштадте, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачев, во время приступа к Оренбургу, употребил колокольню Георгиевскую вместо барбета: он втащил на нее пушку, из которой стрелял, за неимением снарядов, пятаками. Это обстоятельство, сказывают, хорошо помнит один почтенный старец, которого строгий, тогдашнего века, отец, больно высек, чтобы восьмилетний ребенок, бегавший без спросу собирать пятаки, помнил Пугачева. Так в старину секли у нас ребятишек на меже, чтобы они помнили грани.

Итак, вот что было в тылу зрителей; но что же было перед ними, там, куда обращены их мысли, взоры и шпаги? Я недавно услал к своим вид, снятый не искусною, но услужливою рукою, с зауральской природы, сидя на вышке оренбургского менового двора, или, пожалуй, на крыльце губернаторского дома⁸², все равно; видом этим я служить не могу, потому что я его услал; но если вам угодно сделать снимок, не имея подлинника, то возьмите в руки перо или карандаш, положите перед собою большой лист бумаги или склейте их несколько десятков вместе, начните карандашом с одного конца и ведите прямо, до другого края бумаги, а потом подпишите выше черты: *небо*, а ниже: *земля*, и я, не выдав художественного произведения вашего, скреплю: с подлинным верно, приложу и руку и печать, или, пожалуй, тамгу, которая здесь, у нас, занимает место креста нашего безграмотного мужика, и к коей мусульмане здешние оказывают большое уважение, уверяя, что сам Чингис-хан роздал во все роды и племена рукоприкладные знаки. Итак, вы познакомились с видом в зауральскую степь; справедливость требует, однако же, сказать, что такой печальный вид степь представляет только начиная от Оренбурга до взморья; Оренбург, по уверению книжников, стоит мало выше океана; здесь-то и степь наша сама принимает вид сухого моря. Выше – места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз⁸³, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне.

Отдаленная пыль, ложащаяся клубом под ветер, постепенно приближалась к зрителям; из ровной необозримой степи возникали движущиеся громады и, обманывая зрение, казались не верблюдами, а огромными слонами. Марево, это обыкновенное в степях состояние нижних слоев воздуха в жаркие летние дни, показывающее все отдаленное в превратном, безобразном виде и так часто обманывающее нас призраком воды, – марево это и теперь превращало лошадей в верблюдов, а верблюдов в слонов. Это, как я упомянул, обыкновенное явление в знойные, ясные летние дни; в темную, весеннюю или осеннюю ночь, обширный круг зрения, сливающийся с отдаленным

⁸² Выстроенного ныне вновь на том же месте. (Примеч.автора).

⁸³ Оренбург был первоначально заложен на месте Орской крепости, потом перенесен туда, где ныне Красногорская, наконец уже основан там, где стоит и поныне. (Примеч.автора).

небосклоном, представляет здесь новое зрелище: вас окружает далекое, великолепное зарево, огненная полоса замыкает пределы зрения и ослепляет очи. Не мудрено, зазевавшись, оступиться в это время и полететь с оренбургского вала, с которого романтическое общество наше редко наслаждается этим зрелищем. Причиною зарева этого – степные палы, пожары; земля удобряется золою, а зеленая трава пробивается скорее и гуще; старая трава, в особенности ковыль, образует толстую, непроницаемую кошму, и молодая травка не может пробить ее свежими ростками. Где есть возможность выкашивать старую траву, палы вовсе не нужны; но и вообще, они делают столько же или еще более зла, как добра: истребляют зверя и птицу, которые водятся весною, и, что еще хуже, уничтожают леса, скошенное сено, иногда хлеб и даже стада и целые аулы. Палы – главнейшая причина тому, что одни только жалкие остатки лесов в степи доказывают их прежнее существование.

Но я опять уже покинул свой рассказ и замолол другое. Воротимся к каравану. Несколько вершников, ездивших встречать караван, по делу или от безделья, мчались по гладкой дороге, на которой бы и лучший уровень остался без дела, и наездничали вокруг спешившихся, их карет и колясок зрителей... Кареты и коляски, восклицаете вы, в киргизской степи! Да, господа, так дело было; я этому не виноват; но, повторяю, так было и так бывает ныне и будет вперед. Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал, вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов.

Куда на них ездят? – спросите вы; да мало ли куда: то за угол, то за другой, – визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси бог, и на дрожках! Ей-ей, иногда бедному вершнику – фалетору, по-вашему – некуда деваться, так колымага напирает, так крут поворот от ворот до ворот – нужды нет: пошел четверкой! Но зато, браниться бранись, а на мир слово покидай – зато оренбургский карандас, или по-симбирски тарантас, а также разлюли-долгуша – повозка на долгих, зыбких дрогах, самый удобный и выгодный снаряд для езды в поле и в дороге; ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе. На башкирских и казачьих лошадях, с лыковой упряжью, по небитым дорогам, с неукими лошадьми и кучерами, ездить в колясках или даже в бричках – решительно невозможно.

Но караван наш уже тянется канителью мимо зрителей: верблюды рычат, медленно поворачивают долговязые шеи свои в стороны и разглядывают чуждого для них покроя людей: продетый в носовой хрящ шерстяной или волосяной аркан, привязанный за хвост предшествующего верблюда, напоминает, однако же, мечтателю, что при таком снаряде задумываться невыгодно; приклонив и протянув журавлиною шею свою, делает он два, три перемета рысью и потом опять продолжает плавный, шаткий и валкий шаг свой, и огромные тюки, висящие в высоких, туго набитых мешках, по обе стороны вьючного седла, постоянно раскачиваются большими разводами взад и вперед. Так тянется верблюд за верблюдом, несколько верст; легко расчесть, что походным строем этим, гуськом, пойдет их на версту не с большим сотни две. Верблюды каждого возчика-киргиза составляют небольшое особое отделение; хозяин разъезжает сбоку, на коне, а иногда и сидит, как и работники его, пополам с кладью, на верблюдах, назначенных под собственный скарб, дрова и продовольствие. Каждый шаг этого подвижного амбара, который нагружается двумя батманами, 16-ю пудами, раскачивает и кидает ездока своего от горба до горба: незавидная езда! Килевую качку эту может переносить равнодушно только привычный моряк; иначе не только укачает любого, но, чего доброго, выломит из крестца поясницу! Чалмоносые хозяева товаров восседают обыкновенно, подобрав ноги, в люльках, койках или клетках, подвешенных по обе стороны верблюда: мохнатый возчик, в яргаке, в меховой огромной шапке, сидя на верблюде между страннообразной клади своей, походит на какого-то лешего или домового с того света. Проходя мимо вас, кажется, отвечает

он, на каждом шагу верблюда, по нижайшему поклону: не беспокойтесь, не откланивайтесь, он это делает нехотя, поневоле. По обе стороны поезда тянется реденькое карантинное прикрытие, отрядец казаков, встретивших караван в некотором расстоянии от линии: но в голове каравана, на первом верблюде, висит в люльке своей караван-баши, караванный голова. Это важнейшее и главное лицо целого явления; он один отвечает за успех и неудачу избранного степного пути, который пролагает вновь при каждом новом походе; он делает привал, роздых, дневку, назначает подъем, принимает меры против грабежа – которые, впрочем, при неизъяснимой беспечности народов этих, состоят большею частью только в том, что стараются избирать менее известные пути, не проходить чрез враждебный род, а в крайности откупаются от хищников и никогда почти не защищаются, хотя все, с ног до головы вооружены. Голова берет и переменяет, где нужно, жожаков, юл-баши, – словом, он хозяин на походе, и весь караван у него в безусловном повиновении. Дошедши до ворот менового двора, верблюд его припадает на колени. Караван-баши слезает, здоровается с каждым по-братски, принимая руку его в обе ладони свои и кланяясь. С близкими, старыми знакомцами здороваются азиатцы наши, взявшись за обе руки и прижимая, взаимно и поочередно, руку друга к сердцу своему.

Наконец, караван вступает в меновой двор. Верблюды идут в проходной, складочный сарай, по-русски: пакгауз, по слову: чок! – припадают, ложатся, арканы развязываются, и огромные тюки и мешки сваливаются в кучу. Глядя на эти груды или целую гору товаров, которые доставлены из отдаленного края, из Хивы или Бухары, из Китайского Туркестана, доставлены с трудом и усилием, даже с опасностью жизни, захотите вы узнать, какой это клад? Что за товары? – Кашемирские шали, которым нет цены? – Восточные ковры, изделие, в коем шелк подделан шерстью? – Драгоценные камни? – Алмазы, яхонты, бирюза? – По крайней мере жемчуг? – Одним словом, хотя что-нибудь подобное тому, что мы привыкли называть восточными товарами, что вывозят другие народы из Азии? – Ничего не бывало; это – стыд сказать, а грех утаить – но загляните на оренбургский меновой двор, и вы увидите сами – это хлам и дрязг, почти такой же, как вы сейчас видели на возчиках, на конвойных, на байгушах; это стеганные бумажные халаты, где подбой и покрывка состоят из бязи, толстой и самой простой выбойки; халаты эти составляют не прихоть, не щегольство жителей здешних, но вся линия, все народы и сословия линейных жителей носят каждодневно халаты эти, как русский мужик свою сермягу. Далее: это войлоки, по-здешнему, кошмы, – это толстые бязи, выбойки, бумажные одеяла, самые грубые ткани и изделия, которые, кажется, не стоят перевозки на сто верст, не только через все пространство Турана.

Несколько мешков урюку, али бохары, фисташек, манны, вяленых полосок дынь в плетешках, что все известно вообще под именем кунак-аш, гостинца для приятелей, и все это перегажено шерстью, пылью и всякой нечистью; наконец видите вы несколько хлопчатой и пряденой бумаги, – и вот все. И по всей оренбургской линии то же, и вот в чем состоит весь торг наш с соседнею Азией!

Заметим еще и то, что русские вовсе не ходят с караванами в Среднюю Азию: торговля эта принадлежит исключительно бестолковым, безрасчетливым и безмерно корыстолюбивым мусульманам. Русский изворотлив, сметлив, предприимчив и переимчив у себя, дома; но караванная и морская торговля – не его рука. На Каспийском море нет ни одного русского торгового судна; все суда, за исключением рыбопромышленных, принадлежат персиянам, армянам, татарам, но только не русским. По всей оренбургской линии нет ни одного почетного торгового дома; есть так называемые богатые купцы, но они действуют как прасолы базарные, как торговки⁸⁴.

⁸⁴ Может быть, их нельзя слишком обвинять в этом: обстоятельства и отношения таковы. Покуда торговля будет в руках азиатцев и не будет здесь значительного торгового общества, все старания и благие намерения правительства тщетны. (Примеч.автора).

Так называемые купцы здешние берутся за мену и торговлю почти тогда только, если уверены получить по пяти рублей на полтину или около того: они дают киргизу зимою хлеба или товаров на 50 рублей, засчитывают ему это за сто, обязуют поставить весною за это сотню ягнят, поручают их для прокормления, для паствы, ему же, принимают осенью, в условленном месте линии, сотню жирных баранов, отдают их в стрижку даром, из шерсти, гонят на Волгу, бьют на сало и выручают 12-16 рублей за барана, а мясо и шкура опять не входят в счет. Это образчик менового торга с кайсаками, и не лучше этого живет и торговля караванная. Но возвратимся к своему предмету.

Караван пришел. Некоторые бухарцы отправились в город, к общему приятелю и земляку своему, титулярному советнику Хаджи Назарбаю; большая их часть осталась на меновом дворе. В это время у ворот менового двора, на степной стороне, произошел шум: два конные киргиза довольно жарко спорили между собой; один из них был одет чище и лучше всех, доселе нами виданных: вместо рубахи был на нем, как водится, легкий бумажный халат; шаровары малинового бархата с золотым шитьем; зеленые сапоги из ослиной чешуйчатой кожи – *chagrin* – с окованными серебром закаблучьями, со вздернутыми носками и даже со вставленными в конце их кожаными хвостиками или косичками; сверх халата синий бархатный чекмень халатного покроя, с косым воротом, обшитым узенькими галунами, кожаный тисненый пояс, с привешенным той же работы карманом и с ножом; огнива, этой необходимой принадлежности калмыцкого пояса, кайсаки обыкновенно не носят, потому что трубок не курят: в этом отношении мусульмане здешние вообще составляют род раскола; курить, как уверяют они, запрещается у них законом, который порицает всякую роскошь и излишества. Вот почему последнее посольство наше в Бухарию не совсем удачно избрало подарки свои для хана: хрустальные кальяны не могли быть им приняты, потому что он, как богомольный человек, не хотел подать такого соблазна народу. Впрочем, в целом Туране и даже в самой Бухаре курят, украдкою и утайкой, много; но бьют за это на базаре жестоко, если поймают с поличным.

На бритой голове помянутого мною молодца была небольшая остроконечная, как воронка, тюбетейка, опушенная выдрой, а сверх тюбетейки бархатная алая высокая шапка, колпак, с позументами по швам, с распоротыми с двух концов и загнутыми в четыре хвостика кверху полями; кроме этого, кайсак этот был в полном вооружении: копье трехгранное, с насечкою, на украшенном цветной резьбою длинном копейнице; за плечами ружье, коего отправленные в сайгачьи рога ражки выказывались из-за левого плеча; за поясом пистолет в оправе, на поясе чекан, ай-балта, род топора на длинном топорище.

Такое полное вооружение на кайсаке весьма замечательно, тем более, что приезжающие к меновому двору должны миновать Новоилецкую или Бердяно-Куралинскую линию, где оружие отбирается. Но как Бикей находился собственно при караване, где и возчики и купцы всегда бывают более или менее вооружены, то при нем и были оставлены доспехи. Не менее достойно замечания полное и исправное вооружение нашего приятеля; обыкновенно на сотню вооруженных киргизов едва придется по несколько самопалов, ружей без замков, с фитилями; прочие все вооружены плохими копьями да чеканами. Порядочное ружье или пистолет доставляет хозяину своему уважение целого аула. Луков и стрел сами киргизы не делают, а достают их иногда у башкир или из Индии, Персии, Кабула, через Бухарию. Сабли носят только почетные. Со времен незапамятных хранится кой у кого кольчуга и шлем, и доспехи эти дают уже хозяину полное право называться богатырем.

Обращаясь к рассказу, я прошу читателей заметить стоящего перед нами всадника: мы с ним не раз и не два столкнемся: это Бикей, сын Исянгильдия, глава киргизского прикрытия, которое, состоя из танинцев, сохраняло караван от грабежей родов: Чумекей и Джагалбай. По дружбе с караван-башем, который был, как обыкновенно чиклинец, Бикей проводил его вплоть до менового двора, хотя дружина и

разбрелась уже за переход или два в степи. Бикей Исянгильдиев был один из старшин отделения Гасан рода Тана. Отец его, Исянгильди Янмурзин, с почетным прозванием Аксакал, Белая борода, был богатейший из оренбургских киргизов и управлял уже с лишком 10 лет танинцами, и именно, отделением Гасан, которое было известно спокойствием и благосостоянием своим с тех самых пор, как, отделившись от земляков своих, составляющих большую часть внутренней, Букеевской орды, снова перекочевало за Урал, постоянно занимая часть левого берега его, противу станиц нижеуральской линии.

Миротворитель Исянгильди умел избегать гибельной баранты, которая не обогатила ещё ни одного рода киргизского, хотя и обратила целые аулы в байгушей, в нищих; старик всегда старался держаться кочевьем своим поблизости линии, не сообщался с неблагонамеренными, отдаленными родами и нередко прекращал благоразумием случайные ссоры однородцев своих с соседями, задабривая их обоюдно небольшими подарками из собственных стад и табунов. Впрочем, Исянгильди не мудрено было быть и тароватым; у него, как ведомо тем, которые были знакомы в то время со степью, у него было более десяти тысяч одних лошадей, не считая овец, верблюдов и рогатого скота. Некоторые уверяли, что это преувеличено, что у Исянгильди не было и более восьми тысяч коней; другие, что было до двенадцати. Помиримся на половине, и этого, кажется, будет довольно. Исянгильди был первым или один из первых богачей в степи, это бесспорно.

Но отец не ладил с сыном, благоразумный и почтенный, чужими и своими уважаемый Исянгильди Аксакал – не ладил с младшим сыном своим, - умным, бойким, славным молодецеством и добротою души Бикеем! И отчего бы это? Так нередко бывает на свете, други, подите и разберите их, кто прав, кто виноват, или дайте мне досказать и судите сами. Скажу теперь только еще, что Бекея уже нет, а девяностолетний Исянгильди нередко и поныне (писано в 1833 году) качает головой и нашептывает *ля иллях иллялах*, – поминая сына, который некогда, в юности своей, был его любимцем.

Султан Кусяб Гали, старшина одной из дистанций понизовых кайсаков, принадлежащих к западной части орды султана-правителя Бай-Мохаммеда Айчувакова, Кусяб Гали сидит теперь у меня; и между тем, как он, протягивая руку за расставленною перед ним на тарелочках закускою, спрашивает за каждым кусочком у общего нашего приятеля, у муллы: *халял* или *харам* (тоже что у евреев кошир и трэф), и мулла мой не позволяет ему есть ни копченного медведя, ни заячьих полотков, не позволяет также носить шелковой рубахи, уверяя, что это прямо и ясно запрещено кораном, – между тем, говорю, хочу пересказать вам то, что султан Кусяб мне говорил о причине глубокой вражды отца и сына; а султан Кусяб женат на родной сестре Бикей, на дочери Исянгильди, следовательно, дело ему известно.

У старика Исянгильдия было три жены, а от каждой жены по несколько детей. Он просватал одну из дочерей от первого брака за кайсака Байбактынского рода, отделения Игусагат, но она умерла еще невестой, и жених потребовал возврата калыма. Обычай велит возвращать жениху калым по смерти невесты в том только случае, если жених её не навещал ещё в ауле отцовском; в противном случае жених лишается калыма или той части, которую уже выплатил. Надобно полагать, что нареченный зять Исянгильдия имел право требовать возврата калыма, ибо мать умершей, не имея другой родной дочери в наличности и не желая выдавать благоприобретенного, уломала старика Исянгильдия отдать байбактынцу в зачет умершей одну из дочерей второго брака, так сказать, падчерицу свою, ибо второй жены Исянгильдия в то время уже не было в живых. Несправедливое дело это состоялось, из этого мы видим, что, как говорится, и правда живет часом кривою и что жены везде и всегда – не в пример будь сказано – из мужей своих под старость веревки вьют.

Старик Исянгильди, слывший мудрым и справедливым, когда судил и рядил чужую расправу, в собственном своем деле погрешил и покривил, а потом уже сознаться и исправить беды не хотел. Итак, отдали птенца из второго гнезда, а калым за него остался в первом; вот начальная причина всех бед. Бикей вырос, возмужал и, считая себя заступником и опекуном одногнездов своих, лишившихся матери, стал требовать их достояние.

– Вы продали сестру мою, – говорил он, – не как невесту, но как *кул-кыз* или *джасырь*, как рабыню; вы не взяли почетного калыма, для приобщения его к достоянию её семейства, то есть к семье второго гнезда или брака, но вы отдали её, как отдают *кяфыра*, неверного, за сотню баранов, а верблюда за полтора десятка, и разделили добычу утайкою между собой, как тати; или подайте нам весь калым сестры моей, или отдайте одну из девок, дочерей первого брака, которые теперь подросли, и мы найдем ей жениха, отдадим её за калым и будем квиты.

Отец отвечал на это угрозами: старик привык к покорности и повиновению. Мачеха натравливала его на Бикей, а двое старших сыновей её, взрослых, возмужалых, ожидавших со дня на день выделки, приняли, как само собой разумеется, сторону отца.

Если знать коротко быт степных кайсаков, если войти в обычаи и понятия их, то можно и должно оправдать Бикей. Там, где многоженство бывает причиною всегдашних семейных раздоров, где временная владычица над волею, умом и сердцем господина своего, пользуется властью своею всегда внакладку прочих, – там птенцы одного гнездышка прижимаются ближе друг к другу и заключают противу оборонительный и наступательный союз; сыздетства уже привыкают они видеть в матери родной заступницу, а в других женах отцовских клеветниц и безжалостных притеснительниц; в отце – неумолимого, безрассудного карателя, от грозной руки коего уклониться можно только обманом, новою клеветою и доносом или, возмужав, открытою силой. Никогда мусульманин не чтит мать свою, не считает обязанностью ей повиноваться: он видит в ней ту же рабыню, то же жалкое существо, созданное для нужд и прихотей отца, которое видит и во всех других женщинах; какими же глазами должен он смотреть на прочих жен отцовских, на сожительниц его, которые живут и промышляют одними только кознями, сплетнями, к накладу целого семейства? – Здесь наше мерило нравственности не прилагаемо, не применяемо: закоснелое невежество и тупое изуверство требуют иного изучения и приложения. А отдать девку замуж без калыма, кроме траты через это законного достояния, почитается сверх того величайшим бесчестьем. Вот как надобно смотреть на действия Бекея и вообще на целое происшествие. Многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только закоснелая в ислаимизме душа. В оренбургском крае есть много семей татар, башкир и тептярей, в которых благоразумные деды и прадеды, испытав горе это на себе, священным заклитием на смертном одре своем постановили, чтобы потомки их всегда довольствовались одною только супругою, и завещание это обыкновенно соблюдается строго. Все почти мусульмане соглашались в том, что это лучше; но соблазн велик, и люди, как всегда и везде, говорят одно, а делают другое.

Бикей, которого мы покинули, когда он перебранивался с двумя всадниками неподалеку от менового двора, повернул круто коня от двух братьев своих, которые, узнав, что он провожал из глубины степи караван хивинский, приехали тунейдцами требовать от него дележа честно приобретенной им платы, – повернул и отвечал на угрозы их: донести отцу о причине самовольной отлучки его в степь, что он, еще в зыбке лежа, потянулся и разломал ее, а ныне, уже и сам собирается строить колыбель будущему сыну своему! Надобно знать, что у киргизов всякий муж должен припасать детскую зыбку вновь, для каждого новорожденного своего, сам; люлька эта выгнута из прутьев, походит на небольшую кукольную койку, и, между прочим, в случае смерти

младенца опрокидывается на могиле его, где и остается навсегда. Делать зыбку – значит, быть независимым, иметь жену и хозяйство.

Если хотите, можем, на обратном пути от каравана, дать круг по меновому двору, где сосредоточивается торговля и промышленность двух частей света. Под навесы бесконечного протяжения, в каменные лавки с окованными дверьми и железными запорами – не заглядывайте: там, кроме замков на запорах этих, не увидите ничего. Все мертво и пусто. Только по двору толпятся тут и там верблюды; несколько баранов ожидают, на привязи, смиренно участи своей; торгоши наши расхаживают между ними, ощупывая курдюки, и с криком и шумом, с клятвами, божбою и ругательством, почти насильно отымают и выменивают баранов этих у нерешительных продавцов, которые, кажется, только этим способом умеют сбыть свой товар; кой-где сидит, на голой земле или на рогоже, торговка, судя по лицу, какое-то среднее отродие между русским, турецким, чудским и монгольским племенами; сидит, обвешивает и обмеривает кайсаков на товарах, составляющих запас подвижной мелочной лавки ее. Загляните в этот короб, или сколоченный кожаными наугольниками ларец, из которого она выбирает и навязывает мохнатому покупателю своему и квасцы, и гвоздику, и кусочки купоросу, осторожно стряхивая с них в бумажку рассыпанный по всему ларцу табак; взгляните на перепутанные мотки, клубки и узлы серых ниток и алого шелку, на завернутые в оторванном клочке бумажки ржавые толстые иглы, шилья и гвозди, на деревянные ложки, на дружественный союз разнородного скарба этого, присыпанного, думаю, для единообразия, табаком, мукою, пылью, – и все это даст вам надлежащее понятие о торговых сношениях Европы и Азии на точке взаимного их соприкосновения.

Глава II

Соседи наши

В архиве канцелярии оренбургского военного губернатора хранится, при одном деле, между прочим, бумага, на полях которой помечено собственною рукою тогдашнего военного губернатора следующее:

«Написать о сем обстоятельстве в Азиатский департамент и упомянуть, что, по сим и другим сведениям, в Хиве должны находиться до 2-х тысяч человек русских пленников. Сделать выписки из подписей и повестить об участии сих несчастных в те места, отколе они показывают себя родом. Перед выходом каравана изготовить ответ на письмо сие, в виде объявления, и без подписи, коим уверить пленников наших, что правительство печется об их освобождении; послать, по просьбе их, тельные кресты и евангелие, для подкрепления веры и надежды страдальцев. Доставившему письмо сие, сыну старшины Танинского рода, Гассановского отделения, Исянгильдия, старшине Бикею, выдать из сумм, на сей предмет имеющихся, сто рублей и пять аршин алого сукна на чекмень».

Читатели видят, о чем идет речь: Бикей Исянгильдиев доставил переданное ему через верного кайсака, из числа кочующих за рекою Сыр (Сыр-Дарья), письмо от русских пленников из Хивы. Убедительные жалобы и просьбы, полуграмотным языком изложенные, трогают и сокрушают в холе и довольстве проживающего читателя и заставляют призадуматься над тем, что мы называем обыкновенно судьбою человека. Письмо было писано на вылощенной русской бумаге, приготовленной на клею сажею, вместо чернил: свернуто трубою, измято во множестве переломов; зашито в ветошку и во многих местах протерто, так что иных слов даже нельзя было и разобрать.

Писатели извинялись неведением приказного порядка, как писать просьбы большим сановникам; говорили, что не только не могли доведаться об имени и отчестве военного губернатора, или вообще о том, кто ныне представитель главного

пограничного начальства, но недавно только узнали, от новых пленников русских, на рыбном промысле Эмбенского участка Каспийского моря захваченных, что в земле русской воцарился новый государь; приносили благодарность за доставление им, с прошлогодним караваном, двухсот серебряных крестов и пяти евангелий и молили о присылке еще до тысячи, хотя бы то и медных, крестов и нескольких священных книг: Евангелия, Четьи-минеи и Требника; горько оплакивали рабство свое, в котором, нагие и босые, холодные и голодные, маялись они на тяжелой земляной работе, подвергаемые непрерывным побоям, единственно, дабы помнили о рабстве своем и не имели бы ни сил, ни досуга помышлять о чем-либо ином; сказывали, что в хивинской юрте (ханстве, владении) бывает по одному разу в год, после рамазана, праздник, называемый кул-байрам, – пир рабов, на который все без исключения невольники имеют право приходить и гулять на свои собственные деньги и на пожертвованные жителями припасы: при каковом случае и сочтено, что одних русских пленников, не считая персиян и других иноверцев, находится в Хиве до 2 000 человек; в заключение просили помощи, сами не зная какой, сказывали, что неурожай последних годов вогнал пуд муки в тилла, то есть до 16 рублей; что они гибнут голодом, особенно старики, которые, пробыв в плену и тяжелой работе лет 40 и более, ныне, при дряхлости своей, брошены хозяевами, по случаю дороговизны, без всякого призрения, на произвол судьбы; называли себя напрасно и невинно страждущими верноподданными Белого царя, христианами, погибающими в руках неверных масурман: слово, составленное писцом, вероятно, из басурман и мусульман; поручали себя и души свои молитвам единоверцев своих и пребывали, по отпуске письма сего, во ожидании великих милостей, богомольцами; за сим следовало десятка два различных подписей, и при каждой прежнее звание и родина пленника, например, казаки Островной станицы: Павел Зайцев с сыном, астраханский мещанин Егор Щукин, служащий казак Иван Печоркин, отставной солдат Андрей Еремин и другие.

Из списка, составленного по всем сведениям, которые только могло собрать оренбургское пограничное начальство, видно, что с 1758 по 1832 год увлечено в плен киргиз-кайсаками с оренбургской линии 3797 человек; а следовательно, средним числом около 52 человек на год. Из этого числа возвращено, отбито, выкуплено и бежало, в течение 73 лет, всего 1154 человека. Самый счастливый для нас год был 1830, в течение коего не похищено ни одного человека; самый бедственный 1774, где увлечено 1380 человек; читатели заметят, что это было смутное время, последовавшее бегству калмыков с приволжских степей и разбоям Емельки Пугачева. В новейшее время, 1823 год был один из самых беспокойных, и с линии похищено 113 человек. Поводом этому служило занятие Илецкого участка, лоскута земли, лежащего противу Оренбурга, между реками Илеком, Бердянкою, Куралою и Уралом, и известного бесконечно огромным плато каменной соли, который, по выкладке досужих книжников, может снабжать нас 14 тысяч лет сряду миллионом пудов соли в год. Ныне, в последние годы, кайсаки вовсе перестали таскать людей с линии, ибо некоторое устройство в степи весьма затрудняет им сбыт и даже самую утайку невольников, а страх поплатиться головою отбил батырей от этого опасного промысла. Учреждение трех султанов-правителей, вместо одного хана, много способствовало введению некоторого порядка и повиновения; а последние походы в степь, малыми и большими отрядами, показали кочевым и хищным обитателям ее, что степь для нас проходима⁸⁵. Но независимо от приложения расчета, адайские киргизы и туркмены, залегающие на северо-восточных берегах Каспийского моря, таскают, с помощью астраханских татар, ежегодно от ста до двухсот рыбаков с каспийского рыбного промысла. Подробного расчета им нет. Пленников своих продают кайсаки хивинцам,

⁸⁵ Со времени хивинского похода 1837-1840 г. не было уже ни одного примера похищения с линии или с моря русских хивинцами. (Примеч. автора).

изредка и бухарцам, но несравненно большая часть их идет в Хиву. В отдалении от линии, есть и в самой степи, у кайсаков, русские невольники, но весьма немного, и, кажется, обыкновенно только по согласию с бродягой – иначе всегда легко уйти или дать знать о себе на линию.

От одного из таких-то бедующих земляков наших привез Бикей, по связям и знакомствам своим в степи, письмо и сделал это менее из видов корысти, из расчетливости или даже приверженности к правительству, а просто по личным связям и по приязни с линейцами, с уральскими казаками, с которыми жил в дружбе и сношениях личных, водил хлеб-соль. Они-то наказывали ему почасть: «раздобыть весточки от родимых», по которым заживо панихиду отслужили, поминая их наряду с преставившимися. За всякое покушение высободить или увезти пленника, равно за перевозку писем их, хивинцы жгут, режут и вешают: несмотря на это, мы ежегодно получаем оттоле письма и ежегодно уходят пленники. Приключения и похождения этих отверженных, лишенных всех прав человечества – кроме смысла, которого, на беду, лишить существо это невозможно – приключения их дивны, непостижимы: часто превосходят они всякое вероятие, но не менее того не вымышлены. Один был захвачен, мчался 8 дней на коне, связанный по рукам, по ногам, ночи проводил, связанный же под душною кошмою, на четырех концах которой лежали зверские стражи его. И не видел в 8 суток ни зерна насущного; другой не помнит, что с ним было: его били обухом по голове каждый раз, когда он приходил в себя, чтобы он одурел, оглупел и не имел ни средства, ни охоты к побегу; третий родился уже в Хиве от русских пленных родителей, вырос там и нашел средства бежать, сквозь тысячи сторожей. Сквозь степи безводные и бескормные и пришел на русь святую христианином, пронесив при себе 19 лет записку, данную ему отцом о родине и о родичах его; еще иной вышел чудными похождениями из плена, в котором находился полвека – 56 лет; и годы эти протекли однообразно, неизменно, как один день; опять иной, наконец, за исполинскую силу свою, произведен, с проименованием Пелюан-Кул – силача-раба, в первые сановники ханства, или, по крайней мере, двора, подчинил себе богатырским кулаком своим и двор и ханство, ходил в шелку, ел сытно, а улучив время, ушел, покинув честь и место, увел четырех аргамаков ханских, видел за собою погоню, слышал в ночи, как на него ножи точили, клал уже голову на плаху, – а прибыл, миновав все беды, подобру-поздорову на родину свою, и ныне – мужик 12 ½ вершков – торгует в Астрахани пряниками!

Итак, братья Бикей, которых видели мы вскоре по прибытии каравана на меновый двор, не получив от него желаемого побора, возвратились в свои аулы, и донесли отцу Исянгельдию, что сын ему не повинуется, что он не идет на зов отцовский. Новый раздор, новые поджоги ненависти и мести: сводные братья, не желая выдать калыма сестры Бикей, то и дело подстрекали обе стороны, раздражали старика день за день новыми доводами непокорности и строптивости сына; в отсутствие же этого, поселяли они в отце подозрение, что тот хочет лишить его власти и доверенности народной; что, получив уже старшинское звание, в виде почетном, ныне добивается у правительства отцовского места, и потому подыскивается, прислуживается у русских и якшается с линейцами. И слабый старик, черствый, упрямый, виноватое дело свое хотел поставить правым, не давал отчета в незаконных делах своих, а требовал на суд сына. Так прошли месяцы, годы, и отец питал уже безотчетную ненависть к лучшему сыну своему; не мог видеть его, не загораясь багровою кровью; а сын, в гордости правоты своей и чистоте дела, за которое стояли все однодворцы и земляки его, говорил и действовал смело и самостоятельно. Он никогда не забывался противу отца, никогда не грешил противу патриархальных обычаев дикарей степных, у коих белая борода уважается, безусловно, целым семейством, родом и племенем: но братьям всегда говорил он правду в глаза, – правду, которая тем более колола, что, Бекей не бранился с ними, как это водится нередко у земляков его, на весь аул: никогда не выходил, как они, из себя, а

отражал все нападения их какою-нибудь сильною, смелою и язвительною насмешкой, а сам оставался при своем и делал свое. Это, правда, самый горький, унижительный и непримиримый способ состязаться с противниками, в особенности, со слабейшими и с теми, у коих не чиста совесть.

Братья Бикей, о которых мы говорили, были Джан-Кучюк и Кунак-бай. У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, давать имя новорожденному по произволу, с первого встречного предмета или понятия. Так, например, замечательное имя Куте-бар, принадлежащее довольно замечательному лицу, показывает, до чего простирается вольность кайсаков в избрании имен, и как мало стесняются они при этом какими-либо условиями. Имя Исянгельди – в переводе: добро пожаловать, здорово пришел; Кунак-бай значит: богатый друг, но Джан-Кучюк, душа-собака, собачья душа, есть кличка, достойная негодяя, которому принадлежала или принадлежит, ибо он жив и доньше. Джан-Кучюк был один из тех дикарей, которого можно и должно называть просто зверем, не распространяясь в картинном изображении бессмысленно-зверского нрава его, не исчерпая на него весь запас поносных и ругательных слов богатого русского языка. Кайсак свyksя и сжился со всеми ужасами разбойничьей междоусобной жизни и тешится огнем и ножом всюду, где только судьба и случай предаст ему на истязание живое существо; он никогда не удовольствуется убиением врага или противника, обыкновенно даже избегает этого, если боится заплатить после за это кун; но он изобретает муки и истязания, перед которыми вся нынешняя школа юной Франции должна почтительно поникнуть главою и подать ему, Джан-Кучюку с сотоварищами, венец первенства и совершенства.

Суд и расправа кайсаков, прилинейных кайсаков ныне в руках у султанов-правителей, кои, числом трое, управляют оренбургскими кайсаками с 1824 года, со времени уничтожения ханской власти в степи. Полезное преобразование это последовало по случаю самовольного удаления бывшего хана Ширгазы Каипова в Хиву. Он возвратился с раскаянием, когда хан хивинский обобрал у него, мало-помалу, все подарки царские: алмазы, пожалованные жене его, ханше, ханджар и прочее, и живет теперь милостью правительства нашего, но веса и значения не имеет вовсе. Султаны-правители состоят под непосредственным ведением пограничной комиссии, подчиненной военному губернатору; уголовные дела решаются по нашим, русским постановлениям; но суд и ряд удаленных от линии родов киргизских находится в руках сильного; а сильный – это богатый или прославившийся наездник. Султаны, потомки Чингисхана, коим дают прозвание *ак-сюяк* или *ак-сюнзяк* – *белая* благородная кость, отличаются чисто монгольскими очерками лица; они завоевали степь, вероятно, гораздо позже заселения ее кайсаками. Султаны, кажется, были вытеснены на юг из Сибири, при завоевании ее русскими; народ кайсацкий принял их, как белую кость Чингиса, с благоговением, и они живут доселе больше или меньше на счет этого народа. Впрочем, не должно думать, чтобы султаны имели какую-либо власть над чернью киргизской: эта совсем в другом к ним отношении, чем *хара*, черные, простые калмыки к *цаган-ясан*, к белой кости своих нойонов и зайсангов; простые калмыки более, нежели крепостные: они рабы безответные; а кайсак волен и свободен и очень-очень мало повинуетя своим султанам. Несмотря на это, султаны иногда преимущественно достигают власти и влияния на одноземцев своих; известный султан Арунгазы, умерший в ссылке в Калуге, был человек необыкновенный: он приобрел неслыханную дотоле власть над народом, который трепетал от голоса его, питал к нему раболепную и безусловную покорность. Это у кайсаков явление довольно редкое; обыкновенно не ставят султанов и старших своих ни во что и повинуются им разве только там, где требования их подкрепляются русскими отрядами. Но Арунгазы умел ладить с народом; при нем, между прочим, баранта – этот истый бич кайсаков, почти вовсе вывелась, никто не дерзал прибегать к этому гибельному самоуправству, а шел с

жалобою и просьбою к Арунгазы: и ярлык, с грушевидною печатью султана, был свято чтим получателем, который, вместо ответа, мирился и разделялся немедленно с обиженным. Султан Арунгазы казнил неоднократно смертью; он просто резал их, связанных, ножом, как баранов! На вопрос мой у кайсаков, кто при этом служил ему за палача? – отвечали мне, что каждый, у кого только в ту пору случался на поясе нож, кидался, наперерыв, исполнить повеление хана – как они обыкновенно называли султана Арунгазы. Мне указали, между прочим, и на Джан-Кучука, который лежал на грязной кошме, подставив черный бритый затылок солнечным лучам, под коими термометр Реомюра показывал за 40 градусов, – указали на него, и сказали: «и этот ловко режет и служил, бывало, ножом своим хану!»

Несмотря на такие и иные ужасы двух крайностей: безначалия и самовластия, азиатца трудно вразумить, что дела могли и должны бы идти иначе и лучше. Соседи наши стали и стоят уже несколько столетий на одном месте, на одной и той же степени невежества и изуверства: не оглядываются назад, не смотрят вперед и коснеют в тупой, животной жизни. Кочевые народы, сверх этого, дорожат своею дикою, бестолковою независимостью, по крайней мере, столько же, как неукротимые их тарпаны и куланы. Кайсаки до того ненавидят правосудие наше, наши обряды судопроизводства, что предпочитают им всякую домашнюю расправу, лишь бы дело было кончено на словах, в один прием, лишь бы обвиняемому и прикосновенному не тягаться месяцы и годы, не сидеть, ожидая медленной, томительной переписки, в каком-нибудь гнилом остроге, где он весьма нередко, не дождавшись конца расправы, гибнет. Кому мало простора между Яиком и Сыр-Дарьею, тому и душно заживо в подземном склепе.

Коренной суд кайсаков таков: хан или султан, с почетными аксакалами, биями, старшинами и муллами, садятся в глубине кибитки; истец со свидетелями по правую, ответчик со свидетелями по левую руку; первый начинает говорить и рассказывает дело, со всеми подробностями; свидетели поддерживают его, дополняют, поясняют и подтверждают; потом другая половина рассказывает дело с начала и до конца по-своему; во все время одна половина другую перебивать не смеет, и всеми присутствующими сохраняется глубокое молчание. Наконец, все выходят: султан или хан советуется с биями и муллами, произносит приговор, и обе половины призываются для выслушивания его; тем дело кончено, нет ни споров, ни апелляций; решение выслушивается в молчании, с уважением, и исполнение следует за ним. Не скажу, впрочем, чтобы приговор этот был всегда справедлив и бескорыстен; пешкеш, то есть почетные подарки и гостинцы, у азиатцев во всеобщем употреблении. И дело редко без этого обойдется. Но кайсаки на это жалуются тогда только, если уже корысть судьи превосходит силы и достояние просителя; умеренные взятки считаются делом позволительным, даже необходимым, – это обычный пешкеш или буйляк. У оседлых азиатцев, где нет ничего патриархального, бывает гораздо более зла и безотчетного самовластия, что делается в Хиве, в Бухаре, это рассказать можно, но поверить трудно. Раджа кашемирский забивает особым фирманом, которым под смертною казнью воспрещается продажа или утайка хлеба, забирает весь годичный запас в свои житницы и платит хозяевам по произволу. Тут всякий спасает, хоронит, зарывает в землю, что может; редкий отдает хлеб свой, не подставив наперед раз, другой подошв своих; а иной приплачивается, за неудачную попытку утаить его, головою. Наконец дело слажено: житницы раджи полны, а народ без хлеба. Тогда докладывают ему, что народ есть хочет; голод свирепствует, народ умоляет открыть продажу, не погубить, не выморить всей земли своей... Раджа еще медлит, голодные толпы облегают сераль его, с утра до поздней ночи просят, без умолку, хлеба. Тогда, наконец, объявляется необычайная милость раджи: продажа закупленного хлеба разрешена; особые чиновники, диван-беги и ясаулы, отпускают просо, пшеницу, сорочинское пшено, на вес, по десятиричной, противу закупа, цене. Это не вымысел, а истинно происшествие, которое, сверх того, повторялось уже несколько раз в стране, благословенной

природою и угнетенной зверскими завоевателями. Но кашмирец не видит тут ничего чрезвычайного; он плачет, кричит и терпит; умирает с голоду и терпит; у него и думы нет, чтобы хан, раджа, аталык, мог когда-либо поступить иначе: он слышал сыздетства, что предшественники раджи делали так; он рассказывает детям и внучатам, что потомки раджи будут поступать также; и дело, по его мнению, основано на непостижимом промысле аллаха и на книге пророка его. Бухарец или хивинец спокойно глядит на самовольные, безответные, ужасающие нас поступки хана: глядит и не смигнет глазом, когда, перерезав, по тому же неизменному обычаю, глотку несчастного опального, чтобы кровь его сперва обагрила землю, вешают его, уже зарезанного, среди Регистана, дворцовой площади, – глядит на это и даже никогда не спросит: за что зарезан и повешен такой-то? Он знает одну только причину: хан велел, никак, аталык, бушбеги приказали, – и делу тут конец. Но приведите того же азиатца в наши тюремные замки – и всегда равнодушное к бедствиям ближнего лицо его впервые в жизни изобразит страх и ужас. Ему, азиатцу, по крайней мере, невозможно будет объяснить, что это не что иное, как мера благоустроенной предосторожности. Этого он не поймет.

Бикей, о котором начинаю говорить в десятый раз и все опять сбиваюсь на иные, посторонние предметы, но на предметы, вероятно, немногим читателям близко знакомые, – Бикей кочевал с гассановским отделением рода Тана противу нижнеуральской линии, водился и знался с чиновниками казачьими, был любим русским начальством за прямоту, бойкий ум и какой-то вид образованности; Бикей дарил и угощал кунаков своих с линии всем, что было у него любого и дорогого; у кайсака, для гостя, заветного нет; зато уже и сам он, будучи вашим гостем, берет, за словом, что ему приглянется. Бикей жил не по нутру, не по духу отца, а и пуще братьев. Дружба и связи с линейцами давали ему нередко средства и способы к высвобождению задержанного однодворца, к прекращению полинейных раздоров за потраву стожка, выставленного, кажется, с намерением, в степь, чтобы тебенеющие, тощие кони растеребили его, и хозяин имел бы случай и повод взыскать с кайсака пару баранов, или за украденную овцу, за съеденную кобылу; и Бикей, который так ли, иначе ли, но умел ладить с тогдашним атаманом и, по какой бы то ни было нужде, даром в Уральск не ездил, а каждый раз привозил какую-нибудь добрую весточку, – приобрел любовь и доверенность своего народа. 88-летний Исянгильди и сам уже видел, что ему не под силу тягаться и управляться наравне с молодецким сыном; но сознаться в этом и уступить народному гласу не хотел. Вместо того, чтобы видеть в сыне этом подпору и верного сподвижника, искал он в нем, натравливаемый братьями Бикей, врага-соперника и самозванца. Чем менее он находил все это в Бикее, тем более коварные клеветники старались усиливать темные доносы свои на действия Бикей и выставять открытого, бойкого, несколько легкомысленного сына скрытным, буйным, самовольным и умышляющим. Когда же, бывало, Бикей, одетый гораздо щеголеватее всех однородцев своих, в синем чекмене с позументами по косому вороту, с остроконечною тубетеей набекрень, вскочив на коня, которого берег и любил пуще глаза правого, стрелой пускался по аулу, и сотни голосов провожали его кликом: джигит! батырь! батырь! – а девки, сидя на земле и снуя по колышкам основу из верблюжьего гаруса на самоцветную армячину, оглядывались на Бикей, поправляли бархатную, стеклярусом и перьями украшенную шапчонку, – а старухи, выминая в одеревенелых руках своих жесткую, черствую сыромять, вымоченную в молоке, прокопченную на дыме, перебранивались с шаловливыми ткачами, – тогда братья Бикей, обыкновенно, отворачивались от него, насунув валеные колпаки на бровистые очи, и, вступая в кибитки свои, ворчали вполголоса или перебранивались с отцом за то, что он дает Бикейу много воли.

Приступая теперь к новой главе рассказа, по многим отношениям, заслуживает, как происшествие, быть памятником, не знаю, как быть: предоставить ли читателям

моим отгадывать, к которому из двух разрядов былей или небылиц принадлежит Мауляна моя, или уже сказать, что говорю не сказку, а голую бывальщину? Знаю, что многие бытописательных рассказов не любят, многие в них и не верят; а иные, знатоки и браковщики, говорят и пишут, что повестей чистоисторических нет или быть не должно; что голь не заманчива, а правда гола, как крючок без наживки; что на нее ни рыбы, ни рака не поймашь! Как хотите, господа; мне вас не переучить, а и того менее разуверить; может быть, и тут, как всюду, правое дело середина. Скажу, однако, о рассказе моем, на всякий случай, вот что; не только все главные черты его взяты с подлинного, бывалого дела, но мне не было никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-либо выдумку; все происшествие рассказано так, как было, и было в точности так, как рассказано. Не хочу пускаться здесь ни в какие логические, риторические и поэтические рассуждения; замечу только, что излишне, кажется, было бы переиначивать дело и мудровать над ним, если оно, само по себе, будучи изложено просто и в таком точно виде, как было, представляет цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое, основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на обычаях народных, местных; словом, если простой рассказ происшествия живописует нам человека, в смысле общем, и человека в значении частном: раба страстей, привычек и обычаев родины своей, того клочка земли, к которому не прирос он корнями вещественными, подобно чилиге, таволге и ковылю, прирос однако же корнями духовными, незримыми и не менее глубокими. Так, нет на свете человека, который бы не был рабом в этом двояком смысле: рабом в себе и от себя, от природы, как существо конечное, земное, рабом раба, как существо, подчинившее себя каким-то произвольным, часто смешным и нелепым условиям, привычкам, приличиям, обычаям... Очень мало людей гибнет от прямого зла, от сатанинской жадности губить людей и тешиться их томлениями; а гибнут сотни и тысячи от недоумений, от недомолвок, от обычаев и обыкновений, от каких-то условных правил и особых ухваток и ужимок житейских и условных и законов приличия. Переберите у себя в памяти несколько вам известных случаев, где люди жертвовали людьми, и эти гибли для жизни общественной, – и вы со мною согласитесь. И здесь, в повести моей, увидите вы то же: это было, где люди высказываются в двояком отношении своем к себе самим и к местности.

Глава III

Батырь

Отношения Бикея к братьям своим и к отцу были бы уже достаточны сами по себе, в быту черствого, дикого народа, чтобы поселить непримиримую вражду между той или другой стороною; но ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, важнейшее по существу и по последствиям своим.

У кайсаков есть обычай просватывать дочерей ещё в малолетстве; стараются получить за нее калым или выкуп, чем скорее, тем лучше. Родители жениха и невесты условливаются в этом калыме, в плате, приношении со стороны жениха; молодой парень и девчонка слынут парюю, калым выплачивается исподволь, в течение нескольких лет. Жених, возмужав, ездит из своего аула гостить в аул невесты, иногда на весьма значительное расстояние, в богатом убранстве и на лихом коне, и, если хочет показаться невесте молодцом, в сопровождении одного только или двух старших товарищей. *Ага*, старший брат или дядя, обыкновенно бывает товарищем – *юлдаш* – странствующего рыцаря любви. Тогда родители невесты берегут для него заветное место, лужок, который означают, как и всякое занятое уже под кочевье место, воткнутое в землю копьём; там они раскидывают кибитку, или, буде есть, небольшой шатер, где жених, выкупив невесту свою в каждый приезд сызнова у старух,

родственников ее, которые защищают ее иногда до нешуточной драки, тешится и нежится невозбранно, за все время пребывания своего в ауле. Влюбленный же кайсак получает нередко от девки, которая отмечает склонности его, завернутую в бумажку алую шелковинку, немного гвоздики и два, три совиных перышка, носимых обыкновенно девками на шапочках своих и служащих представителями девственности. Переезд жениха в сотню, другую, верст, а иногда и более, по степи, бывает небезопасен. Каждый, без исключения, путник- *джюлаучи*, каждый беглец или бродяга – коих, мимоходом сказать, в степи довольно, и даже из числа ссыльных в Сибирь, – каждый человек, достигнувший аула, почитается гостем и может быть уверен в безопасности своей; но на переезде степном нередко встречается он с толпами *джюрючки*, барантовщиков, отправляющихся по междоусобным расчетам в известный род, для грабежа и самоуправной мести: и эти-то отряды, на воровском поиске своем, не щадят уже, в неукротимом исступлении своем, никого; или, наконец, путник встречается с записными разбойниками, добывшими себе славу батырей непобедимых, немилосердных, промысляющих и дышащих разбоями и грабежами. К тому сословию принадлежал, например, покинувший после жалкой, но достойной смерти своей незабвенную по себе славу и нареkanie батырь чиклинского рода, разбойник Кутебар: он, ездив мирить чумекейцев с чиклинцами, съехался ночью с дружественным, джегалбайлинским отрядом; не опознав друг друга, обозвались путники, по взаимной окличке, из предосторожности, ложными родами; толпа джегалбайлинцев сказала чумекейцами, а Кутебар, у которого совесть была крепко не чиста насчет бедных чумекейцев, коих он варварски ограбил и разорил, не рассудил за благо попасться им в руки, особенно ночью, глаз на глаз; он испугался отзыва: чумекей, и кинулся бежать; добрый конь и вынес было его уже из мнимой вражеской толпы, но, поскакав в противную сторону, налетел он на копья двух отсталых оборванных худоконных мальчишек и пал, с обломками их копий под ребрами. Тщетно силился он сорвать зубами платок, коим, вместо чехла, был замотан пистолет его; он пал, изодрав себе губы и изгрызши, в отчаянии и второпях, собственные пальцы свои до костей!

Такая шайка, увидав в степи конного путника, немедленно обскакивает его, старается догнать или окружить; если он не может уйти и скрыться, доколь неумолимая погоня едва мелькает вдалеке, то становится на колени и с покорностью и смирением ожидает участи своей. Но его редко пощадят; то, что в ином месте могло бы спасти вас, здесь всегда погубит: кайсак не знает сострадания к слабому, к безоружному, охотнее всего нападет сам-сот на одного, а еще охотнее на сонного, на жен, на детей. Неверного, то есть иноверца, уводят в плен и продают, как товар, обыкновенно в Хиву; но довольно странно, что русские, калмыки и персияне (последние как шииты) преимущественно попадают в рабство, а евреи, индийцы и армяне никогда не лишаются свободы, не обращаются в неволю и на базарах востока не продаются. Правоверного же татарина, башкира или своего брата кайсака обируют грабители до нитки, в буквальном смысле слова, и покидают на произвол судьбы. Если вблизи нет аулов, если ограбленный не набредет на них случайно, то его ждет участь ужасная. Предвидя гибель свою, не отстает он от следующих путем своим грабителей, доколе не будет ими избит до полусмерти или доколе сам, выбившись из сил, не свалится с ног. Тогда провожает он глазами удаляющихся вершников, следит их по самый небосклон, – и остается один, на необъятном море степей; один, без помощи, без пищи, без средств и без надежды. Зной неимоверный печет голое тело его, палит обнаженное темя; голод и жажда истомляют силы – он шатается, утратив всякое соображение и познание местности, – и достается, почти заживо, на снесь плотоядному беркуту и стае хищных коршунов, которые творят по нем тризну его же плотью, между тем как трусливые степные волки и шакалы отпевают покойника по ночам дружными, заунывными голосами. Но иногда это нагое, покинутое, изнуренное существо, бродя в каком-то безумном, полуживом состоянии по иссушенному океану, достигает подвижного жилья

собратов, и если найдется милосердный и щедрый обладатель стад и табунов, то выходец с того света поступает к нему, за поденное скудное пропитание, в работники. Неимоверно, что может перенести слабое существо это, человек, это бренное, хилое животное! В одном ауле поймали киргиза соседнего рода, который подполз было высматривать и выжидать удобного для воровства часа. Избивши его нагайками в один биток, посадили его, связанного по рукам и по ногам, позднюю осенью, в мороз, по шею в воду; его вытащили из воды только на другое утро, когда находившийся там случайно с отрядом офицер наш приказал вынуть хотя труп мученика. Но он, ко всеобщему удивлению, был еще жив; тело его побагровело и посинело, черные губы дрожали, – более знаков жизни не было. Его завернули в кошму, положили около огня, и киргизы, зная приятеля своего, подставили ему огромное корыто *бишбармаку* или *кулламы*, пятипалого или ручного кушанья, крошенного бараньего сала и мяса. Лишь только покойник наш отошел на тепле, как начал визжать едва внятно, потом рука из-под кошмы протянулась к корыту, и горсть за горстью отправлялась в пасть усопшего. Съевши таким образом полное корыто крошенного сала и мяса и выпивши целый *турсук* – сшитый из шкуры двух окороков конских мех – кумысу, наш отпетый встал, встряхнулся, сел на коня и вышел тот же молодец, что был вчера об эту пору! Другой, родной брат известного ныне Джана-кашки, пустился зимою сам-шесть на промысел, был пойман, избит весь в один синяк, раздет донага и пущен. Он, зарывшись в снег, просидел там ровно пятеро суток, с одною овчинкою, которая служила ему во все время и пищею, и подстилкою, и покрывшкой. Он был отыскан уже на шестой день, и то случайно, и жив поныне. Он уверяет, что ему было совсем хорошо, и тепло и сытно; он спал день и ночь, а просыпаясь, сосал овчинку.

Итак, не мудрено, что пробраться степью за 200, 300 верст, сам-друг или сам-третей, считается молодечеством: и естественно также, что суженый. Навещая невесту свою, стыдится отправляться с толпою или караваном, а прокладывается сам-друг или один.

Удивительно, что ни один мало-мальски порядочный кайсак не откажется и не призадумается ехать, куда угодно, пускаясь на произвол судьбы и на авось; что, в случае плена, переносит и выдерживает бесчеловечные, зверские мучения с неимоверною твердостью, не испустив ни одного стога; но что при первой опасности, в стычке и на бою, первое, врожденное движение кайсака, это – оглянуться назад, свободен ли обратный путь; а второе: струсить и бежать по этому пути без оглядки! Кайсак черств. Стоек, терпелив, равнодушен и особенно живуч до невероятности, предприимчив и дерзок на похождения и покушения, но открытого боя не любит, – это не его дело.

Бикей давно уже засватал девку соседнего баюлинского рода, отделения Байбакты, дочь старшины Тохтамышша, по имени Дамиля; или, лучше сказать, отец просватал его, а сам он поглядывал еще по сторонам. Он не торопил отца уплатою калыма, ибо молодецкая жизнь ему еще не надокучила; он медлил, сам не зная чего, хотя и не думал противиться воле отцовской и обычаю народному, и сам считал Дамилю своей невестой. Однако, доселе он как-то еще с нею не свыкся, не слюбился.

В таком положении было дело, как один из соседних султанов объявил годовщину, тризну, по каком-то покойном родственнике своем, – празднество, совершаемое обыкновенно с расточительным великолепием, если только скачка, пляска, ристалища, борьба, игры и песни нескольких сот, а может быть и тысяч, дикарей, которых тароватый хозяин кормит бараниною и кониною и наливает кумысом донельзя, можно назвать великолепием. Большая часть гостей, – а приглашен всякий на 500 верст в окружности – приводит с собою и подносит хозяину лошадь, барана, верблюда или хотя бы турсук кумысу; и этот обычай уменьшает значительно расходы хозяина, у которого огромная толпа съела бы в два, три дня все достояние его. Даровой скотины этой бывает также большею частью достаточно для ставок в скачках, хотя

ставки бывают иногда довольно богатые; косячок лошадей или даже 15-20 верблюдов. Но в обжорстве состоит главное празднество. Некоторые гости выпарывают из кожаных шароваров своих карманы, завязывают внизу штанину вокруг ноги и во время обеда наполняют все пространство это крошенным жиром и мясом, этим любимым и всегдашним кушаньем, известным, как упомянули мы, под именем кулламы или бишмармаку, ручного или пятипалого блюда. Скромнейшие гости завязывают остатки в концы своего пояса, но все без исключения набивают рот огромными пригоршнями крупно искрошенного мяса и глотают его почти целиком. Друг друга потчуют они, и особенно почетнейших, поднося им верхом накладенную горсть мяса, жиру и хряща: учтивый вельможа обязан захватить все это разом в рот и проглотить, причем нередко у него очи на лоб вылазят, и вся рожа вздуется горою, – но дело сделано, и приличие соблюдено. Люди – везде люди, везде рабы обыкновений и приличий!

Уже историк Абул-Газы, которого можно бы справедливее назвать сказочником, в своей истории монголов и татар, восхитившись пиром, который дан был Угус-ханом, начинает воспевать его в стихах так:

*Девятьсот кобыл, девять тысяч баранов убил:
Девяносто девять кожаных водоемов пошил,
В девять вина, в девяносто кумысу наливал,
Да целое войско свое на пиру угощал!*

После еды и обжорства, четвероногие обитатели степей, кони – первые действующие лица, а люди – уже второстепенные; это пир, где лошади, как и всюду у этого конно-рожденного народа, занимают первые, почетные места; где можно только отличиться батырством на коне и этим стяжать скаковые ставки богачей и лестный, дружный припев и похвалу нескольких десятков степных красавиц, которые, садясь верхом в кружок, воспевают томным и тоскливым напевом, но чистыми и приятными голосами, молодецество нового джигита, воспевают наобум, иногда не дурно вылившимися стихами.

Как редки стали, впрочем, ныне в степи добрые киргизские кони, можно заключить из того, что иногда из огромного табуна в несколько тысяч лошадей почти нечего выбрать: пяток, а много десятков; остальные – дрянь. Это происходит от бестолочи и небрежения; кайсаки, ровно, как и башкиры, считают только, сколько голов скота у них, и этим похваляются, а прочее все предоставляют аллаху и великому его послу. В оренбургском крае, не выключая степи, числится до миллиона лошадей; 20 000 идет ежегодно в продажу, и в том числе более половины в степь; время, когда, наоборот, кайсаки пригоняли табуны свои для продажи на линию, ушло далеко и, кажется, невозвратно; ныне линейные становятся беспечными пастухами, а киргизы засевают хлебом огромные пространства.

К скачке, как известно, подготавливают, подмаривают, подъяровывают степных лошадей; в этом деле, по крайней мере, столько же удачи, сколько искусства; недояруешь – скакун загорится, тяжел, не дойдет; переяруешь – ослабеет и опять-таки станет. Подготовка эта состоит в том, что лошадей, по зорям, проезжают шагом и рысью до поту, а потом оставляют на всю ночь в седле и без корму. Если вспомнить, что лошади эти не видят и не знают овса – изредка любимого скакуна, баловня, кайсаки поят кобыльим молоком, – что они некованы и круглый год на подножном корму, то нельзя не согласиться, что порода эта необычайно крепка. Одноконный кайсак делает в сутки верст по сто, а двухконный – полтора. В Бухару, мерные 1500 верст, кайсак о двуконь поспевает в две недели и иногда скорее. На скачках кайсаки берут обыкновенно расстояние от 30 до 50 верст; скакуны на этом расстоянии проходят версту в полторы минуты, иногда и скорее, в 1 минуту 20 секунд.

Борьба кайсаков и башкиров почти одинакова; но она не походит на борьбу русскую. Под силки не берутся, подножку не любят и не знают; а закинув друг другу пояс за поясицу, заматывают каждый в него обе руки, упираются один в другого правыми плечами и возятся, что медведи, иногда четверть часа на одном месте. Здесь решает сила: ловкость и искусство изменяют.

Бухарцы, к слову молвить, борются крайне забавно: они раздеваются и разуваются, выступают полунагие, в одних шароварах, ходят и кружат друг против друга, словно петухи, изноравливаются, прицеливаются со смешными ужимками, и вдруг, улучив время, насакивают один на другого, схватываются как и за что ни попало – за ногу, за руку, за голову и, сцепившись, мнут, ломают и царапают друг друга, как и кто может.

Но возвратимся к своему пиру. Вместо того, чтобы говорить вам – Унгбай обскакал Бузауа, а Миндиар Сафар-бая, Кутлугильды поборол Кагарманда, Искендера и Урмана, – вместо этого, опишу известную у кайсаков и страстно любимую ими игру, в которой победителя ждет награда неоцененная, а смех и поношение ожидают побежденного. Дело вот какое: состязаются молодой парень с отборною, молодецкою девкой. Девка эта выезжает на лихом скакуне, взмостившись, по обыкновению, на высокое, попонами, одеялами и подушками покрытое седло; она выезжает на лучшем и заветном коне отца или брата, носится по чистому полю, налетает на молодцов, замахивается на них плетью, а коли который не увертлив, так часом того и приоденет; кричит, хохочет, резвится и вызывает на бой. У кого сердечко по ней разгорится, тот кидается на коня и пускается в погоню. Начинается травля и скачка – народ ревет, красавица мчится стрелой, – молодец нагоняет – она дает крутой поворот вбок, другой, опять вперед, назад, наконец, парень донимает ее: то заскакивает вперед и, осаживая коня, старается только коснуться ее рукою, персей ее: то, настигая ее с тылу и вытягиваясь в маховую сажень, едва не достгает рукою... – она мечется и кидается, то с тылу, то сбоку... – девка, не щадя ни парня, ни коня его, ни плети своей, с которою, право, шутить вовсе не выгодно, стегает зря и с плеча и очертя голову по чем попало; молодец свивается клубом, налетает соколом, подвертывается жгутиком и, коснувшись однажды рукою груди ее, обнимает уже смело сильными мышцами противницу свою, и она уже не смеет противиться; и степные кони дружно мчатся по мягкой траве, а обнявшиеся всадники, покинув повод, не заботятся о направлении скакунов своих. Если же молодец принужден бывает отвязаться от девки, не нагнав ее, не коснувшись рукою персей ее, тогда, как говорится, хорони головушку в мать сыру землю, – от посмеяния и житья и проходу нет. А вдобавок тогда уже девка его нагоняет и, не давая своротить, гонит перед собою до упаду и лупит нагайкою, камчей, при громогласных криках и хохоте народа. Это выходит: и стыдно, и больно.

Девка, в алом бархатном чапане, под золотою стежкой, в трехцветных бухарских сапогах из чешуйчатой ослиной кожи, в острой конической бархатной шапочке, унизанной бисером и украшенной селезневыми и совиными перышками и темно-зеленым, искусно набранным визячим пером, длинными поднизями и сетками, кистями и плетешками из разноцветного бисера, корольков и стекларуса, – девка эта появилась верхом на просторе. Она, вопреки обыкновенному мнению, смешивающему кайсаков наших с калмыками, с которыми они ничего общего не имеют, лицом нисколько не была калмыковата: приятный продолговатый облик, не томные, не нежные глазки, но быстрые, искрометные темно-карие очи необычайной жизни и блеска; черты лица особенные, свойственные кайсачке, но не менее того прекрасные.

Пригожество и красота – вещи условные: не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно, если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала; – если ж нет, то виною этому бы был, вероятно, только тяжелый, мешковатый наряд ее; я думаю, что если бы вы обжились немного со степью и с

дикарями ее и дикарками, если бы привыкли только к этим тройным и четверным неподпоясанным халатам, неуклюжим чоботам и мужиковатой поступи, то стали бы вглядываться в иное свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц, похожих нередко – извините меня, неуча, на куколку, которую шаловливые девчонки умывали, и смыли с нее и румянец, и алый цвет уст, а в голубых глазках оставили один только бледный, мутный намек на прежний цвет их. Плосковатое лицо и несколько выдавшиеся скулы не делают на меня никакого неприятного впечатления, а высокое чело и благообразный нос вполне соответствует приятному облику кайсачки.

Итак, девка эта села и понеслась, давая круги; шумный говор и разнообразное движение оживило толпы и пестрые ряды множества гостей и зрителей; насмешки и колкие шутки сыпались градом от девок, баб и стариков на молодежь, на парней, которые стояли, почесывая бритые затылки и отшучиваясь площадными островами, но и не думали скакаться со смелым вершником, который, избочениваясь на каждом повороте, давил толпу тяжеловесных мужиков, между тем как эти едва успевали увертываться и расступаться. Следом за нею раздался хохот, и неповоротливые парни почесывали лбы, плечи и спины, на которых глухие удары камчи, удары нежной, девичьей руки, отзывались преизрядными синяками.

Бикей следил её глазами, – оглянулся опять, кинул взоры на неё – пять вокруг, на толпу, как будто удивляясь и не веря, что нет шункара, нет кречета на эту пигалицу. И в тот же миг она полетела вихрем на него, – народ отхлынул с криком, и ребятишки в давке завизжали. Бикей ни с места, – как стоял, сложа руки и выставив ногу вперед, так и остался, вперя жадные очи в батырьку на рыжем, нескладном, неутомимом скакуне. Она, пролетая мимо, замахнулась было на Бикея, занесла руку и, быстро опустив карающую десницу, обмахнула повисшею на темляке нагайкой два быстрых круга около головы его – и промелькнула.

Не знаю, почему, но милосердие это странно поразило Бикея и круто им повернуло; он закричал: *бирк-бул!* держись! и уже несясь вслед за непобедимою, за которую никто более не посмел гнаться; все знали горбоносого скакуна ее; знали, что она, не щадя ни плеч, ни головы друга-противника, секла вальковою нагайкой оплошавшего и не настигшего ее состязателя; знали и то, что ее, со времени возмужалости ее, на всех игрищах и пирах никто еще не догонял, не обнимал. Понятно, что ловкость, смелость и уменье здесь еще важнее быстроты скакуна: посадите легких, как пух, красавиц наших на любого степного коня, – и они пропали: нет пощады, нет спасенья, они.. о ужас! в объятиях неистового монгола-татарина, который, вероятно, при всей осторожности своей, изомнет и изломает все хрящеватые, воробьиные ребрышки их, всю, так называемую, талию – извините, чуть не проговорился, не сказал, стан!

Не станем разбирать, как и чем взял Бикей: заветным ли гнедым жеребцом, которого выбрал жеребенком, на свою долю, из отцовского десятитысячного табуна и в котором души не чаял, – или чем другим – скачкою ли взял, сноровкою ли, или просто тем, что ринулся в погоню неожиданный, словно камень из-за угла, – все равно: довольно нам потешиться картиной, оглянувшись на этот исступительный и оглушающий рев тысячи зрителей, и встретить взором всадников наших в самую ту минуту, когда Бикей, обняв стан Мауляны крепко правою рукою, почти лежал, растянувшись и перегнувшись боком с упрямого жеребца своего, который мчался рядом, но почти в целой сажени от рыжего, горбоносого скакуна побежденной и задыхающейся от смеха Мауляны.

Мауляна эта была нареченная невеста старшего брата Бикеева, который, однако же, не заблагорассудил с нею скакаться и стоял в толпе зрителей; но все, что видели мы теперь, не могло быть по праву злобному и ревнивому жениху, который, как

нередко видим это в природе, был запятнан рукою ее и облечен знаменiem: он не имел приятного и молодецкого монголо-татарского лица Бикеева, в котором большие, яркие глаза и нос дугою соединяются с плоским лбом и выдающимися вперед щеками; он был очень дурен собой, и на изуродованном оспою подбородке его редкая борода пробивалась только на одной, правой половине. Он отвернулся и пошел прочь от толпы; и шумные восклицания: «гоу, гоу, гоу, батырь! джигит!» – поражающие громогласно слух его, раздирали со всех сторон бешеное сердце. Оно вскипело местью, ненавистью, и клокотало, доколе алая кровь еще текла в жилах Бикеева.

Глава IV

Баранта

Что такое *баранта*?

Если один кайсак у другого украдет или угонит скотину, то за это платит он туляу, пеню; если же он отказывается от имени или не сознается в воровстве, а род или аул его не выдает виновного, то баи и аксакалы разрешают обиженному искать права силою; он набирает товарищей и отправляется, говоря: *барам-та, пойду до, пойду за* – вот вам, *барамта*, или, как говорят русские, баранта. Но, при этом самоуправстве трудно знать лад и меру; один захватывает более, чем ему, по обычаю народному, следовало; другой предъявляет иск неправый; третий, пользуясь смятением и беспорядками, поживляется сам на свою руку; опять иной, в сумятице, невпопад угоняет скот не того хозяина, которого бы следовало; иногда у вора нет добра никакого, а род отказывается от платежа и ответа; за все это насчитывается новая пеня, а за случайные или умышленные убийства во время баранты со стороны нападающих – *кун*, весьма значительный и часто неуплатимый; бывает все это причиною и поводом тому, что взаимные расчеты, а с ними и баранты и междоусобия, поддерживаемые еще сверх этого султанами, которые в мутной воде рыбу удят, расплодились и размножились до бесконечности. Баранта обратилась в какой-то губительный, разорительный промысел степных дикарей; все роды и племена перепутались во взаимных счетах и начетах и пользуются каждый случаем для взаимного разорения и нападения. И здесь, как всюду, мое и твое служат поводом, началом и корнем взаимной вражды и усобицы. Строгая, суровая зима, в продолжение которой ртуть стынет в тепломерах наших, и степные бураны, заносят они путника, кружат и мнут мысли и чувства до того, что он не в состоянии различить пяти пальцев своих перед носом, – едва удерживают неукротимых, свирепых хищников, в лютои подобный барсу, в трусости – степному волку; но, лишь только сочные ростки пробиваются на ранних солнышеках, отощавшие на зимней *тебевке* кобылы мгновенно добреют, разъедаются, – как и дикари, пробуждаются от зимней спячки своей; сытный, питательный *кумыс* разливается алою кровью в иссякших жилах их, красит щеки, наливает блеском и жизнью потухшие очи, – и шумные толпы уже пускаются во все стороны на поиск, разоряют без милосердия друг друга, беспощадно губят собственное достояние и насущное пропитание свое. *Баранта, туляу и кун*, кун, туляу и баранта – вот в чем заключается почти все уголовное уложение, все правосудие степных дикарей. Известно, что суд и расправа всех мусульманских народов основываются на законе, на коране; а потому и всякий кади или казы, судья, бывает лицо духовное; но нигде это не соблюдается менее, чем у кайсаков, которые неохотно признают над собою власть, а самоуправство предпочитают всякой иной расправе. Но кун у них священная вещь; киргиз, нанимающийся в работники, условливается нередко с вами, будете ли за него платить кун, коли он умрет на ваших руках? Цена куна вообще полагается за – мужчину 1000, за женщину 500 баранов. Расплачиваясь другим скотом, зависеть будет

от сделки, сколько баранов полагать на лошадь, корову или верблюда. За убийство султана полагается 1000 верблюдов, – кун огромный, который едва ли когда бывал сполна уплачиваем, а установлен, как объясняет и сам султан Кусяб, для того только, чтобы никто и никогда не мог посягнуть на священную жизнь белой кости. Между тем и в прежнее и даже в новейшее время, убийства султанов изредка случались. Вот вам пример киргизской расправы: двое кайсаков поссорились при перекочевке за луга; от ссоры до драки у них не далеко – подрались, один другого укусил за палец, и бабы насилие розняли дураков. У раненого палец разболелся; его отдали, как водится, на поправление и ответственность виновного. Был ли тот плохой лекарь, или уже так судьба порадила, довольно того, что прикинулся волос, а вскоре вся рука до плеча распухла, разболелась, конец концов, – больной умирает. Родные его приезжают в аул лекаря за телом покойника, как водится у достаточных людей, на белом верблюде; но, противу обыкновения, вооруженные, с криком, с шумом, с ругательствами, с угрозами; это было строгою зимой; девчоночка, испугавшись приезжих и бушующих в тесной кибитке батыршей, выскочила из-под кошмы, в которую завернули было ее от стужи, выбежала из кибитки, отшатнулась и замерзла в тридцати шагах от жилья своего. Сделка и мировая произошли на следующем основании: ты обязан заплатить кун за того, которого ты укусил и залечил; а ты должен заплатить кун за девчонку, которая от тебя погибла; следовательно, укусивший товарища смертельно в палец платит, вместо тысячи, только 500 баранов, ибо за остальные 500 поверстался смертью девчонки.

Я уже выше заметил, что разбой степные отличаются от баранты, вошедшей в законную силу. Все торгующие на линии купцы наши знают, что на слово киргиза, при меновых сделках, почти всегда положиться можно; кайсак пригонит вам, в назначенный день и месяц, в назначенную точку линии, лошадей и баранов, взявши деньги даже наперед; но он всегда украдет их снова, коли дадите ему на это случай, и будет этим хвалиться: он вещи не тронет, ибо называет это: урлык – воровством; а украсть коня, барана – молодчеством, джигитлык: это то же, что у нас поймать чужого голубя или сманить собаку. При перекочевке нередко покидают кайсаки целые груды скарба своего, прикрытые кошмами, войлоками; этого никто не тронет, между тем как доброго коня нельзя достаточно уберечь и устеречь; его только разве не уведут из-под вас! За воровство вообще полагается у кайсаков туляу, пеня, особенно если украденная скотина будет уже съедена: и расчет при этом довольно странен и сложен: за украденную лошадь платят три девята, три тогуза скота; первый тогуз состоит: из одного верблюда, двух тельных, к будущему году, коров, с нынешними телками, бычка и яловой коровки; итого: девять. Второй тогуз: лошадь вместо верблюда, а прочее все то же. Третий тогуз: корова, две овцы с ягнятами нынешнего помету и обещающие то же на будущий год и, наконец, два козленка. За верблюда полагается таких же шесть тогузов, ибо верблюд идет за два коня, а корова в ценности равна лошади. Начет этот столь значителен, что редкий вор согласится добровольно и даже редкий в состоянии уплатить требуемое, а отказ или даже замедление в уплате нередко влечет за собою угоны, грабежи аулов и убийства. Начеты эти переходят с деда и отца на сыновей и внучат, дробятся с родов на поколения, с поколений на частные лица и семейства.

Собираясь на баранту, на разбой, хищники съезжаются иногда десятками, особенно если хотят только сделать ночное нападение, для отгона табунов; иногда же и сотнями и тысячами, и тогда уже нападают на аул открытыми силами, на рассвете или во время полуденного жара и всеобщего отдыха. Идущие на промысел этот берут лучших коней, ибо все киргизы храбры копытами и ногами скакунов своих, но берут самую плохую сбрую и одежду и обвешиваются, полунагие, одними лохмотьями изношенных и изодранных халатов. Вооружение их состоит тогда почти исключительно из легких длинных копий или даже одних заостренных в конце копеещ, без железки, да из чеканов. Огнестрельного оружия не возят они с собою на баранту,

частью чтобы не обременять себя попусту, частью же, чтобы не вводить себя в искушение: убить человека недолго, как они говорят, да после кун выплачивать накладно. Отряд этих грабителей наводит уныние, тоску и омерзение, особенно если взвесить дух и храбрость воителей, коих десятки тысяч можно рассеять и уничтожить сотнею-другою добрых тысяч казаков, - если взглянешь на этих выроdkов, неумолимых в зверской жестокости своей противу слабого и трусливых до бесконечности, где дело дойдет до устоики!

Буйные чиклинцы, в числе 3000 человек, нагрянули, в самый знойный полдень, когда все покоилось в аулах, когда, по обыкновению, все кайсаки, скрывшись от зноя в кибитке, спали глубоким сном, – нагрянули на танинцев. Аулы, на которые сделано было покушение и при коих находился старшиною Исянгильди, состояли из 400 кибиток, раскинутых, по пяткам и по десяткам, черными холмами, по обширному, отлогому скату. Издали глядя, невольно сравниваешь их с черноземными холмами кротов, по зеленому лугу беспорядочно наброшенными. Все покоилось. Не было видно ни души. Рассыпавшиеся стада и табуны занимали по несколько десятков верст во все стороны; пастухи при них спали, раскинувшись в траве. Чиклинцы ворвались отдельными толпами в передовые стада и табуны, и прискакавший сломя голову в аулы с известием о вторжении неприятеля привел за собою почти на хвосте и самих грабителей. Старик Исянгильди вскочил – все взревели в один голос; каждый кидался к оружию, схватывал лучшее платье и добро свое, вскакивал на первую попавшуюся ему лошадь – и летел во весь дух – навстречу врагам, думаете вы, нет, этого здесь не бывает; здесь нападающий всегда уже победитель: все кидалось и летело в противоположную сторону, сгоняло и спасало стада и табуны, сколько можно было еще их занять и удержать. Обширная степь ожила, зашевелилась, пыль поднялась; толпы рассеянных всадников мелькали и пропадали; кони ржали и оглушали топотом своим окрестность; хриплые, дикие крики победителей и побежденных раздирали воздух. Вместе с мужчинами, или еще и наперед их, кидались на коней молодые девки и улетали; остались в аулах, при скрабе и имуществе, хилые, хворые старики, дети и бабы. Итак, дело кончено, скажете, и обойдется без кровопролития, и чиклинцы вовсе не встретят и не найдут своих неприятелей? Посмотрим. Грабители, взбивая тучи пыли, уже налетели с ревом на аул – уже крик, визг и проклятия смешались с гулом и топотом, с ржанием и блеянием; уже копыта, подобно железным щупам неумолимых винных досмотрщиков, которые нередко, на заставах наших, прокалывают и платья, и посуду, и книги у проезжающих, – уже копыта погружаются там и сям сквозь решетчатые стены в беззащитные, одинокие кибитки, и оборванные, полунагие потомки Батыя и Чингиса, с неистовством и исступлением, колют, бьют и режут все живое и живущее, до чего дошарились копытами своими под тюками и кошмами, но теперь завязывается жестокий и отчаянный бой, упорный, какого вы не видали, коли не видали, как мать отстаивает детище свое: вот зрелище, вот черта, где я узнаю природу; киргизка и самка степного барса одинаково дерутся за детенышей своих и не уступают их, доколе сами еще живы! Оставьте бледных и хилых горожанок, нежных красавиц наших, запасавшихся мамками и кормилицами и отдающих новорожденное из лона своего прямо к чуждой и купленной груди, – идите сюда и посмотрите, как та же слабая женщина защищает своих малюток! Бабы вооружаются багганами; каждая схватывает длинную, крепкую дубину, которою обыкновенно подпирается середина кибитки и которою кайсачка мастерски владеет; привыкнув управляться этим орудием не только каждый раз, когда ставит переносное жилье свое, но и вообще всегда, когда только случается поправлять турлык, узук или *туундык*, *кошемные* полсти и лоскуты на боках и на кровле кибитки, ловить и принимать вилообразною оконечностью баггана арканы, шерстяные веревки и тесьмы, перекинутые через верх подвижного жилья их, – итак, этим багганом вооружаются бабы и отстаивают каждая свою кибитку. Угроз грабителя она не слышит, копыта его и чекана не страшится, и если он не поразит её смертельно

при первом ударе, то меткий взмах баггана раздробляет голову разбойника или коня его – и это все равно; свалившийся с коня всадник убивается нещадно до смерти тем же оружием, страшным в сильных руках свирепой дикарки! Жена султана Медет-Галия, убитого джагалбайлинцами в 1831 году близ Орска, отстаивала таким образом семью свою; она уложила перед жильем своим двух вершков на вечный покой, и не прежде, как уже сама испустила дух, две дочери ее были схвачены и увлечены разбойниками на поругание.

Грабители не сочли нужным мириться и тягаться с амазонками, свирепыми, бесстрашными, отчаянными, а потому, угнав скот, приколов несколько детей и стариков, на коих наткнулись врасплох и невзначай, захватив несколько баб и девок, не успевших добежать до аула или не имевших сил и причин обороняться до последнего издыхания, – отправились восвояси. Мужчин, одноверцев, кайсаков в плен не берут; но девки и бабы считаются товаром; их сажают на добытых коней, связывают ноги под брюхом лошади и гонят по пути домой. Коран позволяет мусульманам иметь до четырех только жен вдруг; но иные владельцы и вельможи, по примеру пророка, или, переводя точнее и вернее, посла аллаха, берут до девяти сожительниц, мусульманок, кроме этого, держать не дозволено вовсе; но услужливые толковники объясняют: купленная или взятая в полон красавица – собственность каждого, товар; с ней делаю, что хочу; и на этом-то основании запрещение распространяется только на единоверок, мусульманок. Пригожие девки, на баранте захваченные, достаются обыкновенно на долю батырей, и участь их нередко бывает почти та же, как если бы они вышли замуж в отдаленные аулы; иногда полусупруг даже, полюбив пленницу свою, посылает родителям ее подарки, калым, и вражда забыта. Вот вам романтическое похищение красавицы в киргизской степи! Но молодые матери, коих брали в неволю, разлучая с детьми, нередко посягали на жизнь свою, если им не было средств и надежды на побег. Были примеры на оренбургской линии, что мать киргизка, коей дитя продано было отцом в ужасной крайности за несколько пудов хлеба, убегала из степи, являлась на линию, крестились и оставались при дитяти своем.

Барантующие удалились; табуны, послушные голосу нового жожака, заскакавшего вперед и летящего на борзom коне во весь дух восвояси, исчезли; все стихло; только пыль стлалась издалека, и амазонки наши бродили по аулу и собирали, в ожидании мужей и детей, раскиданную утварь. Медленно и в величайшем беспорядке, попарно, по три, по десятку, тащились, мчались и плелись победители; кто налегке, кто с баранами, кто с вьючными верблюдами, лошадьми, коровами и быками; трехтысячная толпа растянулась на несколько десятков верст – каждый думал только о себе и о заграбленном имуществе, более ни о чем.

Бикей, ездивший в гости ли куда-то или за делом, возвращался медленно в свои аулы, когда, поднявшись на пригорок, остановился и впериł всепроникающие очи свои в мерцающую обманчивой водою даль – явление, о котором я уже где-то говорил; оно в знойные дни обольщает и обманывает нетерпеливого, истомленного степного путника, и на поэтическом языке древнего Тибета столь выразительно называется: *жаждою сайгака*, у арабов – *сераб*, у кайсаков – *мунар*, у французов и у русских – *мираж*, а – извините – у нашего простолюдина: *марево*. Только необыкновенная привычка, сметливость и зоркость может отличить что-либо в этом пламенеющем воздушном море. Надобно видеть степного дикаря на родине его, на опасном перепутье, как теперь наш Бикей: он следует по сухому океану своему – как китайцы, руководимые счастливою и слепою догадкой, называют степь эту, – проходить огромные пространства, где не проложено следа человеческого, и выведет вас, наконец, в струнку, на желаемое урочище. И я не шутя скажу, что кайсак делает это по какому-то непонятному, темному чувству, в коем сам себе не может дать отчета, и которое только сравнить можно со способностью перелетных птиц... Отвезите вы кайсака на край света, в страны, о коих у него ни малейшего понятия, и пустите его там – он

оборотится, как магнитная стрела, которую ничем нельзя сбить с толку, и пустится прямо на родину свою. Не только из западной и восточной Сибири уходят кайсаки нередко домой, но есть несколько примеров, что, сосланные за преступления в Архангельск, пролагали они себе новый путь от берегов Ледовитого моря, чрез безлюдные тундры, пустынные, мертвые степи, за родной Яик; они достигали благополучно, и почти не касаясь путем жилья людского, до кровных степей своих, и доселе снова проживают между своими, похваляясь дивными и едва вероятными похождениями своими. Надобно посмотреть на кайсака, когда он на пути завидит нечто живое в знойном волнистом море, искажающем для нас все предметы самым чудовищным образом: вы едва только отличаете что-то и нечто, а он, приподнявшись на стременах и прикрыв брови рукою, читает как по книге: столько всадников налегке, вооруженных – они едут на изнуренных конях – нас увидели – это не наши; это чиклинцы, дюрт-каринцы, джегалбайлинцы... – Бикей, проговорив все это про себя, поворотил в ту же минуту от них вправо, помчался, и через час настиг танинцев своих, которые стерегли спасенный скот и ожидали известий из аула. Стоит только тронуть, задеть и расшевелить кайсака, и он вспыхнет ярким пламенем: Бикей был окружен в минуту сотнею молодцов, которые, будучи еще из числа самых бойких и смелых, вооружались и приготовились, в случае крайности, защищать и отстаивать стада и табуны свои. Бикей, не спрашивая ни о чем, не слушая никого, ругнул первого встречного, который сунулся было к нему с вопросом: *ни хабар?* что нового? что делается в ауле? – ругнул и прочих молодцов, вправо и влево, распустил их на чем свет стоит и вызвал охотников за собою. Взяв не более сотни человек налегке, исправно вооруженных и снабженных запасною, заводною и уже оседланною лошадыю, пустился в погоню за неприятелем. Пересаживаясь до трех раз с коня на коня, открыла наконец дружина наша с вечернею зарею следы грабителей, и до рассвета еще, следуя по свежеизмятой росистой траве и по тому именно направлению, куда трава ложилась, настигла беспорядочные, беззаботные толпы чиклинцев, которые беспечно тянулись почти гуськом, рассеянными и раздробленными толпами. Конец концов – легко предвидеть: сотня танинцев с Бикеем нанесли мнимым победителям своим гораздо большее поражение, чем накануне еще претерпели от них сами. Все летело без толку, без ладу, без цели, стремглав; все спасалось бегством, покидая добычу; не было ни сопротивления, ни устою; бикейцы едва успевали спихивать настигаемых ими чиклинцев копьями с коней. Если и невозможно было отбить всех табунов, коих часть угнана была уже при самом начале вчерашнего нападения, то, по крайней мере, новый батырь с молодцами своими пригнал в аулы свои значительную часть отбитых им стад, табунов и почти всех навьюченных верблюдов и покрылся, в лице народа, неувядаемою славою. Как мало нужно иногда для этого, и как мало таких, которых и на это малое достает! Но в то же время, Бикей озлобил старших братьев своих, коих врожденное чувство самосохранения удерживало от всяких заносчивых, воинских покушений, и коих предприимчивый дух удовлетворялся наипоспешнейшим бегством. Теперь танинцы стали указывать на них перстами и вслух и в очи пеняли за трусость их и за бездействие; без головы, говорили они, и руки и ноги не служат; а вам, предварителям и старшинам нашим и наследникам престарелого старшины, предстояла славная обязанность – быть главою тысячи вам покорных рук и ног и наказать чиклинцев за дерзостное их покушение! И это все опять в порядке вещей: трус бежит рядом с трусом или еще впереди его; но опасность миновалась – и он же его презирает.

При этом же самом набеге, передовая, оборванная, голодная, зверская толпа чиклинцев наткнулась на аулы соседственных и союзных с танинцами баюлинцев, на отделение маскар, на кочевую родину Мауляны. Конец один: отвратительная картина одинакова; не стану говорить пространно и подробно, как и здесь опять алчная толпа грабителей подстерегла мирные аулы, и свирепость людская не знала ни меры, ни пределов; не буду говорить, как и кто бежал, кто и куда схоронился – скажу только,

что торжествующие грабители вели восемнадцатилетнюю Мауляну в числе одиннадцати молодых пленниц. Ей дали малорослого, кривоногого конька, взятого в ее же ауле; не связывали, из особенного к ней уважения и милости, ног, а один из двух услужливых парней, которые ехали с боков милой пленницы нашей и взапуски забрасывали ее шутками и прибаутками, вероятно, не совсем тонкими и скромными, – один держал в руке повод коня ее, а другой, по другую сторону, чембург.

Девка сидела плотно, отшучивалась и отбранивалась, не оставаясь в долгу, мазала иногда ластившихся около нее стражей своих медом по губам, – а сама держала ухо на чеке: она была коротко знакома с уродливою клячей, на которую ее посадили и которая, несмотря на уродливость эту и на распоротые вилообразно ослиные уши, была понадежнее иного пятивершкового слона орденского кирасирского полка; Мауляна, сметив и улучив пригодный миг, наклонилась вперед, как будто хотела поправить холку или уши лошаденки, но в тот же миг скинула с неё, через голову, гладкую, плетеную из тонких черных волос уздечку, гикнула, круто повернула конька своего ногами в сторону, прямо на одного из конвойных своих, ринулась на него во всю силу распростертыми руками, сшибла его с лошади и ускакала; ускакала в виду сотни или более хищников, кои большею частью на измученных в продолжение набега клячах тщетно носились за нею, рассеявшись и разметавшись по обширной степи.

Мауляна благополучно прискакала навстречу Бикею, который мчался еще по пятам грабителей, настигая и сбивая бегущих, отбивая скот и имущество земляков своих, единогласно признавших Бикю первым батырем на целом пространстве между Яиком, Тоболом и Сыр-Дарьею, а может быть и целого света.

Бикей и Мауляна возвратились со славою при громогласных кликах народа: его величали джигитом, батырем, султаном, наконец, ханом: качали на руках при громогласных восклицаниях, не обращая никакого внимания на отца, который, к стыду своему, мог завидовать кровному сыну, ниже на злых братьев, которые в это время поклялись, каждый порознь, клятвой мести; а турок и монгол, которых божба не стоит гроша, сами вы знаете, в мести даром не клянутся!

Глава V

Новая чета

Колебание души и нерешимость обыкновенно приписывают нравственно слабому человеку: прибавлю еще, что свойства эти сверх этого составляют принадлежность нрава, утонченного образованием нашего века. Только это рассудительное, тонкошкурое творение, образованный человек, может думать, мерить и взвешивать там, где сама природа порывается действовать; у дикаря, где умственные способности более или менее поотстали, первое сильное впечатление берет верх – и тогда, прощай благоразумие и рассудительность, прощай и размышление и нерешимость! Влияниям второстепенным, посторонним уже нет места; он действует скоропостижно, вслед за сильнейшим толчком, ударом, впечатлением, и всегда более зависит от влияний и двигателей внешних, чем от самого себя.

Бикей, который невольно, и сам того не зная, подтверждал на деле истину наших умозрительных положений, и тем еще более, что был природою наделен бойкостью и быстротою духа, – Бикей, спознавшись и слюбившись с Мауляною, не думал, не гадал, не хилел и не болел целые месяцы по-пустому; не томил сам себя бездействием и нерешимостью, а, побывав однажды у баюлинцев, завернул в аулы Маскар, толкнулся там через добрых людей, которых на это дело всюду много, к старику Сатлы, отцу Мауляны прекрасной, – и, воротившись оттоль, пришел к отцу своему объявить, что байбактынец Тохтамыш ему, Бикею, не тесть, а отцу его не зять; что пава

многоценная, достойная украшать райские сады пророка, ныне прогуливается по аулам маскарцев, – и просил отца послать переговорить со стариком Сатлы и готовить калым ему, а не Тохтамышу.

Исянгильди так же мало призадумался над ответом, как сын его, Бикей, над запросом своим: калым был отчасти уже выплачен Тохтамышу; «невеста твоя», сказал старик, «*тангри биурса*»⁸⁶, – коли богу угодно, дочь его, Дамиля; на первый случай будет с тебя и одной, а со временем, – *ини Аллах*, с помощью божиею, – возьмешь и другую».

– Не хочу я другой, не хочу иной, хочу Мауляну, – говорил Бикей; но отец едва удостоил его в ответ за это, назвать взбалмошным, сумасбродным и более ни в какие рассуждения не пускался. В глазах его дело было кончено, и не стоило более о пустяках этих толковать. Не так думал Бикей; он знал отца, знал обычаи народа своего, и потому, хотя также не тратил понапрасну слов, но ухватился прямо и просто за дело. Так, братцы и сестрицы, Бикей наш распростился с суженою своею; которая числилась, по выбору родителей, в невестах его уже годика три; кинул ее и выданный ей уже почти до половины калым, отыскал себе в другом ауле, в другом роде и племени невесту по душе и тестя по нраву. Кто знал Бикея искони, не узнавал его теперь: Бикей стал новым и иным человеком: так полюбил он Мауляну и так был любим ею. Это не сказка, а быль. Из этого видите вы, что и там, за Яиком, между созданиями, коих, во многих отношениях, не решаемся мы почтить названием людей, себе подобных тварей, что и там прорывается иногда это влечение, это чувство, которое уносит человека далеко, далеко выше всех известных нам созданий. Иногда, сказал я, и именно не более, как иногда: в кои веки раз, так же точно, как и у нас; ведь и у нас также сотни людей, в образе человека, рождаются, живут и женятся и умирают, – и только. Не так ли?

Бикей – жених; Бикей, вопреки воле родительской покинул, говорю, первую невесту и калым выплатил сам за себя 60 баранов, 20 лошадей и трех верблюдов за Мауляну, задолжавшись калымом этим уральским казакам. И вот еще новая причина ко вражде и семейным ссорам, новая здесь, в рассказе моем, а в свете, да и в других рассказах, романах и повестях, все это не ново: дети любят, а старики не выдают их, артачатся, привередничают – это всегдашняя завязка!

Год прошел скоро, и Бикей женился. Приняв молитву от полуграмотного беглого казанского татарина, ушедшего от рекрутской очереди в степь и назвавшегося там муллою, Бикей увез уже Мауляну в аул свой, и уже поставил на произвольном скате, на отборном месте, новую кибитку из белых кошм, на красных *киряга*-решетках, о ста двадцати стрелах или стропилах, и зажил с молодою. Вы видите, что наш Бикей не изменяет себе никогда и нигде: он и здесь опять прихотничает, щеголяет и мотает, как на все и всюду. «Я помню, – говорил мне старожил оренбургский, – когда Бикей вскоре после свадьбы своей приехал в Оренбург: на нем были, между прочим, шитый золотом малинового бархата шаровары: помню также, когда он пожаловал, месяца два спустя, в алых суконных; и на вопросы любопытных, куда девались бархатные, золотошвейные – отвечал, махнув рукой: «Проспал, девки украли да *тюбетей* пошили; пусть щеголяют на здоровье!»

Мауляна была рождена для Бикея: ей все нравилось в муже, которого ни в каком отношении нельзя было ставить в одну шеренгу с прочими земляками его: он был не рядовой. Все прихоти и причуды его, не исключая даже и бархатных шаровар, радовали и утешали ее, были ей по вкусу; она умела ценить Бикея, истинно гордилась мужем необыкновенным. Не хочу докучать читателям рассказами о подробностях жизни жениха Бикея, жениха счастливого; не хочу рассказывать, как он, навещая невесту

⁸⁶ *тангри биурса* – буквально: если соизволит Всевышний. По поверью казахов, Тенгри, по древнетюркской мифологии, главный небесный бог. (Г.У.)

свою, каждый раз снова пробирался между страхом и надеждой, по опасному, долгому, одинокому пути; каждый раз снова выкупал невесту у старух, у родственниц ее, подарками: вымененными у казаков платками, подвесками, лентами, стеклярусом, бусами; не стану пересказывать всего этого; довольно того, что он уже мужем привез, говорю, Мауляну свою в длинном, щегольском поезде, под прикрытием всех друзей и сотоварищей своих богатырей и джигитов заяицких, привез в танинские аулы и начал жить да поживать. С первым нареченным тестем ссоры у них не было никакой; жених отстал, калым пропал, и старик сказал еще спасибо за подарок. Но со своими Бикей не ладил: вражда усилилась и ожесточилась. Бикей не переставал требовать калым за сестру свою, отданную постыдным образом, как *кул* или *кенизак*, как рабыня, между тем как значительный калым, за нее следовавший, остался у старших братьев, сыновей первой жены; старик и братья спорили, восставали на Бикей дружным оплотом, и взаимная ненависть кипела, росла и укоренялась. Но вы захотите, быть может, коли Мауляна полюбилась вам хотя в десятую долю моего, захотите узнать кой-что о ней, о жизни ее и молодости?

Что же я вам скажу, кроме того, что она была дочь зажиточного киргиза Сатлы, роду Баюлы, отделения или поколения Маскар, что была рослая и статная молодница, красавица и умница на все аулы, лицом приветливее, а умом смышленее, душой милее всех подруг своих. Что сказать вам более? И она, как все землячки ее, бегала до семи лет нагишом, на жару и на стуже, в ведро⁸⁷ и в ненастье; хоронилась при тридцати с лишком градусах степного мороза, с северным бураном, от которого вся кибитка осиновым листом дрожала и которым нередко целые кошмы и полсти срывало и уносило, заметало целые аулы снегом – и она, говорю, хоронилась под лохмотья, под грудку шерсти, в войлоки и кошмы, зарываясь в горячую золу, когда огонек потухал среди кибитки; и она, дочь зажиточного, почетного киргиза, плела, шила, скребла, вязала уздечки, ткала армячину, чинила платье и сбрую отца и братьев, выделявала жеребьячи шкуры на *яргаки* и *дахы* – вымачивала их в квашеном молоке, провешивала, смазывала бараньим салом; коптила и выминала их руками, – и в дождь не промокал яргак ее работы; и она копала и собирала марену и красила козловую замшу и овечьи шкуры, и хохотала и забавлялась от души, глядя, как собранные для этого на *помочь* гости и госты жуют мареновый корень на все скулы – а кайсаки положительно утверждают, что толченый или крошеный не дает такой доброй краски, как жеваный; и она также выючила верблюдов, ставила и снимала кибитку, седлала и подводила отцу и братьям коней – потому что все это было и есть обязанность и дело баб и девок; мужчины холятся, валяются на кошмах и коврах, пьют кумыз и спят. И она рядилась, как это водится при перекочевке, в лучшее свое платье, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца, у братьев, бойкого скакуна, на котором заганивала *куланов*, и мчалась вдоль и поперек шумного, многогласного, обширного скопища, где целое огромное селение, целый город, со всем имуществом и скарбом своим, с хижинами и с жителями, был на ходу; где стада и табуны, измороженные за зиму *тебенежкой*, подножным кормом, до костей в переплете, стали входить в сок и силу, роскошно топтали мягкую, зеленую траву и, послушно следуя голосу вожака и табунщика, опереживали огромные караваны вьючных верблюдов, коров и лошадей, медленно и задумчиво ставивших копыта в ступни друг друга; все это шло своим чередом; и Мауляна выросла, статная и пригожая, как сами вы видели. Но, скажете вы, может быть, придерживаясь любомудрия, этой, так называемой потребности нашего века, – но это все внешняя жизнь ее, телесная – а духовная жизнь Мауляны? Об ней ни слова? Почти так, господа, потому, господа, что это и для меня самого загадка: что, спрашиваю, можно вывести об этом деле на словах от степной

⁸⁷ *Вёдро*, арх., ведріє, ведренье ср.краснопогодье; ясная, тихая, сухая и вообще хорошая погода; противоп.*ненастье*. – Толковый словарь живого великорусского языка / В.Даль. – Т.І, А-З. – М.: «Русский язык», 1981, С.174 – 175. [Г.У.]

дикарки? Какой она или близкие к ней, дадут вам в этом отчет? Да полно, поймут ли вас и душесловный допрос ваш, поймут ли о чем вы толкуете, чего хотите? Что в ней была душа, в Мауляне нашей, и душа страстная, дикая, необузданная, неразгаданная, а всё-таки душа; что она мыслила, чувствовала, тешилась и страдала, противоборствовала и отдавалась, в этом, я по-крайней мере, не сомневаюсь. И вот вам, для доказательства сказанного, между прочим, *улян*, то есть перепев Мауляны и подруг ее, на одном из праздников, с молодыми ребятами. Девки и парни садятся особыми кружками, одни поодаль от других, а нередко девки внутри кибитки, а женихи снаружи, за решеткой, и обе стороны перепеваются, отвечая друг другу в очередную четырехстишиями. Импровизаторы, запеваля и запеваля, выказывают при этом всю свою остроту и витийство свое, а толпа тешится, слушает, хохочет и повторяет те из стихов, которые ей больше понравились.

Народная песня турецких и татарских народов есть рифмованное четырехстишие, не скажу, какого именно размера, потому что народные барды довольствуются тем, что песню их можно петь, растягивая и скрадывая слоги, где нужно, на известный напев или голос. Образец всех восточных размеров есть арабская поэма *Мохаммедья*, переложённая искусно на турецкий язык. Сочинитель ее, сказывают, носился с нею, как курица с яичком, и не знал, куда ее девать; никто ее не принимал, не понимал, и ни в чем не было ему удачи. Оказалось впоследствии, что Аллах не давал ему таланта за одно какое-то богохульное слово, неосторожно и некстати в поэме употребленное; когда же слово это, на закинутом несчастным сочинителем списке, случайно стерлось и исчезло, тогда творение тотчас было оценено по достоинству, пошло в ход, и слывет доселе образцовым⁸⁸. Ему подражают в размерах татары и киргизы; распевая Мухаммедью, они приноравливают к размеру ее и свои песни, хотя и не всегда удачно. В песнях этих смысл всегда оканчивается четвертым стихом; каждое четырехстишие составляет, так сказать, отдельную песенку, и настоящая, народная киргизская, башкирская и татарская, не бывают длинее четырех стихов. Небольшое число старинных, богатырских песен или поэм составляют исключение из этого общего правила. У киргизов вообще весьма мало общепринятых или постоянных песен: они поют обыкновенно наобум о том, что у них в глазах: постегивая нагайкой по тебенькам седла, покачиваясь взад и вперед, тянет кайсак полчаса сряду плачевным напевом: *тау, агач, су, урман, тюэ* – то есть: гора, дерево, вода, лес, верблюды, доколе ему не взбредет на ум иной предмет или другое слово. Но есть певцы записные, певцы наобум, без которых и пир не живет: они являются всюду, где только режут баранов, где только сходятся в кучу и пьют кумыз; они же также играют и на *кобызе*, на гудке плотницкой отделки, состоящем из корытца или долбушки, снабженной двумя, тремя, из конского волоса с витыми струнами; играют и на *домбре*, небольшой, длинношей балалайке; а те, которые понаострились на линии, у башкиров играют и на *чибызге*, на дудке, сопелке, запасаясь каждый раз, при всяком напеве, духом на целую песню, за отрывистым концом которой снова переводят дыхание. Они воспевают на пирах того, кто их кормит, поит и дарит. Есть, как я упомянул, кроме этого, обычай, по которому на пирах и особенно на свадьбах, поминках, молодцы и молодницы состязаются поочередно и нападают друг на друга, как у нас подчас в словесных сшибках в гостиных: это бывает иногда довольно потешно и забавно, хотя и длится долго: всю ночь напролет, до белого утра. Вот песенка Мауляны с подружками и ответы ее противников, – песенка, записанная татариним-скорописчиком; напев так тих и медлителен, что вовсе не трудно следовать за певцами и певицами. Язык татарский так

⁸⁸ Так здешние азиатцы объясняют себе равнодушие непризнательных современников к творению, оцененному потомством.

сжат, – да и сами слова так коротки и малосложны, что решительно нет возможности переводить песни их в меру, ограничиваясь теми же четырьмя стопами:

Он:

Кто, праздничный пир встречая, алым сукном не облекается?

Чье сердце, девку завидев, алою кровью не загорается?

Не гляди на меня так: не то, увяжусь за тобою;

В тебе искать буду волю сгубленную, волю молодецкую!

Она:

И на проводы слезные, видала я, напрасно убираются;

Алому цветку не верь: цвет, сам знаешь, дело обманчивое!

А какую ты вещь сгубил – волю молодецкую – я не ведаю;

Назови приметы ее, да зачем зайдет она к девицам?

Он:

На Яике-реке, на тихой воде, есть ятовья, омуты глубокия,

А зыбкая струйка его скорей алого цвета обманет!

И в очах твоих тоже: очи- омуты глубокие;

Не заглядывать было, не топить в них воли молодецкие!

Она:

Не разгадывать нам, девкам заяицким, загадок твоих:

Назови ты вещь, коли потерял, назови приметы ее;

Утопил, говоришь, теперь, а сказывал давеча: потерял;

О, лукавы речи твои! И нашел же где, у девок, искать утопленников!

Он:

Караган- лиса и перед волком права живет:

Проведет кругом тебя, да грех на тебя же и свалит!

Так и вы, красные, вы изворотливей караганки-лисы:

Сами вы – алый цвет, а наши, вишь, речи лукавы!

Бикей и Мауляна прожили вместе почти два года, не нуждаясь в дружбе родичей и не слишком замечая их неприязнь и злобу. Бикей, не заботясь ни о чем, добыл уже имя, вес и значение, не только в своем ауле, но и во всем Танинском роду; но, повторяю, никогда он не искал этого, а и того еще менее посягал на отцовское звание и достоинство, в чем братья старались всегда обвинить его перед отцом, обрадовавшись тому, что нашли слабую струну в старике, нашли ужасное обвинение, самая сбыточность которого была уже достаточна, чтобы восстановить отца на сына. Свобода собственная и разгульная, молодецкая жизнь были единственной потребностью Бикей; но оскорбленное с детства чувство не переставало изливаться желчью на своих притеснителей; а постоянная дружба с полинейными уральцами и частые его с ними сношения подавали все средства врагам его, сводным братьям, поддерживать и подстрекать гнев и недоверчивость отца и старшины Исянгильдия, которого легко было уверить, что Бикей – урус, русский, и добивается на линии почестей и могущества.

Мауляна была единственной его женою и единственной радостью и утешением. В этой чете столкнулись два человека, в своем роде необыкновенных: упрямая судьба одарила дикарей этих мозгом и сердцем, которые, при надлежащем развитии понятий и способностей, может быть, украсили бы чело и грудь высокой царственной четы; может быть, другой Суворов, Кир, Александр Великий, Кант, Гумбольдт, сгинули и пропали здесь, сколько окованный дух ни порывался на простор! Я знаю, по крайней мере, что *куш-юлы*, птичий путь, то есть, млечный, и *темир-казык*, железный гвоздь, то есть, полярная звезда, вокруг которой, по мнению кайсаков, лошадь-медведица ходит на приколе, не раз заставляли призадумываться Бикей такою думою, которая едва ли когда освятила помышления прочих земляков его.

Чета эта понимала друг друга: он гордился ею, охотно хвастался и показывал ее линейным кунакам своим, как вещь редкую и дорогую; она была не только гораздо пригожее всех молодниц своего аула, но и бойчее, осанистее, проворнее и гораздо умнее их. Есть доселе много людей на линии и в Оренбурге, которые видели и знали ее: вы услышите одно, и разноголосицы насчет Мауляны нет, словно все сговорились. Еще недавно смеялся я внутренне, сидя вечером в дружеской беседе, где зашла речь о Мауляне прекрасной: один из самых сухих, закоснелых и угрюмых брюзгачей наших улыбнулся, ослабил уста свои и не мог скрыть пробудившихся в душе приятных воспоминаний: она поражала и озадачивала собою каждого, с кем ни сходилась и ни встречалась: думаешь видеть перед собою милую окрутницу, которая ловко, удачно и искусно подделалась под стать и лад дикарки, не покидая благородной, образованной осанки наших барынь и девиц лучшего круга.

Но Бикей был вечно тот же; он не умел, по-нашему, в тиши, вдали от сует и притязаний, лелеять свое блаженство и вкушать его по капле; не умел подладить под нрав упрямого, угрюмого старика: он и теперь всё еще летал, по-прежнему, на скачки, на пиры, водился с кафырами, и требовал по старой привычке, наступая на горло, там, где можно, где должно было или просить или молчать.

– Выдели меня! – сказал он однажды отцу своему, будучи у него в гостях, – выдели меня, батюшка; я уже не ребенок, хочу жить сам по себе, своим умом и добром: коли ты умрешь, так братья меня разобидят в пух; я же им не захочу спустить, не подарю ничего – и быть беде, сердце мое слышит! Выдели меня до греха; отдай мне что будет моим, и я не стану больше считаться с вами, ни тягаться; пусть братья делают, от чего отстать не могут: пусть натравливают тебя, старика, на меня, а я – стану молчать. Выдели только меня, батюшка, честно, правдиво, безобидно.

– А какой дележ, по-твоему, будет правдив и безобиден? – спросил старик, сидя на земле орликом, перекинув руку за руку на коленях и взглянув черными глазами своими, подернутыми притворным спокойствием, на стоящего перед ним сына.

– А вот какой: дай ты мне всего скота поровну с братьями, да прибавь еще что-нибудь за калым сестры, которую вы продали как барана, – и дело кончено.

– Не только не будет тебе прибавки за сестру, – отвечал старик, покачивая головою: но я, коли Бог пособит, вычту еще с тебя калым, который выплатил Тохтамышу за твою невесту: возьми ее, говорю я тебе, возьми ее к себе, сорванец бешеный!

– Твоя воля браниться, отец, а я ее не беру; есть у меня жена, а куда другой не хочу. И не поможет тебе Бог на неправо дело: не призывай Его! Не годится мне, сыну, с тобою считаться; бранились вы со мною годы, не хочу я браниться с вами ни години; слушай: если бы я взял за себя Дамилю, дочь Тохтамыша, ты бы не стал искать калыма, который за нее отдал: за что же теперь правишь его с меня? Разве легче тебе будет, коли возьму за себя еще другую жену?

– Пусть не пропадает даром добро мое, – отвечал упрямый старик настоятельно: – я заплатил за нее.....

– Дело твое неправо, батюшка; видит Аллах, неправо; и сам ты видишь это, но.... суди Бог, как знает; а кроме Него, нам нет судьи. Слушай же: я с тебя правлю калым за сестру, ты с меня калым за невесту; верстай же калым за калым, пусть добро мое пропадает, да выдели меня только наравне с братьями, и я снова Божий и твой!

– Нет тебе калыма за сестру, – молвил суровый старик, – моя она дочь, а не твоя; а выделю я тебя с учетом за весь калым невесты твоей, Дамили, и живи, как знаешь!

Это огорчило вконец Бикей и раздражило его крайне. «Со стариком нечего делать, – подумал он, – старик выжил из лет; он дряхл и глуп, а всё-таки отец мой; но мне ответ держать должны братья: они не ребята, и не старичишки, а знают дело и понимают его не хуже меня. А уступить им – я не уступлю: они и так уже заживо

обобрали и отца, и меня; выманили у него что ни есть лучших скакунов, то туда, то сюда, и я же остался у них в дурах; а мне именье нужно, нужнее ихнего; я и так уже позамотался немного, да и не доплатил еще уральцам половину займа, на калым Мауляны; срок подходит, они *кунаки* и *дустляры* мои, гости и приятели; да если я не разделаюсь с ними в срок, – так, видно, класть им будет после по тринадцати баранов на дюжину. Упрямый старик! За то, что не хочу держать другой жены, что не хочу засватанной им невесты, правит он с меня калым, будто не все одно ему, за ту ли, за эту ли, он отдал добро свое: и не рассудит, что Мауляну я сам засватал, сам, за свое добро, а не он! А сам он продал сестру что калмычку, и молчит, и те тоже. Бог их суди, притаились с ним и залегли в заплот, все заодно, на меня ж! Так нет, он прав, вишь, а я виноват! Добро, всё это братья! *Джяман кишиляр*, подлецы они; у меня рука на них не подымется, а язык поворотится: буду смеяться им в глаза, буду дурачить их при людях; им стыдно станет, – и, авось, дадут они мне покой!»

Прошло несколько времени, и Исянгильди назначил в стадах и табунах своих участки сыновьям: из доли Бикей братья выбрали себе, с согласия отца, любую сотню голов крупного скота, и объявили их своими. Столько, утверждали они, старик дал калыму за первую невесту Бикей. И здесь опять Бикей был обижен вдвойне; во-первых, несправедливо было взыскивать и вычитать калым этот с него за то, что он не брал другой жены, а во-вторых, Исянгильди никогда ста голов не заплатил Тохтамышу, а почти вчетверо менее. Это был один только предлог, чтобы обобрать и обделить Бикей по мере сил и возможности. Но он и тут не вышел из себя и не изменил себе: «Берите, – говорил он смеючись, – берите, что хотите; будьте пастухами моими, я вам за это спасибо скажу! Берите и пасите; да только приглядывайте у меня за моим добром исправно: счетом взяли, счетом и отдадите!»

Бикей действительно в полной мере оставался верен слову своему, и дело следовало его слову: когда он нуждался в коне, когда хотел резать барана, он приходил, как хозяин, в стада братьев, брал в зачет, что хотел, распоряжался в самом деле как у своих пастухов, как дома, всегда успевал молодецким обычаем своим, всегда делать такие набеги удачно, хотя из похвальбы и хвастовства, а может быть из благоразумной предосторожности, – ходил на поиск этот без оружия; ходил, как он говаривал, в свои стада, к своим пастухам. Таким образом, Бикей, в течение лета, отогнал у братьев уже несколько голов разного скота; и братья, чувствуя неправость своего дела, которое все соседние аулы, глас народа, давно уже порешили в пользу Бикей, братья ссорились, бранились, грозили, просили на него шумными и нахальными речами у отца, драли горло и только. Они пытались было несколько раз пополнять свои убытки из стад и табунов Бикей, угоняли обратно у него, по коренным степным законам баранты, овец и лошадей; – но скоро оставили этот напрасный труд. Бикей никогда не отражал их силою, никогда не встречал их, как они надеялись, может быть, – с оружием; словом, ни малейше не противился их набегам и покушениям. «Берите, – говорил он, – берите, что хотите; пасите, пасите, приглядывайте за добром моим, а если прокормите скотину мою благополучно зиму, так я ее приму от вас снова весною, и подарю еще, пожалуй, за пастьбу, сотую голову. Мне же лучше: буду сидеть в зимние бураны спокойно с хозяйкою своей в *тирмэ*, в кибитке, не буду плестись и разъезжать художонным вершником, на исхудавшей кляче, согнувшись горбом от стужи и бурана, в тройном яраке, да в мохнатом тумак⁸⁹, и сгонять хриплым голосом да ознобленную рукою разбитые зимнею вьюгой стада и табуны! Буду греться под крышей, у огня, буду отгревать и пить замороженный впрок кумыс, буду пить

⁸⁹ Тумак, малахай, караух – шапка о трех лоскутках, покрывающих щеки и затылок. (Примеч.автора).

гретую теплую воду⁹⁰, да закусывать крутом⁹¹; буду есть копченые конинные колбасы и полотки....., а вы, пасите за меня скот мой: всё равно мне нанимать пастухов!»

Это обстоятельство поставило совсем в тупик братьев Бикеевых, нет суда и нет расправы на него, и нет средств ни покорить его, ни наказать; а сколько они ни стерегли его в своих табунах, сколько ни старались поймать его на месте, все было без малейшего успеха. Он над ними только потешался: страшал и подсылал сказать, что предет в темную полночь за расправою, и братья вооружались, стерегли, разъезжали всю ночь напролет; а он являлся среди белого дня, кидался на любового скакуна и улетал стрелою, прежде чем пастухи успевали повестить братьев о новом набеге и похищении!

Братья, составив с отцом совет, решились прибегнуть к последнему средству: позвать *баксы*, киргизского шамана; обещать ему лучшего стригуна, жеребенка, если он откроет им средство, как наказать брата и воротить от него все свое добро.

Пусть читателей не удивляет этот языческий шаман, среди последователей ислама: я думаю, они – читатели – припомнят, что и у нас, и у всех не менее нашего просвещенных народов, процветают, во всем блеске своем, и ворожба, и заговоры, и колдовство, и гаданья, и всякая всячина, словом, то же самое шаманство...

Привезли баксы, верхом на быке, в носовой хрящ которого продет был аркан, – экипаж, на котором разъезжают и не одни баксы, но вообще неимущие, пастухи, и другие люди. Баксы этот, с обнаженною черною грудью, с худощавым, смуглым, судорожно истерзанным лицом, с черными косыми очами, с длинной, черной, лоснящеюся косою, в лохмотьях, с ног до головы, был гаже и отвратительнее всего, что можно только постичь пятью чувствами. Глядя на него, обдавало вас мурашками, как в обществе безумного, или прокаженного, который напоминает как-то собою неприятным образом человека, но, в сущности, тварь бессмысленная. Сближение это, для всякого мыслящего человека тягостно, унизительно и больно. Баксы наш был жалок и смешон, если хотите, но больше всего неизящен и отвратителен. Он начал проделку свою тем, что велел отыскать в ауле и привезти к себе больного; этот бедняк поплатился за все. Баксы мучил и терзал его неотступно; ему, шаману, нужно было выгнать из хвораго *шайтана*, чтобы с ним вдвоем потолковать об известном деле. Можно себе вообразить, что выйдет доброе дело из обоюдного совещания беснующегося, воплощенного беса с шайтаном, с чертом!

Вся проделка баксы состоит в том, что он садится посреди кибитки, наземь, засучивает рукава и начинает медленно и спокойно петь, подыгрывая на *кобызе*, покачиваясь с боку на бок. Мало-помалу он входит в восторг, ревет громче и бестолковее; толстые и коротие струны и смычок дико вторят его неистовому напеву беснующегося, – наконец, вышед из себя, вскочив, кривляясь и ломаясь ужасным образом, он объявляет, что бес в него влез: тогда вопрошают его, о чем нужно, и он, кусая себя зубами, между тем все присутствующие вскакивают и кричат: *минным кулым!* моя рука! чтобы он сам себя не изувечил, царапаясь ногтями, заколачивая довольно грубым обманом нож или топор себе в брюхо, и прочее, и прочее, – заканчивает представление тем же, как и начал: провожает черта на кобызе и, выпроводив его, опять делается человеком.

Итак, баксы кричал, и пел, и метался, и падал, и стегал сам себя плетью, и приподымал больного зубами за пояс, и ронял его на землю; ломался; пел, потом снова успокоился; уселся, начал скрипеть смычком по гудку, начал, сидя, покачиваться туда и сюда, косить и подкатывать бельма свои; вскочил снова, взревел туром, проржал жеребцом, и, наконец, поставил хвораго на четвереньки, грудью над глиняною

⁹⁰ Кайсаки, особенно почетные, степенные люди, никогда и не пьют холодной воды, производя от нее множество болезней; котелок с водою лето и зиму прееет на небольшом, кизячном огоньке, и это их обыкновенное питье, коли нет кумысу. (Примеч.автора).

⁹¹ Крут (*курт* – Г.У.) – соленый высушенный овечий творог, обыкновенная и любимая пища казахов.

плошкой, которая горела семью яркими огнями, и стал, заглушая криком своим стоны больного, бить его по спине нагайкой... Он потом читал и пророчил по щелям и трещинам жженой бараньей лопатки, к которой нож и зубы не смели прикоснуться; и опять ломался и бесновался. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы он сам не оборвался, наконец, со стропил или с круга кибитки, куда полез, шайтан его знает, зачем, не упал в бешенстве и в иступлении, на дымящиеся посреди кибитки головни; бумажный, стеганный, изодранный халат его вспыхнул, и шайтана нашего, знахаря, едва залили турсуком воды. Это приключение уняло, простудило и уgomонило несколько гаера; он успокоился и потребовал пить; ему подали чашу кумызу. Пот с него, с лучшего, катился градом, вода бежала ручьем, а корча все еще ломала и корбила его во все стороны. Он свалился с ног, пролежал немного, зажмурившись, в безпамятстве и прокричал следующий приговор: *«Жене судья – муж; дочери – отец; возмужалому человеку – старший в роду. Перед судьей должен явиться обвиняемый во всякое время; а непокорного судье, Бог велит навязать на хвост тарпану, и пустить на безводный, раскаленный кызыл-кум!»*

Этим представление кончилось. Баксы выпался, наелся, напился, взял стригуна своего, и отправился верхом на том же самом быке, на котором прибыл.

Однажды на рассвете, – это было осенью, когда в других странах одна только вершина шатра небесного сквозит еще своею лазурью, а небосклон облегают же сырые, серебристые тучки, и когда в Оренбурге и степных окрестностях его, светлое, тихое и безоблачное небо – до ноября и позже – стоит неподвижно и величественно, под бесконечным пространством желтой, блеклой степи, и кой-где еще колышится уцелевший куст старого серебристого ковыля, – на рассвете такого дня, 4 сентября 1831 года, прискакал один из табунщиков старших сынов Исянгельдиевых, Джан-Кучюка или Кунак-бая, с вестью, что Бикей опять уже приехал хозяйничать в косяки братные. Поскакавшие в табун хозяева нашли все в своем порядке; Бикей уже не было, а пастухи донесли, что он угнал пару отборных коней – и ускакал. Братья Бикей теперь приступили к отцу и неотвязчиво требовали, чтобы он вызвал на суд сына: они собрали на скорую руку, несколько человек, из единомышленных родственников своих, в кибитку старика Исянгильдия, уверили отца, что в этом общем заседании должно судить и осудить Бикей – и перекричав всех и оглушив криком своим самого отца, поставили, как-то обыкновенно водится у приятелей наших кайсаков, дело на своем. Они раздражили старика и вывели его из себя.

– Позвать его ко мне! – заревел он, и глаза его искрились гневом неукротимым, губы дрожали. – Позвать сейчас; я отец его, я старший в роде *Тана*, старший в поколении *Гассан*, я глава семейства *Ягмурзы*, я судья беззаконию его, я и каратель; я ему докажу, что своеволие его мне надоело; докажу, что я ему судья, а не он мне! Позвать его сейчас!

И гонец слетал уже в аул Бикей, не оглядываясь, и привез уже ответ: Тебя послали братья мои, а не отец: отцу уже нет дела до ссор наших, он выделил нас, по-своему, и отказался от правосудия. На зов отца я готов идти всегда, но тебя послали братья. Скажи ж им, братьям моим, что я наказов их не слушаю, что званный к ним не еду, а езжу незванный, а их прошу, коли хотят, пожаловать в гости ко мне во всякое время: саба⁹² моя полна кумысу, баран всегда найдется для гостей, и ковер на подстилку».

...– Подайте его сюда! – заревел бешеный Старик, вышед из себя, когда сыновья донесли ему слова Бекея, по-своему: – Подайте его сюда! – кричал он, вскочив с кошмы своей, покрытой ковром, персидским, современным Надыр-шаху, – Подайте!

– Нейдет он, – отвечали в голос Джан-Кучюк и Кунак-бай: смеется немощному, слабому старцу, нейдет и знать его не хочет!

⁹² *Саба* – кожаный мех большого размера, турсук меньшего. (Примеч.автора).

– Живого или мертвого подайте! – гаркнул исступленный старик и затрясся всем телом, – я приказываю, чтобы он здесь был через полчаса!

Вот слова, которых жаждали, вероятно, уже несколько лет сряду, братья Бикей; и не успел еще выведенный из себя отец произнести страшных угроз, как они были уже обращены в наказ и в самое дело. Шестеро вооруженных вершников мчались же во весь дух по тому же направлению, по коему едва только первый гонец возвратился.

Бикей собирался ехать на линию, в Калмыкову крепость, и жена ему подводила коня, когда, занесши уже ногу в стремя, Бикей поднял голову и увидел всадников. Предугадывал ли он последствия отказа своего и хотел избегнуть, на первый случай, встречи или случайно и ничего не замышляя, собрался в этот путь – не знаю; но было так, как я рассказываю. Он мигом узнал дорогих гостей, впереди которых летели любезные братья его – угадал, по чеканам и копьям, что едут не в гости к нему, – и впервые изменил себе и обычаю своему, впервые не нашелся; хладнокровие его не устояло противу этого нового, стремительного натиска мерзавцев: он кинулся в кибитку за оружием.

Мауляна, покинув повод верного коня, бросилась за мужем и выкрутила силою из рук его винтовку, не вникая заклинаниям и божбе Бикей, что он стрелять по братьям не станет, что даже ружье не заряжено, что он только в острастку им берет *мултук* свой, зная, что никто не посмеет сунуться на него, и братья первые уйдут домой, не оглядываясь, коли увидят ружье в руках его, несмотря на все это, она силою обезоружила Бикей, вывела из кибитки, требуя и настаивая, чтобы он сел, невооруженный, на жеребца и ускакал бы, как намеревался прежде, на линию.

Нехотя и как бы предчувствуя всю беду, повиновался он Мауляне, любимице своей: «Садись, – кричала она, – садись и скачи». Вынесла мужа почти на руках из кибитки и увидела, что покинутый ею в испуге, без надзора, конь, на которого была вся надежда, конь, с которым неудачи в побеге и быть не могло, – тряхнул гривой, почуяв вольность свою, и ускакал.

Бикей вскочил на какую-то клячонку, которая стояла, оседланная подле соседней кибитки и, вероятно, принадлежала кому-нибудь приезжему гостю или пастуху; вскочил – и по первой выступке кобылки познал моготу ее: ему и думать нельзя было уйти на ней от шести вершников, которые уже доскакивали до аула; Бикей, будучи, как уже сказал я, вовсе безоружен и теперь так близок к бедствию, снова нашелся и успокоился; он повернул в ту же минуту навстречу погоне и подъехал шагом к дикому зверю, которого, как говорил я выше, сама природа запятнала не двусмысленною печатью, присудив Бикей называть его *карандаш* – одноутробным. Бикей принял спокойный вид и произнес всегдашнее приветствие: *селям-алейкум*; но получил в ответ, вместо обычного: *алейкум-селям* – град ругательных слов, в которых татарские народы едва ли не перещеголяли нас, русских, и которых я повторять здесь не намерен, а затем, выслушал объявление следовать за ними, за братьями, коли не хочет, чтобы над ним был исполнен смертный приговор отцовский.

– Я еду сегодня в другое место, – отвечал Бикей твердо и спокойно, – и с вами ехать мне не по пути; а как вы, кажется, отправляетесь куда-нибудь на разбой, то я мешать вам не стану; прощайте! – И за словом поворотил он коня от них и поехал, шагом своим путем.

Старший брат, Джан-Кучюк, не дал ему отъехать пяти шагов, как, налетев на него сзади, рассек ему тяжелым чеканом своим череп. Бикей запнулся, припал, обеспамятев, на переднюю луку, замотал обе руки в гриву – и уже более лица не подымал. Неверный конь равнодушно продолжал свой путь шагом. Всадник его был убит или добит обоими братьями и снят же мертвый с седла. Остывшие, судорожно сомкнутые персты насилу были выпутаны из косматой гривы клячонки.

Глава VI

Вдовица

Не стоило бы начинать здесь еще новую главу; новость моя как сами видите, вся или почти вся, а что остается досказать, то можно бы пришить и к предыдущему. Но, описав братоубийство, отделил я толстою чертою писанное от оставшегося внизу пробела и кинул перо; ныне же, когда пробежал я снова давно заброшенный рассказ свой с тем, чтобы предать тиснению, наткнулся я на эту длинную и толстую черту, Бикеев скромный мавзолей, – не хочется мне тревожить памяти и праха убитого разорением этого, от избытка чувств сооруженного памятника; невольно перевортываю лист и начинаю новую строку.

Бикей был убит; месть и жажда крови братьев-извергов утолена; он лежал перед ними бездыханен, и алая кровь его запеклась на желтой, солнцем сожженной, сухой траве. Весь аул сбежался, стар и мал подняли крик и вой ужасный; все кричали о мести, кричали: «Кровь за кровь!». Тревога поднялась и разлилась во все стороны; и когда убийцы поспешно взвалили труп Бикеев на коня и помчались с ним без оглядки в аул Исянгильдия, то шумная, бестолковая толпа, с угрозами и проклятиями, скакала вслед за убийцами, вплоть до самой кибитки старшинской.

И на пути неожиданное появление значительной конной толпы встревожило все аулы, а послышав крик: «Бикей ульган» – Бикей убит!» – стар и мал завывали страшными голосами и, всплескивая, приставали к поезду. Исянгильди, на крик приближенных своих: «Едут! Едут!» – вышел из кибитки своей в сердцах, готовый встретить гневно, строго и сурово непокорного, кипящего жизнью сына – и встретил его – тихим, покорным и покойным... Какая разительная противоположность – живой человек и мертвый!

Лицо Исянгильдия мгновенно изменилось, так что все предстоящие, взглянув на него, замолкли: казалось, и здесь, в чертах отцовских, совершился переход от жизни к смерти. Исянгильди прошептал, пробормотал что-то, сложив руки, как привык их складывать ежедневно при намазе, молитве, и, наклонив голову, дрожащими перстами коснулся бороды своей – и все вокруг затихло; шумная, дикая, голосистая толпа умолкла – отец убил сына, брат брата; казалось, это было происшествие, которое могло заставить опомниться и призадуматься даже и заяцкого степного волка, называемого у нас киргиз-кайсаком. Это выходило из круга дел обыкновенных, и мохнатые зрители наши походили и сами на невыезженных, диких коней своих, которые храпели, когда проволокли по земле труп убитого, пряли ушами и, выкатив бельма, боязливо переступали с ноги на ногу, попрашивая поводыев и оглядываясь друг на друга.

Итак, старик этого не ожидал. Опамятовавшись, спросил он: «Кто смел убить сына моего?» Убийцы громко, нагло и как бы с укором отвечали ему: «Ты его убил, не мы, ты сам, мы только исполнители воли твоей!»

Исянгильди замолк опять, глядя на труп сына, сложил, опустив их перед собою, руки, и, покачивая головою, повторил два раза: *мин уны ультердым* – я его убил; он вынул из-за пояса нож, сделал им разрез на обнаженной груди сыновнего трупа, омокнул палец в простывшую уже кровь его, коснулся им уст своих и сказал: «Лишаясь одного сына, я должен спасти остальных; – я его убил; на мне кровь его, на мне и ответ за кровь». Потом он горько зарыдал, закрыл лицо руками, удалился в тирмэ, в терем свой, и не велел пускать к себе убийц. Дело было сделано, пособить было нечем, и старик, зная строгость законов наших, зная и обратившийся в неизменный закон обычай кровомести земляков своих – он предпочел взвалить на себя бремя ответственности и спасти, коли можно, остальных сыновей своих.

Чтобы досказать начатое, а потом уже перейти к иному, упомяну теперь же, решилась судьба убийц.

Оренбургская пограничная комиссия писала об этом в донесении своем следующее: «Все вообще сведения, относительно смерти Бикея Исянгильдиева, состоят: в донесении султана-правителя, по показаниям вдовы умершего в донесении султана Махмуда Алгазыева, посланного для розыскания, на место происшествия; а, наконец, в донесении самого отца, подозреваемого в убийстве сына. В первом: старшина Исянгильди с сыновьями именуются умышленными убийцами, из второго только видно, что султан Махмуд не мог или не хотел исследовать дела; он говорит, что Бикей, упав с лошади, сам себя поранил саблею и разбил голову, от чего и скончался. Отец умершего, или убитого, говорит то же – а между тем уже откочевал подальше от линии».

Но народная молва, громко и согласно, обвиняет Исянгильдия со старшими сыновьями его, Джан-Кучюком и Кунак-баем, в убийстве. Отец, после продолжительных и крайне запутанных споров и ссор с сыном Бикеем, подстрекаем и раздражаем будучи братьями и врагами его, Бикея, произнес, забывшись, роковой приговор, а те исполнили его, не дав остыть необузданным чувствам старика. Но два обстоятельства важны в молве этой: первое – Бикей против отца никогда не забывался, и отвечал посланным: «На зов отцовский я готов идти во всякое время; но вас послали братья, а не отец»; и второе: старик Исянгильди не ожидал и не хотел убийства; он горько и неутешно зарыдал и обагрил сам себя кровью убитого, чтобы спасти от мести народной и кары закона остальных сыновей и родственников своих, принять с кровью убитого всю ответственность на себя и положить конец делу, которое вовлекло бы в бедствие целый род и племя его.

Старшина Исянгильди считается одним из почетнейших и, без сомнения, самым богатым из всех оренбургских кайсаков; гассановское отделение рода Тана, им управляемое, отличается благосостоянием и спокойствием; Исянгильдию ныне – в 1831 году – 88 лет от роду; преследование виновных по закону было бы не только трудно и бесполезно, но даже вредно и невозможно. Аулы гассановцев тогда, без сомнения, немедленно откочевали бы от линии; богатые, почетные и многочисленные родственники старшины удалились бы в степь, присоединившись к шайке разбойника Каип-галия,⁹³ который нашел бы в новых приверженцах этих давно желанное подкрепление; сверх этого, виноватые не сознаются; улики законных нет и найти их почти невозможно, ибо всеприкосновенные к делу не только никогда добровольно не явятся к суду, но, напротив, ненавидя и не постигая суд наш, законы и обряды нашего судопроизводства, уйдут вместе с виновными при первом слухе о начатии законного следствия. Словом, можно предвидеть, что дело затянулось бы на вечные времена, не было бы никаких средств очистить и порешить сообразно с нашими постановлениями; мирные и покорные аулы, преследуемые строгим и справедливым законом, обратились бы во враждебные, между тем как, с другой стороны, все это не принесло бы ни малейшей пользы.

«Совершенное бездействие», сказано далее в донесении этом: «совершенное бездействие со стороны начальства, было бы почти так же невыгодно, как и чрезмерно строгое преследование виновных; а посему, кажется, было бы сообразно с делом и обоюдными выгодами народа и правительства поступить следующим образом:

1. Объявить Исянгильдию и прочим соучастникам его, что они состоят в подозрении по убийству старшины Бикея, – предоставляя им, коли пожелают и смогут, представить ясные доказательства невинности своей.

2. До этого отрешить старшину Исянгильдия от должности дистанчного начальника над линейными киргизами 4-й дистанции.

⁹³ Ныне ушедшего в Хиву и принявшего от хана Хивы начальство над не принадлежащими вовсе Хиве кайсаками и туркменами. (Примеч. автора).

3. Имена их сотоварищей Исянгильдия внести в алфавитный список подозреваемых киргизов.

4. Султану-правителю предписать: иметь строгое наблюдение за поведением и поступками подозреваемых.

5. Ему же предписать: принять под покровительство свое оставшееся после убитого семейство.

6. Обо всем вышеозначенном обнародовать по орде».

Вот в чем состояло распоряжение, без сомнения, вполне благоразумное и сообразное с местными обстоятельствами; оно, конечно, в сущности, не изменило положения дел, потому что дело это было, в отношении мер законной власти, неисправимо и неизменяемо. Не должно забывать, что начальство наше ведалось здесь не с образованными подданными своими, а с дикарями; что убийцы не сознавались в злодеянии своем и что, как мы видели, в донесении султана-правителя было сказано, будто бы Бикей умер от нечаянного самоубийства; он, уверяли, на скаку споткнулся и напоролся на саблю свою. Все знали, что это вздор; но кто по вызову начальства придет со степи на линию для изобличения виновных? Кайсаки боятся суда и судей, как огня.

Происшествие это ныне заснуло, по-видимому, в памяти причастных ему, с той и с другой стороны – но это искры, тлеющие под легким пеплом. Стоит только пахнуть ветру – и пламя вспыхнет и разгорится; а в заяицкой степи, богатой буранами, за этим едва ли станет дело! Здесь каждая драка, каждая ссора, а тем более убийство, влекут необходимо за собою целый поезд подобных явлений. Так и ныне: вражда Бикей с братьями и отцом расплодилось, размножилась до бесконечности, ныне взаимно враждующие насчитывают друг на друга следующие долги и недоиски: 1) наследники Бикей правят с отца и братьев его старый долг, известный калым за сестру Бикей; 2) требуют кун за убийство последнего и, наконец, еще; 3) требуют уплаты за косяки и стада, захваченные Исянгильдием или сыновьями его силою, после убийства, из принадлежащих собственно Мауляне и Бикей, равно из имения второй жены Исянгильдиевой, матери Бикей, для удовлетворения Мауляны и освобождения сим самым захваченного в Уральске, в залог, сына своего Кунак-бая.

Вот как многосложны семейные раздоры, следовавшие убийству Бикей; и можно, не быв пророком, ожидать, что, скоро ль, нет ли, каша снова заварится, и будет стоить, может быть, не одной богатырской головы. Месть за кровь убитого есть доблесть, столь же свято в степи чтимая, что доселе не было еще, как говорят, примера, где бы наследники и родичи убитого забывали выместить, хотя бы то и в десятом поколении, позорную смерть пращура.

Теперь я должен приступить еще к рассказу одного обстоятельства, трогательного и истинного, относительно вдовицы Бикей, милой и прекрасной Мауляны.

Плано-Карпини, ездивший в 1246 году по приказанию папы через Россию к татарам и монголам и благополучно возвратившийся опять восвояси, говорит, между прочим, в достойном любопытства путешествии своем, написанном им по-латыни, что у помянутых народов ведется обычай, по которому каждая вдова обязана выйти за брата или ближайшего родственника умершего. Из этого замечания мы усматриваем, как древни бывают иногда обычаи народные; почти шесть столетий протекло, и мы ныне находим у киргизов то же. Жена есть вещь, купленная мужем; она принадлежит ближайшему по нем наследнику; по той линии, от которой был выдан калым, то есть по восходящей, или боковой, отцовской, но отнюдь не по нисходящей; так что мать, по смерти мужа своего, никогда не может достаться в удел сыну, а принадлежит боковым родственникам отца, братьям, дядям его и прочее.

И Мауляна, лишившись мужа, досталась в удел... убийце его, старшему брату, Джан-Кучюку, который присваивался за нею еще в детстве ее и никогда не мог простить счастливому сопернику оказанного ему преимущества. Итак, вот еще новая пружина, новая махина, рычаг и ворот! Как было не посягнуть Джан-Кучюку на жизнь

ненавистного ему брата, коли, сверх всего, подвиг его должен был увенчаться такой наградой. Погубить соперника, уничтожить, втоптать в прах противника своего и врага, – брата он в нем не знал и не видел, – быть в то же время наследником достояния его, силы и власти; а, наконец, утолить еще жажду мщения отверженной с презрением любви – обнять насильственно гордую, заносчивую, насмешливую, а все-таки прекрасную Мауляну, – все это соблазнило бы, может быть, и не одного Джан-Кучюка, который не умел отдавать себе и другим никакого отчета в поступках своих, а действовал, как руки и ноги подымались, как действуют волк и коршун.

В каком положении была бедная Мауляна по убийении мужа ее – этого, воистину, выразить словами нельзя. Мне говорил об этом, между прочим, близкий родственник ее, прискакавший к ней на помощь из дальнего аула, в ночь по совершении злодеяния. Отчаяние в груди, в уме дикарки не знает никакой меры. Но каково было потом еще положение ее, когда на третий день после убийства Джан-Кучюк приехал было объявить ей, что она теперь его *джясыр* и будет его четвертою женою? Она едва не зарезала его большим кабульским ножом своим, в бирюзовой оправе, с черенком из рога носорога, и Джан-Кучюк бежал от иступленной не только по всему аулу – бежал от нее верхом и степью, и пал бы, может быть, под обоюдоострым *каратабаном* ее, если бы свояк ее, султан Кусяб, не кинулся за нею в погоню и не отнял бы у нее ханжара. Султан привел ее, лишенную ума и памяти, домой, и несчастная провела ужасную ночь, в злейшей горячке.

Все утро она проплакала, рыдала горько и неутешно, во весь день не брала ни крохи, ни капли в рот, а к вечеру спокойно уснула. Утром, на рассвете, спохватились – Мауляны нет. Кидались туда, сюда, по целому аулу, поскакали в аулы соседние – Мауляны нет, и слуху об ней никакого. Не могли ничего придумать, куда бы ей деваться, коли не кинулась она, в беспамятстве, в Яик; как около полудня уже узнали от пикетных, от сторожевых уральских казаков, внимающих передовую цепь по левому берегу Урала, узнали, что киргизка на рассвете промчалась мимо, о треконь, и казаки, окликнув ее, не могли догнать.

Мауляна ушла ночью из аула, поймала тройку удалых коней, села, и, не переводя духу, прискакала в Уральск, где явилась к атаману Д.М.Б., прилетев прямо к нему во двор. Не скажу я, сколько верст проскакала Мауляна, в каких-нибудь двадцать часов, пересаживаясь с коня на коня, между тем как порожних лошадей гнала во весь дух перед собою, а загнанных покидала – не скажу для того, что степь-дорога немеренная; а если бы я повторил только общую молву об этом, то, без всякого сомнения, назвали бы весть мою преувеличенным, не заслуживающим никакого вероятия, пустословием. Скажу только, что Калмыкова крепость, против которой кочевали тогда гассанцы, отстоит от Уральска 270 верст, что верст полтора в сутки делает двухконный исправный киргиз легко; а сколько в двадцать часов можно выскакать на трех переменных добрых скакунах – коли станет на это сил ездока, это досужие читатели мои рассчитают по пальцам, и без меня, и тогда пусть и пеняют не на меня, коли выйдет очень много!

Атаман препроводил искавшую у него убежища убитую судьбой красавицу к военному губернатору в Оренбург. Смело и величественно вступила она в переднюю залу и чрезвычайно поразила находившихся там осанкою своею, красотою, смелою и величавою поступью и неожиданным появлением. Не менее того был изумлен и сам военный губернатор. Мауляна говорила, что приехала искать защиты его, ибо у нее нет в целом мире благонадежного убежища. «Я приехала, – продолжала она спокойно и твердо, – просить позволения губернаторского зарезать из рук своих Джан-Кучюка, убийцу мужа моего». Просьбу эту повторяла она несколько раз, с таким прямотушием и так настоятельно, что стоило большого труда вразумить ее и убедить отказаться от этого предприятия. Долго думала она, что граф не понимает просьбы ее и что переводчик виноват недоразумению. Наконец, когда дело для нее объяснилось,

объявила она решительно, что по крайней мере не переступит обратно порога, доколе не получит великого слова наместника царского, что она будет жить спокойно в ауле отцовском и не будет выдана убийце мужа. *«Ни файда – что пользы в этом, – говорила она выразительным трогательным голосом, – что пользы, коли выдадут меня ему? Я его зарежу в первую же ночь; и... назовите мне хотя одну душу в мире, которой бы от этого было легче!»*

Мауляна была доставлена, под верным прикрытием, в аул отца своего, киргиза Сатлы, рода Байюлы, отделения Маскар. Джан-Кучюку намекнули, чтобы он искал себе другой невесты, буде иметь надобность в четвертой жене. Мужнее имущество возвращено Мауляне без замедления, хотя при этом опять произошло, к несчастью, новое злоупотребление со стороны ей виноватых, как мы видели выше.

На этом я бы мог кончить; но я не могу и не хочу утаить и окончательной доли милой Мауляны, потому что я пишу не сказку, а былль.

У меня в Оренбурге есть товарищ, знакомый, близкий человек, которого я крайне люблю и уважаю. Он из числа тех людей, коих большею частью называют чудаками, и это поделом; они всегда пекутся только о благе и добре чужом, а сами вечно ни при чем; кричат и надрываются, коли честный человек, который взял место для того, чтобы оно его кормило – коли этот честный человек, из скудного жалованья своего, высиживает небольшие векселишки да кой-какие каменные домишки; приятель мой – человек, который, невзирая ни на чин, ни на место, ни на звание, кричит вслух, по улицам и на базаре, что такой-то вор, а такой-то плут, а такой-то мошенник; оно иному, знаете, и неприятно. Он вообще все делает по-своему; люди ездят по линии, по большой битой дороге, да водят за собой целый поезд конвойных; а он всю степь насквозь, вдоль и поперек, прошел один, припевая: *«А и первый товарищ мой добрый конь, а другой мой товарищ калена стрела...»*. Он много занимается, читает, особенно путешествия, любит сам быть вечно в разгоне, чем дальше и глубже в новую и неизвестную ему доселе страну, тем лучше. Он выучился азаитским языкам, знает и братается со всеми нехристями, так что мы его зовем татаринном, хотя и мусульмане иногда его бранят кяфыром. Я слышал сам, как русские называли его поляком, и слышал, как поляки честили его москалем. Как тут быть? Чему верить, чего держаться? Я полагаю, что он должен быть – как, бишь, земля, где эти люди родятся.

Этот человек, когда бывает в степи, обыкновенно бреет голову, отращивает бороду – видите, все наоборот! – и слывет киргизом или, по крайней мере, татаринном. Однажды, на одной из таких поездок, в глубине степи, пристал он, среди знойного, огненного лета, к киргизскому аулу, на скате расположенному. Здесь увидел он, на одном из отдаленных холмов, не совсем редкое в степи зрелище – несчастный дикарь, сын степей и разгульной воли, пораженный бичом дикого человечества – оспою, был покинут всеми и оставлен без крова, без пищи, без призрения, на произвол судьбы. Все бежит от этого ужасного бедствия, которого бояться в степи так, как только можем мы бояться чумы, самой ужасной, лютой; все покидает бедствующего, и он погибнет, обыкновенно, без всякой помощи и призрения. Редко, очень редко найдете вы сострадательную мать, которая бы решилась подать изнемогающему сгорающему жаждою дитяти чашку воды. Вблизи линии кайсаки прибегают к помощи казаков; эти берут и вылечивают, как они говорят, иногда зараженных; то есть, не страшась оспы, ходят они около больного, и, коли Бог милостив, то этот встает; в степи, напротив, он почти всегда гибнет уже от одного недостатка в питье и пище.

Итак, приятель мой подошел, по врожденной страсти своей хлопотать всегда о других, подошел, чтобы подать бедствующей, – это была женщина, – чашу воды. Казалось, это было лишнее; она стояла уже огнем горячки, и сострадательный жопалый наш услышал только невнятные слова, произнесенные в безпамятстве: Уой, бой, Бикей! Сын мины ташламас идынг! – то есть: «О Бикей, ты бы меня не покинул!...» – Какой

Бикей? – спросил нетерпеливо недоверчивый путник, как будто подозревал уже и здесь опять какой-нибудь обман или подлог – какой Бикей? Как зовут больную?

«Мауляна, – отвечала она ему. – Это вдова убитого Бикея». Она действительно умерла от оспы, летом 1832 года, менее года после убийства мужа, на 22-м году от рождения своего.

ПОВЕСТЬ МАЙНА⁹⁴

Киргизский султан Каип был некогда призван на ханство хивинское. Почет большой, честь велика, отказываться, казалось, не должно; да и для чего? Чем жить в степи пастухом, жить в подвижной палатке зиму и лето, в ведро и в ненастье, неужели не лучше сесть на ковер в палатах хивинского арка, дворца, хоть он и земляной или глиняный, и сидеть спокойно дома, повелевая безотчетно и безответно.

Каип пошел на ханство и стал самовластным ханом; все прихоти его исполнялись раболепно, и не было приказа и ханского, над которым бы Мяхтер, Куш-беги, не только ясаулы его, на миг призадумались. Но, когда через полтора года по вступлении султана Каипа на ханство стрелок – земляк хана, принес ему *тарту*, гостинец, убитого лебедя, тогда хан погладил себя широкою холодною лапою птицы этой на лицу, покачал головою и сказал: «Эта лапа купалась свободно в реках и озерах вольной родины моей, топтала мураву луговую и песок сыпучий!» Хивинцы из этого заключили, что чуть ли хан не хочет их покинуть, и стали его стеречь; но Каипа в тот же вечер одолела такая грусть и тоска, что он бежал в лохмотьях нищего; с опасностью жизни пробирался пустынями до аулов своего народа; едва не истомился голодом и жаждою и плакал как дитя, когда прикочевал опять в родные степи свои, на простор, где ничто не замыкало перед ним окраины неба и земли, где слышал снова рычание верблюдов, мычание быков, блеяние несметных стад овец и ржание, и конский топот.

«За что я буду жить хуже скота своего, – говорит кайсак, если вы спросите, для чего он не терпит оседлости, – зачем мне жить хуже скота, которому больше воли, чем мне? Разве я отдам любимого коня своего урису на конюшню, в стойло? Разве я хуже птицы, которая бьется в золотой клетке и просит воли? Кто прирос домом к земле, тот раб земли и раб людей; кто в полчаса может подняться, днем и ночью, со всеми пожитками своими, и идти на все четыре стороны, тот волен».

Оседлую жизнь кайсак почитает величайшим бедствием в мире, и одна только крайность может, и то временно, его к тому понудить. Если ныне стали много сеять хлеба на Илеке и на Сыре, то это яснее всего, что орда беднеет: здесь хлеб сеет только пеший, бесконный и нищий; а наменявши опять сотню голов скота, бросает соху и идет кочевать. Когда какое-нибудь бедствие разорит кайсака, лишит всего скота и сделает нищим, тогда он идет на Усть-Урт в сайгачники или через Мугоджары к линии нашей в сурочники и перебивается иногда много лет, покуда заработает себе небольшое стадо; только ближние к линии приучаются наниматься к нам в работники; старики и ребятишки охотнее идут в город за подаванием и поют под окнами:

*Руби дрова без топор,
Вари крупа без котел;
Хлебай каша без ложка;
Давай деньги немножка...*

⁹⁴ Печатается по полному собранию сочинений В.И.Даля, т.1-10, СПб. – М., 1897 – 1898, т.7. Произведение входило в ПСС В.И.Даля, 1861 г. (т.3), написано в Оренбурге.

И прибавляют обыкновенно еще к этому плачевное и не совсем уместное для мусульман: Христа ради!

Сайгачники ловят с неумолимым старанием сайгу и меняют мясо их, семь, восемь, десять тушек на барана, таким образом, снова обзаводятся стадом и прикочевывают опять к своим аулам. Сурочники питаются сами вонючим мясом сурка, а шкуры его меняют землякам своим или продают на линии. «Коли платить мне подать, – говорит кайсак, – так возьми с меня сороковину скотом, и я волен; я заплачу под Троицком и пойду к Бухаре; заплачу в Ташкенте и прикочую к Семипалатинску; отдам, что следует, в Хиве, а на мену пойду в Сарайчик». Деньги для степного дикаря цены не имеют никакой; скот – его богатство, за скот свой он приобретает все, что ему нужно. Когда продали однажды в степи казенных верблюдов с молотка, то в торговом листе вместо известных двух граф: рубли и копейки, были выставлены козы и овцы: козлы и бараны. «Кто знается с деньгами, – говорят киргизы, – кто взял в руки деньги, тот куплен и закабален, тот себя продал».

Я сказал уже, что кайсаки начинают сильно заниматься хлебопашеством на Илеке и на Сыре и в других местах. Этому две причины: обедневшие через взаимные баранты или набеги, от губительной зимы с мокрыми буранами, жестокой стужи, от гололедицы и бескормицы, не находят другого убежища; но, во-вторых, кайсакам нашим становится уже тесно. Кайсакам оренбургского ведомства, Малой и половины Средней орды, должно быть по всем сведениям, более миллиона душ обоего пола; я бы сказал: взгляните на карту, если бы у нас была годная карта этих стран, и вы бы уверились, что выключкой безводных сухоглинистых пространств, – в коих и самые копани дают только горькую воду, – безводных песков, сухих и мокрых солончаков, останется удобной для скотоводства – не говорю уже для хлебопашества – земли не в избытке. Корм такого рода, как наша луговая трава, наше сено, бывает почти только у северных пределов степи, где, по-видимому, почва не так уж молода и успела покрыться небольшим слоем тука; далее видите один только жалкий ковыль, а еще южнее солянки и, собственно, так называемое, степное прозябание, то есть не травы, а бурьян, полкусты, большею частью двухгодичные, – корм, над которым наша избалованная лошадь и скот издохнет прежде, чем поймет, что этим хворостом можно питаться.

Повесть наша происходила в Малой орде, кочующей по южному и западному пространству степи, хотя пределы эти обозначить довольно трудно. Орда эта самая многочисленная. В ней считается три рода (уру) или поколения: Буйуллы, (или Бай-улы – богатый сын), Алимолла и так называемые Семиродцы; роды эти делятся на отделения (таифэ), дробятся на подотделения (джак), коих наберется в одной Малой орде едва ли не до трех сот. Названия их иногда взяты от собственных имен каких-нибудь родоначальников, как например: Назар, Гассан, Куломан, Караман, Каип, Тукумбет, иногда от разных предметов или понятий, как: Пеглюан – силач, Карасакал – черная борода, Сарыбаш – желтая голова, Алтыбаш – шесть голов, Кара-балык – черная рыба, Каз – гусь, Балта – топор, Акча – деньги, – Крк-мултук – 40 ружей, Тюрляр – господа, дворяне, Аталыв – наместник, Тугуз – девять, Исян-Кильды – добро пожаловать и прочее. Есть племена: бусурман и кумыс. Иногда же названия эти взяты от страны или народа, что довольно странно, если не допустить, что кайсаки образовались от смешения разных племен и народов; вы найдете поколение: Кыргыз, Урус (Русский), Иштяк (Остяк, так, впрочем, азиатцы называют башкиров), Туркмен, Чаудур (это же название носит обширное туркменское поколение), Черкес, Мугал (Монгол) и, наконец: Кипчак, Тибет, Китай, Туркестан. Алач-хан, по словам кайсаков, общий предок их, и это же общий уран или военный клич. Кричат они иногда при нападениях также *ура*, с полугласным, едва внятным «а» на конце; это слово татарское, повелительное наклонение глагола урмак – бить: бей. Очень замечательно, что

некоторые поколения отличаются не только особым произношением, но и образованием лица.

Если вы спросите кайсака, не холодно ли зимой в войлочной кибитке, он ответит вам: «Спросите гуся, не зябнут ли у него ноги?» Заговорите с ним об удобствах оседлой жизни, и он вам скажет: «Тутовому дереву хорошо расти в ханском саду, да я не дам закопать себя живьем в пояс, хоть бы и знал, что ноги у меня корни пустят, а руки – сучья. Богатому всюду хорошо, а бедному везде худо; беда бедного та, что, покуда жирный исхудает, худого черт возьмет». Скажите ему, что грешно жить тунеядцем, что надобно работать – он вам ответит: «Нужда придет, работа не уйдет: на голодного коня травы в поле много, на долгую твою работу дней у бога много».

Удивительно, до какой степени расходятся понятия дикарей, не выдавших никогда нашего образа жизни, с нашими понятиями. Степной кайсак хотел подарить чем-нибудь оренбургского гостя своего и предложил ему кибитку. Этот отказался, сказав, что он живет в городе, в доме. «И на лето не ставишь кибитки? – «Нет, не ставлю» – «А из дому в дом перебираешься иногда?» – «Случается» – «Ну, так возьми верблюда у меня, чтоб было на чем перетаскиваться». Один дикарь, завезенный в первый раз отроду случайно в Орск, хотел, забывшись, выглянуть из окна во время разговора, прободал стекло и разрезал себе лицо. Испуг его превосходил всякое описание. Когда один зажиточный армянин в Бухаре вздумал вставить в дверь свою, в караван-сарай, вывезенное из России небольшое стекольчатое окно, то не мог его никоим образом уберечь и защитить от разных проб и испытаний любопытной толпы, теснившейся непрестанно у дверей, и окно было несколько раз выбито, от глупости и любопытства; армянин сделал опять глухую дверь.

Киргизки обступили заезжего в глубокую степь русского путника и, ощупывая его со всех сторон, спросили с хохотом: для чего на нем такой чапан, который спереди не сходится, колени не закрывает, сзади хвостом и дает свободно поднять руки? Он отвечал: чтоб меньше сукна пошло. Бабы захохотали во все горло: « Дураки вы, дураки! Кибитки, которые надобно разбивать только на сутки, строите каменные, будто в них век вековать; а платье, в котором надобно ходить бессменно каждый день, шьете узенькое!» Один башкир, наглядевшись уже более на быт наш, выразился осторожнее и только условно: «Либо русский человек больно умен, либо больно дурак; у нас одна лошадь тащит четырех баб, у них четыре лошади тащат одну бабу!»

Итак, вот народ, из частной жизни коего я хочу рассказать истинное и свежее происшествие. Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей. Послы, или выборные этого народа, сказали еще очень недавно, по случаю вражды двух смежных с ними и грозных для него государств, – послы эти сказали: «Мы рады покориться и сами ищем защиты; но дайте нам отца, который бы не только сек шаловливое дитя свое, а укрывал бы его также от обид и насилий; нам с двух сторон грозят плетью, и мать, и мачеха держат розгу наготове – а сосца не подает ни одна, его мы не видим!»

В словах этих есть и мысль, и чувство, есть более мысли и чувства, чем вы найдете во всей оседлой Средней Азии. Там одно ханжество, изуверство. Скрытность, закоснелое невежество и хитрость; здесь природа всему господин, и только одна нужда и обстоятельства обращают иногда человека в скота.

Чумекейцы, принадлежащие к роду Алимолла и состоящие из 40 с лишком подотделений, кочуют по рекам Кувану, Сыру, доходят летом на севере до Иргиша и далее, держась вообще караванных путей, потому что они завладели главнейшею частью извозного промысла между оренбургской линией, Хивой и Бухарой. И весь быт их, с давних времен, согласуется с этим родом жизни. Часть их зимует на реке Зеравшан, под Бухарой, а летует под Троицком, переходя ежегодно два раза пространство в 1500 верст. У них немного больших кибиток, а кочуют они в юлах,

дорожных маленьких и легоньких кибитках, легко укладываемых на одного верблюда; подымаются легко и скоро, идут ходко и, получая плату за извоз серебром и золотом, знают цену его, но доселе не приняли от нас еще никаких предметов роскоши, за исключением *назбой*, что означает по-персидски: носовая пища, и что линейцами очень удачно переделано в носовой и означает нюхательный табак.

Чумекейцы, поколения Наурузбай, во время летней кочевки между Илеком и Темиром, сошлись с баюлинцами, с поколением Канык, отделения байбакты. Историк или сказочник Абул-газы Багадур-хан пишет, что прозвание Канык дано было во времена Чингиса или Тамерлана – не помню – первым изобретателем телег; телеги эти изобретены были воинами для укладки награбленного имущества; скрип их уподоблялся звуку: *канык*⁹⁵; изобретателям дано это звукоподражательное прозвание, и от их поколения произошел какой-то народ канык. Если наши баюлинцы – потомки этого знаменитого механика, что весьма вероятно, потому что мы другого народа *канык* не знаем, то родословное древо этих изобретателей телег длиннее дышла и оглобли, и род их не уступит в древности ни одному роду немецких баронов.

Чумекейцы тянулись вверх по Илеку, на мену; баюлинцы вниз по Темиру, с мены. При этой ежегодной встрече те и другие навещали приятелей своих, разменивались новостями и прощались опять на год.

Тут отцы условливались с отцами о взаимной участи детей своих, выплачивали один другому мимоходом по уговору часть калыма, или по-русски: кладки, которая и доньне употребительна в некоторых местах России и уплачивается отцом жениха и родителями невесты. Тут молодые виделись несколько лет сряду, прежде, чем, наконец, калым был уплачен сполна и свадьба сыграна. Кайсаки неохотно берут невест из своих аулов, щеголяют тем, что засватали девку в другом и отдаленном поколении, и никогда не женятся вскоре после помолвки, тем более, что нередко сговаривают девок еще детьми.

Между баюлинцами были старик Сакалбай и у него четыре сына – Полковник, Майор, Капитан и Поручик. Я называю всех их по именам – это не чины, а имена их – только по странности имен сих, которые даны были в честь русских чинов. Рассказа нашего касается один только Майор. Отец его, Сакалбай, велел седлать коня, когда весть о прикочевании чумекейцев дошла на Темир; младшая жена его подвела ему коня, посадила его под мышку на седло, и он с двумя или тремя товарищами и с Майором отправился к чумекейцам, к давнишнему приятелю своему Карасакал-батырю.

День был теплый, но вершники наши нахлобучили корсучьи малахаи (тумак), под алым и синим сукном с галунами по швам; надели сверх халата по суконному чапану и второчили на запас по яргаку из жеребьячьих шкур; лошади пошли с места ходко. Сакалбай ехал впереди, оборотившись, как магнитная стрелка, на урочище, где стояли аулы чумекейцев, повесил нос, покачивая слегка головою по ходу коня; и, спустив длинный рукав чапана во все кнутовище нагайки своей, постегивал, задумавшись, плетью набивные тебеньки седла. Лошадь не считала этого угрозой, не боялась, по-видимому, плети, а выступала ходко, полушагом и полуиноходью, удерживая постоянно данное ей сначала направление.

Майор ехал молча, подле отца и дяди, подогнувши одну лопасть малахая в тулью, между тем, как другая болталась и трепала его по щеке; почерневшая от летнего загара грудь была обнажена клином почти до самого пояса; правая рука болталась отвесно как привешенная к плечу, а сам он то поглядывал на вычеканенное серебром правое стремя свое, то глядел прямо вперед себя, – и вдруг соскочил, покинул лошадь, которая

⁹⁵ Не от этого ли происходит наше русское *канючить*, как, вероятно, *татакать* от татарина, *казакать* от татарского *каз*, гусь? (Примеч.автора).

остановилась в ту же минуту и стала щипать траву, побежал в сторону и ударил несколько раз каблуком в землю.

– Что там такое? – спросил Сакалбай.

– Зилан, змея, – отвечал Майор, подошедши к лошади, которая стояла на одном месте, как вкопанная, и сел, подвернув под себя на лету рукою полы чапана.

– Никогда не топчи ее ногами, – сказал отец, – и ничем больше не бей ее, как плетью. Ты знаешь, змея боится лошадиного пота. Ты слышал быль, что в старинные годы батырь башкирский, Клянча, убил не такую гадину, а огромного крылатого змея? Он победил его, напоивши саблю свою лошадиным потом.

Дядя, который уже несколько раз поглядывал путем на Майора, как будто бы хотел с ним заговорить, и сидел на коротких стременах бочком, подавшись всею левою половиной тела вперед за протянутую к поводу левою рукой, – дядя приподнял значительно угловатые брови и сказал с чуть заметною улыбкой: «На этой поездке, брат, тебе не найти *шамрана*, царя змей, так это было бы кстати».

Сакалбай испустил какой-то одобрительный возглас, и морщины от широких, выдававшихся скул собрались, сбегааясь в две связки по обе стороны рта его – что также означало улыбку, – а сын, Майор, спросил, догнав рысью определивших его попутчиков: «Царя змей? а мне на что его?»

– Шамран, – сказал дядя значительно, поглядывая исподлобья на племянника, – шамран, – небольшая белая змея – не длиннее плети твоей, с рожком на голове. Если встретишь ее, так расстели перед нею новый платок и прочитай молитву: она переползет через платок и скинет рожок свой, а ты возьми его бережно и спрячь. Где он лежит, всегда будет золото и серебро, и богат будешь на весь век свой; а на скотину падежа никогда не будет; хоть какая-нибудь гибельная зима, твои овцы всегда целы. А теперь же подходит для тебя такое время, что скоро нужно богатство, скоро пора зажить тебе своим домом: гляди, поведи-ка рукой, у тебя к завтраму уже и борода будет.

– Недаром же у него отец Сакалбай, – сказал замысловато сам старик-отец, то есть богатобородый, и, достав рожок свой из калты, покинул поводья, насыпал табаку на ладонь и, подкрепившись добрыми тремя напойками, продолжал, оборотясь к сыну. – Дядя твой умный человек, говорит правду; вот к полудню приедем, даст бог, к чумекейцам, к доброму приятелю моему Карасакалу; так оглянись помаленьку, покуда мы с дядей потолкуем со стариком! Мы поехали сватать за тебя дочь его, Майну.

– На что же вы меня повезли с собою? – сказал Майор робко, удерживая коня своего. – Что же я там стану делать?.. Мне там стыдно будет!

– Ничего, пустяки, – утешал его дядя, стегнув через руку плетью коня племянника, чтобы догнать его, – ты как будто и не знаешь ничего; тебе какая нужда? И ты приехал с отцом и дядей в гости, да и только.

Но Майор уверял, что ему стыдно будет, что он не может ехать сам на сватовство свое, и, не шутя, остановился.

Отец хотел было сердиться, но дядя упросил его ехать спокойно вперед, а сам, с другим товарищем своим, пустили Майора вперед себя и усердно погоняли сзади лошадь его. Таким образом, поезд подвигался вперед. Но когда через несколько времени аулы чумекейцев открылись издали по степному увалу Илека, и Сакалбай сказал: «Вот и приехали», то Майору до того стало стыдно, что он закричал вдруг: «Нет, не поеду, ни за что не поеду!» – стегнул коня плетью, пригнулся на луку и пустился, вырвавшись из-под конвоя, во весь дух домой. Отец горланил ему вслед, дядя с товарищем пустились было в погоню, но Майор ускакал, и те воротились со смехом и досадой, бранили его и бранили отца, зачем сказал сыну, чего совсем не следовало говорить, и этим только пристыдил его.

Бегство стыдливого жениха не помешало отцу и дяде кончить дело. Когда гости подъехали к кибитке Карасакал-батыря, молодые парни, тут бывшие, увидели, что

старики, хорошо одетые, приехали в гости, подскочив неуклюжим, размашистым бегом, подхватили их под руки как у нас барынь высаживают из кареты, приняли коней и, подтянув им головы под шеи, намотали повод на переднюю луку седла, чтобы лошади выстоялись и не смели бы есть траву.

Карасакал-батырь принял гостей своих, поздоровавшись с ними рука в руку и в два приема к сердцу, как будто примеривал что-нибудь на аршин, посадил их в глубь кибитки, противу дверей; между тем хозяйка ударила уже веслообразною, с резной и расписной рукоятью, мутовкой в сабу, кожаный мех, наполненный кумысом, и налила три огромные миски; потом пошла беседа. Чумекеев рассказывал, что зима на реке Куване была благодатная, скот жив и здоров, что в Бухаре дают по полтора батмана проса за барана, что кипчаки два раза ходили на чиклинцев⁹⁶ и угнали много скота, что правитель Ташкента требует пошлину с камышового моста и с парома, которые устроены однородцами Карасакала, чумекейцами, через реку Сыр. Сакалбай жаловался на мокрые бураны, вьюги, которые были на весну по нижеуральской линии, от Сахарной до Мергенева; этим бураном набивает мокрый снег в руно овец, и если после вдруг ударит мороз, то овцы гибнут; хвалился, что прошлую осень они при линии набили множество корсука, степной лисы, который валил валом, кочевал тысячами на север и зарывался только на день в небольшие корочки, забиваясь туда по два и по три⁹⁷; что бараны на мене вздорожали, дают за годовалого по 8-ми пудов муки и по пяти папуш табаку, - и прочее. Наконец, под вечер, когда хозяин уже накормил гостей своих бараниной и отваром с небольшими в нем мучными лепешками и напоил кумысом досыта, дядя принял слово за Майора, между тем, как отец его сидел чинно, потупив глаза, вздыхая от времени до времени и поглаживая реденькую седую бородку. Надувшись и приняв важную осанку, дядя сказал пренапыщенное похвальное слово хозяину, Карасакалу, и брату своему Сакалбаю; превозносил дружбу их, зажиточность, добрую славу, заключил из этого, что и дети их должны быть им подобны и друг друга достойны; потом стал насчитывать калым, который брат намерен дать за невесту, стараясь по обычаю умножить разными уловками счет голов; в первый год, говорил он, брат даст десять овец ягненных и двух коз – 24 головы; там трех жеребых кобыл - тридцать, и так далее. Карасакал-батырь слушал очень спокойно, поддакивал от времени до времени головою, и наконец заметил, что на третий, последний год, следовало бы отдать верблюда, и просил кроме того не требовать с него, как с походного чумекейца, большой кибитки для молодых, а обещал вместо этого подарить бухарский ковер. Толковали долго, наконец ударили по рукам и запили кумысом. Карасакал созвал всех своих – аул его состоял из шести родственных кибиток – и объявил им дело; потом уже позвал в общее присутствие дочь Майну.

⁹⁶ Чиклинцы, чумекейцы – наименование родов, на которые делились казахи (Г.У.)

⁹⁷ Эта перекочевка зверя в иные годы дело очень замечательное, и на него, кажется, мало обращали внимания; я не говорю здесь о тяге и перелете птиц по временам года, о переходе сибирского оленя, степной сайги и кулана (дикой лошади), также по временам года, постоянно с одного места на другое; но разные животные в иные годы, без всякой видимой причины, являются вдруг в огромном количестве и тянутся постоянно по принятому направлению дни, недели и месяцы сряду. Таким образом в 1826 году шли раки из Ильмена в Ладожское озеро р. Волховом, день и ночь валили они несметным множеством, на ночь выходили даже на берег, так что солдаты набирали их четвертями, и начальство боялось вредных последствий, болезней от этого множества раков и запрещало их ловить; так в 1820 году белка, векша шла огромными стаями с правого берега Волхова на левый, в Новгородской губернии: она столпилась на правом берегу в несметном множестве, ее били палками, ловили руками; потом показалась на левом берегу, пошла дальше, а в прежних местах почти исчезла вовсе. Так в 1836-м или 1837-м г. корсук осенью вдруг двинулся из южных пределов степи кайсацкой на север; киргизы преследовали его, били сетками и тысячами, днем в норах, лесная стража, башкиры встретили его на линии, и били без пощады - он все-таки валил своим путём и потом вдруг скрылся, не подавшись далеко за линию. Был ли он уничтожен, или рассыпался и принял другое направление, не могу решить. (Примеч. автора).

Майне было всего годов 14; мать велела ей уже одеться, и она вошла в бархатном алом чапане с галунами, в конической шапочке, опушенной котиком, обнизанной и обвешанной бусами со стеклярусом, с коей висели по обе стороны длинные и широкие поднизи. Волоса, заплетенные в одну косу, и на первый взгляд почти одна шапочка эта только и отличала ее от мужчин, на коих были под исподом такие же халаты, сверху суконные чапаны того же покроя, остроконечные неуклюжие сапоги и голая шея. Но Майна подпоясана была по халату поясом, а чапан накинута сверху, тогда как мужчины опоясываются кожаным ремнем с карманом и другим прибором сверх чапана; кроме того, халат на Майне застегнут был на груди серебряной пряжкой.

«Баш-ур, – сказал ей отец, указывая на Сакалбай, – кланяйся: вот твой будущий отец, он тебя берет за сына». Потом велел ей пойти к себе и поклониться, повесил ей нагайку свою через затылок и читал наставления, как ей должно слушаться гостя и мужа. Майна во все это время быстро глядела черными глазенками своими вокруг, останавливалась ими несколько раз с видом какого-то сомнения на дяде Майора, искала кругом – сняла и подала с поклоном отцу плетъ его, вышла, шагая почти по головам родичей своих, которые, усевшись по такому торжественному случаю чинно в кибитке Карасакала, заняли ее собой всю; а вышедши из-под запона, прикрывавшего двери, кинулась проворно к девкам и бабам, ожидавшим ее тут, пробормотала в один дух: «Который же это, который? Неужели старик, сидевший рядом со сватом? а более никого не видно было в кибитке».

– Коли стар, так богат может быть, – отвечали подруги. – Пойдем, сядем в кибитку свою, да подыдем кошму сбоку, увидим его в решетку, когда будет уезжать.

Карасакал-батырь отпустил гостей своих только в следующее утро, но Майна с подругами тем не менее провожала их глазами из-за решетки соседней кибитки и указывала пальцем то на того, то на другого или третьего, полагая, что тот или этот должен быть ее женихом.

Когда Сакалбай с товарищами выезжал рано утром от чумекейцев, то в аулах их сделалась тревога: огромный степной пал, напольный огонь, шел при попутном ветре с юга, почти во всю ширину между Илеком и Темиром, верст на 60. Вершники скакали уже до зари осматривать это разливающееся огненное море, упущенное по неосторожности каким-нибудь пастухом или проходящею шайкой. Сотни кибиток сымались, навьючивались на верблюдов и вместе со скотом отправлялись через речку. Баюлинцы наши думали, что успеют доехать до своих аулов, особенно если прибавят шагу, но ошиблись в расчете: пал настиг их на перепутьи. Несколько времени принимали они все к северу, надеясь объехать огонь, но, наконец, увидели, что он их, таким образом, загонит слишком далеко. Они остановились, сошли с лошадей, вырубали и раздули огня и зажгли от себя траву. Это называется у нас: пустить встречный пал. Трава выгорела тут вскоре на большое пространство, и на нем-то путники наши расположились преспокойно ожидать конца развязки. Пламя катилось на них с юга клубом, взмывая по кустам и бурьяну иногда в рост человеческий и расстилаясь огненным ручьем по низкому, объединенному ковылю; дым стлался вперед, огонь подвигался за ним почти с той же скоростью, как пеший ходок; чем ближе он подходил, тем слышнее был этот гул особого рода, который нельзя сравнивать ни с каким иным шумом, разве только с отдаленным гулом взволнованного бурей моря. Огненный гребень или гряда эта, будучи в глубину не более сажени, простиралась в обе стороны уступами и зубцами, мысами и заливами, на необозримое протяжение. Когда она настигла путников наших, сидевших преспокойно на выжженном ими пространстве, спиною к набегающему на них палу, то она раздвоилась вокруг пожарища, где гореть было нечему, и прошла далее, а Сакалбай с товарищами сели на коней и поехали опять своим.

– Года тому четыре, – сказал Сакалбай, – когда я ходил вожаком с русскими на Тобол, так там ночью пал захватил кипчаков и аргинцев, и сгорело много скота и человек до 80-ти ; кибиток погорело более сотни.

– Беда нам у линии сидеть, – сказал другой товарищ, – когда случится, что набежит пал. Это такое же горе, как и потравы сена и лугов, где разбирательствам нет конца. Тут думаешь, как бы самому чего не потерять, да чтобы скот уцелел, не охватило бы где гурт; а тут, глядишь, на следствие выезжают чиновники, да за душу тебя тянут. Слышал дядя, ага, – продолжал он: – прошлогоднее следствие, что приезжал косою да взял 8 баранов, да сказал: кончено все, – не кончено – ныне, говорят, опять будет он разбирать по горячим следам, кто пустил пал; а он уже с год, как простыл, и место давно травой поросло.

Приехав в свой аул, Сакалбай позвал тотчас сына Майора, и между тем, как байбича, старшая жена его, Сакалбая, наливала в миску взболтанный и взбитый кумыс, а младшая отпускала лошади его подпруги и протираала ей глаза, старик, будучи в хорошем расположении духа, собрался трунить над сыном: сердце его уже прошло. И он начал так:

«Собака, чего лаешь? Волков пугаю. Собака, чего хвост поджала? Волков боюсь. Таков и ты, сын мой; за девками гоняешься, а их же боишься; тебе бы жениться, да невесты не видать. Сором, стыд! Глядите на парня, ведь он ребенок; что он смыслит? Он и сам еще красная девица; он не знает еще – жениться ли ему, замуж ли ему выходить, раздумье берет молодца, оттого и стыдится. А зачем же ты, полоумный, век с девками сидишь? Коли у тебя и на это ума не стало, коли ты не знаешь еще, человек ли ты, или сам девка? А Майор! За что же я на тебя такой почетный уряд положил, коли последний хорунжий больше тебя смыслит?»

Майор сидел на корточках перед отцом, и между тем как все, кто был тут, хохотали, он закрывался тумаком своим, мохнатой шапкой, то с правой щеки, то с левой, смотря по тому, откуда на него заглядывали. Отец достал вдруг, не вставая с места, из-за пояса плетъ, стегнул сына порядочно по плечам, и у Майора словно вдруг ноги выросли, вскочил и отпрянул, улыбаясь в сторону, почесывая выбритую, как ладонь, голову.

На другой день Сакалбай отправил с братом своим первый задаток калыма, девять тощих овец, и дядя Майора уверял Карасакала, что эти овцы все по два ягненка мечут и что верным счетом 27 голов скота. На вечер отправили жениха в небольшом поезде для знакомства с невестой: Майору некуда было деваться: разделся в отцовский жалованный чапан, взял с собою в запас два выбойчатых платка, золотник алого щелку и какую-то полинявшую ленточку. Со смехом и шутками выпроводили его из аула, а дорогою сваты или дружки, как их назвать, старались подкрепить мужество Майора, который тяжело вздыхал, молчал и отирал пот с широкого лица своего, слушая поучения и наставления их, как действовать и как вести себя.

Жених прибыл к чумекейцам уже в сумерки; товарищи спровадили его толчками в кибитку Карасакала и говорили кой-что за него; он робко кланялся, прикладывая правую руку к сердцу и приняв руку старика в обе руки свои, не замечая, что вместе с малахаем своим стянул с головы и тюбетейку и стоял лысый, от бровей до затылка. Один из товарищей вытащил из-под мышки жениха, из огромного малахая, тюбетейку и насунул ее Майору на одно ухо. Уселись, пили кумыс, ели баранину, а о невесте еще не было и речи. Наконец, старик объявил, что пора спать, простился с Майором, и этого отвели в маленькую кибитку, юллама, в которой должно было произойти первое свидание его с невестой. Тут Майор встретил в дверях почетную стражу невесты своей, нескольких старух, которые принялись колотить жениха со всех сторон, приговаривая: «А ты зачем сюда лезешь? Тебе тут что нужно? Нешто тут твое место?»

Робкий и стыдливый Майор в эту решительную минуту собрал с какою-то необыкновенною моготою все духовные и телесные силы свои, кинулся, очертя голову,

как иступленный, в толпу баб, сбил их, как разъяренный козел, ударом головы своей с ног, и прорвался под запон кибитки, прежде чем те успели опомниться. Они подняли хохот и крик, грозили и требовали выкупа; Майор, оправившись немного, выкинул им из кибитки взятые им для этого безделицы; бабы еще с большим криком, шумом и смехом удалились, а он, Майор, стал осматриваться впотьмах.

Тундык, или по-русски: дымник, то есть верхняя полость кибитки, над обручем, в который упираются стрелы, был откинут: посреди кибитки чуть тлелся маленький огонек; а на цветной кошке сидела Майна, закрывая лицо правым локтем и отвернувшись несколько от той стороны, где стоял Майор. Сверху падал на нее белый свет луны и звезд, снизу разливался на алый бархат чапана ее красный свет огонька. На всех изломах и складках был двойной свет и двойная тень; огонек был так слаб, что не мог пересилить и лунного света.

Майора опять взяла робость; постояв немного, он и сам было закрыл глаза рукавом, но, догадавшись, что это слишком глупо, решился наконец поздороваться с невестой, но до того забылся, что, вместо обычного приветствия женщинам, сказал ей подобострастно селям-алей-кюм, пожелание, которое говорится исключительно единоверцам-мужчинам. Майна захохотала и отвечала, не отнимая руки от лица, скороговоркой: «Я тебе не брат и не дядя, или, может статься, ты ошибся и не туда зашел?»

Через полчаса, когда Майор наш уже оправился от всех недоумений и робости своей и сидел на кошке рядом с невестой и рука в руку с нею, бабы пришли стучать кулаками в кибитку и вызывать невесту домой. Она вскочила и побежала без оглядки; бабы приняли ее со смехом и шутками своего рода, а Майор, оставшись один, прокашлялся, потер гладкий подбородок свой, вышел взглянуть на погоду, увидел, что собираются тучи, накрыл дымник и лег спать.

Во сне видел он великолепную скачку, нескончаемую толпу народа, крик, шум, огромные миски крошеной баранины - словом, надобно полагать, что Майор во сне уже праздновал свадьбу свою; но он мгновенно проснулся от страшного топота конского; ему казалось, что тысячи всадников неслись прямо через него. Проснувшись, Майор простонал: аллах-керим, — но долго не мог опомниться; стук, гром, крик и шум всякого рода окружали его. Тут было вот что: нашли тучи, сделалась ночью страшная гроза. Кайсаки объясняют явление это так: шайтаны, черти, громоздятся друг на друга елкой, пирамидой, чтобы вылезть из преисподней на небо. Аллах поражает их стрелой, и они с шумом и треском рассыпаются. Вот вам сказка о титанах. Разбежавшись, они ищут спасения, прячутся за первый встречный предмет, охотнее всего за человека, которого Аллах в милости своей, обыкновенно щадит: но, разгневавшись, он посылает стрелы на шайтанов порознь, и тут нередко шайтану удается отвести от себя стрелу на человека. Для этого-то кайсаки подымают во время грозы страшный шум и стук, бьют в тазы, котлы, чашки, миски, пугают и гоняют всеми средствами шайтана. Так персияне, приписывающие ужаление скорпиона также проискам шайтана, выгоняют его из военных станов, таборов и становищ своих молитвой и хлопаньем в ладоши. Во время походов персидского войска стан их каждый вечер оглашается дружными плесками в ладоши целого победоносного воинства.

Этот-то шум и стук, заглушаемый от времени до времени раскатами грома, поднял на ноги нашего Майора. Опомнившись и почесав затылок, он сел, подвернув ноги и улыбаясь самодовольно, подтвердил на память, то мысленно, то вполголоса и с легкими телодвижениями, все, что происходило вчерашним вечером, и поглядел искоса подле себя на то место, где сидела Майна. Гроза миновалась, и товарищи Майора пришли к нему еще до свету с уведомлением, что жениху пора ехать домой, иначе придется сидеть в кибитке еще сутки; днем выезжать и показываться в люди нейдет ему, надо убираться затемно.

Вскоре чумекейцы подвинулись далее вперед, баюлинцы потянулись на юг и к нижней линии нашей; жених с невестой простились по крайней мере на год, потому что обратный путь чумекейцев, по другую сторону Илека, пролегал слишком далеко от кочевья баюлинцев.

Баюлинцы, которые, как и все племена кайсаков, кочуют в известное время года по известным пространствам, очищая место другим и приближаясь осенью к зимовью своему, подошли спокойно, идучи все вверх по Уилу, к нижней линии. Сакалбай послал двух сыновей своих, Майора и Капитана, в Сахаоную с гуртом овец на мену. Казаки, которые говорят здесь также бойко по-киргизски, как и Майор наш с Капитаном, обступили кунаков своих, гостей и приятелей, забрасывая их целым потоком речей со множеством прибауток, стараясь уторговать овец подешевле; кайсаки наши боялись продешевить, кричали взапуски и отстаивали товар свой. Казахи хватили баранов за курдюки и тащили их к себе; киргизы перетаскивали их за рога опять на свою сторону; безответные бараны ревели, и бление их заглушалось криком обоюдно договаривающихся приятелей. Капитан между прочим вздумал похвалиться казакам, что брат его, Майор, жених; Майор прибодрился при этом и вытянулся, полагая, вероятно, что уральцы, ради поздравления, уважат ему, прибавят цены. Но уральцы повернули делом и уверили Майора, что ему не годится же теперь, как жениху, ездить на такой клячонке, предложили выменять у казака, по дружбе, тотчас же доброго коня, отдав своего и еще пять баранов на придачу. Не ожидая ответа, казаки стали разглядывать, водить, щупать лошадь Майора, стараясь захаять ее и сбить ей цену.

– Конь добрый, – сказал один, – что и говорить, у иного, чай, плеть живет дороже. Снимай, брат, шкуру, да продавай.

– А который ей год? – спросил другой.

– Первый после прошлого, – отвечал тот, – первая голова на плечах и шкура неворочена.

– Гоу! Врете вы, – отозвался Майор, – конь с песков, на Тайсуйгане вырос, скоро зубы съедает; это дело ведомое: что хватит травы, то и песку в рот.

– Знаю, знаю, как не знать, – принял опять тот, – я вижу, что съел; он и глядит, словно не солоно хлебал. У кого бабушки во дворе нет, годится, держать можно.

Словом, не дали Майору опомниться, как переседлали, посадили его на казачьего коня, назвали молодцом и стали рассчитывать. Но Майор с Капитаном объявили казакам, что отец велел им привозить весь запас хлеба, сколько выменяют, сполна, и потому не решались отдать баранов за лошадь. У казаков и за этим не стало дело; они уладили все: они лошадь в долг не дали; зачли за нее, что следовало, а отпустили кайсакам на кутарму, в долг, сколько тем нужно было, муки, с тем, разумеется, чтобы только к весне поставить за нее овец с процентами, каждую с ягненком. Майору с Капитаном сделка показалась очень выгодною, и они, простившись дружески с уральцами, отправились домой.

Неустойки казаки не боялись: здесь о сю пору, без векселей и расписок, долги платятся гораздо исправнее, чем там, где они пишутся на гербовой бумаге. Знаете ли, как безграмотный уральский казак страшает и грозит должнику своему, если этот не уплачивает ему в срок долга? Он приходит к нему на дом с биркой, на которой нарезан долг, рублями и десятками, то есть зарубками и крестиками, и пришедши с биркой и с ножом, говорит должнику: «Эй, брат, отдай чужое – эй, отдай: гляди, срежу, право, срежу!» И этого слова, этого бесчестия уральский торговый казак боится: срезать долг с бирки, значит, уничтожить его, не считая его и долгом, потому что нет надежды его получить. Это было бы то же, или еще хуже того, как если бы кто-нибудь вздумал вынести на биржу вексель первостатейного купца и разорвать его при сотне свидетелей.

Итак, Майор привез в аул свой хлеб сполна и приехал еще на знатной лошади – и был доволен; но не так думал старик Сакалбай, потому что Майор привез с собою и

долг. Старик рассердился, прогнал Майора, и только на третий день взглянул украдкой на новую лошадь его. «И ты не видишь, – сказал он, – что это выкормок хлебный и больше ничего? Казаки говорят, что наша степная лошадь – травяной мешок; а за что? От овса, правда, рубашка под телом закладывается, лошадь не толста, да плотно живет; а этот выкормок, только на то и ходили за ним, чтобы обмануть такого дурака, как ты. За это вот тебе: я на весне не выплачу Карасакал-батырю ничего калыму, пусть еще год пройдет, а ты дожидайся; авось, поумнеешь. Теперь еще больно глуп». Стыдно стало Майору и досадно, да нечего делать; отошел молча и понурил голову.

Таким образом, тот же казак, который верил киргизу на слово в баранах до весны, который считал бы величайшим для себя бесчестьем, если бы товарищ к нему пришел с биркой и сказал бы: срежу, – тот же казак ни на минуту не призадумается обмануть кого бы то ни было, продав негодную клячу за доброго коня. «Разве у него глаз нету? – спросил бы он, вытаращив сам на тебя глаза. – Нешто он затылком глядел?» И так же точно кайсак со своей стороны пригонит и передаст счетом долговым овец своих, как сделал в свое время и Сакалбай наш, но если будет случай – придет и украдет их опять и угонит. «Разве я ему пастух? – скажет он. – Для чего не смотрит за добром своим?»

Между тем как это делалось на юго-западе, у баюлинцев с уральцами, на северо-востоке, против Орска, куда прикочевали на мену чумекейцы наши, происходило другое. И баюлинцы жаловались уже, как мы слышали, на следствия по степным палам и потравам, – а чумекейцы встретили, не ожидая того, невдалеке от линии также следователя. Дело было запутанное и завязывалось по доносу таможенного чиновника, по доносу о беспощинном, тайном провозе некоторыми караванбашами разных товаров, и по жалобе бухарских купцов на какие-то притеснения по расчетам с возчиками. Все это было спутано вместе, и переписка шла по трем, четырем ведомствам, неутомимая. Искали тут какого-то общего, огромного злоупотребления, и чиновник был прислан издалека произвести строжайшее следствие.

Великий муж этот, со своими понятиями *о деле, делопроизводстве и следствии*, выехал в сопровождении помощников и небольшого отряда с девятью стопами бумаги навстречу чумекейцам. Он собирался, как видите, пустить в свет девять томов, столпов, или *тол*, как сам он их называл. Чумекейцы, не чуя никакого горя, врезались прямо навстречу нашему бессребренику; разбирательство началось огромное, по множеству прикосновенных свидетелей и вовсе посторонних, которые, однако же все, для полноты дела, должны быть опрошены. Кайсаков водили в ставку следователя ежедневно десятками; между тем было задержано под караулом еще очень немного: кто только полагал, что дело его может коснуться, убирался заблаговременно в чистое поле, а Алексею Федоровичу приходилось поневоле оставлять в деле много пробелов. Аулы чумекейцев раздумали идти на мену, начали все понемногу отступать, под предлогом недостатка корма для скота. Алексей Федорович подвигался с ними, не допуская никаких насильственных мер для удержания их: он был враг всяких притеснений; чумекейцы отправляли каждую ночь табуны и стада свои, баб и детей, все далее назад, и дело кончилось тем, что, не испив еще и третьей стопы, Алексей Федорович в одно прекрасное осеннее утро увидел себя с небольшим отрядцем своим на месте ночлега одного; на всем видимом пространстве не было ни одной кибитки, ни скотины, ни человека – и он, надивившись досыта, возвратился благополучно на линию, с трофеями своими, с двумя задержанными уже прежде, *по прикосновенности* их, кайсаками. Товарищи покинули их, а сами убрались на простор, шли, сколько сил было, все дальше в степь, нагоняя друг друга, как могли и успевали. Такое бегство иногда совершается в порядке, если успевают забирать с собою все имущество, не быв настигаемы неприятелем; но иногда киргизы бегут при нечаянном нападении на них в таком страхе и с такою поспешностью, что не только покидают кибитки свои, рогатый скот, баранов, угоняя одних лошадей и верблюдов, но бросают даже старух и хворых

стариков, грудных детей, врывают в землю по уши чугунные котлы свои, налив их молоком или кумысом.

Когда только часть чумекейцев успела перейти вершины Илека, направляясь через пески Барсуков к Сарычаганаку и Сыру, они на поспешном бегстве растянулись, растерялись, и какая-то шайка семиродцев, из числа танинцев, ходившая по своим счетам на баранту к аллимолинцам и именно к тляу-кабакам, на вершины Эмбы, наткнулась случайно на табуны чумекейцев. Такой удобный случай упустить было грешно, и шайка захватила что могла. Тут были также лошади Карасал-батыря: он оставил аулы свои, выждал задних, набрал с сотню удалцов, пошел в погоню за шайкой, но не нагнал ее, а, нашедши по реке Уилу другие аулы, разгромил семиродцев, которые может быть не знали о походе и удачном поиске земляков своих, чумекейцы наши, в свою очередь, удовлетворили себя тем, что могли захватить тут, и поспешно ушли вслед за аулами своими, угоняя добычу; миновав же благополучно Барсуки, Каракум, а наконец и самую реку Сыр, они расположились там на зимовье.

Вот похождения чумекейцев в эту осень, от коих зависела, по-видимому, судьба наших молодых, нашего приятеля Майора и 14-летней Майны. Эта часть чумекейцев, поколение Нарузбай, к которому принадлежали аулы Карасакал-батыря, опасаясь поисков с линии по неоконченному следствию Алексея Федоровича, поссорившись с семиродцами, которые занимают большую часть западной степи, и опасаясь мести их, не смела показываться в их соседстве, не только при линии, и потому рассудила остаться на несколько лет за рекою Сыром, кочуя в камышах, лугах и топях между этою рекою и другим рукавом ее, Куваном. Угроза Сакалбая – не выплатить на другую весну калыма за Майора и заставить его обождать с год, в надежде, что авось-де он поумнеет, не только исполнилась сама собою, потому что баюлинцы не имели никаких сношений с отдаленными наурузбайцами, но прошло целых три года, в продолжение коих не более трех раз была какая-нибудь весть через хабарчиев, вестовщиков, приезжавших случайно с караванных путей, весть от Карасакал-батыря, что он-де жив и здоров и поставил под караван столько-то верблюдов, – а о Майне ни слова. Майор ожидал спокойно, чем судьба его решится, когда придет пора его, и скоро ли он поумнеет, и затягивал иногда высоким строем и тоскливым напевом песенку в память Майны; и сам Сакалбай поджидал с весны на осень, с осени на весну, не кончат ли дел своих наурузбайцы и не пойдут ли они к линии обычным своим путем. Но три года прошли, а их не видать. Надобно бы думать, что они жили там спокойно, что их никто не трогал и не обижал, коли они там оставались, – но это было не совсем так; на Сыре и Куване хивинцы приняли чумекейцев в ежовые рукавицы свои – брали все, что хотели, били их, даже убили несколько человек, не производя никаких следствий и не сажая никого под караул, а и того менее в острог, а рассчитывались всегда на месте, и чумекейцы оставались спокойно на своих кочевках. Сборщики податей приезжали, требовали сороковину, выбирали в счет закята, подати, лучший скот, брали еще что им нравилось, бесчинствовали; наурузбайцы иногда, вышед из терпения, сопротивлялись – тогда хивинцы принимались за расправу, били и резали около себя, кого могли первого захватить, – остальные все винулись, отдавали, что хотели взять с них, и тем дело было кончено. После расправы бежать поздно, да и не для чего.

В Хиве и Бухаре одно только торгующее сословие знает грамоте; чиновные и должностные пренебрегают всяким ученьем, и уверяют, что им некогда заниматься пустяками: они только умеют воевать и управлять. В пример, как они умеют воевать, они рассказывают вам сохранившиеся еще по преданию сказки о Чигисхане и Тимуре, и все это принимают лично на себя, будто они сами сделали все это вчера или сегодня. Но это в сторону: я хотел только сказать, что купцы азиатские все почти знают грамоте, и главное – умение писать; все красноречие письменного слога состоит у них в необъятной напыщенности, громком и важном пустословии, которому позавидовали бы французские классики прошлого столетия. Карасакал-батырь не надеялся сойтись

когда-нибудь с баюлинцами; сношения с сватом были прерваны, по-видимому, навсегда или надолго; дочь подросла, два, три жениха напрашивались – что ее держать? Лучше взять калым да отдать с рук. Карасакал действительно просватал Майну за дюрт-каринца, нынешнего соседа своего, получил уже часть калыма и, воспользовавшись дневкой проходившего каравана, пригласил к себе грамотея, напоил его кумысом, накормил салмой и заставил написать письмо к Сакалбаю, старому приятелю, с которым ссориться не хотел, – о нынешних своих обстоятельствах. Кончив письмо, грамотей стал читать его вслух.

«Точка воззвания излагает недостойное почтение свое на странице уважения: раб праха стоп ваших, употребляющий прах этот вместо сурьмы к бровям своим, просит от Всевышнего на долю нашу счастья и благополучия, в честь и славу великого посла Аллаха (да будет чтима память его), просит со слезами и отдавая на жертву за вас себя и своих, чтобы вы вечно восседали на престоле исполнения всех желаний своих. И, если исполнится молитва наша, то мы, нижайшие рабы ваши, пишем ныне к знаменам веры, повелителям на престоле судеб, собирателям святых пророческих преданий, рудникам познания истинной веры, светильникам просвещения, ходящим по сирату⁹⁸, столпам правды, обладателям великих почестей и совершенства. Да будет ведомо вам, что судьбы Всевышнего к нам непримиримы; тщетно надеялись мы на молитвы ваши, видно, вы нас забыли. Всемерно желая исполнить данное вам слово, мы терпеливо переносили бремя налегающих на нас лет, тем более, что дочь наша Майна еще только подрастала. И теперь не желаем мы воспользоваться задаром приношением вашим, хотя великодушные сердца вашего нам вполне известно; нет однако же средств возратить вам уплаченный вами отчасти калым; идти в вашу сторону мы не смеем, потому что мы в войне с семиродцами, и русские считают за ними *следствие*⁹⁹. Посему, призывая бога на помощь и не отчаиваясь по милости его удовлетворить вас со временем, мы рассудили принять калым от любезного нам ныне, в плачевной юдоли нашей, султана Беркута сына Юлбарсова, имеющего пребывание в роде Дюрт-кара, от устья рек Сыра и Кувана до озер Аксакал-бабры и далее; белая кость султана Беркута несомненна, но я бы не променял на нее более мне любезной отрасли вашего почтенного племени, коим славится вселенная, хотя султан и прислал мне в первую осень задатку 40 овец и семь коз ягненных; я не принял бы и этого, если бы неумолимая судьба не разлучила нас с вами навсегда, не внемля моим грешным молитвам и не слыша от вас памяти об нас, недостойных».

–Оу! Берекалда, берекалда! – закричал Карасакал-батырь, когда, стянув губы в жемочек, подняв высоко брови и вытаращив глаза, дослушался до конца письма, – прекрасно, превосходно!

Письмо это шло до места назначения своего, до Сакалбая, месяцев пять, но, наконец, дошло-таки исправно. Оно пришло с караваном в Орск, там было передано каргалинскому татарину, который выехал на мену ни с чем. В легонькой порожней телеге, в которой лежали самовар, подушка, аршин и безмен – и только, а возвращался, разжившись бог весть с чего, в повозке с верхом, в лапчатом лисьем тулупе, растянувшись на перине, и пил дорогою чай ровно пять раз в день.

В Оренбурге письмо передано было на меновом дворе каким-то кайсакам, ехавшим с мены в степь, и наконец, через десятые руки, застав Сакалбая против Сахарной, вручено исправно. Но этого мало: надобно было прочитать его: и тут прошло с неделю времени, покуда собрались да нашли грамотея. Старик сначала слушал, нагнувшись вперед, уставив глаза на бумагу, улыбаясь и поглаживая бородку; он заставлял повторять каждое слово, каждую строчку, указывая пальцем невольно на бумагу, тешился и был доволен. Когда же поклоны и пожелания кончились и

⁹⁸ Мост, ведущий в рай. (Примеч.автора).

⁹⁹ Слово это, как техническое, было написано татарским письмом по-русски. (Примеч.автора).

дочитались до дела, то Сакалбай наморщился, подперся локтем и молча отдувался. «Старый плут! – сказал он наконец, когда все письмо было в десятый раз перечитано и растолковано. – Старый плут! А бараны мои за ним пропадут? Разве я на то выплатил ему по уговору задаток калыма, чтобы он ушел в Дюрт-каринцы и сидел там, да отдал девку за султана? Шайтан его возьми, султана! Кто ему велел отбивать чужих девок, да еще и сосватанных?».

Майор принял весть эту, по благодатному телу- и духосложению своему, как казалось, довольно равнодушно; он, в течение трех лет, привык уже к тщетным ожиданиям, и, не зная, что отвечать на весть эту, молчал и глядел в землю. Но ему стали больно надоедать насмешками, не давали ни проходу, ни покою; а отец грыз ему голову, попрекал, что потерял за него столько-то баранов; бранил, что не хлопчет о невесте своей, страдал, что не станет сватать за него другой, хотя бедному Майору нечего было делать, как слушать и молчать.

Клинообразная равнина между реками Сыр и Куван принадлежит к плодороднейшим пространствам степи. На север от Сыра расстилаются пески Каракум, на юг от Кувана совершенно безводные, на пяти днях ходу, пески Кызылкум, а тут, в середине, сочные, зеленые луга, перемежающиеся изредка песчаными и красноглинными полосами, по коим рассыпаны горькие, соленые и пресные озера; копани или колодцы мелки; вода есть на каждой точке, но только под песчаной почвой пресная, а в глине горькая. Ближе к морю солончаки, топи и необозримые камни. Всюду рассыпаны лесочки саксаула хрупкого, жесткого, тяжелого дерева, которое дает лучшее топливо. Здесь кочевали наурызбайцы; передвигаясь туда и сюда, вниз и вверх по Сыру и по Кувану. Майне было уже лет 16; как в первый раз отец просватал ее, не спросив ее совета или согласия, так и в другой; но она уже знала и видала несколько раз султана Беркута Юлбарсова, и выбор этот был не по ней.

Беркут, то есть орел, сын Юлбарса, то есть тигра, как у нас говорят обыкновенно, или, по-русски, бобра – громкое имя и прозвание; царь пернатых и первый за львом сановник и вельможа четвероногих. Но султан, в том виде, по крайней мере, как он был ныне, вовсе не отвечал собою на громкое имя своё: ему было за 60 лет; дряхлый, ничтожный старичишка, женатый на трех женах, вздумал он жениться еще на четвертой, и избрал Майну, которая ему приглянулась. Он знал на память две, или три молитвы из корана, разумеется, не понимая их; твердо помнил наизусть все 14 колен родословного древа своего от Чингиса и утешался твердой надеждой, что в нем, по крайней мере, поколение знаменитого завоевателя не прекратится, потому что произвел на свет огромный аул наследников: семнадцать одних сыновей, не говоря о внучатах. Дочерей он не считал: это товар для сбыту, больше ничего. Но Беркут жил между дюрт-каринцами без имени и весу, и отличался тем только от прочих кайсаков, что ему говорили: *таксыр*¹⁰⁰. Сам он был собою очень доволен и знал все: так, например, когда один караван-баш попотчивал султана на дневке чаем, которого этот отродясь не видывал, то Беркут Юлбарсов не хотел показать даже и в этом деле невежество свое, а сказал, прихлебывая: «Знаю я этот, знаю – его делает какая-то птица, комар ли, оса ли; только он жидок что-то у тебя и не сладок». Из этого надо догадываться, что султан слышал когда-то и что-то про мед, который пьют с чаем, и, полагая, что его потчуют медом, находил его жидким и несладким.

Как бы то ни было, но вот он жених Майны. Деваться ей от него некуда, согласия или несогласия никто у нее не спрашивал. Она умоляла отца, говорила: «У меня есть жених; ты же сам меня просватал, ты велел нам слюбиться – разве бывает у девок по два жениха? Это стыд и позор перед людьми! Я, воля твоя, своего не покину. Что мне до султана Беркута – мало ли стариков таскается по белому свету, так разве они все мне женихи?» Но никто не слушал Майны, и дряхлый старичишка, разодевшись

¹⁰⁰ Так чествуют султанов: благородие, сиятельство. (Примеч.автора).

женихом, приезжает, по обычаю, как двадцатилетний Майор четыре года тому, на тайное с невестой свидание. Свидание это решило все: истощав слезы и просьбы у отца, она твердо намерилась бежать за Илек и Темир, к баюлинцам, отыскать своего Майора и тем отделаться от Беркута.

Решиться было ей не трудно, но как исполнить это, как уйти и достигнуть благополучно обетованной для нее страны, через 800 верст голодной степи, и как исполнить это девке, одной, когда такая поездка, через тысячи опасностей, устрашает иногда и порядочного мужчину, кайсака, который, пускается в путь с большими предосторожностями и соображением? Но Майну, легкомысленную, скорую, бойкую и предприимчивую, все это не утешало; она начала тайно готовиться в путь и приискивать себе в мыслях товарища.

Во-первых, она заготовила понемногу запас дорожной пищи, то есть круту¹⁰¹, сушеного сыру; и это ей, занимавшейся хозяйством отца, было не трудно. Она откладывала день за день несколько комочков, а ночью уносила и зарывала в одно место в песок. Затем высмотрела она себе пару добрых коней, в табуне отцовском, и братний чапан, тумак, пояс и оружие: она хотела одеться мужчиной. Случай этот тем любопытнее, что он не выдуман, что рассказ этот заключает в себе одну только истину.

Потом Майна стала искать себе попутчика и жожака; она не знала мест, и одной пуститься в такой путь было слишком опасно. Тут предстоит нам вывести перед читателями новое, также действительно бывалое лицо.

У Карасакала жил уже года два работник, пастух, безродный дюрт-каринец, за насущный хлеб. У лошади, на которой он пас табуны хозяйские, голодные верблюды отъели зимою хвост по самую репицу, и кляча стала куца. На ней-то бодро разъезжал молодец наш, сгоняя стада грубым, сиплым и диким голосом своим, и сам получил за это прозвище Куцего. Ему было лет за 40; крепкого, здорового телосложения, был он, особенно в своей одежде, урод, на которого нельзя было смотреть без смеху. Ростом не велик, в плечах широк, с коротенькими ножками, огромной головой и еще огромнейшими ушами, подслеповатыми глазами, представлял он собою живой бурятский кумирчик, как отливаются они из меди или фарфора. Широкие костлявые скулы давали уродливой голове его точный вид нашего самовара, где уши вершка в три, отставшие от головы, представляли, как нельзя лучше, ручки. Беспреданное усилие раскрыть глаза пошире – Куцему нашему не помогало; находясь на плоском, как доска, лице, в уровень со скулами, глаза у него, казалось, были чужие, вставлены только на смех, и веки над ними по углам защиты – оттого «самовар» и моргал ими беспреданно, тщетно стараясь проглянуть. Нос под широким лбом, где морщины лежали во всю длину, толщиной в добрый палец, нос казался какой-то замысловатой постройки, горбом и крючком; усы у Куцего были кой-какие, почему и говорили люди; что у него под носом взошло, хоть в голове и не засеяно, – а вместо бороды, не боле семи или десяти волос, вершка в три. Губы средней толщины, но рот решительно по уши. Когда Куций объяснялся, как обыкновенно, с большим жаром, растарачив пальцы, нагнувшись всем телом вперед, выпятив на четверть подбородок, поматывая головой и давая полную свободу выразительной игре мышц, или лучше сказать сухожилия на лице своем, то вы видели перед собою волчью пасть необъятной глубины, настоящую пропасть, перед которою голова кружилась; она смыкалась и разверзалась перед вами с быстротою молнии, и вы видели в ней все, до самого дна, почти до самого желудка, и могли пересчитать 32 белых и здоровых зуба, ни в чем не уступающих самым отборным волчьим зубам. К этому остается только еще прибавить, что Куций лето и зиму ходил в одном платье: в нагольном косматом тумаке или малахае, который превращал и без того уже несоразмерно большую голову его в пирамидальную гору, в стеганом полосатом халате, покрытом до последней нитки

¹⁰¹ Курт – казахский вариант написания молочного продукта сушеного подсоленного творога (Г.У.)

заплатами всех цветов и родов – шелковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, наконец, кожаными и меховыми. Лучшее место на халате был лоскут алого сукна, с ладонь, положенный на спине, между лопаток: тут была защита спасительная молитва, которая, однако же, не спасала Куцего от частых побоев толстою плетью по этому же самому месту. Халат, чтобы не безобразить стана, закладывался раз навсегда полами в широкие кожаные шаровары и вздувал их, спереди и сзади и с боков, горою: штаны суживались по ногам клинообразно и оканчивались немного ниже того, где начинались голенища, то есть вполголени Куцый обрезал их на четверть, употребив обрезки на заплатки и рассудив весьма основательно, что внизу, где уже есть около ноги голенище толстой юфти, коже болтаться не для чего, она изнашивается без всякой пользы. От всегдашней верховой езды ноги образовали у Куцего, каждая, почти полукружие; и если каблуки сходились вместе, то колено было от колена еще как Москва от Питера. На ходу Куцый переваливался каким-то носорогом, растарачивая пальцы, продирая усиленно глаза и упираясь в обе стороны на воздухе ладонями, чтобы сохранить, по возможности, равновесие.

Куцый служил шутком или дурачком для всех кочевых обитателей целого пространства между Сыром и Куваном; никто, ниже последний мальчишка или девчонка, не могли с ним сойтись или встретиться, не захохотав и не подняв его на смех. На все пиры звали Куцего, потому что он был плясун и тешил зрителей ломкой и пляской своей, среди знойного азиатского лета, по несколько часов сряду, не снимая ни теплого халата с плеч, ни мохнатого малахая с головы. Общественной пляски у азиатцев почти нет: плясуны у них то, что у нас фигляры. Слабость нашего Куцего были женщины, женитьба; он еще был холост, как бедняк и дурак; но охотнее всего говаривал о сватовстве, и, вызвавшись в сваты к нему, можно было сделать из него все, что угодно. Он становился среди чистого поля на голову и стоял так полчаса сряду, поматывая и поддерживая замысловато ногами, если какая-нибудь баба его о том мимоходом просила, и был поручением этим всегда очень доволен.

Другая слабость Куцего была ненасытная утроба его, и шутка, на которую в былые времена еще с ним пускались, заставив съесть в один присест целого барана, обглодав все косточки, с уговором получить 500 плетей, если чего не доест, – шутка эта давно уже потеряла всякую цену и вышла из употребления: не было во всей степи дурака, который бы кинул ему барана ни за грош: Куцый был так неосторожен, что съедал каждый раз барана, как наш брат перепелку, и не дал, к неудовольствию зрителей, высечь себя ни разу; напротив, он облизывал пальцы, высасывал косточки и жаловался, что его обманули, что баран этот верно еще не переогодовал. После такой проделки, Куцый ложился, как случалось, кверху брюхом или кверху спиной на солнце, накрывал голову малахаем своим и спал сутки, двое или трое, вставал только по разу в день, чтобы выпить миску воды с наше русское ведро.

На этом-то сокровище Майна основала все надежды свои: здоров как бык, довольно глуп и бессмыслен, чтобы заставить его умеючи сделать все и поверить всему, снабжен от природы достаточным чутьем и памятью местности, чтобы служить вожаком по таким местам, где ему, однако, на веку своем быть случалось, – все эти соображения не обманули Майну, и выбор ее был удачен. Этого урода душой и телом уверила она, что страстно в него влюблена, а как отец, конечно, никогда не согласится отдать ему ее, то и предложила, как одно средство и спасение, бежать с ним к прежней линии нашей, под защиту русских или султана-правителя. Молодец наш давно слышал от сотни людей, которые вечно над ним трунили, что на нем лежит большой чин, а потому и поверил охотно, что девка скорее согласится выйти за него, чем за Майора или за старика Беркута, в сравнении с коим Куцый считал себя красавцем. Он увивался с этой минуты украдкой вокруг Майны и от ласк его спасала ее только остратка: «Отвяжись, леший, не ходи за мной хвостом, а то люди сметят да скажут отцу, и он тебя прогонит». Для подкрепления ж в нем веры и надежды, она позволила ему раза

два украдкой поцеловать руку свою; не знаю, случалось ли когда-нибудь прежде и после этого, что влюбленный кайсак целовал руки своей возлюбленной...

Приготовив все и выбрав темную осеннюю ночь, Майна выползла из семейной кибитки, унеся с собою подготовленный ею с вечера братний чапан, малахай, сайдак со стрелами и луком; разбудила спавшего под *собачьим хребтом*¹⁰² Куцего, прокралась вместе с ним к табуну; здесь взяли они на выбор, из коротко знакомых им отцовских коней, каждый по паре и оседлали их; Майна второчила свой запас крута и кумыса; Куций припас для себя также оружие: огромный семиаршинный шест, заостренный на конце копьеобразно; и с этим деревянным *копьем*¹⁰³, рыцарь и герой наш пустился смело ратовать с судьбою и людьми за обожаемую им красавицу.

Путь лежал перед беглянкою немалый и вовсе не безопасный. День доброй езды до реки Сыра, потом надобно переплыть реку, там три дня песками Каракум, три дня песками Барсуков, сутки солончаками до Эмбы и еще двое-трое суток, по обстоятельствам, до аулов баюлинцев – всего восемь, девять дней и почти столько же сотен верст, и все это надобно проехать украдкой, тайком, чтобы другие не нагнали, недруги не встретили, и никто не заподозрил. Надобно ехать ночью, с большой оглядкой, чтобы вдруг не наткнуться на кого-нибудь, а днем лежать с лошадьми в овраге, в камыше, почти притаив дыхание. Похождения и приключения беглецов и землепроходцев в степи Заяицкой иногда очень замечательны, иногда невероятны. Недавно еще, строгою зимой, в декабре, шайка поймала на перепутье четырех вестовщиков, шедших из Бухары. Их обобрали до нитки, отняли все, провели еще переход или два голодом с собою, а потом отпустили нагишом, оставив им, как последнее убежище, одно только огниво. Они высекли и развели огонь; как дымок в версте закурился, так остальные двое пустились туда же; потом эти пошли вперед и, чередуясь таким образом, они благополучно пробежали до двухсот верст, нагишом, по снегу, при сильной стуже и без всякой пищи. Тут они наткнулись на аул и были спасены.

Кайсак не видит в поступке этом, обобрать беззащитного путника и погубить его, не видит бесполезной, зверской и бессмысленной жестокости, которую мы в нем видим; эти же четыре голыша, если б им случилось когда-нибудь быть на месте грабителей своих, поступили бы, без сомнения, с первыми встречными так же. Наш отряд поймал однажды в степи отъявленного вора и разбойника; связанный, сидел он на земле. Кайсаки из ближних аулов, частью служившие нам жожаками, обступили пойманного, ругались над ним, плевали на него, так что караул наш должен был их отогнать. Прибегает еще новый зритель, который, услышав о поимке разбойника, спешил насладиться лицезрением его, убедиться, действительно ли это он. Пришел, взглянул и ужаснулся! Всплеснув руками, начинает он проклинать его в глаза, стараясь разжалобить и его, и всех свидетелей, рассказывая сто раз сряду, каким зверским образом изверг этот напал в его отсутствие на семейство его, угнал скот, избил до полусмерти мать и жену, закинул ребенка в речку и прочее. Тот долго молчал; наконец, покачив головою, сказал спокойно: «Ты, я вижу, и был и век будешь дураком. В то время был дурак за то, что тебя не было дома, а теперь ты дурак, что сидишь дома; я связан: поезжай в аул мой на расправу!»

Чета наша продневала первый день, залегши в прибрежные камыши Сыра; и странное обстоятельство едва не передало их обратно в руки преследователей. Коим, впрочем, и преследовать можно было только наугад, не зная, куда и зачем Майна

¹⁰² Ит-арка, собачий хребет – составленные на скорую руку шатром две кибиточные решетки и накрытые кошмой. (Примеч.автора).

¹⁰³ Подобных рыцарей деревянного копья можно нередко встерить за уралом: идучи на один только грабеж и угон скота, кайсаки избегают по возможности убийства, за которым уже всегда следует сложная и большая вражда и расчеты, а потому нередко довольствуются шестом вместо копья, чтобы только спихнуть всадника и угнать табун его. (Примеч.автора).

бежала; но вместо того оно ускорило еще благополучное их бегство. По множеству аулов и народа близ Сырта, Майна не осмелилась бежать далее днем, а залегла с рассветом, переплавившись только вплавь через реку, в глухой, непроходимый камыш, где путники наши наткнулись на узенькую тропинку. По этой же тропинке шел в то время им навстречу хозяин и властелин не только проложенной им самим тропы, но и обитаемых им камышей. Это был огромный полосатый барс, или тигр, который валял в один прыжок, лучше всякого коновала, самую крупную скотину. Он ходил на ночной промысел свой в степь и, напившись крови, возвращался обычным путем с рассветом в свое логово. Майна и Куцый шли спешившись и вели лошадей в поводу; почуяв зверя, кони вдруг захрапели и, взметнув гривы, вырвались и пошли по камышам напролом. Майна с провожатым своим кинулась несколько в сторону от тропинки, не могли проломиться по этой невероятной чаще и остановились: сытый зверь прошел спокойно в пяти шагах от них и не обратил на незваных гостей своих никакого внимания. Обождая немного, они вышли снова на тропинку, спешили по ней в степь, но, лишившись коней, почти отчаивались в возможности продолжать путь свой: оставалось разве заночевать тут, подползти ночью к ближайшему аулу, высмотреть табуны, кинуться на лошадей и скакать. Майна решила и на это; а Куцый, надобно отдать ему справедливость, не уступал ей в храбрости и предприимчивости. Но судьба избавила Майну от напасти: лошади их стояли спокойно под степным увалом и паслись все вместе, на тучном болоте. Майна была в неизъяснимой радости; ей казалось, что она теперь одолела все беды и препятствия и достигла уже отдаленной цели своей, до которой было еще более 700 верст. Они проехали полудня, пробираясь, сколько можно было, оврагами, а в барханах, или песчаных Буграх Каракума, который весь походит на взволнованное бурей море, – углублениями между бугров, и залегли в скрытном месте, поодаль от копаней или колодцев, чтобы на копанях этих с кем-либо не столкнуться.

Таким образом, питаясь крутом, Майна с Куцым своим добрались на шестую ночь благополучно до Эмбы, переехали ее вброд и, залегши в кустах по речке, увидели на заре вдалеке по Сырту¹⁰⁴ двух вершников о двуконь и узнала тотчас по приемам их, какой это народ; это, без всякого сомнения, были караульчи, разъезды какой-нибудь близкой шайки. Пускаясь на промыслы свои, кайсаки каждый день с зарею отправляют попарно разъезды; облетав о двуконь, на добрых лошадях, всю окрестность, сделав иногда до 150 верст, разъезды возвращаются на сборное место и доносят о том, что видели. Эти караулы заменяют наши цепи, ведеты и разъезды; осмотрев такое огромное пространство, шайка идет или стоит на месте спокойно, не опасаясь ничего. При нашей местности этого было бы недостаточно; но в степи, где глаз свободно видит на десяток и более верст, предосторожности этой довольно. Иногда, впрочем, и кайсаки ставят, где нужно отводной караул и, как искуснейшие в мире воры, делают это мастерски. Разъездные, увидав какую-нибудь конную толпу – пеший в степи, разумеется, не бывает, – наперед всего обманывают ее, если она их уже заметила, морочат, отводят, чтобы никак не дать угадать, где, в которой стороне, сидят их товарищи. Разглядев и убедившись хорошенько, как сильны противники, караульчи располагают по этому действиями своими; если те слабы, то дразнят, заманивают их и наводят прямо на свою засаду; если неприятель не дается в обман, удаляется, то скачут во весь дух к своим, дают маяки на кругах, чтобы поднять всех на коня; потом скачут и машут шапкой в ту сторону, куда надо ехать, показывая нередко туда и сюда, чтобы шайка разделилась и старалась обскákat и отрезать бегущих. Тут уйти противнику очень трудно, потому что кайсаки никогда не гонятся вслед, за исключением толпы, следящей добычу свою по измятой траве и по свежему помету, между тем как остальные обхватывают бока и забирают вперед. Если же открытая разъездом шайка сильнее, то караульчи ни за что не попадутся в ту сторону, где их притон, а надеясь на

¹⁰⁴ Сырт - водопуск или разделение вод.

бегунов своих, отманивают шайку все далее, позволяют дать себе несколько угонок в противную сторону, пропадают иногда от своих на сутки и более и возвращаются дальней околицей, когда уже успеют скрыться от неприятеля.

Итак, Майна увидала на заре пару таких караульчи: глаза кайсачки зорки; и она вмиг отличила, что это за люди. Если бы она увидала их в полдень, – это бы значило, что шайка довольно далеко; но утром, на заре – это доказывало, что шайка стоит вплоть, потому что разъезды высылаются с восходом солнца. Делать нечего: Майна с Куцым дали миновать себя вершникам, а когда они скрылись, повалили лошадей своих в кустарники при речке и снова залегли. Куцый, который обыкновенно спал, как убитый на всякой дневке, не мог теперь заснуть от страха и, растянувшись перед Майной ничком и загнув кверху голову, изъяснялся перед нею самым страстным потоком речей, Майна принуждена была не только грозить ему несколько раз плетью, но ударить его порядочно, чтобы хотя на время успокоить эту огненную сопку и нагнать на нее, вместе со страхом, кратковременную остуду.

Около полудня вдруг показалась на окраине малой возвышенности, со стороны Урала, пыль, а вслед за нею и порядочная толпа, более или менее вразброд. Итак, Майна не обманулась.

Местоположение по ту сторону Эмбы, коей вершины отделяются от вершин Илека плоским и широким сыртом Буссага, ровное, гладкое: тут нет ни рытвины, ни оврага, ни кусточка, на несколько десятков верст; следовательно, нынешнее убежище Майны, то есть самая долина Эмбы, было единственное на большом пространстве. Беглянка с проводником своим пролежала, притаившись, еще часа три – и гроза миновалась, шайка прошла, прошедши в виду их Эмбу. Настали сумерки. Майна пустилась снова в путь.

Но не успели путники наши отъехать пяти верст, как вдруг услышали за собою вплоть конский топот. Они пустились скакать, но толпа неслась уже с гиком за ними, на хвосту и обскакивала их с боков. Эта была та же шайка, которая днем переправилась за Эмбу; внезапная перемена пути их произошла вот отчего: один из разъездов привез, возвратившись, какой-то гостинец, завязанный в конец кушака; все обступили вестников, кричали, шумели, разглядывали и передавали из рук в руки диковину, и вдруг единогласно положили ехать поспешно назад. Диковинка эта была не иное что, как комок свежего помету, в котором нашли несколько зерен овса. Эти невинные зерна нередко встревоживают мигом сотни аулов; не мудрено, что шайка наша также казалась крепко озабоченною. Эти зерна, овес, доказывали неоспоримым образом, что шайка едва не напоролась на русский отряд, также точно, как ячмень или джугары в помете доказывали бы присутствие хивинцев или туркмен. Убоясь встречи с нашим поисковым отрядом, шайка обратилась вспять, настигла случайно путников наших и быстро, неумоимо их преследовала.

Под Майной были два лучших коня, один под верхом, другой, также оседланный, в поводу. Куцый, хотя выехал на этот раз в поле не на куцем своем, а также на паре добрых коней, был однако же вскоре отхвачен, споткнулся, еще ткнув огромным шестом своим на перевесе в землю, потом сбит с седла и взят. Майна неслась во все повода, впотьмах, не разбирая пути, куда мчались кони; она взрезала на скаку седельную подушку свою и, выхватывая из нее целые горсти пуху, пускала его за собою, в глаза настигавшей ее погони, людей и лошадей. Мало-помалу шайка растянулась, стала отставать, но человека три налегали сильно, и один, сбоку, несколько раз едва не заскакивал вперед. Майна бросила повода лошадей, связав их вместе, выхватила с пяткок стрел и лук, чего преследователи не могли впотьмах разглядеть, оборотилась вполоборота назад, привстав на стремяна, пустила стрелу, другую, третью, вытянув тетиву, как видела и слышала от брата, во всю стрелу, по самое копейцо – стрела тихо шикнула, едва слышно, без шума и грохоту нашего огнестрельного оружия, – и бойкий всадник отшатнулся, закричал: «Убили меня,

умираю». Погоня отстала, и чрез четверть часа все вокруг Майны утихло. Она остановилась, дала вздохнуть лошадям и стала выжидать и прислушиваться осторожно, что будет.

Майна знала обычаи земляков своих, знала, что спутника ее, если он попался в руки неприятеля – чего она однако же по темноте не видала, – что пленника такого рода не лишат жизни, а только поколотят и оберут; ей стало жаль своего Куцего, и она решилась проехать осторожно несколько верст назад, до того места, где она потеряла друга, и поискать его. Шайка пронеслась стороною, по течению Эмбы, между тем как Майна приняла с вечера до Эмбы прямо на Уил.

Проехав шагом, с осторожностью и расстановками, верст пять-шесть, Майне показалось, что она послышала стон. Остановившись и вслушавшись, она осторожно повернула туда, прилегла на луку, глядела против неба и, наконец, увидела какую-то живую кочку. Смело подъехала она к ней, в уверенности, что это должно быть Куций, и не ошиблась. Он сидел подгорюнясь, нагишом, как мать на свет родила, и, не обращая большого внимания на подъехавшего вершника, которого считал, без сомнения, принадлежащим той же шайке, сказал: «А ты чего еще? Тебе что надо? Ты видишь, я сижу – дай бог вам здоровья – нагой, земле подо мной стыдно; а бить также более нельзя меня, не по чему, нет живого места, все один синяк. Приезжай с рассветом, да полюбуйся».

И смешно и жаль было Майне; Куций не испустил ни одного стога, ни вздоха, когда избили его нагайками от затылка до пяток; он только, стиснув зубы, переминался, а узнав Майну, заплакал в голос и целовал копыта ее лошади. «Не сказал я, – воскликнул он, – не сказал ни слова, сколько ни старались они около меня, не выпытали ничего! Не бойся, не знают они, кто ты и откуда; я сказал, что мы таминцы¹⁰⁵ бежали от разбойников джагалбайлинцев. Сколько ни колотили, ничего больше не вывели».

– Дурак ты, дурак, бедняжка, – сказала Майна, – да что же тебе пользы было обманывать, врать и заставлять себя бить? Если бы джагалбайлинцы нападали на таминцев, верно бы и эта шайка о том знала; какая же тебе польза лгать на свою шею? Кому из нас от этого легче?

– Все-таки обманул их, – сказал, побрякивая, Куций, – все-таки они в дураках остались; а я им не переметчик дался, чтобы высказать всю правду.

Майна отдала уроду чапан свой, тюбетейку, одного коня, и, отдохнув немного, поехали они дальше. Помолчав с четверть часа, Куций захохотал, пробормотав: «Обманул-таки собак, обманул! Они и теперь думают, что мы таминцы!» Потом, оборотясь вдруг после этого быстро к Майне и ощупав у себя торока, закричал: «А где же наш крут? А что мы есть будем?»

Куций в самом деле был прав. Крут пропал вместе с лошадьми его, где был второчен, и у путников наших не осталось ни насущного зерна. Куций умел и этот, несчастный случай обратить, мысленно по крайней мере, в свою пользу: «Съедим барана, – сказал он захохотав, – съедим большого барана, только бы добраться до аула. Ты, Майна, ступай стороною, дальше, а я подползу, украду и принесу. Небось, я приколю его на месте, где ухвачу, чтобы не ревел, не драл горла да не сзывал народ». И Куций замолк. Наслаждаясь мысленно этим лакомым и сытным блюдом, он разбирал барана уже по частям и суставам: хрящеватая грудинка хрустела под зубами его, огромный курдюк чистого сала расплывался у него во рту, сочное мясо тешило неприветливый язык и небо. Куций набирал полон рот, огромную волчью пасть свою, и глаза у него проглянули более обыкновенного, яблоки лезли на лоб, как будто он уже

¹⁰⁵ Таминцы, джагалбайлинцы, семиродцы, баюлинцы - наименование родов, на которые делились казахи (Г.У.)

давился огромными пригоршнями куллары или бишбармаку, пятипалого, ручного кушанья, крошеного мяса. Он рассмеялся и утер рот ладонью, взад и вперед, от уха до уха. Потом Куцый зевнул, растворив челюсти свои четверти на полторы, поежился, пожал плечами туда и сюда, и стал дремать на коне, как после сытного обеда.

Майна между тем рассчитала, что ей теперь всего лучше искать днем аула, положившись на помощь и гостеприимство земляков; тут могли быть только аулы семиродцев или даже баюлинцев; может быть, на счастье, удастся наткнуться на последних и допроситься о тех, кого она ищет. Заехав в небольшой овражек, по переправе через Уил, она решилась дожидаться рассвета, тем более, что утомленных лошадей надо было попасть. Она с усталости скоро заснула и проснулась вдруг с испугу от страшного крика и шума, ее окружающего. Куцый, задумав съесть барана, отправился на промысел, как скоро услышал, что в какой-нибудь версте или двух залаяли собаки. Подкравшись к сонному аулу, он высмотрел ползком, где какой скот, подполз благополучно к овцам, поймал одну, проколол ее, оттащил ползком за полверсты и принес на становище свое. Но этого мало: надо было сварить в чем-нибудь барана, если не печь его на жару навозном; Куцый готов был в крайности и на это, но он еще не полагал себя в такой крайности и пошел промышлять котел. С дерзостью голодного волка воротился он снова в тот же аул, добрался ползком до кибитки, в которой чуть мелькал еще тлевший огонек, поднял легонько нижний угол запона и стал разглядывать, что делалось в кибитке. Все спали; плоский широкий котел стоял, по обыкновению, с водою над жаром, разложенным по самой середине кибитки. Куцый, глядя на котел, с необыкновенной живостью представил себе, как бы в нем хорошо и вкусно уварился баран его; оглянулся еще - за решетку близ входа заткнут был косматый малахай; в одно мгновение схватил он малахай этот, ухватил им, вместо рукавицы, котел с огня, опрокинул его и вылил воду, не заботясь о том, кому она попала на ноги и на голову, выскочил из кибитки и бегом, опрометью пустился бежать. Собаки бросились в погоню за ним и стали теревить вора сзади за чапан, порвали ему даже икры, потому что Куцый был, как известно читателям, босой; но он бежал без оглядки и без памяти, покуда, наконец, не нагнали его выскочившие за ним следом и удивленные неимоверною дерзостью хозяева, которые, кинувшись в погоню на лай собак, настигли вора прежде, чем он успел добежать до овражка, где спокойно отдыхала Майна. Вот шум и крик, от которого она проснулась.

Не зная, что это за люди и что тут делается, она только с осторожностью приподняла голову, но не могла разглядеть ничего, кроме небольшой толпы, ниже услышать что-нибудь, кроме угроз, брани, нескольких сильных ударов нагайкой, - и вскоре все утихло, народ удалился. Когда рассвело, Майна удостоверилась, что она одна, Куцего нет, а рядом с нею, в овражке, лежит зарезанный баран; лошади ходят внизу, где были пущены; кругом все пусто. Она села верхом и, выехав на бугор, увидела аул. Закричав с детской радостью вслух: слава тебе, господи! - она поворотила туда и через четверть часа стояла перед пятком кибиток, поставленных в кружок.

Ответив на мужское приветствие ее тем же, молодой парень, сидевший на лошади с *укрюком*¹⁰⁶, спросил ее: «Кто ты? Чего надо?»

- Я баюлинец, - сказала она, - сын Сакалбая, сына Талдыкова, ездил в Семиродцы, к невесте, и не знаю теперь, где найду опять свой аул. Не слышно у вас, где они кочуют?

- Кто? - спросил тот, прислушиваясь и пригнув голову на бок.

- Где кочуют баюлинцы? - сказала Майна.

¹⁰⁶ Шест с арканом у пастухов.

– Баюлинцев много, по всей степи кочуют баюлинцы, – отвечал вершник, поближе. – Да тебе кого надобно, ты кого назвал, ты кто?

– Я сын Сакалбая Талдыкова, – повторила Майна, – и его-то мне и нужно, Сакалбая.

Сказав это, Майна как-то не могла глядеть прямо в глаза вершнику и отвела взоры в сторону, они прямо упали на связанного по рукам и ногам Куцего, который увидел Майну, лишь только она подъехала, слышал весь разговор ее и молчал, не подавая никакого виду, будто и не знал и не видал ее отроду, чтобы их, как товарищей, не подвергали равной ответственности. Куцый лежал спокойно и ждал только конца и развязки, то есть, чтобы измочалили об него все, сколько есть в ауле, нагайки, а после этого и сам надеялся добраться благополучно до аулов Сакалбая. Но молодой парень спросил еще раз довольно настойчиво: «Ты сын Сакалбая, говоришь? Сакалбая Талдыкова, баюлинца?» И, получив на это в ответ утвердительное *шулай*, так, – оборотился к одной из кибиток и сказал: «Батюшка, а батюшка – выдьте-ка встретить сына, тут к вам сын приехал, только не знаю, брат ли он мне будет – спрашивает вас».

При этих словах, Майна, конечно, разгадала все; и когда вслед за тем старик Сакалбай вышел из кибитки, а потом и брат его и сыновья, кроме Майора, впрочем, то Майна кинулась с лошади в ноги старику и залилась горькими, радостными слезами. «Я не сын твой, – сказала она, – а дочь твоя, Майна, которую ты высватал за сына, и коли не приезжали за мною, то я приехала к вам. Меня отец отдал было за другого – но не быть у девки двум женихам, как не быть двум солнцам на небе; я приехала к жениху своему, к отцу; бери меня под свое крыло, накрой меня своей правой рукой, не давай в обиду сильному, не вели стыдить меня никому; стыднее, чай, покинув жениха да быть женой другого, чем прийти к первому!»

Правду говорит пословица: девуку трудно только выносить – а раз перевабишь, так уж сама как сокол на руку летать станет.

Удивлению и радости не было конца, Сакалбай накрыл голову Майны полою чапана своего, потом поднял ее, объявил всем, что она дочь его, око родное, сердце утробы его; повел ее в кибитку свою, потом поставил ей, как самому почетному гостю особую белую кибитку, воткнул у входа ее длинное копьё свое, с резным копеищем; словом, Майна была принята, как самый близкий и дорогой гость.

А Куцый? Куцего, разумеется, освободили, приказали ему также быть гостем, и когда Сакалбай распоряжался через час после этого по хозяйству, велел зарезать для дорогой гостии барана, то Куцый признался, что у него уже припасен целый баран, невдалеке, и, взяв лошадь, поскакал и привез украденного им тут же накануне барана. Подъезжая к аулу, он хохотал от души и моргал и помахивал головой. «Режьте другого, – сказал он наконец, – этого уже собаки порвали, на мое счастье; это мой, я его съем один». Сакалбай не захотел лишить Куцего счастья его, тем более, что кайсаки относительно собак крайне брезгливы, и, как во многих других, так и в этом отношении, выгодно отличаются от калмыков.

Майора не было; Майна провела с лишком сутки в ожидании его с бабами и девками тестева аула; смеху и радости было много. Майор возвратился на другой день к вечеру и слезал осторожно с лошади, потому что плечо у него было подстрелено стрелою Майны. Шайка, которую встретила она, составила из баюлинцев, ходивших в соседние роды на баранту или воровство, по начетам своим, взаимному праву и обычаю. Дело относительно раны Майора невольным образом обнаружилось и объяснилось, потому что Майна наперед уже рассказала все похождения свои, не подозревая, чтобы жених ее мог быть в этой шайке. Сакалбаю, по обычаям и понятию народному, должно было прикинуться сердитым на сына, который дожил до такого стыда, что невеста за ним приехала, а не он за нею; и еще сверх этого он был ранен – девкой! Сакалбай сказал в кругу родных речь, в которой превозносил Майну до небес,

бранил сына и говорил, что он, сын, ее не стоит. Майор, казалось, худо верил этому; он сидел против Майны, поглядывал на нее исподлобья, будто бы думал: толкуйте вы!

Общее недоумение после плодovitой речи Сакалбая было прервано явлением Куцего; управившись еще накануне с бараном своим, которого не успели доестъ собаки, прикрыв даровыми обносками наготу свою, он отдыхал в вожденном пресыщении за той самой кибиткой, где происходило прение. Вслушавшись несколько, о чем идет речь, он пошел наконец объявить Сакалбаю, для чего собственно Майна с ним бежала, и предложил в то же время услуги свои на паству коней или овец. Куцый пролез под запоном, оттолкнув его головою, и вошел с самодовольным, рассудительным видом, держа правую руку на отлете, между тем пальцы левой руки, которою он собирался рассуждать, перебирали по воздуху у него под бороною. Все захохотали, глядя на него, и он последовал их примеру; наконец, с простодушной улыбкой, которая, казалось, была готова и к плачу и к смеху, спросил: «Что же, будем смеяться или будем дело говорить?» – «Дело говорено и покончено, – сказал Сакалбай, – а тебе чего надо?» – «Есть у меня просьба, – продолжал Куцый, – до всех до вас, сколько тут есть». «Какая просьба?» – «Дайте ход речи моей, прикажите говорить, а вы будете слушать». – «Говори», – сказал Сакалбай; и Куцый начал:

«Дивуюсь я, не надивуюсь, гляжу я, не нагляжусь, а все вы люди умные. Вы меня не знаете, я вас не знаю, а коли я скажу вам: будьте здоровы, то вы отвечайте: добро пожаловать. Что вы мне прикажете, то стану делать; что я стану говорить, то вы будете слушать». «А долго еще слушать тебя?» – спросил Сакалбай. «Нет, не долго; на то есть ваша воля, вы мой кормилец, я вам работник. Знайте ж, кто мы и зачем мы в эту сторону заехали; правды таить нельзя, вы люди умные, вы люди добрые, мы ваши слуги, перед вами сердца наши настезь. Мы, не противно закону божию, замышляем сочетаться браком, жить и копить вместе, я, то есть, и вот Майна, дочь бывшего хозяина моего, человека знатного». – Все захохотали; но Куцый закричал, подняв обе руки: «Постойте, – и продолжал, – вот мы зачем и ушли вместе и поселяемся у лучшего в мире хозяина, и просим не обижать нас, а за съестное мы вам отработаем, и будете вы жить за нами спокойно».

Речь эту, для не знающих обычаев степных, надобно немного пояснить: у кайсаков ничто не делается без красноречия, без длинных речей, в коих обыкновенно берет верх тот, кто всех перекричит и, не дав никому опомниться, оглушает все собрание полчаса сряду, без роздыха, без расстановки, диким криком своим, и, отковав таким образом все по своему чекану, увлекает их за собою. Люди умные, одаренные кроме голоса еще и даром слова, умеют им пользоваться; они заводят окольную речь, в которой никак не ожидаешь такого резкого конца, и неожиданность эта поражает и увлекает всех, заставляя смеяться и согласиться. Слово Куцего-Энеида наизнанку, карикатура киргизского красноречия, но в духе и обычае народа.

Когда Куцый кончил и все захохотали, то Майор вдруг ожил, кровь ударила ему в лицо, и он, не разумея шуток, закричал, что убьет урода этого и закинет как пса, если он осмелится еще раз объявлять гласно притязание свое на Майну. Сакалбай велел молчать сыну, напомнив ему, что он потерял всякое право на Майну, не достоин ее, и что, кроме этого, для него засватана другая девка у соседних таминцев. В самом деле, это было справедливо: получив вестъ об отказе Карасакал-батыря, Сакалбай приискал второму сыну своему уже другую невесту. Но это было распоряжение и воля отцовская, которой Майор бесприкословно повиновался, а не искал, не желал этого, и глядя на Майну, не думал теперь о другой невесте своей. Вся семья, братья, дяди, свояки, все, кто был в собрании этом, сидя поджав ноги кружком, стали кланяться почтительно главе семейства, Сакалбаю, и говорили: «Не делай так, не иди против судьбы, будь милостив; – не будет так, не твоя это воля, твоя воля умная и толковая; – прости сына, сын молодец у тебя, прими в милость его, будь ему отцом», – и прочее. Сакалбай, приняв суровый вид, слушал, однако же, все это с удовольствием: он

исполнял только обязанность свою, по обычаям и понятиям своего народа, хотел уступить только усиленным просьбам, как будто поневоле, и собрался, казалось, еще подержаться, не снимать личины, быть еще с полчаса неумолимым. Но в эту минуту, как будто сговорившись, Майор и Майна, сидя, – она позади отца, вне круга, а он насупротив его, – вдруг ударили перед стариком челом в землю и завyli. Майор лежал и вопил: «Язык свой вырву, грудь истерзаю, отсеку правую руку свою». А Майна говорила: «За тем ли я пришла к тебе, покинув отца и мать, чтобы ты бесчестил меня на чужбине; умились над сиротою безродною; коли отымешь у нее суженого, так кто же у нее будет свой, к кому же она приехала на чужбину, – или только за позором своим, на стыд свой и на потеху злым и досужим языкам? Что же скажут в аулах наурузбайцев, когда дойдет туда весть к старому Карасакал-батырю, что дочь его ушла к чужим, что свои на чужбине от нее откинулись, и мужа у нее там нет? Умились, не погуби!»

Женщины, и в особенности девки, в степи во всех случаях, где дело касается их близко, бывают красноречивее мужчин: девки привыкли там импровизировать, распевать стихи свои наобум, при каждом удобном случае, на всех игрищах, пирах и сборищах; привыкли изливать радость, и в особенности печаль свою, в поэтических порывах. Вдова оплакивает мужа не иначе, как распевая в честь его похвальные песни, с причитыванием, точно как кой-где еще у наших простолюдинов. Вот почему в словах женщин и девок, если ими управляют сильные страсти, гораздо более смысла и чувства, нежели в грубых и буйных порывах мужчин. Он дурачится, грозит, хочет себя искалечить, порываясь к действию, не имея быть покорным и страдательным; она умоляет, убеждает, выражает то, о чем скорбит сердце ее, по чем болеет душа.

Сакалбай не устоял, не выдержал, не успел кончить всю проделку таким образом, как наперед было сам с собою условился. Слезы покатались у него градом, он вздыхал тяжело и, обращаясь ко всем, кто был тут, повторил раза два: «Полно, полно, – ну, что же я стану делать – как же мне с ними быть – сами вы видите... я ли тут чему виноват? – горе мне с вами, девки, да и только, – а как же быть...». Оправившись, принял он опять осанку поважнее, велел встать детям и, собравшись с духом, решил дело так:

«Против судьбы спорить и рядить нельзя; на это человека не станет. Майна пришла к нам, она наша; возьми же ты ее, Майор, я отделяю вам хозяйство. А ты, Капитан, ведь и ты уже не ребенок, и тебе можно, по примеру двух старших братьев, взять жену. – Поручик обождет еще, он совсем глуп, так тебе будет женой братнина невеста, я за нее выплатил почти весь калым; – я же стар, отживаю век свой; будете меня кормить. Поручик посидит еще со мною; старый да малый – товарищи; – и я под старость глупею; 60 лет прошло, ум назад пошел. Сыграем две свадьбы вместе».

Майна рассмеялась сквозь слезы и накрыла глаза рукавом чапана; Майор пожимался в обе стороны от поздравительных ударов руками по плечам, а Куцый, поняв наконец, в чем дело, также поздравлял соперника своего с какою-то огромной, угловатой улыбкой недоумения, а когда все собрание поднялось на ноги, чтобы кончить и закрыть присутствие, Куцый опять поднял вверх обе руки, закричал, встряхнувшись всем телом: «Токта!» «Постойте!» – стал в дверях и объявил, что никого не выпустит, доколе не дадут воли языку его. Речь его на этот раз была коротка; он спросил только с изумлением, которое рисовалось на всем пространстве огромного лица его, от бороды до бровей. – Разве-де меня вовсе забыть хотите, разве меня не жените? Так обо мне что скажут земляки мои, когда дойдет до них весть, что я ушел с невестой, а живу холостым? Не погубите меня, мне будет стыдно!» Последнее выражение Куцый подслушал у Майны и полагал, что по всей справедливости, может его применить также к себе.

После общего смеха, где все кричали в голос и давали Куцему разные советы, утешая его, Сакалбай один действительно его утешил: «За верную службу твою, –

сказал он, – что привел ты ко мне Майну, украл котел и барана, я тебе в *байгушах*¹⁰⁷ найду дешевую невесту; а свадьбу твою отпразднуем вместе со свадьбой моих сыновей.

– Баш! Баш! – кричал обрадованный Куцый и кланялся ниже пояса, между тем как шумная толпа толкала его и колотила по спине и плечам: «Спасибо! Дослужился-таки Куцый до чести, и свадьбу его отпразднуем со скачкой, с борьбой, с кумысом и с бараниной».

В день свадьбы Майна сидела в особой кибитке, между девками, лицо у ней завешено было алым шелковым платком; коса распущена и заплетена во множество мелких косичек. Девки пели все в один голос:

«Нет напева в русской песне, как нет напева в песне вешней кукушки; а есть напев в той песне, которую поют дети кочевой орды, девки красные, когда отдают сестру замуж: поют, как лебедь, у которого беркут унес лебеденка серого, поют, как клекчет орел, подымая от земли жеребенка».

И Майна сидела посреди этой пестрой толпы подруг, поющих тоскливые, жалобные песни; завешенная платком, она, казалось, и сама тосковала и плакала; но по временам отводил палец ее край платочка, и быстрый черный глазок, изобличающий резвую улыбку, выглядывал из-под покрывала. Майор сидел в это время в отдельной, кругом закрытой кибитке, и не показывался оттуда во весь день; изредка только заглядывали к нему товарищи. Он не видал ни борьбы, ни скачки, а слышал только изредка шумный спор, чья лошадь пришла первою, потому что скакунов провожала густая толпа заехавших к ним навстречу всадников, и, окружив и спутав их, примчались вместе с ними, и не дала рассмотреть в точности, на чьей стороне была правда; всяк отстаивал своих. Пир длился трое суток.

Вместе с Майором сидели: брат его, Капитан, и счастливый Куцый. Урод также считал обязанностью стыдиться и не выходить никуда. Рядом с Майной сидела будущая невестка ее, Хамиль, также под покрывалом; а по другую руку еще и третья невестка, дешевая, как выразился об ней Сакалбай, в чужом чапане, потому что у нее своего не было. Родители ее не думали отпраздновать когда-нибудь свадьбу дочери своей так великолепно, и не мало этим хвастались и гордились.

¹⁰⁷ Обедневший, пеший кайсак, нищий.

ГЛАВА 3

НАУЧНО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА В.И. ДАЛЯ

БУРАН СТАТЬЯ

(*Бурман*, по-татарски *вить, крутить*). Так называют в юго-восточных степях России и Сибири вообще сильный ветер, который летом крутит и вздымает пыль, а зимою снег. Слово это напоминает русское «бури». Бураны всегда дуют от северо-востока или юго-запада и нередко имеют более или менее круговращательное движение. Во время летнего бурана знойные томительные жары душат всю природу: вас обдаёт раскаленным ветром, как паром в бане; густая пыль стоит и кружится в воздухе на необозримое пространство; небосклон огненного цвета ослепляет глаза сквозь удушливый слой песку и пыли. В городах запирают окна и ставни, но пыль проникает во все, что есть в доме. Буран как летний, так и зимний затихает на заре. Зимние вьюги и метели преимущественно называются буралами. Зима в степях бывает довольно жестока, а ветры дуют круглый год. Когда термометр Реом показывает более 20 градусов холоду, то ветер бывает еще сносен; но лишь только морозы начинают несколько смягчаться, как при ясном небе слои искристой, снежной пыли уже тянутся низом по ровной степи – погода разыгрывается, порывистый ветер свежает, крепчает, сбивает с ног людей и скотину, вздымает рыхлый снег, дробит его в густую, непроницаемую для глаз пыль, кружит и гонит, застилая не только отдаленные предметы, но заволакивая глаза несчастного путника, который уже не в состоянии рассмотреть и пяти пальцев своих, до того все кружится и метется около него в непрестанном вихре. В обыкновенной метели снег падает сверху; но в буране он взвивается снизу, с земли, это существенное различие бурана и метели. Бураны обыкновенно продолжаются по несколько суток сряду; бывают зимы, где дуют они почти непрерывно. Вред, причиняемый ими стадам и табунам, чрезвычайно велик: скотина ни пьет, ни ест, стоит, сбившись в кучу, на месте, и ее заносит снегом, или она, шарахнувшись, бежит по ветру, и ничто не в силах ее удержать: первый овраг или пропасть служит ей могилою; камыши суть единственное убежище скота на обширных, как море, южных степях Руси. В несчастный для киргизов внутренней Орды 1827 год потеряли от жестокого бурана, который разогнал и погубил стада и табуны их: верблюдов 10.500; лошадей 280.500; рогатого скота 73.450; баранов 1.012.000 голов, всего, по самому умеренному исчислению, на 13 ½ миллионов рублей. Путники и дорожные нередко замерзают, сбившись с пути: бывают примеры, что люди гибли от бурана не только в поле, но под самым городом или селением в нескольких шагах от жилья. Не только глаз и самый слух коснеет и обманывает: иногда два человека в 20 шагах друг от друга не могут сойтись по голосу. Если буран захватит кого на пути, то всего благоразумнее немедленно остановиться и переждать беду на месте, где захватила. Когда утихнет, легко прорыться сквозь снег, в котором почти никогда не замерзают. Можно было насчитать много примеров, что люди проводили несколько суток под снегом и были спасены благополучно. Киргиз останавливается, где его зимний буран захватит, слезает с коня и кладет плетъ свою от себя прямо в ту сторону, куда надобно ему ехать.

В.Луганский¹⁰⁸

¹⁰⁸ Русский писатель, лексикограф, этнограф В.И.Даль родился в местечке Лугане (или Луганском Заводе, ныне г. Луганск) в Малороссии (Екатеринославская губерния) – именно это место впоследствии и дало рождение знаменитому писательскому псевдонику – Казак Луганский.

О КАРТЕ ЗАУРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ, ИЗДАННОЙ В БЕРЛИНЕ

СТАТЬЯ

Известный германский учёный Циммерман издал в прошлом году в Берлине карту зауральских степей под названием: «План Театра Войны России с Хивою и Географический Анализ» и пр. (Entwurf des Kriegstheaters Russland s gegen Chiwa und Geographische Analyse etc. Берлин, 1840). Эта карта с объяснительными к ней предложениями, плод немецкого прилежания и добросовестности, представляет на одном листе бумаги только окончательную, лицевую сторону долговременного труда и многих изысканий; надобно знать по опыту подобные работы, чтобы обсудить, по первому взгляду, чего стоил окончательный труд этот сочинителю, сколько надобно было работать, чтобы наконец представить общему суду карту эту в том виде, как она есть. Вот точка, с которой должно смотреть на подобное произведение.

Карта издана в Берлине, а у нас ещё подобной вещи нет; у нас всё ещё ходят по рукам карты: шестилистовая и Средней Азии.

Но, отдав карте Циммермана полную справедливость как произведению усидчивого труда и начитанности, скажем наперёд, что хорошая и верная карта Зауральской Степи ещё нигде не может быть составлена, тем менее в Берлине.

Карта степи, то есть карта такого пространства, на котором глазу нашему нельзя опознаться по городам, селениям и местечкам, связанным взаимною сетью дорог и сообщений – это задача трудная, требующая особых соображений. Множество сухих и мокрых, горьких, пресных и солёных речек, ручьёв, родников, колодцев, ям, озёр и лужиц, – солонцы, грязи, пески, глинистые суходолья, холмы, бугорки, сырты, едва заметные возвышения и склоны, изволоки, равнины, овраги, провалы, – наконец, даже рощица, полдюжины деревьев, могилы, курган, развалившийся из сырца сложенный памятник или голубец – вот всё, что встречает глаз кочевого обитателя в степи этой, чему дано название, а следовательно, этими же предметами ограничивается и то, что мы можем нанести на карту и отыскать на ней. Но каким образом выразить, выказать всё это на географической карте, как нанести и внятно обозначать все эти предметы? Для этого, по крайней мере, необходимо сочинителю карты знать во всей подробности к чему, к какому именно предмету относится каждое название; а где добыть подобные сведения? Далее какая возможность для иностранца распутать нашу доморощенную галиматью искажённых названий, нарицательных и собственных имён, сшитых кое-как из русских и татарских, малоизвестного в Европе наречия, слов? Тау – гора, таш – камень, бутак – овраг, булак – ключ, родник, ссу – вода, куль – озеро, кудук – колодезь, ссу-ат – водопой, кум – песок, каткыл – глинистый суходол, ссур – солонец, бургас – ржавое болото, и множество других общих или нарицательных имён русских, киргизских и даже монгольских, калмыцких, переходят с карты на карту под видом имён собственных; невыразимые европейскими азбуками, произносимых для заграничных уст и гортани слова, бывают всегда искажены, подменены другими, схожими, или переиначены до того, что их узнать невозможно; самые незначительные предметы, которые, по размеру своему, никоим образом не могут быть нанесены на карту, или, по сравнительной ничтожности своей, места не заслуживают, расписываются нередко крупными, прописными буквами, как одни столицы на картах европейских; названия, принадлежащие смежным, на тесной карте, урочищам, перемешиваются, иногда обмениваются, и мы, обознавшись и не понимая нарицательного названия, пишем на овраге – гора, а на горе – озеро, или пески, – таким образом, пески превращаются в могилы, а топи в суходол. Всё это, кажется, неминуемые погрешности для всякого, кто возьмётся за составление карты степей наших.

У кочевых народов всякому месту, не только всякому приметному урочищу, даётся название; нередко на одной квадратной версте найдётся до десятка и более

обозначенных именем примет. Нанести всё это на карту невозможно; а между тем каждое, и самое ничтожное по виду урочище, может быть, относительно, важно и примечательно: поэтому, недостаток местных сведений необходимо заставит вас упустить важнейшее и поставить на место его предметы ничтожные. Но откуда взять необходимые сведения эти? Точек между Яиком и Сыром или Аму, где стояла когда-нибудь мензула и столик съёмщика, немного; только в самое недавнее время стали пользоваться частными походами и поисками в степь для подробных, по возможности, съёмок; широты и долготы урочищ ещё менее известны; одним словом, карта Турана и Средней Азии основывается большею частью на расспросах и рассказах, и потому в ней гораздо более воображения, чем истины. Итак, сообразив все затруднения и препятствия эти, должны мы говорить с признательностью и уважением о всяком труде, который может более или менее способствовать к устранению этого вечного марева, лежащего для нас, как непроницаемое или искажающее предметы покрывало, на обширнейших в мире степях, на степях Турана.

Если после этого предисловия бросить взгляд на карту Циммермана, то, конечно, должно сознаться, что все препятствия и затруднения, о которых мы говорили, имели довольно значительное на неё влияние. Но карта степей этих, без погрешностей, столь тесно связанных с делом, была бы истинным дивом, потому что её могла бы создать одна волшебная сила. Почти все русские карты, которыми по необходимости пользовался сочинитель, уползли бы целиком с глаз наших, если бы все ошибки, погрешности, описки, и опечатки на них ожили. Каждому своё; воздадим же должное и нашим землякам, а потом не пощадим и чужестранца. Карта г. Левшина, например, несмотря на заслуги и достоинства подобного труда, никак не может избежать этого общего порицания; вы найдёте в ней немного действительно исправленного, много, противу других карт, прибавленного, но зато и немало перепутанного, ошибочного. Если б сочинителя этой статьи заставили издать карту Турана, то она, конечно, не могла бы служить образцовою, и в ней было бы много ошибок и погрешностей; причины этому объяснены выше. Но он и не берётся не за своё дело, а хочет только указать на те погрешности, которые ему, по обстоятельствам, ближе известны, чтоб предупредить повторение их на других картах; хочет так же показать иностранцам, что труды их ценятся и уважаются у нас, особенно если они касаются нашего отечества, а труд Циммермана стоит того, чтоб его рассмотреть поближе, не довольствуясь отзывом в общих выражениях, без всякого разбора и критической оценки.

Наперёд всего спрошу: можно ли, при составлении карты степи, пустыни, принять за основание одни и те же общие правила, которому руководствуются при составлении карты жилых, оседлых мест? Если я раскину карту русских губерний, то знаю уже, что именно означают все имена и названия; я не только вижу, где реки и где город, но по одним принятым знакам вижу, где город столичный, губернский, уездный, село, яма, деревня - словом, знаю, куда и чему принадлежит название, что именно оно означает. Не то бывает с нашими картами степи; там дело иное: мы подчас глядим на них, как на китайские письма, и не знаем, что такое перед нами: целый лист исписан варварскими названиями и только. Вот почему, кажется, было бы необходимо разобрать и понять наперед, какие урочища и предметы именно на карте помещены, что они означают, а потом принять также постоянные знаки для них и придавать им всем названия; карта сделалась бы от этого вразумительнее, понятнее, и каждый знал бы, относится ли название к речке, или к увалу, или к оврагу, к песку, могиле и проч. Для этого, конечно, необходимо знать по-русски, по-татарски, и сверх того иметь под рукой опытных и хороших вожаков степных, которые могли бы объяснить всякое по этому предмету недоумение. На карте Циммермана есть несколько – немного – значков, но они почти все составляют тайну сочинителя; объяснение для большей части их не приложено; кроме того; мы находим во многих местах у однородных предметов различные знаки, и наоборот. Если, казалось бы, не должно вовсе расчерчивать

подобную карту хребтами и горами, за исключением разве хорошо известных, действительно снятых пространств, потому все горы, хребты, узлы и отроги эти выросли в воображении сочинителей карт и плодовитом на подобные украшения карандаше их. На карте Циммермана, кроме того, все горы оттенены в одну меру, в одну высоту, начиная от Мугоджара, Свинцовых Гор и Чинка до едва заметных возвышенностей по течению ручьев и речек.

Сочинитель избрал для карты своей проекцию Меркатора, как сам говорит, для того, что ее легче, удобнее применить. Меркатора проекция удобна для карт морских, потому что разворачивает поверхность земного шара в такую плоскость, по которой курс или ход корабля можно прокладывать прямою чертою, а это необходимое условие для всех морских карт. Но проекция эта искажает, как известно, все очерки, потому что переносит их с поверхности шара на поверхность цилиндра; каждая параллель или широта требует особого масштаба, и при общем взгляде на карту нельзя получить верного понятия о взаимных отношениях расстояний. Причины эти, кажется, могли бы побудить сочинителя карты избрать проекцию Бона, или другую, употребительную в картах географических, тем более, что карта степи содержит более градусов широты, чем долготы, и кроме того, принадлежит пространству, удаленному от экватора.

В особо отпечатанных объяснениях карты (*Geographische Analyse*), мы находим таблицу астрономически определенных точек. Трудно понять, на чем именно основывается выбор означенных здесь мест. Можно бы предполагать, что таблица эта содержит перечень всех астрономически определенных точек, входящих в пространство карты; но мы находим тут, между прочим, и приблизительные широты и долготы, снятые явным образом только с других карт; какое особенное доверие, и на чем основывается подобный выбор? Во всяком случае, кажется, места, широта и долгота которых снята с карт, не могут находиться в таблице определений астрономических. Далее, для чего загадочные долготы восточных писателей внесены на таблице этой в графу: «Восточная долгота от Парижа»? Если сравним, по таблице этой, долготы Хивы и Ховарезма, что, вероятно, одно и то же, то находим, что в Ханстве Хивинском должно быть по крайней мере 30° долготы! Наконец, в таблице этой есть неверности, которые по роду их нельзя отнести к опечаткам; например: Калмыкова лежит, по определению Вишневого, под 69°30'18" долготы от Ферро; вместо этого находим по таблице, по переводе на меридиан Ферро: 69°18', с пометкою: «определено одометром Гебеля». Можно ли предпочитать наблюдения одометрические астрономическим, и еще такого знаменитого астронома? Оренбург показан под 59" широты, вместо 31"; последнее определение ныне, при новых наблюдениях, оказалось чрезвычайно точным. Сарайчик нанесен, по карте Гебеля, под долготою 49°33'; а между тем давно уже известно, что долгота Сарайчика составляет 49°23'47". Руководство Шуберта и пр. С.Пб., 1826, изданное сверх того еще и на немецком языке, по-видимому, не принято сочинителем карты в руководство, а между тем, оно содержит важные и необходимые для подобных работ сведения.

Путь Рычкова¹⁰⁹ назван важным или замечательным (*wichtig*) и нанесен на карту. В таком случае, остается только нанести также и замечательную речку, описанную Рычковым во все подробности; она бежит без оглядки довольно круто в гору. Все рассказы Рычкова до того неточны, неопределительны, ничтожны и неосновательны, что нельзя следовать его путем по карте, а и того менее нанести путь этот во всей подробности.

Расстояние от Оренбурга до Хивы, по всей вероятности, более, чем полагает Циммерман, т.е. не 150, а 170 – 180 географических миль. До Бухары считают, по одометрическим измерениям, 1500 верст, до Хивы, ближним от Оренбурга путем, на Усть-Урт, от 1200 до 1300.

¹⁰⁹ Это не историк и не статистик Оренбургского края, а брат его.

Что на Аральском море есть острова Барса-Кайтмас и Барса-Кильмес, это не сказка; мне случалось говорить с кайсаками, которые сами бывали на этих случаях островах. Названия островов этих значит: «Если пойдешь, не придешь, или не воротишься», и основаны на том, что внезапная весна нередко захватывает на этих островах киргизов, зашедших туда зимою для паствы скота, заставляет их поневоле перелетовать в этом уединении, где, сверх того еще, на иных, бывает недостаток в пресной воде, что ставит и людей, и скот в бедственное положение. Довольно значительный остров, на котором есть гора и родники, лежит в северо-восточной части Арала, около одной трети всей ширины моря от берегов. Об этом острове рассказывают много чудесного и сказочного; по всей вероятности, на нем была когда-то огненная сопка. В ясную погоду остров этот виден даже с западного, высокого берега Арала.

Вершины рек Эмбы и Илека не соединяются, как полагает сочинитель карты, в этом я могу поручиться как очевидец; они разделяются сыртом *Буссага*. Но сырт этот вовсе не образует горного кряжа: это едва заметная возвышенность, разделяющая притоки Илека и Эмбы, хотя и состоит в непрерывной связи с горами Мугоджар.

Аргмаки названы бохарскою породою коней. Это несправедливо: аргмак составляет собственно туркменскую породу, и потому скорее мог бы назваться хивинскою, чем бохарскою породой¹¹⁰. Аргмаки не переносят зимы по эту сторону Усть-Урта; хивинская конница, встретившая отряд наш зимой по ту сторону Эмбы и отброшенная конвоем обоза в 200 человек, потеряла от стужи и бескормицы почти всех аргмаков. Память происхождения арагамаков от лошадей арабских сохранилась в народной сказке: известный богатырь переплывает на лошади своей огромное озеро и выводит за собою, со дна его, целый табун аргмаков.

Нельзя, кажется, сказать утвердительно, что в Аральском море водятся тюлени; сведение это один писатель списывает у другого, но кто и когда видел тюленя на Арале? Русские пленники, старые рыбаки уверяют, что тюленей там нет. Это же самое сказал я и в статейке «Аральское море» для «Энциклопедического лексикона»; тот, кому поручены были поправки, взял поправками своими много греха на душу и, заодно уже, принял и этот небольшой грешок, переправил добросовестное показание наше и поставил: «есть тюлени». Тюлень тюленю рознь; а есть они везде.

Содержание солей в водах Арала неодинаково; у восточных и южных берегов, где устья больших рек, большей частью воду можно пить, если северо-западными ветрами не наносит воды соленой; у северных и западных берегов, напротив, воду пить нельзя, если юго-восточные ветры не нагонят туда пресной воды, которая легче соленой и потому всегда держится более на поверхности.

Аральское море никогда не замерзает сплошь, но отчасти только, иногда вся северная половина, хотя нередко ветры снова взламывают лед. Сыр и Аму замерзают каждую зиму; но лед не всегда одинаковой толщины и не равно долго стоит. Я напечатал однажды показание русского пленника, где говорилось, что лед на реке Аму достигает иногда толщины волжского льда. Г.академик Бэр упоминает об этом показании в «Климатологических замечаниях о Степи» и справедливо замечает, что это должно быть преувеличено. Из более точных расспросов я узнал, что река Аму бывает покрыта льдом от двух недель и до двух месяцев, а толщина его бывает от 2 до 10 вершков.

О таблице племен или родов Малой Киргизской Орды можно бы поговорить много, но поправить ее можно только, приложив на место ее более верную и точную таблицу. Заметим еще относительно бывших в Хиве пленников русских, что число их, по неточности имевшихся сведений, было преувеличено. Ныне возвратилось из Хивы

¹¹⁰ Нельзя без сожаления читать статьи, подобные статье «Аргмак» в «Энциклопедическом лексиконе», где напутано бог-весь что такое. Откуда берлинцам взять верных и толковых сведений о подобных предметах, если мы сами пишем наобум и печатаем сведения, в которых нет ниже одной тени правды?

до 650 человек, со включением всех, разными путями и поодиночке прибывших в течение последних двух или трех лет; показания их удостоверяют, что русских пленников в Хиве более нет, или осталось по разным обстоятельствам не более 25 человек. По расчету взятых с моря людей их должно бы быть более, но многие бежали из неволи, прибыли на родину или погибли на пути, другие погибли в Хиве или у туркмен, а большая часть их умерла во время бывшей в Хиве холеры в 1828 и 1829 годах. Русские в особенности подвергались этой болезни и от нее погибли. По единогласному уверению пленников, они вымерли тогда в Хиве более чем на половину.

В объяснениях карты (Geogr. Analyse) на странице 32 сказано: «Между линией укреплений на Яике и Хивой, едва ли есть какое-нибудь место, которое бы можно сравнить с европейскою деревнею». Как прикажете понимать это? Всем известно, что на упоминаемом пространстве нет вовсе никаких заселений, ни дурных, ни хороших; что же тут значит сомнительное выражение: «едва ли есть?» В недоумении ли тут сам сочинитель, или он только неясно выразился? Если верить кружкам, которые расставлены там и сям в степи и по виду ничем не отличаются от знаков, поставленных вдоль линии нашей при каждой станице, то почти должно думать, что сочинитель карты населил зауральскую степь деревнями; но такого неведения допустить в ученом человеке невозможно.

На странице 34 говорится, что в укреплении Бековича на Мангишлаке было некогда 700 домов. Сведение это ошибочно и ложно, но этого мало: оно и до того бестолково, что непростительно помещать его в учебном труде. Откуда берутся подобные известия, в которых нет не только правды, но и смысла? Неужели есть люди, которые забавляются такими выдумками, пуская их в свет для несведущих и легковерных?

На той же странице говорится, что Новоалександровск заложен на превосходной гавани... В эту погрешность ввела господина сочинителя карта местности; он, взглянув на Кайдак, подумал: «В таком сапоге должно быть хорошо стоять на якоре» - и написал «Превосходная гавань». Но на Тюп-гарагане (а не Тюк), на самой оконечности есть превосходная гавань, почти круглая, со входом при всех северных ветрах, и тут же вода в колодцах довольно пресная. При этом случае я упомяну о замечательных свойствах степных колодцев: в песках они всюду дают воду пресную; в твердой, глинистой почве, напротив, горькую и соленую. То же правило применяется и к озерам; все озера в песках пресные, в глине – горькие. Если у взморья вырытые ямы дают воду пресную, как именно у Тюп-карагана, Кангишлака, то находим это только вплоть у взморья, в ближайших береговых песках; чем далее от берегу, тем вода хуже. Вырыв колодезь или яму, обыкновенно очень неглубокую, от 1 ½ до 4 аршин, надобно раз-другой вычерпать воду из нее; тогда набирается уже вода пресная, которая местами же остается годною навсегда. Таким образом, у поименованных урочищ и в некоторых других местах восточного берега Каспия можно содержать постоянные колодцы, но в песках внутренних, в Каракуме, Барсуках, этого нельзя делать; там вода сносна только в свежей яме, а через несколько дней тухнет и сильно отзывается гнилыми яйцами, т.е. сероводородным газом. При некоторых солено-горьких речках, как например при Узенях, добывают пресную воду, выкопав яму в аршин, не более, вплоть у реки, в самом русле ее, под крутым берегом, но ямы, вырытые близёхонько подле первых, только не в самом русле, а на возвышенном, глинистом берегу дают воду солено-горькую. В песках Кызылкума, проходимых на пути в Бохару в 4-5 усиленных переходов, ныне воды нет вовсе; но по единогласному показанию ордынцев были там 80 лет тому назад одетые камнем и сведенные кверху кувшином колодцы, глубиною от 8-20 сажень. Вода в них была пресная; колодцы эти устроены, как говорит предание, ногайцами, на которых кайсаки наши сваливают все древности степи: памятники, могилы, курганы и колодцы. Хищные хивинцы завалили их, чтоб с большею удобностью и верною выжидать прибытие караванов у южной оконечности

Кизилкума, на Юз-Кудуке (сто колодцев) и брать с них пошлину или грабить по произволу. На Усть-Урте подобные колодцы остались местами поныне. Воду достают из них кожаными мехами (турсук и саба), таская их лошадьми или верблюдами, но добыча воды идет этим способом так медленно, что при значительном количестве скота первая лошадь давно уже снова захочет пить прежде, чем очередь обойдет кругом и напоят последнюю. Поэтому караваны на этих путях всегда разбиваются на самые малые части, которые следует то различными путями, то на переход одна от другой.

Переедем путь собственно к карте Циммермана – не с тем, однако ж, чтоб сделать полный список всем опискам, ошибкам, недоразумениям и опечаткам – это было бы выше сил наших; но мы коснемся только самых резких погрешностей, разделив их некоторым образом на разряды: пусть они послужат примером и оправдают сделанные нами выше на счет карты замечания.

Не только значительная часть татарских названий искажена до того, что их не узнаешь в немецком платье, но не менее того достается и русским; например: *Magnitai* – т.е. Магнитная; *Graznutinskoi* – Грязнушенской; *Ko'poikoi* – т.е. Колнацкой; *Sakmarsch* – Сакмарск; *Wergheozernaia* – Верхнеозерная; *Neainskoi* – Неженской; *Razboinoe* – Разбойный; *Zatonkoi* – Затонный; *Irteckoi* – Иртецкой; *Genwarcoe* – Генварцов; *Rubegnoi* – Рубежной; *Guilowski* – Гниловский; *Kogekharowskoi* – Кожехаровский; *Вакоева* – Багсайская; а подле, рядом, по ту сторону Урала, в степи, поставлено то же самое название, только поправильнее; что это значит и к чему название казачей станицы тут искажено, а там выдвинуто в степь, на небывалое место? Сверх того, тут же, в степи, поставлен и значок, который, как и большая часть остальных – загадка для читателей. Начиная от Сарайчика, внизу находим сряду 4 названия, или выдуманных, или искаженных до того, что в них не осталось уже никакого подобия подлинных. После форпоста или станицы Зеленой, читаем: *Smile*; это что такое? Шахтемир город, изгладившийся даже из памяти народной, не только с лица земли – обозначен таким же точно значком, как и все еще досель существующие селения и города Хивинского ханства, тем же самым, как и упомянутая *Бакайская станица*. Этот же значок, небольшой кружок, встречаем, кроме жилых мест, также во множестве среди поступорожных, голых степей; непонятно, для чего и каким образом это сделалось: наборщик тут не виноват и не мог их просыпать и насеять невзначай: карта, как обыкновенно, вырезана. Непонятнее этой загадки для нас и другая: что означает слово: *Aule* (например, на Илеке, у Яманкалинской)? Аулом называется на татарском языке (не будем спорить о происхождении слова) деревня, жилое место, а у кочевых народов кучка войлочных кибиток одной семьи, которая держится всегда вместе и состоит от 3 до 12 кибиток. Если же рассудим, что селений постоянных в степи зауральской нигде нет, а кочевые беспрестанно меняют места свои, так что едва ли есть где-нибудь в степи точка, на которой бы в течение известного времени не кочевали кайсаки и не ставили своих аулов, то загадка остается загадкой. То же почти можно сказать о надписи: *Зимовье Малой Орды на Аксакуле, т.е. Аксакал-Барбы*. Зимовок бесчисленное множество, они раскинуты от Урала до Сыра и далее, и никаким образом не могут быть показаны на карте подобного размера. За что же и к чему ставить исключительно на одном месте аулы, на другом – зимовки, когда этими двумя словами можно исписать всю карту сплошь и подряд?

Джаман-Айраклы (слово «джаман» – дурной, худой написано то так, то иначе, о чем поговорим ниже) изображен неправильно, неверно, предлинным мысом или косой, отчего к востоку образовалась на карте губа, которой в природе нет. Новоалександровск отодвинут слишком далеко на юг, а сверху читаем: *Dzieldekamei* – это также какая-то небывальщина. Впрочем, слово это взято с русских карт: им честь и слава; но правописание рассматриваемой нами карты, в котором нет ни малейшего единообразия, доказывает местами, что некоторые названия взяты из французских карт

без надлежащего принорования к языку немецкому, от чего выходит новая путаница.

Соленые озера и солонцы местами названы по-русски; Solontschak, название, которое нередко поставлено как имя собственное (например, по обоим берегам низовьев Эмбы), иначе следовало бы сказать по-немецки: Salzsee, Salzmoor; местами по-татарски: *ссур* или *ачи*; встречаем также на карте: pressnoi, даже pressное, т.е. пресное, также в виде имен собственных. По крайней мере, ни один иностранец не может принять подобную надпись иначе, как за название урочища, и я даже уверен, что у нас явится вскоре русская карта, на которой будут красоваться подобные искаженные русские слова в виде имен собственных, и что какой-нибудь издатель карты, почтенный соотечественник наш, напишет, пользуясь картой Циммермана: «Озеро пресное». Татарское название озера, *куль*, сочинитель нередко сокращал, или лучше сказать списывал в этом сокращенном виде с других карт; но кто же догадается, что Khodjak означает *Ходжакуль*? И это опять повод к новой галиматее.

Обратимся к речкам. *Кизыл*, который, как известно, давным-давно пересох вовсе, оставив только местами, на бывших омутах, водяные ямы и озера, течет на карте этой довольно великолепно и многоводнее самого даже *Сыра*; название одного из близких к морю рукавов Сыра, а именно *Утабас*, перенесено самоуправно на реку *Киван*: а между тем и *Куван* не вовсе разжалован, а назван также и *Кваном*. Поток или река, которая названа выше *Кизыл*, а ниже *Udsjan*, называется не *Кизыл* и не *Удзыян*, а Яны или *Джаны-Дарья*; а название *Кизыл* следовало бы перенести к означенному точками руслу реки, где подписано «*следы реки*». Эти погрешности довольно значительны, и их, кажется, можно было бы избежать. В степи уральских казаков также не было и нет реки: Naryn-chara; *Эмба* и *Сагыз* (на карте Sagil) не вливаются такими широкими устьями в море: обе речки эти теряются и исчезают в камышах и топях. На полуострове Бузачи нет вовсе никакой речки, следовательно, нет и *Сухой* (Suchaja), разве кому-нибудь вздумалось дать название это оврагу; но тогда бы не должно рисовать его довольно обстоятельно речкой. Взглянув на любую из наших карт, мы, конечно, видим, как на *Бузачи*, так и в других местах восточного берега Каспия, смелою рукою начертанные реки. Но это позволительно делать только нашим составителям карт для прикрасы, для пополнения пробелов, неприятно поражающих глаз покупателя. А немцу не должно было следовать подобным источникам, потому что он составлял карту свою для людей ученых. Между тем, у него и в губу Александр-бай выплывают три небывалые речки и подтверждают то, что мы говорили сейчас о русских картах. Наконец, встречаем мы на карте во многих местах (например, на южной оконечности Тюп-Карасу, также у небывалого озера (Grahi-kulj) русское слово: Kliutsch, т.е. *ключ*; и это нарицательное, как множество других, могло попасть на карту только по оплошности и недоумению. Если позволительно составлять иногда для большей ясности при собственных именах и нарицательные, то это, конечно, может относиться только к природному языку обитателей страны, или к тому языку, на котором составляется карта. Так мы пишем имена: Сыр-Дарья, Аму-Дарья, Кара-Куль, Юз-кудук, или же прибавляем к предметам русское нарицательное: река, озеро, колодезь. Но если прописывать на карте нарицательные имена предметов на всех языках, на которых карта была сочинена или на которые была переведена, то выйдет бестолочь: а если еще сверх того ставить одно только нарицательное, по себе, то это и подавно может только увеличить путаницу имен и названий.

Колодцы еще строптивее рек, для сочинителя карты этой и вовсе отбились от рук; он их распустил во все концы, на произвол судьбы, не заботясь о названии. Иногда сидят они с подложными русскими паспортами, уверяя, что они: kolodza, kolodschi (т.е. колодезь или колодцы) и korani; местами под татарскими ярлыками: kuduk, kudek, иногда даже kodoegi или сокращенно: Kud.; местами же признаются чистосердечно, что они немцы и называют себя: Brunnen; их бы надобно, кажется, всех под одну стрижку.

Без этого повиновения не будет, - и велеть им называться или по-татарски, или по-немецки. Кто, не зная ни татарского, ни русского языка, тут доберется толку?

Горы на карте Циммермана также вышли из послушания и величают себя то так, то сляк и на разных языках. *Tay, Tag, gora, gory*, даже *gorali* – все это заменяет немецкое *Berg* или *Gebrige*. Утес под названием *utes (Felsen utes)* находится по карте на южной оконечности *Тюн-Карасу*. Итак, если бы француз стал переводить карту эту на свой язык, то он бы уже обязан был поставить тут: *rocher, Felsen, utes*; англичанин еще прибавил бы к этому свое: *roc*. Таким образом, мало-помалу, может составиться, совокупным старанием многих ученых всех европейских народов, очень полезный словарь нарицательных имен. Но ему на карте было бы тесно, и лучше, кажется, такие словари печатать отдельно. На полуострове *Бузачи* отшлифованы и вычерчены горные хребты, которые ни в чем не уступают воздымающемуся от поверхности морской на 100 сажен *Чинку*. Между тем, однако же, на *Бузачи* гор нет вовсе, есть только незначительные овраги, песчаные бугры и пригорки. Есть также, судя по карте, еще одна редкость на этом замечательном полуострове: *Urozizi Karatasch*. Последнее слово, татарское, значит: *черный камень*, но оно должно остаться в этом виде, потому что обратилось уже в имя собственное; первое же представляет опять образчик самого неудачного перевода или переделки с русского. Это значит *урочище*, а слову «урочище», конечно, на немецкой карте не место.

В земле уральских казаков находим в других местах: *Barchany* – во-первых, вверху, рядом со станциями или форпостами и одним с ними письмом, во-вторых, пониже, где слово это выставлено вдоль дороги. Из этого надобно заключить, что сочинитель принял в 1-м случае слово за название станицы, во 2-м – за название дороги. Но барханами называют наносные песчаные бугры, то же, что в Южной России кучегуры и то же самое, что на восточном берегу Арала названо на карте: *pestschanye bugri* – выражение, непонятное ни для кого, кто не знает по-русски, и конечно, вовсе неуместное. То же самое должно заметить о надписях: *glubokoi prowali* и *kamishi*, на *Усть-Урте*: надобно было поставить на немецкой карте, вместо «глубокие провалы и камыши»: *tiefe Erd-Falle und Schiff oder Rohr*. Еще видим: *Naziwaet uro maloi barsuk* – т.е. урочище, называемое *Малый Барсук*; перевод этой русской длинной реки, написанной в искаженном виде, находим подле: *ort, benannt kleiner Barsuk*. Поэтому, русский припев тут и подавно лишний, тем более еще, что он изувечен, сокращен, переименован и сверх того случайно угодил на *Большой Барсук*, где уже названию *Малого Барсука* никак нельзя дозволить поселиться. Вплоть под этой ошибкой, есть еще искаженное русское нарицательное: *Pesschanaia cosa*. Что за странность переводить таким образом? *Девлет-Гирей*, остатки каких-то стен, несправедливо приписываемых кн. Бековичу, лежит не посреди *Усть-Урта*, как показано на карте, а у самого взморья, на Арале. *Razval kamnai* (на Ю.З. от Хивы) означает, вероятно, *каменные развалины* и представляет нам еще образчик того же искусства переводить.

Множество рассеянных по карте могил также обозначены то по-татарски (*Уба, Аба*), то по-русски, еще и сокращенно: *mog*. т.е. *могила*, то по-немецки. Это, особенно для иностранцев, должно необходимо служить новым поводом к сбивчивости и недоумениям. На восточном берегу Каспия читаем: *Russische Isba*. Иностранец не знает, что такое изба. Почему же не назвать ее избой на том языке, на котором писана карта? И почему же на этом месте обозначена одинокая избушка, вероятно, поставленная когда-нибудь астраханскими промышленниками и давно уже уничтоженная, если, например, о постоянных казармах и зимовках рыбаков и тюленщиков наших на островах *Тюн-Карагана* не упоминается ни слова? Наконец, заметим, что слова *большой* и *малый*, часто повторяющиеся на карте, являются без всякой видимой на то причины то на одном, то на другом, то на третьем языке, и перейдут, вероятно, таким образом в виде собственных имен на другие карты и в подобные землеописания. Или пишите такие слова раз и навсегда на природном языке той земли, которую изображаете, или переводите на тот язык, на котором составляете карту. Но никогда не делайте на одной и той же карте то так, то иначе, а и пуще того никогда не принимайте еще и третий язык, для одного лишь увеличения путаницы.

Вот несколько замечаний, как объявили мы наперед для одного лишь примера, для подтверждения того, что сказали мы о карте этой в общих словах. Но никто в мире не был бы, при нынешнем положении дел, в состоянии передвинуть каждый предмет, вошедший в карту эту, на свое место и выправить все описки, обмолвки и опечатки. Это была бы работа вековая, превосходящая силы и познания одного человека. Значительная часть погрешностей перешла, конечно, в эту карту из других, а потому и нельзя бы, казалось, обвинять за них сочинителя. Пусть так, пусть же каждый из предшественников его на этом поприще берет на свою долю свои грехи, которые попутали и соблазнили г. Циммермана, вверившегося, без надлежащей проверки, работе и показаниям других, ненадежных составителей карт и описаний. Если у нас возникает по временам географическая карта, работы грубого и небрежного резца, так сказать уже с вывескою: авось, небось и как-нибудь, то мы не удивляемся, читая на ней Екатеринбург вместо Екатериндара, не удивляемся и тому, что сочинитель *скрал* реку *Самару*, как у Гоголя ведьма скрала месяц, а подарил нас за то расширенной и распространенной *Бузулукой*. Мы видим по первому взгляду, что тут пенять не на кого и не к чему. Не на кого, потому что тут не было и намерения составить и издать что-нибудь годное, порядочное, а было в виду только одно: объявить во всех газетах о выходе новой, полнейшей, лучшей исправленной карты. Не к чему, потому что пеня наша будет глас вопиющего в пустыне: никому он не послужит к добру, никто не исправит карты своей по замечаниям вашим. Приступая по требованию книгопродавца, к новому изданию карты сочинителя, как мы видим беспрестанно, даже не исправляют самых грубых опечаток. Зачем хлопотать? Разошлось первое издание – разойдется и второе, особенно если объявить: «исправленное, дополненное» и пр. Но если немец издаст карту свою с таким усердием, старанием, тщанием, если видно, что он сидел систематически за каждой точкой и кавычкой, собирал и сводил все, что только было писано и говорено об этом предмете, и, наконец, с добросовестною профессорскою важностью предлагает действительно ученый труд, но с неизбежными промахами, - тогда позволено, тогда должно разбирать его и говорить об нем вслух, потому что каждое дельное замечание пойдет впрок и им при первом случае воспользуются. Где критика есть нечто иное, как шутовская, детская пальба морковью и репой из перышка, или бумажная хлопушка – не говорю уже шуточная лещёдка паяца, - где она уже по примерному расписанию составляет войско неприятельское – там она ни впрок, ни в помощь; но где она стоит в числе войск дружеских, союзных, сражающихся за одно общее дело, там она должна являться на сборное место по первому знаку и идти добросовестно с товарищами своими рука в руку и нога в ногу.

Источники, более сподручные сочинителю карты, как, например, все показания древних, обработаны в труде его, по-видимому, с гораздо большей осмотрительностью и верностью. Сознаваясь в весьма поверхностном знакомстве своем на поприще этом, критик удерживается от всяких суждений. Ясно и убедительно, при всей краткости, изложен взгляд сочинителя на мнения о так называемом старом русле или старице *р. Аму* и о прежнем ее течении. Загадочный предмет этот часто подавал уже повод к догадкам, спорам и рассуждениям и остался, более или менее, загадкой по сегодняшний день. Сочинитель замечаний этих несколько лет тому изложил мнение свое об этом предмете, основанное на тех же почти началах и с теми же почти выводами, хоть и не мог подкрепить их такою основательною ученостью и начитанностью, как г.Циммерман. Скромное мнение это, принадлежащее, как и всякое мнение и личный взгляд, собственно личности человека, который решился изложить его, - было переиначено и искажено в знаменитом ларчике с секретом, о коем в свое время откровенно объявлялось в одном довольно решительном журнале.

Но возвратимся к *Аму-Дарье*. Предание о прежнем впадении ее в *Каспийское море* до того невероятно, что открытые следы старого русла или старицы – если только доказано будет, что она точно идет до самой плотины Аму до Каспийского взморья – скорее приписать можно стоку морских вод Арала в Каспий. Большая часть ученых не сомневается ныне в том, что оба составляли в древности одно, и только впоследствии разделились: при

этом постепенном разделении сток высшего, то есть Арала, в низшее, то есть в Каспий, мог продолжаться десятки лет и оставить глубокую старицу наподобие русла большой реки. Критику было приятно встретить у Циммермана независимое от первого, но сходное с ним мнение.

Возвращаясь еще напоследок опять к карте, должны мы признаться, что заметки на ней по части естественной истории ничтожны, странны и неверны. Этому, кажется, и не место на подобной карте, и дело всегда выйдет бестолково. Если я, например, читаю на юге от Усть-Урта: «Дикие кони, буйволы, лисицы, karbusen, melonen, dynie, gurken, cucumber und Hirse (карбузы, дыни, мелены, огурцы, еще огурцы и просо), то мне трудно догадаться, что кулан (Eg. Hemionus Pall.) водится также верст 700 севернее этой полосы; что здесь диких буйволов нет, хоть каракалпаки и держат иногда ручных и домашних; что собственно в этих местах нашей лисы нет вовсе, а есть севернее корсук (C. korsak Pall.), а южнее – караганка (C. melanotus P.), т.е. два вовсе отличные вида степной лисы; что арбузы (а не карбузы) и дыни растут прекрасно около Оренбурга и даже Омска, десять градусов севернее того, где они показаны на карте, что dynie та же самая дыня, которую сочинитель назвал уже раз melone; что нет никакой причины приписывать Туркменской степи, в особенности, огурцы, cucumber (?) и просо, и прочее, и прочее, - все это из лаконической надписи видеть нельзя, а может она или ввести незнающего в смешные ошибки, или заставить знающего улыбнуться на счет этой неуместной или неудачной немецкой аккуратности, с которою размещены на карте бестолковые и неверные сведения.

Окончательно пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов, относящихся к рассматриваемому нами предмету.

Произношение кайсаков или киргизов, говорящих наречием турецкого языка, отличается не только от турецкого, но и от татарского, употребительного в губернии. Спрашивается: чему придерживаться нам в правописании собственных имен и названий зауральской степи – турецкому ли произношению, местному татарскому, или просто киргизскому? Кажется, тут нечего и спрашивать: должно называть каждое урочище тем именем, какое дано ему жителями, не переименовая, не картавя и не исправляя. Иначе мы не признаем название это, увидев его где-нибудь в другом месте, и не признаем в устах коренного жителя, который по-турецки не знает. Составляя карту Сербии, земли чехов, никому не придет в голову переименовывать названия мест, рек и городов на русский лад под тем предлогом, что русский язык должен быть господствующим, а сербский и чешский – суть наречия языка коренного. А между тем, есть люди – и это опять все тот же знаменитый муж, которые не упускают ни одного случая прогнать волею и неволею сквозь чистилище свое, сквозь знаменитый механический ларец, всякое местное название, каждое собственное имя одного корня с турецким языком и переделать: «*тау*» на «*таг*»; «*джа, дже, джи, джу*» – на «*я, е, и, ю*», окончание «*ты*» на «*лы*»; твердое «*к*» на «*х*», мягкое на «*г*» и прочее и прочее. Рассудите нас, господа, с этим мужем, с этим неумолимым закройщиком: не подает ли чистоплотность его повод к новым недоумениям и путанице? Не придется ли вам переучиваться, приехав на место, если поверите ему на слово и затвердите словарь его, и расспрашивать, и переспрашивать, и заучивать снова каждое имя и название?

Тот же господин, человек очень ученый, знающий, начитанный, – это говорим мы вовсе не в насмешку, а отдаем чистосердечно должному должное, – слишком резко и положительно опровергает и без околичности херит мнения других людей, которые при несравненно меньшей степени учености могут, однако же, иногда также знать хоть что-нибудь, вовсе не тягаясь, впрочем, в сведениях своих с всезнайкою. Итак, похерив то, что сказал подпавший поправке его сотрудник, ориенталист говорит: «*Арал-кул или Арал-дынгиз не может означать островитого моря, потому что в этом случае надобно бы сказать Арал-дынги; да и тогда тут заключалось бы понятие об одном только острове; а наконец, во всех турецких наречиях остров называется не арал, а ада. Настоящее название этого Аралу-дынги, что означает море промежуточное, лежащее между двух больших рек, Сыра и Аму*». Вот смысл речи, слов не помню. Но все это, хоть и гладко на письме,

кочковато на деле, произвольно и несправедливо. В подобных вещах недостаточно фирмана знаменитого ориенталиста, а надобно доказать вещь дельно, не надеясь на то, что мало кто знает по-турецки. Дело в том, что 1) действительно надобно бы говорить *Арал-дынгизы*, но не принято, не говорится; относительное местоимение *и* или *ы* откинуто, как-то встречаем мы во многих других случаях и как сам ориенталист вслед за тем допускает, сказав, что следовало бы говорить *Аралу-дынги*, а между тем народ говорит *Арал*. 2) Единственное число вместо множественного ставится так часто на татарском языке, что ориенталисту и не следовало бы об этом упоминать. Он знает, конечно, что не говорят по-татарски: «Есть ли у вас зайцы, медведи?», а спрашивают: «Заяц есть у вас, медведь есть?» – Впрочем, само значение слова *Арал* объяснить – обстоятельство это еще более. 3) Но самое главное – на здешних наречиях турецкого языка нет турецкого слова *ада*; остров называется *утрау*, а арал значит *земля, суша*, как противоположность воды и моря. Вот почему *Арал-дынги* по всем правилам разговорного языка и по общему понятию туземцев значит: море суши, море земельное, островитое. К этому можно еще прибавить, что самопроизвольное объяснение г. ориенталиста, напротив того, не годится, это и мы, неученые, можем сказать положительно; и не годится, потому что если б «*арал*» или даже, пожалуй, «*аралу*», происходило от «*ара*», между, то «*аралу*» никогда бы не могло означать вещь, лежащую между, но напротив того вещь, в которой есть промежутки. Так, например, *атлы, бурклы, гаклы* означают, будучи составлены по тому же образцу, *человека, у которого есть лошадь, шапка, ум*. Охотно соглашусь с теми, которые скажут: нет большей важности в значении этого слова; но на что пускаться в новые открытия, запутывать и сбивать народ? Зачем вымарывать все, что только говорят другие и замещать своим, важное ли оно, не важное ли?

Мало того, ученый муж выкидывает подобные штуки при каждом и удобном и неудобном случае, кстати и некстати, лишь бы ты ему попался. Острова *Барса-Кильмес* и *Барса-Кайтмас* были им похерены под этим названием и переделаны умышленно, с намерением, в *Бирса-Кильмес* и *Кайтмос* и переведены по-своему: «никто не пойдет», или «никто не придет» – не упомяну теперь. Для чего же сей ученый муж посягнул на жизнь и целостность собственного имени или названия, которое он, без сомнения, переименовать не в силах, а может только разве изуродовать его в столбцах книжки? Для чего не оставил названия эти такими, каковы они есть на самом деле? Для того, чтобы перевести их по-своему, иначе, чем другие люди, менее ученые. Между тем, однако же, острова эти называются по сегодняшней день еще *Барса-Кильмес* и *Барса-Кайтмас*, что значит в верном русском переводе: «если пойдешь, то не воротись»; название это объяснено уже выше.

Статья моя, сравнительно с выходом карты г. Циммермана, запоздалая; она была написана еще весною 1840 года на немецком языке, для несостоявшегося в Дерпте повременного издания. Ныне напечатана она в «*Beitrage*», издаваемые нашей Академией наук, и по желанию издателя «*Отечественных записок*», переложена самим сочинителем на русский язык¹¹¹. Издателю карты незначительные по себе замечания наши будут приятны, в этом можно быть уверенным. Ориенталисту, который, по учености своей, стоит так высоко, что нашему брату к нему и с шестом не приступить, заметки эти нипочем: он не сознается в промахах своих и не исправится. Пусть же, по крайней мере, посмотрят да послушают люди со стороны, авось им впрок пойдет, если у них доброе на уме, и они убедятся в справедливости нашего негодования.

¹¹¹ За что издатель «*Отечественных записок*» и свидетельствует почтенному автору свою душевную благодарность.

ГЛАВА 4

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ПРОЗА МЕН ПОЭЗИЯДАҒЫ ЕСЕНГЕЛДІ ЖӘНЕ БЕКЕЙ БЕЙНЕЛЕРІ

МҰҚАДЕС ЕСЛӘМҒАЛИЕВ

(1946-2004)

ЗЕРЛІ ТОН

ПРОЛОГ ОРНЫНА

Бұл бір надандықтың, мейірімсіздіктің, әділетсіздіктің қалың тұманы әлі серпіле қоймаған кезі-тін.

Бұл бір қазақтың мынау кең сахарасын әділетсіздік кесепатынан жарынан, баласынан айрылып зар еңіреген ана мен жесірлердің жоқтауы күңіреніп тітіркеніп тұрған шақ-ты.

Бұл бүгінгідей «қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған» заманды аңсаған кез-ді.

...Бірақ оған әлі көп бар еді.

Бұл Есенкелді секілді адуын, айлалы алпауыттың зерлі тоның, байлығын ардан да, адамгершіліктен де жоғары ұстап, жыртық үйлі жатақтарға білгенін істеп жүрген қасіретті кундер-тін.

Зерлі тон – оның «қасиетті мүлкі, байлығының берекесі. Осы тон жолында ол айбарлы Сырлыбаймен, Шойқарамен, өз баласы Бекей және келіні Алқоңырмен арпалысты.

Әлқисса, енді көп кісінің көз жасын көл қылған Есенкелді, оның есепсіз байлығы, зерлі тоны жайындағы осы бір хикаяға көз жіберіңіз.

* * *

Бұл қамыстың ішінде ұп еткен жел жок. Қамыстың биіктігі сондай іргесінде тұрып, басына карасаң, бөркінің жерге топ ете түскенін бір-ақ көресің. Арасында ойдым-ойдым кең алқап. Осы арада есепсіз қалың жылқы жатыр.

Көз аштырмайтын түтек бұл арада болмайды, анда-санда жапалақтап қар түседі. Ол да қалың жылқының тұяғына тапталып, лезде қара жерге айналады. Нудың сонау ұшар басында ұп еткен жел тұрса, күнде боран. Бірақ ол да сонау биікте ғана. Жалпы саны белгісіз жер қайысқан жылқының жатқан жері жайлы.

Бұл төңіректің тебін малына қорегі мол. Мұнда өлең шөп қысқа өседі, арагідік балапан құрақ кездеседі. Шөп атаулының дені - бетеге.

Бұл – сонау Жайықтың сол жақ бетіндегі Өлеңті, Шідерті, Қанкөл, Бұлдырты өзендерінің бойын мекен еткен Есенкелдінің жылқысы. Биылғы «қоян жылының» қаһарынан қорқып, қатқақтың кезінде жылқысын осы Нарқамысқа айдатқан.

Нарқамыс – Беріштің жері. Әрине, талай жылдан бері құт мекеніне айналған Нарқамысты Сарбала Есенкелдіге берер ме еді, бермес пе еді: егер өткен жылдан бері өзара құдандалдық қарым-қатынас басталмаса. Сарбала жалғыз баласына Есенкелдінің қызын айттырып, уәде байласқан. Енді, міне, биылғыдай жұт жылы бір-біріне қамқорлық жасап, құтты қоныстарын бөлісіп отыр.

Есенкелді аулы мен бұл араның қашықтығы құн ашық, жер қара кезде салт аттының екі апта жүретін жолы. Оған биылғыдай екі күннің бірінде болатын, көз аштырмайтын боранды қоссақ, есі бүтін адамның тәуекел етіп жолға шығар жері емес.

Есенкелді өзінің «құлағы тесік» құлдарының малын ит-құсқа алдырмай бағатынына сенімді болуынан ба, әлде ессіз боранның есті адамды өз қаһарымен ығыстыруынан ба, әйтеуір, бүкіл қыс бойы екі арада қатынаған тірі жан жоқ.

Тіс қақты жылқышылар осыны алдын ала білсе керек, қыстық жылы киім, шай, құрттарын біркелкі қамти келіпті. Жатса жарғақ құлақтары жастыққа тимей, ендігі

ойлайтындары – айбарлы мырзаларының атын шығарған мынау есепсіз жылқыны аман бағудың қамы.

Бұл өңірдің бір жайсыздығы – бөрінің көптігі, түнді былай қойғанда, шет шыққан құлын-тайларды күндіздің өзінде жарып кетеді. Бөрінің де «жауы» аз емес. Бір-бір жарау мінген жылқышылар ізіне түссе, құтылулары қиян. Әрі әр үйірдің бір-бір арқыраған айғыры тағы бар. Апандай аузын айқара аша, арқырай келіп, алдыңғысына тіс салып, арттағысын қос аяқтай тепкенде, бірде-екілі қасқырыңның өзі ығысып кете береді. Ол аз дегендей осы қастақтың ала мойнақ маң төбеттері де түн бойына жақ жаппай шығады. Өздері құс мойын, аш бел, апай төс, тазылардай жүйрік емес. Бірақ шетінен ірі, азулы. Небір ірі деген арландардың өзі әлгі маң төбеттердің қасында шөміп қалады. Өткен жолы іздеріне түсіп, арттарынан қалмаған екі төбетті төрт бөрінің ала алмағанын қайтерсің. Қас қағым сәтте жан алып, жан беріскен екі төбеттің соңынан өзгелерінің жетіп қалғанын аңғармаған бөрілердің екеуі әрең бас сауғалаған.

Аңға шыққанда, қанжығасына бір қоян байласа, қоқиып қайтатын қазекем емес пе, жылқышылар бұл күнде: «Ауылға бір-бір қасқыр ішік киіп қайтатын болдық», – деп күпілдесіп жүр.

Бұл араға келген бойда олар төңіректі қайта-қайта сүзіп шығып, айналаның ой-шұңқырымен жете таныс боп алған.

Нарқамыс бойы ұзыннан шұбап жатқан бірнеше көштік жер. Оның мидай жазықтыққа ұласатын Жайық бетін таңдап, жылқышылардың қоныс тебуі де тегін еместі. Жылқыны жайып қойып, нудың екі жақ бетінен көбіне сырттай күзетеді. Күндіз осы жазықтықта нуға қарай қыбыр егкеннің бәрі алақандағыдай.

Нарқамыстан әудем ғана жердегі қыратта он шақты үй тұр.

Қараша айында үдере көшіп келген отызға жуық жылқышылардың тұрғызған баспанасы осы. Жартылай жер, жартылай шым. Әр үйдің жанында он-он бес аттық керме ұсталған. Қазір түнгі күзеттен келген он шақты жылқышының аттары шеткі үй жанына байланыпты. Шаңқан боз, торы ала, жирен, ақ бақайлардың бәрі де сыптай жарау. Әрқайсысы жүгендерінің сылдырына елеңдесіп, жиі-жиі пысықырысып, оқыранады.

Жайшылықта мал жайына келгенде, бір-бірінің қасы мен қабағына, ымына түсініп, ыңғайласа кететін жылқышылар бүгін осы шеткі үйге жиналып алып, таңертеңнен бері бір пәтуаға келе алмай, қызыл кеңірдек қызу талас үстінде.

– Сырлыбай қарағым, буынсыз жерге ұрса, болат пышақтың өзі қайырылады. Немен бітері тағы белгісіз осы істі ес бүтін, ел тыныш тұрғанда қойсақ қайтеді, – деді төрде отырған Шойқара кере қарыс мүйіз шақшасын сырмақты етігінің тақасына тақ еткізіп, – қалып.

– Сырлыбайдікі көзсіздік, – деді есік алдында жүресінен отырған Ебейсін ашаң сары жүзінен белгісіз бір үрей байқалып. – Ақбас тай үшін Есенкелді оның да, біздің де маңдайымыздан сипамайды. Мен өзім бұл істен қазірден бастап аулақпын.

– Қесапаты тиеді екен деме. Одан келген бар пәлені мен өзім мойныммен көтерем, – деп Сырлыбай шаңқ етті. Қара торы жүзі түтігіп, алған бетіне бекем бел буғанын танытып отыр.

– «Бас жылқышым» деп басына көтергенде, Ақбас тайды сойып алып, әкеңнің кебін кимесең неғылсын!

Мұны айтқан жас шамасы Сырлыбаймен шамалас деген жылқышы.

– Тарт тілінді! Бұл арада әкемнің ажалын көлденең тартар орның жоқ. Ал бас жылқышылықты үлкен мансап көрсең, қазірден бастап саған бердім. Бірақ сол Ақбасты соямын.

Сырлыбай шарт кетті. Енді оны ешкім тоқтата алмасы хақ. Сөзге Шойқара қайта араласты.

– Сырлыбай, осы жылқы соңында әкеңмен екеуміздің көп жылымыз бірге өтті. Сырлас, сыйлас болдым. Әкеңнің аруағын әлі де сыйлап өтерім хақ. Ебін тауып сойсақ,

басқа да жылқы жетіп жатыр. Байдың өзі ерекше тапсырған тайы еді, себебін сен де, мен де білмейміз, жүрмеген жердің ой-шұңқыры көп, қайтеміз.

Шойқараның сөзін қостап, бірнеше жылқышы шу ете түсті.

– Қайтеміз, сау басты саудаға салып!

– Ел аман, жұрт тынышта басқа бәле тілеп неміз бар.

– Өзі арық. Сол бір жабы тайда не тұр.

– Байдың зерлі тонынан басқа төңірегінде қасиетті не бар дейсің.

– Бой жетіп, оң босағасында отырған сұлу кызының да сақинасы сенде кетіпті дейді ғой, ел білсе...

– Ха-ха-ха!

– Қиқ-қиқ-қиқ!

– Ойбай-ай, ішім-ай! Өлтірді-ау!

Сырлыбайдың суық жүзіне иненің жасуындай жылу жүгірмеді. Қайта жайшылықта әдемі көрінетін сұлу қара мұрты тынымсыз жыбырлап, өңіне сес бере түсті. Жылқышылар сап тыйылды.

– Әмірғали, Ақбасты ұстап әкел! Қарсы болғандарың мырзаға ат шаптырыңдар! Хабаршы жіберіндер! – деді Сырлыбай әмірлі үнмен.

Ешкім тіс жармады. Тек біраз үнсіздіктен кейін Шойқара тіл қатты.

– Жоқ, Сырлыбай, бел шешіп, бір тентек істі қолға алған екенсің. Сені отқа тастап, өзіміз қарап отыра алмаймыз. Не көрсек те, біргеміз. Солай ма, жігіттер?

– Әрине!

– Не дегеніңіз!

– Сырлыбайдан бөлек сақтаған жанды ит жесін!

Әмірғали жақтауда ілулі тұрнан қыл тұзақты алып, лезде шығып кетті. Түнгі күзетте болған жылқышылар қостарына қайтты да, екі-үшеуі есік алдына шығып, бірі қайраққа, бірі белбеулеріне кездіктерін жани бастады.

Қоста Шойқара мен Сырлыбай ғана қалды.

– Әй бала, – деді Шойқара – «Тентектің ақылы түстен кейін енеді» беп жүрмейміз бе?

– Бір нәрсені қайта-қайта гөй-гөйлей беріп қайтеміз, Шөке.

– Ал мен болдым.

Шойқара күпісін жамылып жатып қалды. Өзінің о баста атын қойған әкесі ме екен. Кім қойса да тауып қойған. Шойқара десе, Шойқара. Жасы қазір қырықтың қырқасында. Бітімі – кеспелтек, тым ірі. Құс тұмсық, қара кісі. Шашын тықырлап сыпыртып тастаған. Басы – қыртыс-қыртыс, әрі сом тұлғасына сай ерен үлкен. Тышқанның құлағындай кіп-кішкене құлағы ана бастың екі жағына шыққан сүйелдей ғана көрінер-көрінбес. Даусы жуан, әр сөзі мығым естіледі. Басы жастыққа тиер-тиместен қор ете түсті. Сырлыбайдың да көзі ілінгені сол сияқты еді, Сәлімгерейдің даусынан екеуі де оянып кетті.

– Шөке! Сырлыбай! Шығып кетіңіздерші!

– О, не боп қалды? – деді Шойқара ұйқысын қимай орнынан сүйретіле тұрып жатып.

– Көрген көз, естіген құлақ сенбейтін бір шындық бар. Шығып кетсеңдерші!

Екеуі сыртқа шықты. Сәлімгерей мен Әмірғали Ақбастың терісін сыпырып, жіліктей бөліп, бора-борасын шығарыпты. Ұялас екі ала мойнақ қар үстіне ұйыған жас қанды құмыға қауып жатыр.

– Шөке-ау, о заманда, бұ заман мұндайды кім көрген?!

– Әй, қарағым, соншама не айтпақсың?

– Шөке, нағыз жүйрік жылқының омыртқасында жік болмайды демеуші ме еді.

– Дейді.

– Ендеше мен Ақбастың омыртқасынан жік көре алмай тұрмын.

Сәлімгерей жігін таба алмаған тұтас бел омыртқаны Шойқара соқыр кісідей сипалап біраз тұрды да:

– Астағыпыралла, рас-ай! – деді. – Былқ-сылқ етіп тұратын белдікте сызаттың белгісі жоқ. Бұл не керім. Мойын омыртқасын қарашы!

– Шөке-ау, бұл да солай...

Мойын омыртқа да қолдан-қолға ауысты.

– Пақырың нағыз дүлдүл болғалы тұр екен.

– Менің таң боп тұрғаным – мұны Есенкелді қалай білген, – деді Сәлімгерей.

– Мұны тек құлын күнінде білуге болады.

– Алда ит-ай! Сен бүйтпесең Есенкелді атанып, саған осыншама мал бітер ме еді. Бәсе, жаңа туған құлындардың о жақ, бұ жағынан қарап, желі басынан шықпайтын. Біліп жүр екен ғой итің.

– Көзімізді тырнап ашқаннан бері көргеніміз осы мал. Сөйтіп жүріп жүйріктің сынын біздің білмеуіміз қалай?!

Сырлыбай ләм-мимсіз сырт айналып кетті.

* * *

Кешінде шылқышылардың алдына үйме табак ет келді. Жайшылықта осыншама етке бірде тойып, бірде орта құрсақ боп қалатын бұлардың қолы бүгін батпай қойды. Тек Сәлімгерей мен екі-үш жылқышы ғана сылп- сылп соғып отыр.

Ақбас тай Есенкелдінікі болса да, енді бір үш-төрт жылда жер қайысқан көпшілік алдында: «Аулымыздың аты бәйгеден келді. Оны мен бағып, түгенше баптап еді», – деп, осы отырғандардың мақтанбасына кім кепіл?! Мана Сырлыбайдан қаймықты ма, Ақбастың омыртқасын ұстап көргендер: «Япыр-ай», «Астағыпыралла», – деп таң қалысқан сөзден әріге бармаған. Көбі еттен бір-екі алғаннан кейін: «Арықтау екен, пақырың», – десіп шегініп отырды. Табакқа мандытып қол салмаған Сырлыбайдың да өңі өзгеше.

Бірақ жүзінен әлдебір сыр ұғу қиын. Қиық қара мұртын қайта-қайта шиыршықтап қойып үнсіз отыр.

– Әй, бәрің бірдей неменеге тұнжырап, ет жемей отырсыңдар. Мына қара құрым жылқыдан әлі талай Ақбас туар, – деді Сәлімгерей жап-жалпақ алақаны толы етті қарбыта асап жатып. – Әлде Ақбастың етінің көбін осы жеді ден Есенкелдінің алдына мені тартпақсыңдар ма?

– Қарағым, тәбетің шапса ала берсейші, – деді Шойқара жайымен. – Ал Есенкелдіге берер жауап, тартар құн бәрімізге ортақ қой.

Жылқышылардың алды қолдарының майын етіктерінің қонышына сүртіп, сыртқа шыға бастады.

– Сәке, сіз демалыңыз, орныңызға мен күзетке барып келейін, – деді Сырлыбай Сәлімгерейге.

– Сыржан-ау, мен өзім барам ғой. Түнде де болып келдің күзетте, – деді Сәлімгерей іштей өзі де пәлендей қарсы болмаса да.

– Тусте көз шырымын алғанмын, ұйқым қанып калыпты, алаң болмаңыз, – деп, Сырлыбай киініп сыртқа шықты.

Айдың өліара кезі. Жеңіл тұман түсіп, төңірек ақаяңданып тұр. Кермедегі аттар тоңазып, әлсін-әлсін пысқырынады. Сырлыбай Желмаяның айылын қайта тартып мінді де, желе жөнелді. Мұның соңында арқан бойы жерде екі-үш жылқышы шоқтып келеді. Ұялас екі мойнақ қатарласа шапты.

Жас жігіт бүгінгі ісінің не дұрыстығына, не ағаттығына көз жеткізе алмай іштей дал күйде. Бірауық Ақбастың тағдырына қиянат жасағанына өкінгендей. Ақбастың жазығы не? Шаршы топ алдында оза шауып бәйге алған сәйгүліктің кімдікі екенінде не тұр. Жүйріктің шабысы - бүкіл бір тайпа ауылдың намысы. Азаннан мал үнімен оянып, кешінде сол малдың күрт-күрт күйсегенін тыңдап жатып ұйқыға көз ілетін бұ қазекем

жүйріктің қасиетін оқшау қояды. Ендеше Ақбас тағдыры Есенкелдінің жүрегіне шемең боп қатары хақ. Оның кегін мұның немен өтеуін сұрағы тағы белгісіз.

Сырлыбайдың әкесі Жаманқара Есенкелдімен түйдей құрдас-ты. Бүкіл өмірін оның жылқысының соңында өткізді. Ақыры, өткен жазда, өмірі басына құрық тимеген бесті асау айғырды «устай алмадың» деп ашуланған Есенкелді Жаманқараны сегіз өрме қамшымен бір тартты. Ұшына қорғасын салып өрілген қамшы не қойсын. Әкесінің қарақұсы опырылып, үш күннен соң жарық дүниемен қош айтысты. Жас жігіт әке қазасына қатты қайғырды. Жиналғандар әкесін жерлеп болып тарқаған соң, бұл қабір басында жалғыз қалды. Журт алдында көзінен тамшы жас шықпаған мұның оңаша қалған сәтте көңілі бордай үгіліп жүре берді. Өкіріп кеп жылады. Жаманқараның балаларының үлкені – Сырлыбай, өзгесі әлі тым жас-ты. Жылай-жылай бойы дел-сал боп шаршаған Сырлыбай қабір басында тұрып «Әке жер басып жүрсем, Есенкелдіні сенің әулетің алдында сан қайтара бас идіремін! Тек сенші маған! Осыны істемесем, қазаның жауабында артымда ұл қалды демей-ақ қой!» – деп сызды топыраққа маңдайын басып ұзақ жатты.

Жаманқараның жетісі берілген күні Есенкелді бұған келіп: «Ер шекіспей, бекіспейді» деген. Шекісу үстінде қолым жаза тиді. Сырлыбай, ат жалын тартып мінер кезден өзің де жылқымды бағысып келесің, әкеңнің орнына бас жылқышым бол! – деді. Көкірегін де, көзін де кек қаны жапқан Сырлыбай үндемеді. «Ер шекіспей бекіспейді» дедің бе, ендеше шекісіп көрелік». Көкірегінде мірдің оғындай кек сөзі атылуға шақ тұрды.

Манағы жылқышылардың: «Байдың бой жетіп, оң босағасында отырған сұлу қызы...» деген әзілі де шындық. Кек болып, кеудеде күндей күркіреген жай оғының бір ұшқыны сол қызға тиген.

Ауыл жастары жаздың мақпал түніне ынтық. Мүмкін олардың бір-біріне деген іңкәр көңілдерін кезіктіріп, бұл жалғандағы ыстық махаббат сезімдерін мойындаттыратын да осы сәт шығар. «Ақсүйек», «Алтыбақан» сияқты сан түрлі ойындардың өзін осы түнге қалдыруында бір сыр бар-ау. Өз-өзінен жел тұрғызып, өрттей жайыла кететін пыш-пыш сөз тыңдап, жарғақ құлағы жастыққа тимей жүретін «сақ құлақтардан» да, ақ көңілдің өзінен кір көрмек боп аңдыған ұры жанарлардан да бір сәтке қаға беріс сақтайтын сол түнге жастар қашанда асығұлы.

Жүрегі алау, сезімі шәрбат жастардың ынтығұлы түнінің бірі еді. Төңірек – желсіз, тылсым. Айсыз аспандағы жұлдыз атаулы жердегі «алтыбақан» деген ойынның қызығына тәнті болғандай, әлсіз жымындасады. Алтыбақан басында ауылдың әнші жігіті Әшім мен Есенкелдінің сұлу қызы Жансая. Беу, шіркін, кімде-кім ән айтса, осылардай-ақ. шырқасыншы!

*Жүректен қозғайын,
Әдептен озбайын.
Өзі де білмей ме,
Көп сөйлеп созбайын.*¹¹²

¹¹² Строки из песни Абая «Ты – зрачок моих глаз» («Көзімнің қарасы»):

Весь в слезах я брожу

И тоской исхожу,

Жемчуг слов дорогих

Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши

Говорю от души,

Иль самой невдомёк!

Дивный день предреши. (Пер. – М.Петровых. Включ. – Г.У.)

Төмендегі қалың топтың шет жағында тұрған Сырлыбай ғана үнсіз, думанды қызыққа сырттай қарайды, әсем әнге де селт етпейді. Егер мына қараңғылық тұмшаламаса, жанында тұрғандар осы сәтте көзінен бұлыңғыр тұманды көрер еді. Әкесінің қырқын жақында ғана берген жас жігіттің көкірегінде мәңгі тарқамайтындай бұлқан-талқан тентек шешім жатқан.

Ән бітті. Жансая жерге түсті де, Әшім алтыбақанда қалды. Жастар алтыбақан кезегіне таласып жатыр. Жансая шеттеп шыға берген, оған Зибә ілесті.

– Мен қазір келем. Барсайшы, ана Әшім алтыбақаннан түспегенде сені емей мені күтіп тұр деймісің, – деді Жансая құрбысына сыбыр етіп. – Жаңа ән айтып тұрғанда да жерден сені іздеп, екі көзі төрт болды.

– Әй, Жансая-ай, ал қалдым, бірақ мен оған сен құсап қосылып ән айта алсам жақсы, – деп Зибә сыңғыр ете күліп, кейін қалып қойды.

Ақ көйлегінің етегі көлбеңдеп Жансая ұзап барады. Оның соңынан ілескен Сырлыбай да ешкім аңғармады. Біраз ұзаған соң бұл дыбыс берді.

– Жансая!

Даусы ақырын болса да, қатқыл шықты. Қыз ыршып түсті.

– Бул кім?

– Мен Сырлыбаймын. Шошыма! – деді батыл үнмен. – Аңдыған алады. Аңдығаным – жаның емес, осы кезге дейін сақтағаның.

– Ағажан, андитындай не жазығым бар? – деді қыз дірілдеп.

Сырлыбай қыз қолынан ұстай алды.

– Бейкүнә күйімдемін, наныңыз!

– Сонау Беріштегі өңің түгіл түсінде көрмеген басы-байлыңның саған бес бересі болмаса, алты аласы жоқ. Ал менің сенен сұрау есем бар.

– Қандай есе? Жіберіңіз!

– Оны өзің де білуге тиіссің.

– Түсіндім. Әкеніздің сұрау ғой. Арыстай азаматтың құның әйелдің етегімен өтеу жігіттігіңізге жараса ма, ағатай?

– О, ақылдым! Сенің осындай ақылың болмаса, мен сенен айшылық жер алыс жүрер ем ғой. Лайым, қайтарар кегімнің басы осы болсын.

– Жіберіңіз, айқалаймын!

– Жоқ, айқалай алмасың.

Қарулы жігіттің қимылына қылдырықтай талдырмаш қыз жөнді қарсылық көрсете алмады. Әп-сәтте бүркіттің болат тырнағына іліккен көжектей бүрісті де қалды. Бір-екі рет айқайламақ боп еді, жігіт орамалымен аузын басты. Қыз өз жасына өзі тұншықты. Үнемі ашық жүретін мұның омырауын сона талаған сәуіріктің сауырындай етіп тырнап тастады.

Демдік қана уақытта дегеніне жетіп, енді жөнеле бермек болған мұның мойнына қыз қолын салды. Ағыл-тегіл өксіп жатып:

– Күнәсыз тәнімді өзіңіз көрдіңіз. Енді уәдеңізді беріңіз. Жазмыштың бұйрығы болар. Мына қорланған күйімде тастап кете көрмеңіз. Мен енді біржола сіздікімін, – деді.

Өлі күнге қызға жақын келіп, әзіл жарастырып көрмеген жас жігіт осы сәттің сиқырына мас-тын. Жансаяның мына сөзі бойына ыстық қан боп тарағандай. Тіпті өзінің осы кезге дейін жаулық ниетпен келгенін де ұмытып, өмір бойы ғашық болған жанына енді кезіккендей, қыздың жас толы көзінен, қып-қызыл ернінен сүйе берді, сүйе берді. Осылай үздіге сүйіп жатып:

– Аспанды алақандай, жерді тебіңгідей етіп әкең тұрғанда, мен сияқты құлына қызын тіріде бере ме тегіндікпен, – деді.

Жансая әлдене демекші еді, осы кезде Зибаның даусы дәл қастарынан шықты.

– Жансая, қайда жоғалдың?!

Бұл асығыс жөнөп, қараңғылыққа сүңгіді.

Сол күннің таңертеңгі жарық сәулесі мұның түндегі аяқ астынан лап еткен жалын сезімін де сөндіре салғандай. Қайтып Жансаяға жолықпады. «Кек!» «Кек!» деген бір ауыз сөз көкіректе атой салып қайта шыға келді. Тек Жаңсаяның сол түні көз жасын көл ғып тұрып айтқан сөзі көңілінде жатталып қалғандай, жиі-жиі ойына орала берді.

Оған неге тиісті? Есенкелдіден қайтарар кектің басқа да жолы толып жатқан жоқ па? Періштедей көңілі ақ сәулелі қызда несі бар еді? Тіпті өзін алпауыт Есенкелді мен тіршілікте ұйқыдан басқа қайғысы жоқ. Асылдан туды десе нанғысыз. Барша ауыл адамдары: «Өзіміздің қызымыз Жансаядай-ақ болса», – деп іштей қызғаныш жасап тұрмаушы ма еді. Ер жігіт аңсаған асыл жар сондай-ақ болсын.

Жансаямен екеуінің арасындағы уақиғадан Есенкелді, әрине, бейхабар...

...Шіркін. Ақбас болайын деп-ақ тұр екен. Оның сойылғанын Есенкелді қара орманын жау шапқаннан кем көрмес.

Осындай шегі жоқ, түйіні табылмас ой үстінде шеттегі бір үйірді айнала беріп еді, жылқының екінші жағынан қиқу естілді.

– Аттан! Аттан! Айтақ!.. Ақтөс! Актабан! Аққұс! Айт! Айт!

«Тағы да қасқыр тиді-ау, сірә».

Сырлыбай Желмаяның басын қиқу шыққан жаққа бұрып, бауырына қамшы салды.

Ала мойнақ мұның алдында құрық тастам жерде барады.

* * *

Тамыз айы. Мұншама дүйім көпшілік қайдан жиналған? Қалың топ ақ сақал, қара сақалдардың қақ ортасында Есенкелді көңілі сырбаз, маңғаз тұр. Өзін де осынау топтың ішіндегі кекселерінің, келістілерінің бірімін деп танытқысы келгені ме, қаба қара сақалын жап-жалпақ алақанымен тараштап, мұртын әлсін-әлсін ширатып қояды. Жанындағылардың ішінде бұған ебелек қаға елпектейтіндер де, «қай жағынан да өзіңмен терезем тең» дегендей кеудесін паң, шалқақ ұстайтындар да баршылық. «Япыр-ай, – дейді бұл ішінен, – Дәуқара марқұм тірлігінде аяқ жетер жерге атын шығартып, тәнті қылып-ақ кеткені ме?» Бұл оны тірі кезінде байлығы үшін ғана, қолына не бір жел ілеспес жүйрікті ұстағаны үшін ғана сыйлап жүріпті. Шіркін, тірі кезінде бәйгенің алдын бермес жүйрікті иемденіп өтті-ау. Ал шаршы топ алдындағы көсемдігін бұл бүгін оның жылына жиналған мына жұрттың дүмпуімен ғана амалсыз мойындағандай. Мұның ойынша ердің аты сәтке ғана шығады. Сосын татар дәмің таусылып, көзіңе топырақ құйылған күні-ақ, кеше ғана сенің аузыңа қарап тәнті болған, атыңды жер-көкке сыйғызбай мадақтаған қалың тобыр: «Е сондай да бір адам өтті де кетті», - деп мүмкін бірер жерде ат үсті еске алып айта салар. Мына тобыр сол Дәуқараның тірлігіндегі әулеті меп сәулеті үшін келді деймісің. Жок, бұлар анау күндіз-түні көтеріліп жатқан тай қазандағы мол дәмнен ішіп-жеп, тірліктегі өз аттарын танытып кету үшін ғана келгендер. «Өлі арыстаннан тірі тышқан артық».

Міне, бүгін мұның да аты айдай әлемге танылмасына кім кепіл. Алла оңарса, мұның атын шығаратын Ақбас болмақ. Енді бір-екі бие сауым уақытта Қанкөлден жіберілген бәйге жүйріктер келеді. Көпшіліктің көңілі де сол бәйге аттары келетін Қанкөл жаққа біржола ауған. «Дес бере көр, жасаған ием! Ақ маңдайың жарқ етіп, сонау белдеуден қашан көрінер екенсің», – дейді ішінен.

Ақбасқа көпшіліктің назары ерекше ауған. Атбегілердің көбі – қызылкөз. Есенкелді содан қорқады. Осы асқа келген бойда Ақбасты бірден неге жабулап алмады екен. Ақбастың сыртқы жабы кейпіне қарап, ешкім назар аудармас деген. Атбегіден ит адам болсайшы. Ақбастың есек құсаған күйкі көрінісінен не танығанын кім білсін. Әлгі қызылкөздер оның тастаған тезегіне дейін қарап жағасын ұстап, таң қалады деп бұл ойламапты. Атбегімін дегендердің көбі «көзді» келеді. Жасаған ием, солардың «көзінен» сақтасын да. Есенкелді Есенкелді болғалы, мыңғыратып жылқы айдағалы, маңдайына біткен жалғыз жел құйрығы екен. Ендеше оны оң періште неге қолдамасқа.

Ақбастан бұрынғы үміт еткен Сартаңдақ осыдан екі жыл бұрын үш жүздің басы косылған үлкен жиында «Бәйге тоғыздың» біріне шақ ілікті. Сұлулығына болмаса, сол бар болғырға атбегілер жөнді көз сүріндірмеп еді ау. Бәйгеден кейін әлдекімдер бір-біріне: «Есенкелді есек баққанына мәз», – деп табаламады ма екен? Табалаған шығар. Өйткені бұл өзін-өзі дәл осылай табалады.

Іш құса болған сол жылдардың кірі бүгін жуылар ма? Оған мұның күдігі жоқ сияқты. Тек сол сәтті, Ақбастың өзге аттардан оқ бойы озық келуін күтіп алу – төзім жетпейтін ұзақ уақыт боп тұр. Өне, белдеу астынан жеке шапқан жалғыз аттың шаңы көзге шалынды.

– Аттар келеді!

– Әй, бір алла, өзің оңғар!

– Ақсарбас, пірім, қолдай көр!

Ат қосқандар алдарынан шықпақ боп дүрлікті. Өне, анау Ақбас! Алда, пырағым-ай! Бәйгеге жалғыз кеткендей-ақ дара келеді.

– Әкел, Сартаңдақты! – деді бұл ат жетектеп жүрген қосшы балаға.

... Қап, әттеген-ай. Мұның бәрі түс екен.

– Мырза, мырзеке, жылқы келеді, – деген әлдекімнің даусынан оянып кетті.

Мұның тәтті түсін бұзып, ұйқысынан оятқан жалшысы Қайрақ екен.

– Мырза, жылқы келеді, – деді мұның төсектен басын кенет жұлқи тұрғанынан сескене, міңгірлей сөйлеп.

– Жоғал! Көзіме көрінбей!

Қайрақ есікке дейін шегіншектеп барды да, зып беріп шығып кетті. Мезгілдің сәске түс болып қалғанын бұл есік ашылғанда аңғарды. Әйтпесе түндігі жабық үйдің боз ала жарығынан мезгілдің қай кез екенін ажырату қиын. Қасында жатқан жас тоқалының да тұрып кеткеніне көп болмаса керек, орны жып-жылы. Шалқасынан қайта жата кеткен Есенкелді: «Әлгі Ақбастың бәйгеден үздік келе жатқанын анық көрдім-ау», – деді. Шынында, жазда Дәуқара шешеннің жылы берілді. Бірақ Ақбас биыл бәйгеге қосуға келмейді, ең болмағанда құнан шықпаған жылқының тауын қайтарып, орынсыз қинаудың не жөні бар. Өзінің есек құсаған сипаты қандай келіссіз. Құлын күнінде тап сондай келеңсіз сияқты емес еді. Әлде өсе келе солай болар ма. Әй, бірақ жүйрік жылқының сырты сипатсыз келеді. Ақан серінің Құлагерінің де келісіп тұрған ұсқыны жоқ екенін өз көзімен көрген жоқ па? Неде болса, аман болып, тұяқтыға шаң ілестірмейтін жүйрік шықса, сипатында не тұр. Ат жүйріктігімен сұлу. Қазір өзі қандай болды екен? Ақбастан мұның үлкен үміт ететінін өзінен басқа тірі жан білмейді. Күндіз түгіл, түн ұйқысында түсіне есепсіз мыңғырған жылқысы еніп шығатын мұның мал атаулыға көзі қырағы. Ақбастың ерекшелігін бұл желіге байлаған кезінен таныды.

Жылқы малы ұйқыға сергек. Өрине, таң алды тұяқты атаулының бәрі де бір сәтке мызғиды. Ал Ақбасты қанша түн қадағалады. Мызғыған сәтін көре алмай аң-таң болды. Түннің қай мезгілінде шығып, желіге барса да, өзге құлындар таң салқынынан бұйығып, бір-біріне тығылып, мызғып жатқанда, бұл кішкене қамыс құлағын қайшылап, төрт аяғынан тең басып елеңдеп тұрғаны. Өзге құлындар жанына адам жолап кетсе, құйрықтарын тік шаншып, лаға жөнеледі. Ақбас тумысынан кісіге үйірсек. Мақпал тұмсығымен қойны-қоншыңнан әлдене іздегендей тіміскілеп, қасыңнан шықпай қояды. Бұл түп жамылып келіп, Ақбастың он екі мүшесін түгел ұстап, ұзақ қадағалайды. Саусақтың ұшымен басқанда солқ- солқ етіп тұратын құлын белі өзгеше. Мойны да өзге құлындардікі сияқты қаз мойынданып, иіліп тұрмайды. Нағыз елік мойын. Өз сырын ішке бүккен бұл - тіл көзге ұшырай ма деген оймен Нарқамысқа көп жылқымен бірге айдатып жіберген. Жылқышылар тани тани қалған күнде де іштерінде көзі тіетін қызылкөздері жоқ-ты. Тек ит-құстан аман жүрсе болды. Биылғы қыс ерен қатты болды. Бұлар алты ай қыс бойы жылқышылармен хабарласа алмаған. Әлгі түсіне разы ма, әлде жылқы келе жатыр деген құанышты хабарға

масаттанды ма, бұдан әрі шалжиып жата беруді ыңғайсыз көрген мырза тез киініп, сыртқа шықты. Бұл қатты зекіргенмен Қайрақ айналшықтап есік алдында жүр екен.

– Әй, не дедің? Жылқылар келе жатыр дедің бе?

Мырзасының қалың қабағы жадыраңқы екенін көрген ол бұған жақындай түсті.

– Иә, мырза, Көптілеу келген жаңа. «Жылқышылар күншілік жерге келді», – деп сол айтты. Оларға жолдан кездесіпті.

Есенкелді бұдан үш апта бұрын жер дегдіп, салт атты жүрер халге жеткен кезде жылқышыларға: «Енді қайтсын», – деп Көптілеуден хабар жіберген.

– Жылқы тегіс аман ба екен?

– Аман. Бес-алты тай-жабағыға қасқыр тигені болмаса, қалғаны мұздай аман көрінеді.

– Е, бес-алты тай-жабағы мал мен жан садағасы.

Есенкелді: «Ақбас аман ба екен?» – деп қала жаздады, онысынан өзі шошып кетті. Әзірге Ақбастың атын сырт құлақтан құпия ұстағаны жөн.

Осы кезде жас тоқалы Әсия келіп, түндікті ашып, шай әзірледі. Шай ішіп болып, кесесін төңкерген Есенкелді:

– Сандықтан оқалы тонымды әперші, қатын, – деді.

Әсия ерекше бір салтанатта ғана киетін оқалы тонын мұның неге сұрап отырғанына таң қалған кейіппен аз тұрды да:

– Оны қайтесің, мырзам, – деді.

Жайшылықта бір өзіне қарсы сұрақ қойғанын жақтырмай қайтарып тастайтын Есенкелдінің осы жас, сұлу тоқалына ілтипаты ерекше болатын.

– Әй, бар болғырды тіршілігімде кимегенде, сандықта шірітем бе? Мынадай жұт жылы жылқымның бірі шетінемей аман оралса, о да той емес пе?

Әсия үлкен сандықты ашып, зерлі тонды мұның алдына тастады.

Зерлі тон – Есенкелдінің арғы аталарынан қалған қасиетті мүлік. Сол атадан атаға мирас болып келген осы тонның қанша киілгені беймәлім бола тұра, әлі иі сынбаған күйінде. Қарыс жарымдай жалпақ жағасы – құндыз. Түймелерінің бәрі – алтын. Бір сүйемдей етіп, сыртына қайрылған жеңіне аса шеберлікпен күмістей оймыштап зер жүргізген. Сырты тегіс қара мақпал. Қолдан келген әлеміштің бәрін жасаған осы тонның ненің терісінен тігілгенін Есенкелдінің өзі білмейді. Әкесінің: «Аталарымыз батыр деседі. Еш қару алмай, жалаң қолмен барып, аю соғып алған кездері болған. Мына тон сол аюдың терісінен тігілген болу керек», – деген сөзі есінде. Бірақ ол да долбар ғана.

Итемгеннен қалған қасиетті мұра – оқалы тон мен ұзындығы жарты кез күміс қанжар. Тонның ені бір қарыс, ұзындығы құлаш жарым зерлі белбеуіне қанжар еркін сыярлық қын бірге тігілген. Бұл, сірә, тонды кигенде қанжарды да қалдырмасын деген оймен тігілсе керек. Есенкелді де аталарының дәстүрін бұзбай, қанжарды тонмен бірге сақтайды. Барлық байлық, береке дарытып тұрған осы екі қасиетті зат деп біледі. Ерекше үлкен жиын-той болмаса, тонды үстіне сұқпайды. Қапсағай денелі Есенкелдіге бұл тон өлшеп тіккендей қонымды-ақ. Осындай шеберлікпен, қымбат зер жүргізіп тігілген сәнді тонды ат аяғы жетер жердің бірде-бір мырзасының үстінен кездестірмегеніне Есенкелді іштей мақтанып жүреді. Әрі сол тонды көргендердің: «Аталарың да кезінде болып өткен адам ғой», – деуі мұны аспанның бір қабатынан әрі асыра көтеріп тастайды.

Тонын киіп сыртқа шықты. Есік алдында Сартаңдақ ерттеулі әзір тұр екен. Асықпай айылын қайта тартты да, атқа қонды.

Қар тегіс кеткенмен, кей жер ат шашасына дейін балшық боп кетеді. Шөп атаулыдан қарабас қана жаңа-жаңа бұр атыпты. Бұлар – екі аттылы. Қасындағысы – Қайрақ көк дөненін тебініп қойып, ит бүлкілмен Сартаңдақтың өнімді аяңына шақ ілесіп келеді.

Есенкелді жылқы алдынан ертең қарсылай шықпақ. Бүгінгі ойы - жақында туатын биелерді бөлектеп бағарлық қолайлы жайылымды таңдап қою.

Жол үсті бұлар бір-біріне ләм-мим тіл қатқан жоқ. Шідерті бойын жағалап аралап шыққан бұлар өзеннің аңғарлы тұсына келіп тізгін тежеді.

– Осы төңірек буаз бөлек бағуға ыңғайлы сияқты ма қалай? – деді Есенкелді Қайраққа жүзін бұрмаған күйі, ат үстінде тұрып.

– Біз аралаған жердің ішінде осы арадан оттысы болмас. Мырза, Текенің жолымен осылай қарай бір суыт жүргіншілер келеді.

– Біздің жактың кісілеріне ұқсамайды. Күймеге үш ат жеккен бе?

– Солай сияқты. Ояз келмеуші ме еді?

– Ит білсін бе.

Үш ақ боз жеккен сәнді күйме лезде бұларға таяп қалды.

– Жоқ, бұл ояз болмады. Ояздың қасында кемі екі-үш салт атты қосшылары жүруші еді, – деп Қайрақ жорамал жасағанша, күйме де бұлардың жанына кеп тоқтады.

Күймеде көшірден басқа екі-ақ кісі бар. Бірі ортадан сәл жоғары бойлы, ерен толық орыс. Киімі аса сәнді. «Сірә, орыстың мықты мырзаларының бірі болар», – деп ойлады. Есенкелді ішінен. Қасындағысы ықшам, әрі үйлесімді киінген, жасы отызға енді ғана не жетіп, не жетпей жүрген, кішкене бойлы, талдырмаш қазақ жігіті.

Күйме тоқтасымен әлгі қазақ жігіті жерге қарғып түсті де, қасындағы мырзасы есіктен жартылай кеудесін шығарған күйі отырып қалды.

– Ассалаумағалайкүм, Есақа, – деп жас жігіт жерге түскен бойда мұнымен де, Қайрақпен де қол алысып амандасты.

Есенкелді бұл жігітті танымады.

– Есақа, ауыл-ел, мал-жан аман ба? – деп жұп-жұмсақ даусымен жігіт іші бауырына кіріп барады.

– Шүкір, – деді Есенкелді аузының ұшымен.

– Есақа, танымадыңыз ғой, әрине, қазақтар «ат сатқандай ғана таныс едік» дейтін бе еді. Шынында, біз бір-бірімізбен ат сатқандай ғана таныспыз. Есіңізде ме, өткен жазда сіз Текеге апарып жылқы сатқанда, бір қара жорғаңызды сатып алғаным.

– Есімде қалмапты, – деді Есенкелді салқын ғана. – Қасындағы орысың кім?

– Е, бұл Текедегі атақты мырза Карпов қой. Естіген боларсыз. Текеде бұдан асқан бай адам жоқ. Қазір сол Текеден зәулім биік үй салдырып жатыр.

Есенкелдінің Карпов туралы естуі бар. Мына жігіт ет-түссіз мақтаса, мақтағандай байлығы бар сияқты.

– Е, жол болсын! Мына көк көз «здраствиін» қимай тұр ма екен?

– Ойбай, Есақа, бұл мырза аздап қазақша түсінеді.

– Е, түсінсе, мейлі, енесін ұрғаным қанша.

Осы кезде жігіт орыс мырзасына бірдеңелерді асығыс айтып жеткізіп еді. Өліктей бозарып отырған мырзаның күлкі үйіріліп, үлкен көкшіл көздері ойнақшып шыға келді.

– Е, е, бай мен сен білет. Сен ат қанша? – деді.

– Оны мен санады деймісің? Немене, ат сатып алайын деп пе едің?

Карпов түсінбеген кейіппен тілмашқа қарады. Тілмаш түсіндіргеннен кейін.

– Ну скажи, қанша сенде ат? – деді тақымдап.

– Мен жылқымды санап көрген емеспін. Шілде кезінде шөлдеп келген жылқы су ішіп шыққанда, мына «Шідертінің» арнасы бір сүйем төмен түседі. Қанша екенін есепке жүйрік болсаң, өзің санай бер.

Тілмаш түсіндірді. Карпов таңдайын қағып, таңдаған кейіппен:

– Ақша бар? Ақша көп? – деді.

– Жоқ, ақшам жоқ.

Карпов әлдене деп өз тілінде сөйлеп еді, тілмаштың күлкісі келіссіз екен, аяқ астынан көлбақадай қырқылдады да қалды.

– Әй, анауың не деп тұр?

– Сізді сіңірі шыққан кедей екен дейді. Жылқы байлық емес, бір-екі базарлық қана тері ғой дейді, – деді тілмаш күлкісін әрең басып.

– Әй, бұл кәпір жылқының сатсаң – ақша, жексең – көлік екенін, еті мен қымызының балға бергісіз екенін біледі деймісің.

– Есақа, өкпелемеңіз, әзіл сөз. Біз мына Жымпитыға асығыс шаруамен бара жатыр едік. Қайтарда жол түссе, соғармыз, – деді тілмаш күймеге мініп жатып.

Өз сөзіне өзі разы болғандай, мәз күйде отырған Карпов аттар қозғала бергенде, Есенкелдіге:

– До свидания, мырза, – деді дауыстап.

– Артына құм!

Есенкелді ызалы күйде орыс мырзаның артынан бір боқтықты ытқытып жіберді.

* * *

Кіші бесін. Бұлтсыз аспан мен тұнық ауада бусанған жердің селдір буы баяу қалқиды.

Ақтылы-қаралы, торы ала, жирен, шаңқан боз, құла түсті құлынды бие, тай-жабағы, байтал, жабылар мен арқыраған үйір басы айғырлар желді күнгі толқыған теңіз бетіндей ағылып өтіп жатыр, өтіп жатыр. Енесінен сәл сәтке көз жазған құлындардың қоңыраудай жіңішке дауыспен кісінегендері, сақа биелердің тынымсыз оқыранғандары, айғырлардың өзге үйірлерге көз тігіп, үйір басымен тынымсыз тайталаса майдандасуы бір-біріне ұласып, ертеңгілікте ғана көктемнің мақпал лебіне манаурап, тып-тыныш бусанып жатқан мына далаға өзгеше тіршілік үнін әкелді.

Есенкелді көңілі нарт-ты. Мына алдындағы мың-сан жылқының азан-қазан шуы мен дүбірі қашаннан бері көзін қызықтырып, мерейін тасытқан тоятсыз көрініс. Қыс бойы осы жылқының базарлы қызығын көре алмай көзі талып, ен далада қалғандай құлазып шықпап па еді.

Айналасы тай шаптырымдай биік төбенің басында қалың жылқыны көз алдынан өткізіп, көңілі шалқып тұрған Есенкелді Қайраққа:

– Бар тез! Сырлыбайды шақыр! – деді.

– Мақұл, мырза!

Қайрақ мырзасының қасынан құтылғанша асығып, шолақ дөненін тебініп, төмен қарай шаба жөнелді.

Бұл төменде ағылып өтіп жатқан жылқы ішінен Ақбасты көре алмай алағызулы. «Танымай өткізіп алуым да ықтимал. Әсіресе, жылқы малы көз алдында өспесе, құлын күніндегісі мен тай кезіндегісін әрдайым жазбай тани бермеуің де мүмкін-ау. Бірақ бұл Ақбастың қара жал жирен енесін жазбай тануға тиісті. Жаңағы бір өткен сол жирен бие болса, Ақбас қайда? Жылқы атаулы дөнен, құнан шыққанша енесіне еріп жүре беруші еді Әй, неде болса, басқамен шатыстырған болармын...»

Қалың жылқының екі бүйірінен қатарласа шауып өтіп бара жатқан жылқышыларды бұл танып тұр. Шойқара, Әмірғали, Сәлімгерей, Ебейсін – бәрі де мұны әлде байқамаған, әлде танымаған кейіпте өтіп кетті. Тек Ақбас пен қара жирен бие және Сырлыбай ғана көзіне түспей тұр. Сірә, жылқының соңғы жағында келе жатса керек.

* * *

Уақыт бәрін ұмыттырады. Ол - сондай сиқырлы, ұры. Көкіректі қарс айырған қайғы, сілтесе нені болмасын қақ бөлетін алмас қылыштай қаһарлы кек – бәрі-бәрі құмға сіңген жылға суындай уақытпен бірге бірте-бірте өз иесінен алыстап, қашқақтай береді. Ұмытылмайыын қайғыны, кешірілмейтін күнәны ұрлайтын – сол уақыт. Бұл – Сырлыбайдың қазіргі тұжырымы. Әке өлімінің қайғысы, мырзаға деген кек күн өткен

сайын, өзіне ешқандай ағын су құймайтын көлдің тартылғанындай жүрегінде көмескілене түседі.

Уақыт жігітті еріксіз бұғаулап, қасиетті сезім алдында осылай бас идірді. Міне, жас жігіт бар төзімі жұқарып, енді онымен бір дидарласуға асығулы. Алты ай қыстың ұзақтығы бір ғұмырға татыды. Мүмкін, тағдырын тәлкек етіп аяққа басқаны үшін ол мұны көшірмес. Жоқ, мұның қазіргі оған деген ыстық ықыласы мен ақ пейілін түсінбеуі мүмкін емес. Тек ақ дидарын бір көрсетіп жолықсыншы. Жүрегінде оған айтар сөзі, ақтарар сыры қыс бойы ұзын-сонар қиссаға айналған. Қыз жүрегі сезімтал. Өзге түсінбесе де, мұның көкірегіне Жансая ғана көз жіберіп көре алады. Бұл оған күмәнсыз. Сол бір қара ниетпен барған түніне өкінді. Қайтып кездеспегеніне, қыз аузында айтылмай қалған соңғы сөзді естімегеніне өкінеді. Осы уақиғаны ауыл-аймақ білгенмен, Есенкелдінің құлағына жетпегені хақ. Онсыз да Ақбастың сойылуы оның шаңырағын қақ ортасына түсіре шауып алып, баласын құл, қатынын күң еткеннен кем түспес.

Қыс бойы шешімін таппай мазалаған осы ой, жылқы соңында келе жатқан мұны қазір де ауылға, асыл арманға айналған Жансаяға жақындаған сайын мазалай түседі.

Әріректен бұған қарай тура шауып келе жатқан біреуді мана көрген. Жақындай келе, Қайрақ екенін таныды.

– Е, е, Сырлыбай қарағым, дені-қарның сау, аман оралдыңдар ма?

– Ассалаумағалайқұм, Қайреке! – Бұлар ат үстінен қол алысты.

– Ие, өздерің сау, мырзаның малы аман оралған екенсіңдер. Жаңа жолда Шөкенді көргем, – деп Қайрақ сыңар танаулап мұрның тартты да, бөркін желкесіне таман ысырды.

– Шүкіршілік, әйтеуір! Ауыл-ел аман ба?

– Аман! Аман! Кеше шешенді көргем, аман-ақ. Іні-қарындастарың да мұздай. «Көкем келеді», – деп қуанысып, шапқылап жүр. Біз сендердің жақындап қалғандарыңды кеше Көптілеуден естігенбіз. Ал, сені мырзекем шақырып жатыр. Өзі әне! Ана төбе үстінде жау қараған батырдай қасқиып тұрған сол.

Екеуі төбеге қарай ат басын бұрды. Қайрақ сөзуар, даурықпа еді. Аузына тыным жоқ, сөйлеп келеді.

– Мұздай аман келе жатқандарыңызды кеше Көптілеуден естідік дедім ғой. Мырза да көңілді. «Биылғыдай жұттан аман шыққаным үшін әр үйдің бір-бір ер баласына тай мінгізем», – деп отыр. Кеше кешке таман ауылдың ақсақалдарына айтып отырғанын өз құлағыммен естідім. Мырзаның қолы да ашық қой. Шірікін, байлық дегенің іріп, төгіліп жатқан соң аясын ба? Жаңағыны айтқанын мен өз құлағыммен естідім, – деп қайталады, бұл сенбей келе жатыр ма дегендей.

– Онысы дұрыс болған екен, – дей салды Сырлыбай салқын ғана.

«Ақбастың сойылғанын естігеннен кейін тай түгіл тышқақ лағын да ұстатпас», – деп келеді іштей.

Қайрақ тағы бір әңгіме ұшығын бастады.

– Мырза жазғы жайлауға көшкесін Берішке қызын ұзатпақ. Өзің білесің ғой, былтыр құда түскенін. Ойбай, сен білмейсің ғой, қызының калыңмалына қанша алғанын. Білмейсің.

Сырлыбай мына сөзге іштей елең етті де, сездірмегісі кеп:

– Қанша мал алатын болды? – деді.

– Ой-бой, білмеймін. Білмеймін, әйтеуір, есебі жоқ. Әрине, қызының жасауының түгел емес екенін білмейді ғой. Сондықтан, не керек, бұлдапты, – деп Қайрақ сөзінің соңын айта алмай кеңк-кеңк күле түсті де, өздерінің мырзаға жақындағанын көріп, жым болды. «Мына ант ұрған да бірдеңе естіп үлгерген-ау». Сырлыбай мырзадан көз алмай келеді. Сартаңдақтың үстінде еңгезердей боп мығым отыр. Үстінде бұрын бір-екі-ақ кигенін көрген оқалы тоны. «Шірікін, осы тон десе, дегендей қасиетті болар. Өзіне жарасымы да тым өзгеше. Жылқысының тұяғы шетінемей жұттан аман шығуы - әрине,

мырза үшін салтанат. Жайшылықта үстіне сұқпайтын оқалы тонды осындайда кимегенде қайтсін. Өйткені, Ақбастың сойылғанынан бейхабар ғой». Сырлыбай осыны ойлап үлгірді. Бұлар төбеге көтеріліп, мырзаға таяды.

– Ассалаумағалайкүм, мырза!

– Әлей болсын. Аман жеттіңдер ме, әйтеуір, – деп мырза атын тебініп, қарсы жүріп кеп, қол ұсынды.

– Шүкір.

– Япыр-ай, аман болсаңдар болды. Қыс ерен болды. Қыс бойы ат ізін сала алмадық, – деді мырза жадыраңқы үнмен.

Сырлыбай Есенкелдінің жүзін бұрын қара сұр, сұсты көретін. Бүгінгі кейпі тым өзгеше. Ат жақты жүзіне қан жүгіріп, қызыл шырайланып, қою мұрты мен дөңгелек қара сақалы сұлуландырып жіберген.

– Ел де аман. Қара жер басып, естерін енді жиып жатқан жайы бар. Сыржан-ау, мен Ақбас тайды көре алмай тұрмын. Аман ба өзі ит-құстан?

Осы бір күткен сәт Сырлыбайды қайта өзгертті. Бұрын Есенкелдінің аяғына жығылып, кешірім өтіруді де ойлаған кездері болған. Қайткенде де мырзасына қарсы келмеуге түйінген. Енді мырзасының қазіргі көңілі толып, көлкіп тұрғанына, тіпті Жансаяны таяуда ұзататындығынан болар, ызасы келді.

– Жоқ, аман емес!

– Не дейсің?!

Есенкелдінің жүзі өзгеріп сала берді. Ең әуелі жаңағы жарастық беріп тұрған жүзіндегі қызыл шырай су бетіндегі жел үрген көбіктей жоғалды. Жағы ұзарып, қара сұрланып, көзі атыздай болып, ойнақшып шыға келді. «Бәсе, мырзекем, әуелден осындай сияқты едің».

– Әй, не деп тұрсың? – деді қайталап, сенейін бе, сенбейін бе деген үнмен.

– Ақбасты сойып жегенбіз.

– О, әкеңнің көрін!... Не үшін, әй, жетім құл?!

Есенкелді зіркілдеп кетті, тұла бойы қалшылдап, бұған жақындай түсті. Сырлыбай: «Енді аянатын ештеңе қалған жоқ», – деген оймен:

– Әкем үшін! Мырза! Әкем өмір бойыт жылқыңның соңында күн кешкенде, бір емес, мың Ақбастық маңдай терінің зая кеткені үшін!

– О, заңғар! Бөлтірікті қанша асырасаң да, тоғайға қарап ұлиды. Ақбас үшін әкең түгіл, өзің түгіл, бүкіл ұрпағыңның құны жетпейтінін сен сорлы білмедің-ау, – Есенкелді бұған қол созым жерге таяп келді. Жүзі адам шошырлық.

Мырзаның белдігіндегі қанжарды Сырлыбай байқамады. Есенкелді атын тебіне бұған жақындай түсті де, сол қолымен мұның жағасына шап берді. «Көп болса ұрар», – деп ойлаған бұл сәл тартынғаны болмаса, еш қарсылық көрсетпеді. Қас қағым сәт. Өлдене жарқ етті де, кіндігі мен көкірегіне дейінгі аралықты от қарып өтті. Ат жалын құшуға да дәрмені жетпеді. Бүгіліп барып, жерге сылқ ете түсті. Созыла түсіп, шалқасынан жатыр. Дүниетің ендігі кескін-келбеті мүлде өзгеше сияқты. Ол өзінің дәрменсіз екенін, Есенкелді сияқты азуы алты қарыс мырзадан кек қайтару мүмкін емес екенін осы сәтте сезгендей.

Демі жетпей барады. «Япыр-ау, айнала неге өлі тыныштық? Мырза мен Қайрақ тас боп қатып қалды ма? Неге үндемейді? Мырзаның мұрты қандай сұлу? Дүние қараңғыланып бара жатқаны несі?»

Зорға дегенде мойнын бұрып, күнге қарады. Бірақ бәрібір төңірек қапастанып барады. «У-у-йй, дүние-ай! Қайтып көрер ме екем жарығыңды?» Қинала созылып барып, соңғы рет тіл қатты. «Жан-са-я!».

Тағы да бір шырақ мезгілсіз өшіп, тағы да бір үміт үзілді.

* * *

Бұл далада не көп - тау-төбе, сай-сала, өзен, қырат көп. Соның көбіне ел өзінше бір-бір атау беріпті. Бірақ бүгінгі көз көріп, құлақ естуге дәт шыдамас уақиғаға куә болған осы төбенің атауы жоқ-тын. Сол күннен бері бұл төбе «Жарма» деп аталады.

* * *

Жайлауға көшісімен Есенкелді Жансаяны ұзатты.

Қызын жақсы көруінен бе, әлде байлығына сай жомарттық көрсеткісі келді ме, әйтеуір, ылғи төбел сойып, төмендегі елді, ылғи жорға сойып, жоғарғы елді түгел шақырды. Ішім-жемнен кім тартынсын, көбі-ақ дастарқан жайылу жиілеген сайын мырзаның байлығын бас-көз жоқ мадақтасады келіп.

Есенкелді мақтау сөзге іштей ісіп-кеуіп отырса да, сырт көзге сырбаз. Тұйық қалпы. Онсыз да діттеген жерімнен шығып отырғанда, сырымды сыртқа шашып нем бар деген есеп. Көзі – тұман, көңілі – мас.

Ал, Жансаяның көкірегі қаяулы. Сырлыбайдың көзі жұмылып бара жатып, мұның атын айтқаны Қайрақ арқылы бүкіл ауылға тараған, Жансаяның өзі де естіген. Әйел зады еркектің қайсарлығын, батылдығын, ерлігін қалайтындығынан ба, бұл Сырлыбайдың сол түнгі «кек алуын» ердің ісіне бағалаған. Жігіт бұл тұралы сол түннен кейін ғана салиқалы сезімге бой ұрса, бұл қыз болып бұрым өрген кезден-ақ араларына қиялға сыймас жарастық күткен. Ақыры Сырлыбай қыршынынан қиялды.

Қыз камықса, алар өші екі көзінде. Жансая да Айыңның да, Күніңнің де жылт еткен жарығы түспейтін ну ішіндегі үмітсіз сенделген жан емес пе? Бар болғаны екі көзі бұлаудай ісіп, өңі түгіл түсінде көрмеген Беріштің бір жігітіне пенде боп кете барды.

– Жансая біздің тұқымдағы жалғыз қыз. Осы кезге дейін ылғи келін түсірумен келіпін. Міне, мен де бүгін қыз ұзатып, өріс кеңітіп отырмын, – дейді Есенкелді көпшілік алдында мардымси сөйлеп.

Бірду-дырду той да өтіп, жұт жылы жайлы мекенін беріп, қалың жылқысын апаттан аман алып қалған құдасына да ырғалып-жырғалып барып қайтты. Жалғыз қызының шерлі күйін сезбеген, көрмеген қалпы. Әйтеуір, бұл бір әулеті асып, дәулеті тасып, қолынан келіп, қоншынан басып жүрген шағы.

Сырлыбайдың қазасы дүйім ауылдың қабырғасын қақыратып еді, қазір пенде атаулы келер күннің қамымен бір сәтке оны да ұмыт қалдырып бара жатқандай.

Әрине, жастар жағы бүгінгісінен гөрі, келер күннің қуанышынан үмітті. Тек Жаманқараны көре қалғандар мен қариялар жағы: «Ей алла, «көп тасқанға бір тосқан» демеуші ме едің, бұл сөзіңнің де жалған болғаны ма?» – дейді өзара екеу-екеу кездесе қалғанда сақалдарын сипай түсіп. Есенкелдінің ел басына туғызған зобалаңының басы бұл емес екенін, әрине, олар жақсы біледі. Тек оның енді нендей сойқан шығарып, кімнің басына қандай қайғы-қасірет уын төте саларын ғана ойлап бас қатырады. Оның осы қылығын көрер құдайдың көзі соқыр, құлағы керең боп қалса, көңілі тасып, кекірігі азып, кердең қаққан бұл байдан кек қайырап ұл туар күнді аңсайтындар да көбейе түсуде.

Жасаған иемнің берейін десе қолы ашық. Бір емес, он Сырлыбайдың басын жұтса да, Есенкелдіден оның құнын сұрар ешкім жоқ. Бұл жалғанда өмір сүрсең – Есенкелдідей-ақ жалпағынан бас.

Көк мауытты далаға көрік берген ақ шаңқан киіз үй. Міне, соның қақ төрінде төрт қабат төсеніш пен мамық жастыққа шалқасынан жатқан Есенкелдінің көңіл-күйі өз бабында. Мархабаты тасып тұрған кез. Кең маңдайын, күні кеше ғана қырғызған жып-жылтыр құйқасын сипап түсіп: «Иә, ал-ла-а, бергеніңе шүкір», – деді. Манадан аяғын сипап отырған тоқалы Әсия селт етті.

– Мырзам, бірдеңе дедің бе?

Есенкелді әлгі сөзді өзінің дауыстап жібергенін енді аңғарды да, бір мысқыл ой келді. «Аталарымыз: «Қойныңдағы қатыныңның да қиялы қияда жатады» деген екен, бұл бейбақ қазір не ойлап отыр екен?» Әлдене айтпақшы еді, кенет есік ашылып, ішке баласы Жасаған мен жиені Қарлыбай кіріп келді. Ұсқындарына караған да, жүрістері суыт. Ит қуғандай танаулары делдиіп, бет-ауыздарын шаң басқан. Таптап кетердей ентелей кірді. Өз алдына барша жұрттың имене кіріп, иіле шығуына үйренген Есенкелді сәтте-ақ түтігіп сала берді.

– Есер немелер, қайда түрсындар! Жау қуып келді ме? Жинандар қамшыларыңды! – деп ақырды сәл басын көтерген күйі.

Жасаған мен Қарлыбайдың ентігі басылып қалды. Әлде біреуді ұрып жіберердей оңтайлай ұстаған қамшыларын да лып еткізіп, етіктерінің қоныштарына сүңгітіп жіберді.

– Әке, – деді лезде мүләйім халге түскен Жасаған. – Әке, Бекей малды шашып болды. Өзіңіз бірдеңе демесеңіз оның өзгені тыңдамайтынын білесіз ғой.

– Тағы айтарың арыз ба? Көр соқыр неме! Содан басқа сенің білерің бар ма!

Әке сөзі Жасағанның намысына тиіп, шаптығып кетті.

– Жок! Дұрыс, бұрыстығын өзіңіз шешіңіз. Мен айтуға тиістімін. Ана Бекей орыс патшасының тұқымымен таққа отырғанына үш жүз жыл толды дей ме, соның тойына ылғи бір түсті алпыс қара ала жорғаны сыйға тартпақшы.

– Әй, не сандалып тұрсын?!

Есенкелді орнынан тұрып отырды. Отты жанары Жасағанның өңменінен өтіп барады.

– Нағашы, Жасағанның айтып тұрғанын мен де өз көзіммен көріп келдім, – деп Қарлыбай сөзге араласты. – Ол ол ма, жылқы ішінен өңкей қара ала жорғаның елу тоғызы табылды. Енді біреуін мына Амансайдағы Асан-Тана Әбусейіттен алып еді. Сол үшін бір үйір жылқыны алдыңғы күні басқа ұрып санап берді. «Мұның не?» – десек: «Мен сұрағанда кедеймін демей астындағы жалғыз атын беріп отыр. Бар ырыздық бір үйір жылқыда тұр ма?» – деп бірімізді бет бақтырмады.

– О, адамнан тұған ит-ай! Көп ішіп, аз ойлайтын есектер-ау, мұны маған кезінде неге айтпадыңдар?

– Үлгергеніміз осы болды.

– Кайда?

– Нені айтасыз?

– Жорғалар қазір қайда?

– Бұрнағы күні Текеге өзі бастап айдап кетті.

– Жоғал! Жоғалыңдар түгел! Қазір жетіндер артынан! Қайырыңдар! – деді мырза зірк-зірк етіп.

– Әке, ол бізді бәрібір тыңдамайды.

– Ә, кімді тыңдамайды? Тыңдамаса, сені тыңдамайды. Мені де тыңдамай ма? Қазір жетіндер. Еті сендердікі, сүйегі менікі. Қарсыласса, ат құйрығына байлап әкеліндер! Ат құйрығына! Түсіндіңдер ме?! Бірақ жылқыны қайтарыңдар! Түсіндіңдер ме?!

– Жер арасы шалғай. Әрі олар Текеге кеше жетті. Үлгерсек, қайтарып көрелік, – деді Қарлыбай сенімсіздеу үнмен.

– Үлгеріндер деп тұрмын ғой мен сендерге!

Жасаған мен Қарлыбай бірінің соңынан бірі бүкшең қағып шығып кетті. Лезде дүсірлете шапқан ат тұяғының дүрсілі шықты да, ұзай берді.

Есенкелді буынсыз адамдай былқ-сылқ етіп отырды да, қайтадан қисая кетті. «О заман-ай! Бұзылып болдың-ау әбден. Өз кіндігінен шыққан неменің кәпіршілдігіне не шара. Елдің көбігі шайқалмаған, діні аман дәурен-ай!»

Қай әке болмасын, өз балаларына сыншы. Баласының болмысына қарап, алдын-ала баға бермейтін әке кемде-кем.

Есенкелді байбішесі Зәурештен кейін екі рет төсек жаңғыртты. Әкесі Итемгеннің мол байлығы арқасында бұла боп өскен бұл, тумаларының: «Синірі шыққан кедей Айтбайдың қызын алдырмаймыз», – дегендерін тыңдамай үйленген. Сонда Айтбайдың тұқымына дарыған бір ғана байлық – серіліктеріне емес, Зәурештің сұлулығына қызыққан. Сүю, күй деп бәлденбай-ақ Зәуреш бірден бәйбішеге лайық салиқалы мінез көрсетті. Арада бес алты жылдың жүзі сырғып өте барды. Тағдырдың жазмышы ма, Зәуреш мұның: «Мен де жұрт қатарлы бала сүйсем», – деген ниетіне «сарандық» жасады. Енді өзінің: «Төсек жаңғыртсам», – деген ойын білдіргенде де, бәйбіше мінезбен көңіл жомарттық танытты.

Екінші әйелі Асыл – текті жердің қызы. Әкесі Зағыпар Итемгенмен дос көңілді, дәулет-сәулет жағынан терезесі тең адам. Дәл бір мұның төсек жаңғыртуын күткендей Зәуреш Асылмен қатарласа құрсақ көтерді. Араға он күн салып екеуі де ұл тапты. Асылдан көрінген ұлға Жасаған, Зәурештен көрінген ұлға Бекей деп ат қойып азан шақырды. Бекейден кейінгі көрінген шараналары үшін Зәурештің «бауыры құтсыз» болды. Ал Жансая – Асылдың Жасағаннан кейінгі перзенті. Жоракелді мен Ақылкелді ат жалын тартып мінер кезге енді-енді жетіп келеді.

Кіші тоқалы Әсиядан көрінген екеу әлі тым жас. Мұның берер бағасы Бекей мен Жасаған, Жоракелді, Ақылкелді төңірегінде.

Бекей тумай кеткір, нағашы жұртының топырағына тартып, жасынан серілікке құмар. Қолында бүктемелі домбыра. Оған «әу» деп ән қосарлық әуестігі болғасын не оңсын. Есенкелдінің ойынша «Әумесер» деп жұрт сондайларды айтады. Ондай кісінің өзіне салсаң, алдына мал бітіп, аузы толып ас ішіп көрген емес. Ол аз десең, әке дәулетіне көзсіз жомарттық жасайтынын қайтерсің. Өз малын жаудан бетер оңды-солды шашу кімге абырой бермек. Өне, адал малың кедейдің қолында, көлденең көк аттының, жолында кетіп жатыр.

Ел бұзылды демей қайтсын? «Балық басынан шіриді» деп бұ күнде алдына мал біткеннің бәрі ең болмаса бір баласын: «Көзі ашылады», – деп орыс мектебіне беруді дәреже көруде. Кейде өзінің ермелігіне іштей ызаланады. Соларға еріп, бұл да Бекейді Орынбордағы төрт кластық орыс мектебіне берді-ау. Енді, міне, жеті атасына біткен байлықты сол кәпірдің патшасы бөліп берген еншісіндей бүгінгісі не? Әлдебір қу кедейдің астындағы мінгені жауыр жорға емес, дүлдүл болса да, оған берген бір үйір жылқының сұрауы қайда?

Жасағанның жөні бөлек. Әкеге ерекше ұнайтын қасиеті – мал жинауға келгенде қолының берекелілігі, бірді екі, екіні егіз ете алатын пысықтығы. Табынға сыймай төл жатса, тосын көз қызыға да, қызғана да қарап, іш құса боп жүрсе – мұның көңілі ток. Есенкелді бұған да шүкіршілік етеді. Ана әулікпе Бекейге бұл қосылатын болса, мұның түйесінде қом, атында жал қалар ма еді. Қайдам!

Жасағанның өресі жетпес биіктен дер кезінде тайқып шығатын қулығы, өнімді іске келгенде өрге салсаң да қайтпайтын өлермендігі әкесінің дара қасиетін қайталайтын төл мінез. Көп нәрсеге көңілі тола бермейтін Есенкелді баласының өзіне ұқсаған бұл мінезі үшін іштей әлденеше қайтара тәубе қылады. Оның әкесіне ұнамайтын бір мінезі – арызқойлығы. Ел білмейтін не бір жымысқы, дүдәмал сөздерге әуес. Өзгені былай қойғанда, Бекеймен екеуінің арасы ит пен мысықтай бірікпей қоюы әке көңілін күпті етуде.

Үш әйелінің арасында шәлкем-шалыс қылық, шалдуарлық, күндестік сезілмейді. Араларында бір шаңырақтың заңдылығына бағынған мойынұсқу бар. Ендеше жатыры бөлек болса да, атасы бір екі бейбаққа не жетпейді? Мүмкін әкеден қалар бай мұраға бір-бірінен іштей қызғаныш жасай ма? Оған да ұқсамайды. Бекей шашпа, қолы орынсыз ашық: жат көзден жаманын жасырып, жақсысын асырып жүрудің орнына Жасағанның осал жерін ұстап, өзгелер алдында Бекейдің масқара етуге тырысатынын қалай түсінерсің. Жасағанның мұраты әке дәулетін, әке атағын одан әрі көтере түсу емес пе?

Барша жұртты қасы мен қабағына қаратып қойған Есенкелдінің екі баласының арасын пәтуаластыруға жарай алмауы өзін сергелдеңге салады. Тіпті Жоракелді мен Ақылкелдінің өзі бөлініп үлгерді. Жоракелді серісымақ ағасына үйір. Бекейдің көлеңкесі тәрізді: қайда жиын, қайда той, екеуін содан ізде.

Ақылкелдіні кішкентайынан Жасаған өзіне бауыр тұтты. Бүкіл болмысы – тұрған Жасаған.

Есенкелді бүгін де ерте жатқанмен, таңның талмау сәтіне дейін осыны ойлап, кірпік ілмеді.

* * *

Бір-бірінің туыстық қадірін енші бөліп, өз алдына отау болғасын түсінер деген есеппен Есенкелді Бекей мен Жасағанды ерте үйлендірді. Екеуіне де өзі тандап жүріп мықты жердің қыздарын әперді. Бекейге әпергені осы өңірдегі орақ ауызды Сауыр бидің қызы – Алқоңыр. Жасағанға Шилідегі Қазығали сұлтанның қызын әуелден «Бесік құда» боп айттырып қойған. Екі келініне де «қалың малынан» сараңдық жасаған жоқ.

Бұл күнде Бекей Борбастау бауырына қоныс тепкен. Жас, сері мырзаның жазғы жайлауы – Сырым төбенің төңірегі. Жасаған Амансайдың бойын құт санап, жас отауын бірден соған көтертті.

* * *

Бекей қасына бес жігіт ертіп, патшаға сыйға тартпақ болған бір өңкей алпыс кара ала жорғаны бұдан үш күн бұрын Текеге (қазіргі Орал қаласы) жүріп кеткен. Борбастау мен Текенің арасы отыз-ақ шақырым. Ауылдан шыққан күні іңірлетіп қалаға жетті.

Текеде унтер-офицер Ормантай деген орыс тіліне өте жүйрік досы бар-ды. Оның Петерборға (Петербург) барғалы жүргенін бұл біраз бұрын естіген. Ормантай мұның келу мақсатын, патшаға сый тарту ниетін естігенде қайран қалды.

– Япыр-ай, оқымаған қазақтың ішіндегі білімпазысың-ау, Бекей. Бұл қайдан ойыңа келді? – деп қуана қарсы алды.

– Тентекке келген бір ақыл демеуші ме еді.

– Ит-ау, осыншама ақыл есіңе келгенде, соны өз қолыңнан апарып тапсырудың қаншалықты бұлы бар екенін неге түсінбейсің?

– Әрине, ол ең дұрысы болар еді. Бірақ сен менің анам Зәурешті білесің ғой?

– Ойбай-ау, ол кісіні қалайша білмейін. Білмеймін десем, талай рет қолынан татқан дәмі ұрсын.

– Жарайды, әйел құсап, қарғануды қайдан шығардың. Өзім-ақ, барып қайтқым келеді, бірақ осы анамыздың төсек тартқанына біраз болды. Шаршап жатыр. Әр жағына, тіпті тілім бармайды.

– Е, дүнис-ай, солай ғой бұл дүние. Аманатыңды кеудемде жан тұрған кезде аман аппаратыңа сенесің ғой.

– Күдігім болса, өзіңе ат басын тіремес едім.

– Әкел қолыңды!

* * *

Ертеңіне Бекей Ормантайды ілестіріп алып, губернатор Панкратовтың үйіне барды.

Панкратов бір кезде Орынборда әскери қызмет атқарды. Әскери шені – полковник болатын. Бекей Орынборда оқыған кезде бұл тұрған татар байы Панкратовпен көрші еді. Сол себепті де оның баласы Василиймен бірден достасып кеткен. Төрт жыл бірге

жүрген екеуінің достығы әлі күнге үзілмеген, жиі-жиі хат жазысып, бір-бірін қонаққа шақырысып тұратын.

Василий кейін Петербургте әскери училище бітірген. Қазір Саратовтағы бір әскери гарнизон бастығының көмекшісі. «Жақында кезекті демалысыма шығамын. Оралға кел, кездеселік», – деп жазған болатын соңғы хатында.

Бұлар келгенде Василий үйінде ертеңгілік ауқатын енді ішкелі жатыр екен. Әскери парадқа шығатындай-ақ сіресе киініп алыпты. Мұны көргенде, жас капитанның қуанғаннан есі шықты.

– О, менің құрметтім! О, менің тағы досым! Келдің бе! – деп мұны бас салып құшақтап, дөңгелете үйіріп кетті.

– Сәлеметсіз бе, Вася, қадірлі достым! – деді Бекей оны құшақтап тұрып.

Ал Ормантай бірден сіресе қалып, әскери ізетпен сәлемдеспек еді, Василий қолын бір сілтеп:

– Эй, тамыр, қой оныңды. Біздің әскери тәртібімізді мына даланың қазағы бәрібір түсінбейді. Мұнымызды басқа бірдеңеге жорып қалып жүрер. Әкел, онан да анау жалпақ алақаныңды, – деп онымен қол алысып амандасты.

– Ал, Бекей, хал-ахуалың қалай? – деді Василий бұған қайтадан жақындай түсіп, – Не кәсіп етіп жүрсін өзің?

– Оқымаған қазақта не кәсіп болушы еді. Ен дала. Той-томалақ. Қыз-қырқын. Серілік. Өзге ештеңе қолымыздан келмеген соң, осыны да кәсіпке балап жүріп жатырмыз.

– Қой! Қой! Ондай тоғышар қазақ сен емессің. Адам өзін-өзі бұлай құрта бермегені дұрыс. Ал, сен өзің менің демалысқа шығуыма байланысты қыдырып келдің бе, әлде басқалай да шаруаларың бар ма еді?

– Екеуі де.

– Мені іздеп, қонақа келгеніңе өте қуаныштымын, ал құпия болмаса, екінші шаруанды біле отырсақ қайтеді.

– Әрине, болады. Бірақ, сен өзің орыстығыңа бармай, әуелі дурыстап амандасып алайықшы.

Василий мына сөзге қарқылдап кеп күліп алды.

– Ғафу ет. Бекей! Қазақтардың әр шаруасын қызға құда түскендей етіп, асықпай айтатын ерекшеліктерін ұмытып кетіппін.

– Э, солай болар, достым. Ал, жарайды, Михаил Дементьевичтің халі қалай?

– Ол кісі де қазір демалыста жүрген. Денсаулығы әрине бұрынғыдай емес. Алпыстан асқан соң губернатор болу да кайдан оңайға соқсын. Ұйқыдан енді тұрып жатқан шығар. Кіріп сәлемдескің келіп пе еді?

– Әрине, үлкен кісіге кіріп сәлемдескен дұрыс.

– Бұл біздің ата дәстүріміз дейсің...

– Жарайды, Вася, әзіл өз алдына. Сен өзің мен көрмеген екі жылдың ішінде сұмдық әдеміленіп кеткенсің. Мұрт қойғанбысың, шенің де өскен бе?

– Пах-пах! Сен екеуміз бір-бірімізді мақтауды әуелден сүйетінбіз.

– Өзілсіз айтам, Вася, нағыз сұлу орыс-қазағғы болыпсың.

– Шенімнің өскені рас, бірақ өзім бұрынғы Василиймін. Жарайды. Өңгімемен отырып қалдық. Мен тамақ әкелдірейін, – деп Василий ауыз бөлмеге шығып кетті.

– Мынауың қазақ бергісіз орыс қой, губернатордың баласымын, капитанмын деп тұрған жоқ, неткен қарапайым адам, – деді Ормантай ол шығысымен. – Маған мұны осы кезге дейін неге таныстырмай жүрсің? Мұндай мықты әкесі бармен танысу – жыл сайын емес, ай сайын шенің өсу деген сөз ғой.

Бекей жауап қатып үлгермеді, ішке Василий кеп кірді.

– Ал қазір ауқаттаным алайық, сосын серуенге шығамыз.

Көп кешікпей қолына тағам толтырған жез патнос ұстаған, жасы он сегіз — он тоғыз шамасындағы үлбіреген, әп-әдемі орыс қызы кірді. Есіктен кіре бере сәл тізесін

бүгіп, сәлемдескен ишарат білдірді. Дөңгелек стол үстіне дастарқан жайып, лезде дайындаған қыз тағы да бұларға үлкен көгілдір көздерін жаудырата бір қарап, шығып кетті.

– Мөлдіреп тұрғанға сенің қалыңдығың болар деп қалып ем, – деді Бекей әзілдеп.

– Әй, қазақтарым-ай, қалыңдығым болса сендерге таныстырмаймың ба? Өзі дегенмен сұлу-ақ, – деді Василий үш стаканға толтыра шарап құйып жатып. – Ал, кәне, Борис, аман-сау кездескеніміз үшін алып жіберелік. Сіздің есіміңіз қалай еді?

– Ормантай.

– Сіз ренжімесеңіз, мен үшін әзірге Олег бола тұрғаныңыз дұрыс.

Үшеуі қосыла күліп, стакандағы шараптарын сарқа ішіп жіберісті.

– Василий, – деді ауқаттан кейін Бекей. – Менің енді бір маңызды шаруам бар.

– Айта бер, құлағым сенде.

– Мен патша тұқымының таққа отырғанына үш жүз жыл толу тойына алпыс қара ала жорға сыйламақ еді. Сен осынымды мақұл көремісің?

Василий бұған қарап сәл отырды да:

– Әрине, дұрыс. Тек сыйлауға тұратындай болса, – деді.

– Тұрады. Тек сен мақұлдасаң болғаны.

– Жақсы, онда мен мұныға қуанбасам, қарсы емеспін.

– Онда іс бітті.

– Жоқ. Мұнымен іс біткен жоқ. Біздің кей бұған қалай қарар екен, ақылдасалық, – деді Василий орнынан тұрып. – Қазір ол кабинетінде болар. Мен кіріп шығайын. Сосын сен кіріп сәлемдесерсің.

– Ол да дұрыс екен, – деді Бекей.

Василий әкесінің кабинетіне кіріп бара жатқанда, оның сұлу тұлғасына Бекей қызыға қарап қалды. «Шіркін, оқығанның аты оқыған ғой. Әйтпесе осының тұлға бітімі, мүмкін менен асып та бара жатпаған болар. Бірақ оқығандығы, мәдениеттілігі неге тұрады. Мен де оқыңқараған болсам, сол білімімді мағыналырақ істерге пайдаланған болар ма едім? Әрине, орыстар бұл секілді офицерлерге де, оқымыстыларға да зәру емес. Тап солардай оқыған азаматтары көп болса, сонау ұйқыдағы қазақ аяулы оянар ма еді? Оянса, қандай тірлікке көшер еді? Әрине, оқып білім алғанның бәрі шен тағып, офицер болғанның қалың елі көктей қоймас. Мынау досым Ормантайдың офицер болғаны, мүмкін өзі үшін мансап болар, ал туған жері үшін, өзгелер үшін не келіп, не кетіп жатыр?»

Бекей осы сәл ғана уақыт ішінде ойға шомып кетіпті. Іштен Василий шықты.

– Жүріңіздер! Әкем күтіп отыр. Олег, жүріңіз! Сізді де таныстырайын, – деді.

Бекей Михаил Дементьевичті әуелден жақсы танитын. Ұзын бойлы, толықша келген, ақ сары адам болатын. Бұларды өте жылы қарсы алды.

– Мен сіздің әкеңізді танымаймын. Бірақ жұрттың айтуына қарағанда өте бай адам деп естимін. Жақында осында Карпов болған. Ол кісі де сіздің әкеңіздің байлығын айта алмай отыр. Ал өзіңізді әуелден жақсы білемін ғой. Патша ағзамның тойына сый тартпақ болғаныңыз өте дұрыс. Тек сол жылқыны менің көргенім жөн болар.

– Әрине, Михаил Дементьевич, – деді Бекей.

– Жарайды. Мен сізге оқыған азамат ретінде бір сауал қояйын, – деді Панкратов жұмсақ креслоға шалқая түсіп. Әр сөзін бөліп-бөліп, әрі маңғаздана.

– Осы кезде не көп, қазақ ауылдарынан түскен арыз көп. Бір-бірінің әйелін, бір-бірінің жерін тартып алу, бір-бірінің малын ұрлау, барымта дей ме, не керек – қазақтар арызқой боп кеткен бе дейсің. Әлде олар әуелден солай ма?

Бекей жауап беруден бұрын, өз ойын жинақтап біраз отырды. Сосын барып салмақты жауап қайырды.

– Дұрыс айтасыз, Михаил Дементьевич, – деді ол. – Жер дауы, жесір дауы біздің қазақтарда ежелден келе жатқан айтыс. Соңғы кезде күшейе түспесе, азайған жоқ.

– Себеп не деп ойлайсыз?

– Себебі көп қой. Бірақ ең бастығы – басшылықтың дұрыс болмауы ма деп ойлаймын. Яғни, бір орталықтан басқарудың болмауы. Дәлірек айтқанда, басшылық болса да, сол басқарушылардың әрдайым әділдік алдында жүгіне бермейтіндігі, күштілердің әлсіздерді жаныша түсуі. Би-болыстардың көбіне қалталы, малды деген байларды қолдауы, ақырында келіп, қалың бұқараның оларға деген ашу-ызасы өсуінің бәрі осыған әкеліп соқтырып отыр ма деп ойлаймын.

Панкратов Бекейдің: «Күштілердің әлсіздерді жаншуы», – деген сөзінен әуелі іштей қатты тіксініп қалды. Бірақ лезде «Сонау феодалдық дәуірдің бел ортасынан өте алмай жүрген қараңғы ауылдарда таптық тартыс қайдан туған, әлгі «большевикпіз», – деп жүргендердің революция дүмпілі бұларға қайдан жетсін», – деген оймен өзіне-өзі жауап қайырды.

– Дұрыс айттыңыз, – деді әңгіменің бетін басқа жаққа аударуды ойлаған ол. – Сіз менің сауалыма толық жауап бердіңіз. Мен өзім де солай болар деп ойлаған едім. Енді, жарайды әлгі сыйға әзірлеген жылқыларды көрелік.

Панкратов жасының егделігіне қарамай, лып етіп орнынан жеңіл тұрды.

Бұлар сыртқа шыққан соң, Василий бұған:

– Бекей, сен орыс тілін өте әдемі сөйлейтін боп алыпсың-ау, – деді аса бір ризашылық сезіммен арқасынан қағып тұрып.

– Қой, Вася, сен енді мені мақтай бастадың ба? – деді Бекей күліп. – Сонау ен далада мен кіммен орысша сөйлесіп, тіл ұстартушы ем.

Бұлар қала сыртында жатқан жорғаларға келді. Жылқышы жігіттер жылқыларды әрлі-берлі бірнеше қайтара айдап өткенде, Панкратовтың көзі жайнап кетті. «Неткен ғажап! Мұндай да сұлу аттар болады екен-ау!» – деп күбірлеумен болды. Тек әбден көріп, құмары қанған соң:

– Бекей, бұл тамаша сый болады. Ад анау үш ақ боз не қылған аттар? – деді.

– Михаил Дементьевич, бұл менің сізге әкелген сыйым болатын. Риза болсаңыз, қабыл алыңыз, – деді Бекей.

– О-о, бұл әрине, өте бағалы сый, – деді Панкратов қатты риза болғанын жасыра алмай. – Мен талай аттарды ұстап, талай сұлу да, жүйрік те жылқыларды көрген адаммын. Бірақ мұндай да сұлу жылқы болады деп ойлаған емеспін.

Бекей үндемеді. «Панкратовқа қатты ұнаса, патша да бұл сыйды ризашылықпен алар», – деген ойда.

– Бекей, сіз патшаға бұл сыйды тартуда қандай ойыңыз бар? – деді Панкратов бір кезде.

– Ешқандай да ойым жоқ, Михаил Дементьевич. Тек патша ағзамға ақ көңілімізді білдіру ғана.

Панкратов жол бойында қайтып тіл қатқан жоқ. Үйге келген соң ғана Бекейдің қолын қысып тұрып:

– Сіз, Бекей Есенкелдиевич оқыған, өте мәдениетті, саналы адамсыз. Патшаға бұл сыйдың аман жетуін тікелей мен өз міндетіме аламын. Бұл – бір. Екіншіден, сіздің осындай жақсы мырза екеніңізді ол кісінің өзіне хат арқылы жазып жіберемін, – деді.

– Рақмет сізге, Михаил Дементьевич, – деді Бекей. – Қызметіңізге ризамын, әрі қандай да болмасын тапсырмаңызды орындауға әрдайым әзірмін.

* * *

Сол күні кеште Панкратов Ормантайдың қасына тағы бір унтер-офицер мен екі-үш солдат қосып берді. Оларға Бекейдің қасындағы төрт серігі қосылып, бәрі жылқыны алып Петербургке жүріп кетті.

* * *

Өз сыйының патшаға аман жететініне әбден көзі жеткен Бекей әнші Әшім екеуі бүгін ауылға бет алған. Бекейдің мінген бурылы – бесті. Өз жүгенінің сылдырына

елеңдеп тұрған сырт бітімі ерекше сұлу. Пыр етіп ұшқан торғайдан, тіпті әр шөп түбінен үрке түсіп келеді. Қаздиған, сіңірлі аяқтарын билеп, ойнақтап басады. Әуелден аттың жеңілтек мінезділігін сүйетін Бекей бурылдың мұнысына қатты риза.

Әшімнің астындағы – жирен. Алысқа да, жақынға да жүріп қалған көнбіс, сақа жылқы. Бауырынан адам түгіл ит өтсе де мыңқ етпейтін жуас.

Жол ұзақ. Бекей мен Әшімнің жол серігі – ән. Бұлардың бала кезден бір-біріне айтпаған әні де жоқ. Күншілік жерге бөлек шықса, сағынысып қалады. Үйренген әндерін бір-біріне жеткізгенше асығады.

«Қос өрік» әнін ерекше шабыттанып, шалқып айтқан Бекейді ерекше ықылас қоя тыңдаған Әшім біраз үнсіз қалды.

– Әшім, «Әпитөкті» айтшы, – деді Бекей.

– Оны өзің де жақсы айтасың ғой, Бек.

– Жоқ. «Әпитөкті» сенен жақсы айтатын туған жоқ.

Әшім Бекейдің тілегін қайт еткен емес. Бойыңа шымырлап қана енетін қоңыр дауыс жазық далаға жайыла берді.

Қамысы әуілдектің мүше-мүше,
Сарғайдым осынау көлдің суын іше, әпитөк.
Қос қанат құсқа біткен маған бітсе,
Бармас па ем сәулетайға әлде неше, әпитөк.

Бекей ат үстінде елтіп келеді. Жайма қоңыр дауыс кең далаға баяу қалқып тарап барады.

Ән соңы үнсіздікпен тынды. Біраздан кейін барып Әшім тіл қатты.

– Бек, менің сенен бір сұрар сауалым бар.

– Ол не?

– Орыс патшасына осыншама шашылуыңның себебі не?

– Өзің не үшін деп ойлайсың?

– Білмеймін. Жомарттығың болар жайшылықтағы. Бірақ орыс патшасы бағалай қойса мұныңды.

– Бағалайды. Ал не үшін сыйлағанымды кейін айтармын.

Жайықтың сол жақ бетіндегі бұл төңіректен Текеге қатынайтын айдау жол біреу ғана. Қаладан бір көштік жер шыққан соң кішкене тоғай кездеседі. Тоғайдың ар жағы кедір-бұдырсыз мидай жазық. Сол жазыққа енді іліге бергенде Әшім:

– Бек, алдымызда бір шаң көрінді, – деді.

– Жүрістері тым суыт. Шаңдары шұбап қалып жатыр.

Манадан бері сау желіспен келе жатқан бұлар ат басын іркіп, ит бүлкілге түсті.

Өлгінде ғана көзге шалынған жеті-сегіз аттылының қарасы әне-міне дегенше бұларға таяп қалды. Өзгелерден құрық тастам алда келе жатқан қасқа аттың бойы қызып, ұзақ шабысқа енді еркінсігені байқалады. Үстіндегі Жасаған екенін бұлар қастарына келгенде бір-ақ таныды. Бәрінің де ыстық желге тотыққан жүздері өрт сөндіріп шыққандай әлем-жәлем.

Жасаған атының басын тежей алмай, бұлардан сәл асып барып оралды. Өзгелері Бекейге жапырыла сәлемдесті.

– Жүрістерің тым суыт, жол болсын, мырзалар, – деді Бекей.

– Жолдықты сенен сұрағалы келеміз, – деді Жасаған жайшылықтағы қара торы сұлу жүзінің түгі шыға түтігіп.

– Жол бойында жолдық сұрамайды. Аулымыз да алыс емес, тұсынан шаңдатып өтіп бара жатыр екенсіңдер, шаңы басылғанша қайтып та бармаймыз ба? – деп Бекей сыңар езу тартып күлді.

– Серуен салып, серілік құрып жүрген құрбыларыңмен кездескендей-ақ, неменеге сызыла қалдың. Әке малын орынсыз шашпау үшін шапқылап, шаруа қуып жүрміз. Өлгі кәпірдің патшасына сыйламақ алпыс қара ала жорғаң қайда? Соны қайтар! Сол сенің жолдығың.

Бекей бұлардың бет алысын енді түсінді. Жиен ағасы Қарлыбайға көз салып еді, ол түсін суытып, теріс қарап кетті.

– Одан ырыздығың орта түспейді, бекер зіркілдейсің.

– Қайда деп тұрмын ғой мен саған?

– Айқайлама! Әке екеумізге ортақ болса – малы да ортақ. Қайда, кімге бергенімді өзім білемін.

– Сен тәжікелеспе менімен. Сол әкем жіберді, жорғалар қайда? Тез қайыр! Бұл ісің үшін әкем кешірмейді.

– Әуре болма. Жылқы Текедее де әрі асып кеткеніне бүгін үш күн. Енді ұшсаң да жете алмайсың.

– Не сандалып тұрсың-әй! Рас па, Әшім, мынаның оттап тұрғаны?

– Рас мырза.

– Алда ит-ай. Адамнан да мұндай ит туады еке ғой. Ой, сені кәпірдің діні соқсын! Жасаған күйіп-пісе ақырған күйі қамшысына жабысты. Бекей де ашудан лап ете түсті.

– Тарт тілінді! Он күн үакендігім бар деп тілдеуіңнің ақыр-соңы осы болсын!

– Мә, саған, тілдеу аз болса.

Жасаған ауылдың ашулы бураларынан қорқып, ұшынна әдейі қорғасын салып өрдірген он екі өрме қамшысымен Бекейді жауырынының ортасынан бір тартты. Бекей ердің қасынан қос қолдай ұстаған күйі еңкейе түсіп дыбыссыз қалды.

Жасаған ат басын ауылға қарай бұрып шаба жөнелді. Қасындағы топ ақкөбік аттарын қамшылай-қамшылай бірге кетті.

Бекейдің астындағы бурыл бесті жаңа үйретіліп, асаулығы басылмаған еді. Бір орында шыр көбелек айналып жүр. Әшім ат басын ұстауға ұмтылды. Бекейден басқа кісі тізгінді ұстаса, кегжеңдеп қалатын бурыл маңына жолатпай, шыр айналып тұрып алды. Ол аз дегендей, жанай бергенде мұның мінген жиренін қос аяқтай бір тепті де, бет алды құла дүзге лағып шаба жөнелді. Үстінде жас мырза дыбыссыз күйде былқ-сылқ.

Әшім атына қамшы басты. Жирен барын салды. Жоқ, бәрібір бұған жеткізер бурыл болмады. Бір кезде Бекей ат үстінен жалп етіп ауып тусті. Әшімде үрей қалмады. Өйткені жас мырзаның оң жақ аяғы үзеңгіден шықпай, ат құйрығына байланған тулақтай сүйретіліп барады. Бурылдың шабына Бекейдің бір жері тиді ме, қос аяқтап теуіп, әлсін-әлсін аспанға қарғиды. Бірақ жиренге жеткізер түрі жоқ. Бір жерде Бекейдің мақпал малақайы, бір жерде бора-борасы шыққан жібек шапанының жыртығы қалып барады. Лезде жирен де бүйір соғып, шабысы таныраққа айналды.

Мұның бәрі қас-қағым сәтте-ақ өте шықты. Әшімнің айқайлай-айқайлай үні бітіп қалды. Бурыл бір кезде бауырындағы салақтаған «пәледен» құтыла алмасын сезді ме, арқырай кісінеп ауылға қарай бет түзеді. Жас мырза сол есін жимаған күйі ат бауырында салақтап кете барды.

Әім бірге өскен, ақ жарқын, жомарт көңілді досының соңында «Ой бауырымдап», – егіле күңіреніп, астындағы атын қамшылай түседі.

«Мына сұмдықты көрдіңдер ме» дегендей бурыл сол бет алғаннан екінді сәтінде езуінен көбігін шаша арқырап Бекейдің әлдеқашан борша- борша болған жансыз денесін сүйреткен күйі ауылға келіп бір-ақ тоқтады.

* * *

Біреу тойғаннан, біреу тоңғанынан секірген, бір-біріне ұқсас, бағдарсыз, мағынасыз күндер өтіп жатты. Есенкелді аулы үшін қаралы жаз өтті. Ен далаға күз өзінің реңсіздеу көркін сыйлағалы да біраз уақыт болып қалды.

Бекейдің қазасына Есенкелді алғашында өзінше ерге лайық ұстамдылық көрсетті. «Інісін ұрмайтын аға болмайды, қазасы жазмыштың бұйрықты ісі де, оған кім арашашы болмақ», – деп сырт көзге бекемділік танытқан.

Бекейдің қырқы өткізіліп жатқан күні астындағы атын қан сорпа қылып, ояздың шабарманы келді. Жай келген жоқ, ауылды айнала шауып, «Аруақ, Аруақ! Есақа, сені аруақ қолдады! Сүйінші! Сүйіншімді өзім таңдаймын!» – деп лезде ауылды аяғынан тік тұрғызды.

– Япыр-ай, мына есерді кішкене тоқтатсандаршы? Елі сыйлаған баласының қырқын беріп жатқан күні Есенкелдіге келген бұл не қуаныш, - десті үлкендер жағы.

Сөйтсе, шабарман Бекейдің қазасынан хабарсыз екен. Бүкіл жұрт болып, зорға тоқтатып, қолындағы төрт бұрыш хатын алым, оқытты. Хат жалпақ Ресейді билеген патша ағзамның өзінен келіпті. «Осы хатты алған күннен бастап, Жайықтың сол жақ бетін қоныстанған қазақ ауылдарына Есенкелді баласы Бекей билік жүргізетін болсын. Қолымды қойып, мөрімді басып, жарлығымды растаймын» делініпті. Соңында әміршінің қолы мен мөрі тайға басылған, таңбадай ақырып тұр. Нөпір топ: «Өй, дүние-ай!» – деп бір-бір күрсінді. Сыртынан олардың не дейтінін кім білсін, Есенкелдінің көзінше ешкім тіс жарған жоқ.

Есенкелді көпшілік алдында тұйық күйінде қалды. Сырт көзге әлі де солай. Іштей жан-дүниесі астан-кестен. Ешкіммен жүздескісі келмсіді. Кең сарайдай киіз үйде оңаша. Қонақ қабылдау, біреулермен әр түрлі мәселемен әңгімелесу дегеннен мүлдем қалды. Жүзінде қарсы келгенді тік қаратпайтын бұрынғы айбардың ізі де жоқ. Ін түбінде майлы табанын ғана соруға зорға әлі келетін кәрі аю тәрізді. Қауқарсыз. Өлсін-өлсін күрсінеді.

«Сорлы болған басым. Әкем Итемгеннің атын дүние жинап, шалқыған байлықпен шығардым деп жүрсем, бәрі шайқап ішіп, үріп төккен күнделікті ғана дәулет екен ғой. Таудай атағым дәулет арқылы келді деуім – нендей ғана көр сөқырлық. Әуелі заңғар биік атағынды шығарсаң, байлық өзінен-өзі келетінін мына мен күні бүгінге дейін түсінбеймін?! О, Бекейім! Алысты көретін сенің әулиелігіне жаңа түсіндім. Менің сорыма мал, байлық, сенін сорыңа – ақыл жетті-ау! Дүние қоңыз әкеңе о дүниеде де разы емес шығарсың.

Жайықтың екі жақ беті қаптаған қалың ел. Соның сол жақ бетін сен билеген болсаң, сенің мына әкең малсыз, байлықсыз қалушы ма еді?!

Сенің серілігің, мал шашқаның үшін бейбақ әкен пышақа түсердей терісіне сыймайтын. Қайдан білсін. Серілікпен мұратқа жеткен кісіні мына әкең тірлігінде естіген де көрген де емес еді».

Есенкелдінің жанын қоярға жер тапқызбай қинайтын осы ойлар. Бұрын өз көзімен көріп бір аралап шықпаса, желіге құлын байланбай, өрістегі мал келмей қалатындай боп, жарғақ құлағы жастыққа тимейтін бұл, қазір үй күшік. Керісінше мұның бұрынғы барлық «міндетің» Жасаған өз мойнына алған. Ызғары да әкесінен бір аумайды. Бұған тірелген барлық жұмысты өзі сырттай бітіре береді. Есенкелдіге керегінің өзі сол. Ешкіммен дидағласуға мүлде зауқы жоқ. Жасағанға да жауар күндей түнерулі. Бірақ ол да іштей ғана. Сырт кісіге: «Жасаған біледі, соған жолығыңдар», – деп құтыла салады.

Бір айдан бері Есенкелді екінші әйелі Асылдың үйінде. Бәйбішесі Зәуреш былтырдан бері төсек тартып жатқан. Бекейдің ажалы қосымша болды ма, өз құрсағынан көрген жалғыз баланың жетісін берер күні дүниеден озған. Ол қайтыс болғаннан бері Асыл өзін мұның алдында бәйбіше сезініп, бұрынғысынан әлдеқайда еркін ұстайды. Сырт дүниеден мақұрым қалған бұны арагідік ауыл жаңалығымен хабардар етіп тұратын да жалғыз Асыл.

Түс мезгілі-тін. Түнгі төсегінен тұрмаған Есенкелді ояу жатыр. Біраздан бері қырғызбаған сақалы қабалана түскен. Жанары таймаған үлкен қоңыр көзін жабыққа қадаған күйі кірпігін анда-санда бір қағады. Манадан бері күйбендеп мұның жанынан шықпай жүрген Асыл әлденеше рет бірдеңе айтпақ болып оқталғанмен, батылы жетпегендей кібіртіктей берді. Сны сезіп жатқан Есенкелді жоқ. Бұ дүниеде өзінен басқа өзгенің де тірлік ететінін ұмытқан.

Асыл тағы да тамағын кенеді. Сосын: «қой, болмас енді» – дегендей ақырып тіл катты.

– Мырзам, сен не естіп жүрсің?

Есенкелді үндемеді. Оның үндемегенін Асыл: «Үйде жатқан мен не естуші едім, өзің естігеніңді айта бермейсің бе?» – деп жатқан болар деп үқты.

– Жұрт сөзі қаулап барады. Бекейдің үйіндегі келін сенен құн сұрайтын көрінеді.

Есенкелді жанарын бұған аударды.

– Сен бірдеңе дедің бе?

«Жарқыным-ау, манадан бері айтқанымды естімегені ме?» – дегендей сұраулы кейіппен Асыл бұған қарады.

– Мен емес, жұрт айтып жүрген.

– Жұрт нені айтып жүр?

– Бекейдің үйіндегі Алқоңыр келін құн сұрайтын бопты деп.

– Құн?! Кімнен құн сурайды екен?!

– Мырзам-ау, өзіңнен дегенім жоқ па?

– Оны кім айтып жүрген?

– Жұрт айтып жүрген.

Есенкелді орнынан тұрып отырды да:

– Енді жұрттың күйсегенін маған қайтып айтушы болма, – деді түсін суыта, Асылға оқты көзімен қарап.

«Енді болары болды ғой» дегендегісі ме, Асыл батылданып кетті.

– Жоқ, мырза, бұл еріккеннің лақпа сөзі емес, ақиқат тәрізді.

– Нендей дәлелің бар? – деді Есенкелді енді ақырына дейін естігісі келіп.

– Алқоңыр қайын атамнан құн сұраймын, алып берсін деп Сырымтөбедегі Телтуған биге, Нарындағы Әйтім биге, Шилідегі Сағыр биге кісі жіберіпті. Олардан хабар келіпті. «Барар күнімізді белгілесін, алдын-ала Есенкелдінің де хабардар болғанының артықтығы жоқ», – дерті.

Есенкелдінің мына сөзге сенбеуіне шарасы қалмай, ақырып жіберді.

– Шық үйден! Мұны не деп айтып отырсың? Қай қазақтың келіні қайын атасынан құн сұрапты екен, Бекей өлсе, жазмыштың бұйрығы. Оған менің, Жасағайынның қандай кінәсі бар? Би болса, әкесі би. Алқоңыр би ме екен! Шық! Осылай деп айт оларға!

Асыл жай басып, үйден шығып кетті.

– О, жасаған ием, көрсетерің көп екен ғой, – деді шалқасынан сылқ етіп жата кетіп.

Жатысымен миы зіркілдеп, басы зың-зың еткен бір түсініксіз дыбыстарға толып кетті. Соның әсері ме, көзі қарауытып, деміге бастады. Орнынан қайта тұрмақ болып еді, онысы құр әурешілікке айналды. Қол-аяғынан бірдей жан кетіп, бір-екі қайтара дәрменсіз қимыл жасады. «О, кер заман, сайтан билеген сұм заман! Қарғыс атқыр келінді бұлай деп азғырған кім болды? Кім болса да адамның сайтаны шығар. Періштемен андысқан сайтаныңнан да адамның сайтаны күшті деуші еді. Ой, алла, айна қатесі болсайшы!..»

* * *

Сартап боп сіңіп, күйік қажытқан Есенкелді тағы да бас көтермей жатып қалғанына қазір ай жарым. Өзінің сал ауруына ұшырағанын сезген жоқ-ты.

Іңір қараңғылығы үй ішін тұмшалағалы да біраз болып қалған.

Сырттан Асыл кіріп, жақында ғана Орынбордан алдырған ондық шамды жақты. Мұның ояу екенін көріп, таңырқаулы қалыппен аяқ жағына келіп отырды.

– Мырза, тамақ әкелсін бе?

– Қазір тәбетім жоқ, кейінірек әкелерсің. Сыртта күн райы қалай?

– Өте жақсы. Бір кезек сыртқа шықсаңшы!

– Жоқ, түндікті ашсаңдар жетеді. Үйдің іші қапырық болып барады.

Асыл сыртқа шығып, түндікті аштырды. Жазға бергісіз күздің жып-жылы жұмсақ түні. Көкірек толып бой сергітін тап-таза ауа ішке лап қойды. Лезде жақын жердегі үйден бірнеше әйелдің қосылып салған әні құлаққа келді. Мына тып-тыныш түнді тербеп тұрғандай. Ішке қайта кірген Асылдан:

– Бұл не дырду? – деп сұрады.

– Жылқышы Шойқараның әйелі ұл тапқан ба. Соның шілдеханасы.

Есенкелді қайта құлақ түрді. Әр жолы сызыла басталып қайырмасы биіктеп шырқалады екен. «Бір тәуір ән екен», - деді іштей. Мүмкін бұл мырзаның өмірінде әнге берген алғашқы бағасы болмаса да, санаулыларының бірі шығар. Ол арасы өзіне де беймәлім. Тіпті жұрт: «Жезтандай әнші», — деп жер-көкке сыйғызбайтын баласы Бекейің ән салған кезін де сирек көріпті. Бекей қолына домбыра алып, шерте бастаса: «Әй, әуліксең, басқа бір жерге барып әулік», – деп өзі отырған жерден шығарып жібергенше асығатын.

Өлгі қыз-келіншектер әнін бітірген бойда бір еркек ақырын да айқын дауыспен іліп әкетті. Еріксіз құлақ түргізетін сұңғыла саз.

«Мынау Әшім ғой. Даусы қандай жоғары».

Е-е-е-ей,

Ай да өткен, жыл да өткен,

Ғұмыр түбіне кім жеткен.

Жомарт көңіл, сері-сал,

Бекейдей де сынды мырза өткен.

Есенкелді бұдан арғысын естімеді.

– Асыл, қайда жоғалдың? Үй салқындап кетті, түндікті жабыңдаршы! – деді айқайлап.

Түндік жабылды. Әшімнің үні құлағында ызындап кетпе қойды. Оның Бекейге арнаған толғауын бұрын да бірде-екілі естіген. Жаңылмаса, Бекейдің жетісі берілген күні жоқтау ретінде айтпап па еді? «Көрік десең көркі бар. Тең құрбының алды. Көңілі жаз, қолы ашық. Мырзаға лайық ақылы. Қолында сындырмалы күміс домбыра, жез көмей, әсем әні аспандағы аққумен үндескен. Сен болар ма ең түбінде, қаз дауысты Қазы би. Кедейге де, мырзаға да дастарқаның кең еді...»

Толғау ән осылай деп кете беретін, кете беретін. Есенкелді бүгін түс көрді. Түсінде Бекей тірі екен. Тірі болғанда да кәдімгі Жайықтың сол жақ бетіне түгел билік жүргізіп, түкірігі жерге түспей тұрған кезі. Әрине, бұл бұрынғыдан да әулетті, бұрынғыдан да абыройлы. Каһарына қоғадай жапырылып жатқан бір жұрт.

– Әке, елді өзің биле. Мен шаршадым, – дейді Бекей бұған бір кезде.

– Қам жеме. Өзім-ақ бәріне ие болам. Серілігіңді құрып жата бер, – дейді бұл оған.

– Әке, үстіндегі оқалы тонды мен киемін.

– Қой балам, мен өлген соң киерсің.

– Жоқ, бұл тон жалпақ елді билеп отырған маған лайық.

Есенкелді баласының есерлігіне қатты ашуланып, қалшылдап тұр.

– Тон ба саған, тоңқалақ асырайын мен сені, – деп Бекей қамшымен тартып-тартып жіберіп еді, Бекей өршелене ұмтылды. Екі көзі бөрінің көзіндей от шаша келіп:

– Сенің әулетіңді асырап жүрген тон ба, мен бе! Әкел бері! – деп мұның үстіндегі тонды сыпырып кеп алды.

– Әкел, кәрі атасын талаған бөрінің күшігі. Мен де бұл тонды әкем Итемген өлген соң ғана үстіме кигенмін. Әкел! Әкел! – деп шоши айқайлаған күйі бұл орнынан атып тұрды.

Түсінде айқайлағанмен, даусы шықпаса керек. Асыл жанында тып-тыныш ұйқтап жатыр.

«Ой, тоны тозып қалсын!» – деді қайта жата беріп.

** *

Алғашқы көбік қар түсті. Тау-тассыз дала ақ жазыққа айналды.

Есенкелді осы сәтті күткендей тез серпілді. Ауылдың бір топ аңшыларын ілестіріп, үш күн қатарынан аңға шықты. Бұрын: «Қазаққа атбегіліктен басқа өнер дарымаған. Әншілік, күйшілік – жынның ісі, аңшылық – еріккеннің ермегі, шешендік – әпербақан сөз бағу», – деп санайтын мырза, өзінің ең алғашқы саятшылық сапарынан не түйіп, қандай ләззат алғанын кім білсін. Ең бастысы көңілі сергіді. Бекейдің ажалы, ол билей алмаған Жайықтың сол жағына деген күпті көңіл күйігі сәтке болса да жазылғандай. Жазылмаса да сырт көзге сездірмейді. Әрдайым тұйық, ызбарлы.

Дәстүр бұзып, бұдан құн сұраған келініне деген ашуы да сабасына түскендей. Ендігі шешімі – сұрар құнын сұрап көрсін, обып кете қоймас. Тек енді бұдан да құн сұрау жөнінде айтақтаушы біреу бар ма, әлде шынында келінің өз шешімі ме – сол арасына көз жеткізе алмай дал.

Ал, шынында, қайын атасынан құн сұрау жөнінде Алқоңырға ешкім де ақыл бермеген. Бұл – қайғыдан жүрегі мұз болған қаралы сұлудың өз шешімі болатын. Әншілігімен, ақылымен, көз сүріндірген көркімен ауызға іліккен Алқоңыр – сері Бекейдің көңілі құлаған жарытын. Екеуінің бір-біріне деген риясыз жарастығы тосын көзге-ақ «мен мұңдалап» тұратын. Жар қайғысы мұның жарты жасын кемітіп кетті. Қайын атасы мен қайнағасына деген ызасы оны осындай шешімге итерген. Ол өзінің қайын атасынан нендей құн сұрайтынын ең әрісі билерге де айтқан жоқ. «Бере алмастай құн сұрамаймын, сіздер тек жоғымды жоқтассаңыздар болғаны. Не сұрайтынымды қайын атамның алдында бір-ақ айтамын», – деген билерге.

* * *

Таңертең сырымтөбелік Телтуған, нарындық Әйтiм, шилілік Сағыр билер Есенкелдінің үйіне сау ете қалды. Бұлардың бүгін Есенкелдінің үйіне бірден ат басын тіреуінің себебі бар-ды. «Ертең дау алдында бір-ақ көріп, көңіл айтқанымыз орынсыз болар. Бәйбішесінің де, баласының да орнына көңіл білдірмеген екенбіз, ендеше әуелі өз үйінен төбемізді көрсеткеніміз дурыс», – деген шешімге келген еді үш би.

Есенкелді бүгін тағы да аңға шықпақ боп жиналып жатқан. Туған нағашысынікіне келгендей дүрсiлдете келіп, үйдің іргесінен ат басын бір-ақ тартқан оларды: «Бұл қай көргенсіз болды екен», – деп жақтырмай отырған.

Үш би ішке енді. Бұлардың ішінде Сағыр бидің ғана Есенкелдімен жас шамасы қарайлас. Телтуған мен Әйтiм мұның әкесінің өкшесін басып жүрген кісілер.

– Ассалаума-ға-лай-кү-үм! – деді Сағыр.

Ана екеуі үндемеді. Есенкелді орнынан тұрып, келгендерге көрісті.

– Жол болсын, би ағалар! Төрге озыңыздар!

Сыртта қар жауып тұр екен. Үшеуінің үсті де аппақ. Ана екеуі үндемегесін бе, Сағыр да қайтып жақ ашпады. Түлкі тымақ, қоян тымақтар, қасқыр ішіктер шешіліп, қары қағылды. Қонақтар төрге шықты.

Әйтiм қолын жайды. Ана екеуі де түсіне кетіп, бет сипады. Сосын Әйтiм бір мұңлы мақаммен құлқуалланы бастап сарнай жөнелді. Ұзақ сарнады. Тағы бет сипады. Содан кейін барып Әйтiм тіл қатты.

– Болған істің ақыры қайыр!

– Болары болды ғой, – деді Есенкелді төмен қараған күйі естілер-естілмес етіп.

– Бәйбішенің мен жас мырзаның орнына баяғыда-ақ келуіміз керек еді. Шіркін, өтіп бара жатқан ғұмардың күйбеңі таусылар ма?!

Мұны айтқан Сағыр, Есенкелді олардың жүзіне енді тіктен қарады. Ойлап қараса, бұлардың қай-қайсысың да кемі төрт-бес жылдан бері көрмеген еді.

Әйтім еңселі үйге тіреу болардай ұзын жауырынына шамалылау кісінің құлашы жетпейтін ерен кісі еді. Сақал-мұрты қудай боп жанары солғын тартыпты. Тек етженді жүзінен әжім табы көп байқалмайды. Телтуған әуелден де ірі кісі емес еді, оның үстіне жастың егде тартуы бір шөкім қылып шүңкітіп тастапты.

Тісі де түгел түсіп қалса керек, кемпір беттеніп, мәужіреп қалыпты. Жер бетінде өлмейтін, қартаймайтын бір адам бар десе, Есенкелді: «Ол – Сағыр», - дер еді. Бұдан екі-үш жас үлкен Сағырды отызда десе, білмейтіндер аузын ашып, көзін жұмып сене салар еді. «Шіркіннің қаққан, қазықтай қыдыып отырысын қарасайшы». Оның сөзі жауапсыз қалды-ау дегендей Есенкелді бір кезде барып:

– Иә, біреудің жоғын жоқтап, біреудің барын баптап жүргенде қайдан қол тисін. Сіздерге жасаған иемнің берген несіптік кәсібі осы болған соң, – деді.

Мұнысы қонақтарын кекеткені екені, не шын пейімең айтқан өкпесі екені белгісіз боп қалды.

Қонақтары да бұл туралы іштерінен ой түйіп отыр. Әйтім ойлайды: «Күбідей боп, көзі ешкімге түспейтін тәкаппар еді. Кішірейіп-ақ қалыпты. Көп асқанға бір тосқан. О, тоба, тоба!»

Телтуған ойлайды: «Тірлікте қылша мойның біріілген екен. Бірақ, қайғыдан деймісің. Сенің жаныңды жегідей жеген Бекейдің Жайықтың тең жартысын билей алмай кетуі ғой. Ой, дүние қоңыздылық-ай! Алпыс жорғаны қимаймын деп, өз басыңды өзің тепкеніңе қайғыратын шығарсың».

Сағыр табалап отыр. «Шоқ! Шоқ! Менің күткен сәтім осы. Бекейдей ұл мал шашты деп, жалпақ елге бір таба болдың ба? Енді осы сүйеніш көрген есепсіз малыңның таң жартысы ертең туған келініңе алып бермесем, менің билік айтар тіліме шоқ түссін!»

Қызметші әйелдер мен жігіттер тынымсыз жүгіріп, кіріп-шығып жүр. Қазан көтерілді. Қайта-қайта дастарқан жайылды.

Түн ортасы ауа қонақтары енді жүретіндіктерін білдірді. «Қона кетіңдер», - деп Есенкелді де елпектей қоймады. Бұлардың не себепті келгенін іштей білген Есенкелді күн ұзақ әңгімеге де құлшынбай, көбіне селқос құлақ қойып отырған-ды.

– Біз жүреміз, – деді Телтуған. – Ауылдарыңызға неге ат басып тіреп жатқанымыз өзіңе аян. Бұл да бір алланың бұйрықты ісі де. Келінінің шешіміне, әрине, разы болмассың. Ондай жағдайда жаныңа сөзіңді сөйлер кісі ілестіргенің абзал.

Әйтім мен Сағыр Телтуғанның бұл сөзіне қайран қалып: «Осы не деп отыр, бүйрегі Есенкелдіге бұрып бара жатқан жоқ па?» – деп күдіктене қалды. Есенкелді үндемеді. Өйткені осы кезге дейін бұл да қарап жатпаған. Іштей құн беруге қарсы болмаса да, «бауыздалған қой екеш, қой да ең болмаса ақырғы рет бір тұяқ серіппей ме?» деген түйінде жүрген. Ендеше: «Есенкелді өз кінәсын іштей мойындап жүр екен, келіні құн сұрап еді, бере салды», – деген әңгіме мұның сүйегіне дақ түсірмей ме? Айтысып жеңсе, алып берер, жеңбесе, қай атам жеңілген жаққа құн төлеген.

Осындай шешімге келген бұл – ауылдағы Шомбал биді шақырып алып, бар мән-жайды түсіндірген. Бір ғана одан жасырғаны – шынтуайтқа келгенде өзінің Алқоңырға құн беруге пәлендей қарсы еместігі. Оған сөз соңында айтқаны:

– Мен құн төлеуге келіспеймін. Өйткені бұл – о заман да бұ заман, салтта жоқ нәрсе. Ит жейдемізді бірге киген құрдаспыз, әрі осы кезге дейін бір-бірімізге «Әй сені ме» деген жеріміз тағы болған емес. Арымды арла! деген.

Шомбал – мақамдап та, мақалдап та, есілдіріп те, есіртіп те сөйлей білетін құжак. Бұл арадағы жауабы қысқа болды.

– Сенің арың – менің арым. Сенің жағаңнан алғаны – менің жағамды жыртқаны!

Бұдан әрі екеуінің арасында өзге сөз болған жоқ. Іштей ұғысты.

Есенкелді үндемегенде, осы жайды есіне алған. Ойын Әйтімнің мақамына келтіре сарнап қоя берген дауыс бұзды. Құран ұзақ оқылды. Бәрі жарыса: «Әумин!» – десіп, бет сипасты. Қонақтар тез тұрып, сыртқа беттеді.

Есенкелді:

– Қайрақ! Қонақтардың атын әзірле! – деді дауыс тап.

– Кездесер жеріміз – көрші ауылдағы Тайбасардың үйі, – деді Сағыр шығып бара жатып.

– Ертең ғой?

– Ертең.

* * *

Есенкелді таңертеңгі шайына Шомбалды шақырып алды.

– Қазір жүреміз!

– Келді ме? Кімдер екен?

– Әйтім, Телтуған, Сағыр үшеуі.

– Ығай мен сығайларды жинаған екен.

– Бұл не, қорыққаның ба?

– Алдын-ала өзімді-өзім қайрағаным.

– Түнде ойымда болды. Бірақ өзіңді бірге болуға әдейі шақырмадым.

– Дурыс болған. Жүз шайысып, билік айтар адамдарыңмен алдын-ала жүздеспегеніңнің өзі жақсы.

Шайдан кейін Есенкелді Асылды шақырып, сандықтан зерлі тонды алдырды.

Асыл ішінен: «Тойға бара жатқандай мұнысы несі?» – деді.

– Сәніңе айбар қосады, қанжарды да тағып ал, – деді Шомбал.

Есенкелді үнсіз келісті.

Бұлар сыртқа шыққанда, Қайрақ Сартаңдақ пен Тасқарапы ерттеп, әзірлеп қойған.

– Мен де барайын ба? – деді Қайрақ.

– Керегің жоқ. Ат бағатын бір құл ол аулдан да табылар, – деді Есенкелді жекіп.

* * *

Тайбасар аулымен бұл екі ара он шақырымға жетер-жетпес жер. Есенкелді мен Шомбал аттардың өнімді аяңымен ғана келеді. Ауылға жақындаған сайын Есенкелдінің бет түгі шығып, түнере түседі. Шомбалдың жүзінен қашан да сыр ұғып болмайсың. Ақ сұр өңі ішкі қалтарасын қандай жағдайда да құпия ұстайды. Аю тұлғалы ірі адам. Жас кезінде көзсі батыр болған. Ат үстінде батылдығы, айлакерлігі бір ұзақ әңгіме. Барымта болған жерден бас тартып көрген емес, қайта сондайға сұранып, ізденіп тұратын. Бір ғана сойылмен он-он бес қарулы жігіттердің ортасына жалғыз өзі қойып кете беретін. Ал сойылмен ұрудың не бір тәсілін бұдан білетін төңіректе ешкім жоқ. Осыншама ірі тұлғасымен қарсыласы сойыл сілтеген кезде ат бауырына аунап түсу, секіріп түсіп, атпен бірге жүгіріп келе жатып жауын жерден ұру дегендерің ойнап жүріп істейтін кәнігі әдістері.

Жас кезінде Есенкелдінің намысын сойылмен қорғады. Алдына азды-көпті мал бітіп, жасы егде тартқан шағында тіл ұстартып, шаршы топта дауға араласып, сөз таластыратын болды. Сөйлер сөзге келгенде алдына жан салмайтын демесек те, шешендіктің аулы бұған да бір шама жақын қоныс теуіпті. Мақалдап та, мақамдап та сөйлейді. Кейде тауып, кейде қауып сөйлейді. Тауып сөйлегені шешендігі болса, қауып сөйлегені сөзден ұтылғанда қара күшке басатын тасырандығы. Соңғысы үшін өзгелер мұны билік айтылар жерден көбіне бөлектеу қалдырғаны жөн көреді.

Екеуінің жол үстіндегі әңгімелері де қысқа болды.

– Сен бұларды бұрын жақсы білуші ме едің? – деді Есенкелді.

– Үшеуін де Сырым батырдың баласының асында көргенмін. Әңгімелерін тыңдағаным болмаса, сөз қағыстырып көрген адамдарым емес.

– Ендеше тыңда. Сағыр – тілі ащы болғанмен қорқақ адам. Даусыңды қаттырақ шығарсаң, жүні жығылып, жөнді қарсылық ете қоймас. Ал Әйтім – өзінің мінезі сияқты мәймөңке сөйлейтін кісі. Тауып сөйлеп, сөзбен тоссаң, сол мәймөңкелеген мінезімен әрі да емес, бері де емес боп қалып шыға келуі мүмкін. Сенің ең басты қарсыласың сонда – Телтуған ғана. Сырымның тұқымы сөзден де, анау-мынау қоқан-лоқыдан да ығыса бермейді. Ішінді у жұтқандай етіп ащы да сөйлейтін, тәтті беріп кішкентай баладай алдап та, арбап та кететін сол. Ал, ар жағын өзің білерсің.

– Жақсы айттың, Есенкелді. Қызыл тілімнің сүйексіз екені рас болса, безеп бағармын.

– Тел қозыдай бірге өскен замандасым едің, әйтеуір, оңайлық жағымды жырттыра көрме!

– Ендігісін алла оңғарсын!

Бұлар Тайбасардың үйіне ат басын тірегенде, іште жиналған кісінің ауқымы баршылық болатын. Не үшін келді, кімнің намысын жыртпақ, ол арасы бір өздеріне ғана аян. Өздерінше сөз білеміз, жөн білеміз, естімін, ел тірегімін деп санайтындар сияқты. Бұлар катыспаса, бүгін патуалы сөз болмайтындай, толып отыр шетінен. Өздері күземнің бал қымызына балбырап алыпты. Бабына келіп піскен бағланның етін жегендіктерін білдіргісі келгендей кейбіреуі шалқая түсіп, тістерін шұқылайды.

Бұл екеуін Тайбасардың өзі есік алдынан күтіп алған. Ішке енгенде Шомбал: «Ассалаумағалейкү-үм», – деп даусын көтере, зорайта сәлемдескен болды. Есенкелді ді бар болғаны ернін жыбыр еткізді. Іштегілердің де ешқайсысы «Уағалейкумассаламнан» қарыздар қалған жоқ. Келгендермен жасы кішілері түрегеліп, үлкенде отырған күйінде қол алысты да, екеу-үшеуі төмен қарай сырғын, би ағалардың қасынан орын берді. Бұлар отырған соң, Әйтім бастап, өзгелері қостап бет сипасты «Келгендеріне жол тілеулестігі болар» деп жорамалмен ғана бағдарламасақ, бұл не бет сипау екені белгісіз.

– Ұры мен бөрі, не пері жүретін шақта үйімнің іргесін дүрсілдете жүрген бұ кімдер десем, түн қатып жортқан би ағалар, өздерің екен ғой, – деді Шомбал үш кезек қарап.

Әйтім мен Телтуған үндемеді. Есесіне Сағыр шаңқ етті:

– Сөзін де, ісін де өзінің бітімі сияқты ірі ұстауға тырысады деп естуші ем, қателеспесем Шомбал шығарсың. Шомбал болсаң, сенің атыңды шығарған патуалы билік сөз емес, барымтадағы батырлығың еді ғой. Мені замандасым де, бірақ зиялы ағаларды ұры мен бөріге де, періге де салыуың білгендік, көргендік емес!

Шомбал да қарап қалмады.

– Би сөзі қысқа, қысқа болса да нұсқа болады деуші еді. Әр сөзіңді сағыздай созғаныңа қарағанда, би Сағырмын деп жүрген сен боларсың.

– Сағыз сөз жабысқақ болады. Сөзіме жабысып қалып, қапы қалмасыңа кім кепіл?

– Сағыздың сазайы ыстық су. Сөз қайнаған судан да ыстық. Етіңді ғана күйдіріп қоймайды, сүйегіңді пісіреді, ендеше сенен күтер жара жеңіл, – деп Шомбал енді Әйтімге бұрылды. – Көшкен құмнан басқа ештеңесі жоқ қу Нарында бір қу жақ би бар деуші еді, сол сіз боларсыз. Сонау Нарыннан ат сабылтып келетіндей ештеңе жоқ еді, жел сөзге ерме болмағай едіңіз.

Әйтім сөзді Шомбалдан тыңдағанмен, жауапты Есенкелдіге қарап отырып айтты.

– Е-е, Есенкелді, басыңа бақ қонып, дәулет дарыған адам болсаң да, сөзінді сөйлер кісіні тани алмапсың. Мыуыңнан кесірліктен басқа кесімді сөз шықпайды. Әрі сөзі жас ботаның аяғындай әлкеш-әлкеш қой.

– Күш атасын танымайды денендей, жүйел сөзді үлкен үлкенмін демей кішіге, кіші кішімін демей үлкенге айта бермей ме? – деп Есенкелді Шомбалдың еш сөзін теріске шығармайтынын сездіріп, тоң-теріс жауап берді.

Әйтімнің кейістік сөзі ішінде қалды. Тағы да сөзді Шомбал жалғастырды.

– Телтуған ағамен де сәлемдесе отыралық. Өзі батыр, өзі би Сырымды қазақтың бәрі біледі. Сырымнан өрген Сәуірден туған жалғыз кіндік сіз едіңіз. Бірақ Телтуғанды Сәуірден емес, ел туған дейтін еді жұрт. Осы жолғы алған бағытыңыздан елі туған ер биді тани алмай қалып отырмыз, – деп Телтуғанның қолтығына әдейі көпшік тастай сөйледі.

Телтуған қатты шамданды.

– Қысқарт! Естімеймін сөзінді! Дене бітімің мол болғанмен сөзің ұсақ неме екенсің! Көзімше мақтағаның тірілей көоге көмгенің емес пе мені?!

Шомбал беті қайтып үнсіз қалды. Есенкелді өзгеге сездірмегенмен қынжылып отыр. Шомбалды жас кезінде батырлығы үшін өзіне жақын тартса, егде тартқан қазіргі шағында сөз білетін, сөзбен сойылымды соғатын шешен деп қасынан тастамайтын. Жаңа Сағыр мен Әйтімге айтқан сөзіне іштей сүйсініп қалған. Телтуғанды бірден бұлай ашуландырып алғанына бұл да іштей: «Әттеген- ай!» – деп қалды. Бірақ мұны Шомбалдың Телтуғанды жақсы білмеуінен деп жорыды. Мана жолда үшеуін бұған әлде де жете таныстыра түспегеніне өкінді.

Осы кезде дастарқан жайылып, шай әзірленді. Танысу, сәлемдесу дегеннің өзі шайпау, қағыту, шеку сөзден басталған әңгіме бір сәтке болса да толас тапты.

Кейбіреулердің қатқақтап келген жылқыдай шайды сораптауы ұзаққа созылды. Зорға дегенде дастарқан жиналып, жұрт қозғалып, сыртқа шығып, бой жазып, қайға отырысты. Бұдан кейін алдарына көзе- көзе қымыз келді. Бір кезде барып Әйтім:

– Ау, халайық, әңгімені негізгі арнаға, жиналған мақсатымызға бағыттаптын кез жетті, – деді. – Солай емес пе, Есенкелді?

– Ерік өздеріңізде, – деді Есенкелді.

– Ендеше алдын-ала қояр шартың бар ма?

– Шарт – біреу. Осы жерде би ағалардан басқа мен ғана қалатын болайын. Өзгесі шығып кетсін, не бар топырлап.

– Бұл шартыңды орындауға болар.

Өзге билер де осыны қостады... Жұрт дүрліге қозғалып, түгел шығып кетті. Іште - Телтуған, Әйтім, Сағыр, Шомбал, Есенкелді, Тайбасар – алтауы ғана қалды.

– Алқоңырды шақырсақ қайтеді? – деді Сағыр.

– Қайтеміз жас адамды сөзге араластырып, – деді Әйтім.

– Не сұрайтынын білмейміз ғой.

– Әуелі келісіп алалық, сосын шақыртып алып, сұрайтынын білу қиын емес, – деді Телтуған.

– Е-е, Есенкелді, сен болсаң, жігіт ағасы, біз болсақ, бір аяғымыз көрде, бір аяғымыз жерде тұрған шағымызда тағы кездестік, – деп бастады әңгімені Телтуған. – Үшеуміздің үш қиырдан ат арылтып келген мақсатымызды өзің де білесің. Ақылға таразылап, кесімді сөзінді айт.

Есенкелді жауап орнына Шомбалға қарап. «Сені не үшін әкелдім, сөйлемейсің бе?» дегенді ұқтырды. Шомбал мана беті қайтып қалғанмен, шай ішкен соң едәуір шабыттанып алып, шабына сөйледі.

Есенкелді құн төлемейді, деді.

– Неге? – деді Сағыр, жұлып алғандай.

– Не деп төлейді?
– Күн сұраса, сұраған өз келіні, төлесе өзгеге емес өз келініне төлейді емес пе?
– Әу, би ағалар, бұрын салт деп, ру деп, намыс деп сәл нәрсеге бола жағаға жабысып, ұяласын танымаған иттей бір-біріңмен ырылдасып жатпаушы ма едіңдер. Сол дәстүрлерің қайда қазір?

– Сен, өрең жетпес өрге барып қайтесің. Салт, дәстүр деген сонау Адам-ата, Хауа-анадан бері жалғасып, қалыптасқан нәрсе. Әріге барма. Бүгінгі істің төңірегінде қала тұрсайшы, - деді Әйтім.

– Салтқа, дәстүрге жүгінбесең қай күшіңе сеніп, Есенкелдіден құн алып бермеңсің?

– Ақыл күшімен, ақыл күшімен, Шомбал! Ақыл күшімен!

– Ақыл дегенің дәстүрден, салттан шықпай ма? Осы сексенге келген жасыңның ішінде дәстүрге, салтқа жығылмай, қай ақыл күшімен біреуге құн алып беріп ең?

– Ол арасын ел біледі.

– Жоқ! Мен білемін! Үш рулы елден үшеуіміз жиналсақ, бір Есенкелді қайда бармақшы дейсіңдер гой. Мына мен тұрғанда Есенкелдінің жағасын ешкім жабыса да алмайды, жырта да алмайды. Салт бойынша, дәстүр бойынша ала алмайды екенсіңдер, міне қолым! Өліспей беріспеймін.

– Әй, Есенкелді, – деді Телтуған зілді үнмен. – Мына есерінді тоқтат! Ақ сақалымды сыйлағаның болсын. Есті әңгіме айта ма десем, енді аздан кейін бізге де жұдырығын ала жүгіретін түрі бар. Мына түрімен барша жұрт алдында сен де, біз де ұятқа қаламыз. Мұны билік айта жерге емес, әлі де беліне шоқпар байлап барымтаға сал!

Есенкелді Шомбалдан енді қайтып қайыр күтпеді.

Шомбал тағы да бірдеме айтпақ бола бергенде, Есенкелді: «Жетер, осы бүлдіргенің де» дегендей отты жанарымен түйіле жалт қарады. Билік айтар «шешені» жым болды.

Тайбасар әлсін-әлсін ағаш күбідегі қымызды сапырып қойып, көзелерге андасанда қымыз құяды. Сағыр мен Шомбалдан басқалары ішіп те жарытып отырған жоқ.

Орынды-орынсыз беттен алып, енді жолын бөгер ешкім қалмағанын түсінген Әйтім сұңқылдап кетті. Қарт шешен жарау жүйріктей әлі де бабында екен. Даусын созып та, көтеріп те, сөзінің маңызына қарай мақамын келтіріп-ақ сөйлкйді. Адамзаттың бір-біріне деген шексіз жақсылығы, сонымен бірге өлшеусіз қастығы, оу заманнан күні бүгінге дейін ұлағатты сөз айтатын ұлылардың да, бұл алдамшы өмірден өткенін төгілдіре, төкпектете келіп, сөз бағдарын негізгі арнаға бұра салды.

– Е, Есенкелді, бәйбішен дүниеден бұйрықтың ісімен озды. Ал мына жұрт Бекейдің қазасына сенің өзің қала берді Жасаған себепші болды деседі.

– Жұрт не демейді, – деді Есенкелді сөзді кесіп тастамақ болып.

– Иә, жұрттың не дегенінде сенің де, біздің де қандай жұмысымыз бар. Бірақ, өзіңнің келінің Алқоңырдың көл-көсір көз жасы үшін, соның өтнішімен келіп отырмыз біз. Келінің құн сұрайды.

Есенкелдінің де жауабы әзір екен. Бірден тіл қатты.

– Оу, жарқындарым, орақ ауыз отты сөз шешенбіз, биміз дейсіңдер. Ал, баламның өлуіне мен-ақ себепші болайын. Бірақ, о заман да бұ заман қай қазақтың ата салтынан көрдіңдер, туған келіннің атасынан құн сұрағанын. Жұрт не демейді. Менің келінім, мүмкін жастықпен артық-кем сөйлейтін болар. Ал, сендерге не болған. Ел алдында әр сөздерінді салт деп, сана деп, ата дәстүні деп бастамаушы ма едіңдер.

Есенкелді осыны айтты да, шаңыраққа қарап тілсіз қалды. Кекірейген тәкаппар қалпы. Қалың еріндерінің сәл ғана дірілдегені байқалады.

Сөзге Әйтім араласты.

– Жалтарар орның жоқ, Есенкелді. Одан сенің беделің де түспес, ырыс-байлығың да ортаймас. Келінің тілек еткен екен орында!

– Иә, ақылға жеңдіргенің дұрыс! Сенен алған құнмен келінің де байып кетем деп отырмаған болар. Бар болғаны – ақ жаулық қой дегенмен, туған балаңның орнын ұстап отырған адам, – деді Сағыр әр сөзін сағыздай созып.

– Жетер! – деді Есенкелді шаңқ етіп. – Жетер ақылгөйсiгендерің! Немене, бес-он жасар баламын ба мен сендерге? Мен кімін! Сендер кімсiңдер!

Телтуған:

– Сабыр! Сабыр, Есеңкелді!

Сағыр:

– Енді ашу шақырар сәтің емес.

Телтуған мен Сағырдың сөзін Әйтiм одан әрi жалғады.

– Мен кімін, сендер кімсiңдер дейсiң. Біз кім болушы едік. Біліп айтса, жұрт би деп жүр. Бүгін тірі, не тірі, не өлі болары белгісіз, шыбын жаны безбенге түскен елші тәрізді жүрген жандармыз. Айтысқа түскен екі жақты бітімге келтірсек тіріміз, келтіре алмасақ біз не, өлі кісі не? Ал сен алла тағаланың рақымы түскен мырзасың, Есенкелдісің. Есенкелді боп қаларсың да. Бірақ құн төлемеу – сенің абыройыңа лайық емес.

Әйтiмнің сөзін Телтуған іліп әкетті.

– Мойныма қарыз болмасын, Сәуір құданың сәлемін айтайын. «Құда мың жылдық, күйеу жүз жылдық» дейді, мың жылдық құдалар өмір-бақи бір-біріне бас иісіп өтуі керек еді. Есенкелді өйтпеді. Кешегі өз қолымен өлтірген Жаманқара мен қыршын кеткен Сырлыбай менің сүйек шатысым екенін білмей отырған жоқ, екеуіне не ештеңе демей іштен тынып едім. Бекей мен Алқоңыр екеуімізге ортақ бала, о дүниеге өкпе артып кетсін демесе, қазымның сұрағанын берсін», – деген.

– Болды! Болды енді көсемсімей! Құн төлеуден қашып отырған мен жоқ. Бірақ ата дәстүрімізде кездеспеген іс болды деп отырмын түсінсеңдер, – деді. – Ал! Алыңдар! Алып беріңдер сұрағанын! Не сұрайды? Обып кетер болса, алсын!

– Ие, арындамай әуелден сөйдемеймісің, – деп қалды Сағыр.

Есенкелді оған оқты көзін қадап еді, анау жан-жағына қарағыштап, екі қолын қоярға жер таба алмай қыбыжықтап қалды.

– Біз оның не сұрайтынын білмейміз, – деді Телтуған. – Бізге не сұрайтынымды сіздерің алдарыңда бір-ақ айтамын деген.

– Қайда өзі, шақыртсаңшы, – деді Есенкелді Тайбасарға.

Ол сыртқа шықты да, әлдебіреуді көрші үйде отырған Алқоңырды шақырып келуге жіберді.

Көп кешікпей ішке Алқоңыр кірді. Оның жүзіне көзі түскен Есенкелді өзінен-өзі селк етті. Есіктен бадана көз, ақ маңдай, ақ сұр келіншек кіріп келе жатты. Бұған кірпігін де қақтастан тік карады. Бұл, сірә, оның келін боп түскеннен бері бұған алғашқы тіке қарауы шығар. Жанарында ыза ма, әлдебір атып жіберердей отты ұшқан. «Жоқ, бұл Алқоңыр емес, мұның ұғымында келіні ақша жүзінде әрқашан қаны ойнап тұратын. Именшек, ата-ененің алдынан кесе өтпес, адал сүт емген уыз күйінде тұрмаушы ма еді. Жастар арасында отырғанда Бекейге қосылып ән салатыны бар дегенді еститін. Бұл оның сонысын ғана жақтырмайтын.

Алқоңыр би аталарына қарап, сәл тізе бүгіп, тағзым етті. Сосын бір тізерлеп кілем шетіне отырды.

– Сөйле балам, – деді Әйтiм өзінің қалыпты қоңыр үнімен. – Атаң есті адам ғой. Сенің тілегіңді орындауға әзір.

– Ақ сөйлеуді қашанда қадір тұтатын, қариялар қызметтеріңізге мына зар жылаған мен бейбақ ризамын. Қазір көзіме көрінгеннің бәрін кінәлауға әзір сияқтымын. Бірақ барлық қайғымның зіл салмағы қайында. Дәстүрде болмаған бір іске бел шешкен екенмін. Ағаттық десеңіздер, үкімі мен қазылығы да өздеріңіздің еріктеріңізде.

Даусының дірілін білдірмеу үшін қатқыл үнмен сөйлеп отырған Алқоңыр осы араға келгенде кідіріп қалды.

– Айта бер, қарағым, айта бер, – деді Телтуған. – Не сұрау ойыңда бар?

Алқоңыр отты жанарымен қайын атасына қарады. Есенкелді көзімен жер шұқып отыр.

– Берсе, мен қайын атамның зерлі тонын сұрағым келеді.

Сілті үнсіздік. Есенкелдінің зерлі тонды, «байлығымның басы, қасиетті мүлкім» деп бағалайтынын мына отырған ақ сақал, қара сақалдылардың қай-қайсысы да жақсы біледі. Бұлардың күдігі «берер ме екен, бермес пе екен» дегенге ғана тіреліп отыр.

– Есақа, келін бұйымтайын айтты ғой, – деді Сағыр біраз үнсіздіктен соң.

– Естіп отырмын, – деді Есенкелді ойланып барып. – Қалағаны атадан-атаға мирас боп келген осы қасиетті тон болса – алсын! Әпер анаған тонды!

Тайбасар орнынан созыла тұрып барып, төрде ілулі тұрған зерлі тонды алып, Алқоңырдың алдына тастады.

– Кешірімін алдын-ала сұрағанмын, қариялар, – деп Алқоңыр тонды қолына алып, орнынан тұрды. – Тон менің не теңім. Мұны менің кімім кимек? Жоқ. Мен мұны көрсе қызарлықпен сұраған жоқпен. Не үшін сұрағанымды дәттерің жетсе қараңдар!

Осыны айтты да, тонды жерге тастап, үстінен аттап етті. Есенкелді қанын ішіне тартып, төмен қарап қалды. Өзгелері де қолдарындағы алтын инелерін түсіріп алғандай, жерден көз алмайды. Жаңа Алқоңыр өз тілегін білдіргенде, осы отырғандардың бәрі де іштей: «Ие, құн сұрағандағы мақсаты – қасиетті деп саналатын қымбат мүлікті алудың амалы екен ғой», – деп ойлаған. Мына көрініс бәрін де қақ маңдайларынан зіл-батпан күрзімен бір-бір ұрып кеткендей мәңгірді де қалды.

Жасаған иенің көрсеткеніне көнбестік білдіргендей әлдебіреу естілер-естілмес етіп күбірледі. Өзгелердің тілі да илікпеді.

– Қариялар, сіздерге мың да бір рақмет! Ал мен өзіме тиесілі құнымды алып болдым. Алған құным қымбатқа түссе, қайын амамыз артығын менен сұрасын. Малдан басқа не қайғысы бар. Мал сұрар. Сұраса, байлап, матап беремін. Бекейден қалған жан садаға.

Алқоңыр осыны айтты да, шәйі көйлегінің етегі көлбеңдеп, сұлу тұлғасын тік ұстаған күйі шығып жүре берді.

Өлі тыныштық. Сөз бастауға ешкімнің де батылы жетпейтіндей. Бейне жаңа ғана осы үйдің бір қимас кісісін арулап шығарғандай бастарын жерден көтерер емес.

Неге мыналардың бірі үндемейді? Көмейлеріне тас кептелді ме? Бүкіл бір тайпаның ардақтысын «төмен етекте» әйелдің тәлкегіне салып қойып, бірінің де үндемейтіні қалай? Әлде жаңағы кесір келін енді қайтып, ешкімге кесімді сөз айтқызбайтындай етіп тілдеріне шоқ басып кетті ме?

Осы сәтке дейін алдынан тірі пендені кесе өткізіп көрмеген Есенкелдінің қара жерді қақ жарардай қаһары қайда?..

Қаз дауысты Қазыбек бидің жиеншарымын деп жүретін Әйтімнің тілін ешкім кесуден аман еді ғой?..

Тумысынан майда сөздің мақпалы, сара сөздің саңлағы Телтуғанға не болған!..

Жақсыны жанап, жаманды қажап, жайшылықта, сөйлер сөзге келгенде желмаядай есетін Сағыр неге үнсіз? Бұлар не ойлап отыр? Ең болмаса біреуің осы кезге дейінгі абырой атағынан жұрдай болған Есенкелді мырза үшін көңілге медеу боларлық бірдеңе айтсаңдаршы!..

Ең болмаса бір ауыз сөз... Ау, жақсылар!..

Үш жыл өткен соң

(Эпилог орнына)

Ар алдында алғаш рет абыройы айрандай төгілген Есенгелдінің бұл көрген соққысын соңғысы да емес-ті.

Жер сілкінткендей боп әуелі он алтыншы жылдың уақиғасы келді. Майданға кісі алу тізімі жүргізілді. Бұл кезде жасы қырықтан асып, қырма сақал болған Шойқара Есенкелдінің «есебі» бойынша «отызға толды да» тізімге бірінші боп ілікті. Шын шатақ осы арада басталды. Өзі секілді тізімге іліккен «он тоғыз» бен «отыз бірдегілердің» бір тобын ілестіріп алған Шойқара бірден Есенкелдінің мол байлығы – жылқысына шүйлікті. Үйір-үйір жылқыны айдап апарып ауыл-ауылдың кедей, жтақтарына үлестірді. Сосын әрқайсысы жандарына екі-үш жылқы байлаған топ Торғай даласына суыт аттанып кетті. Олар бұл кезде аты аңызға айналған Аманкелдінің қалың қолына барып қосылған-ды. Шойқара Есенкелдіге: «Мен таратқан жылқыны қайта жинап алар болсаң, қол жинап келіп, аулыңды шабамын» деп кеткен. Шойқараның айтқанынан қайтпайтын мінезінен қатты қаймығатын Есенкелді шарасыз хал кешті.

Сол жылдың қысы да ерен қатты болды. Кей кездер жердің жұлма-жұлмасын шығарғытсы келгендей ат құлағын көрсетпейтін ақ түтек апта бойы саябыр таппайтын. Сондай боранның бірінде ығып кеткен нөпір жылқысы тасыған судай боп барып, қайыру берместен «Қандығараның» биік жарынан кқлады да, Есенгелді жүгенін ұстап қала берді.

Ар қайрысына төтеп бергенмен, мал қайғысына осалдық танытқан ол төсек тартып, сұлап түсті. Баяғы Бекей ажалынан кейінгі сал ауруы қайта ұстаған-ды. Бала мен ардан бір, малдан екі айрылған ол енді қасиетті жарық дүние үшін, шыбын жаны үшін арпалысып жатты.

Образы Есенгельды и Бекея в прозе и поэзии современной казахской литературы

М. Еслямғалиев
(1946-2004)

Шуба, обшитая позументом (Перевод Умаровой Г.С.)

Это было в то время, когда еще царили наивность, невежество, беззаконие и безнравственность.

Это было время, когда над казахами нависла несправедливость, жестокость, когда вдовы с детьми оплакивали безвинно убитого мужа и отца, у матерей отбирали сыновей.

Это было время, когда каждый казах мечтал о счастливой и справедливой жизни, при которой водились бы тучные стада овец¹¹³.

... Но до этой поры было еще очень-очень далеко. Это были дни, когда, подобные Есенкельды, жестокие, хитрые и властные люди свою шубу, обшитую позументом, семейную реликвию ценили выше чести, справедливости, издеваясь над бедными, угнетали их. Обшитая позументом шуба - ценность Есенкельды, показатель его богатства и состояния. Это шуба затмила ему весь мир, она затмила даже смерть

¹¹³ Тучные стада овец - признак мирной жизни по мировосприятию казахов.

Сырлыбая, Шойкары, заставляя враждовать с родным сыном Бекеем и снохой Алконыр.

А теперь послушайте повесть о том, как этот Есенкельды причинил боль и страдания многим людям, о его знаменитой шубе и бесчисленном богатстве.

* * *

Среди густого камыша трудно найти тропинку. В камышах пасутся многочисленные тучные табуны лошадей.

Особо сильной вьюги здесь не бывает, лишь иногда пройдет жидкий снегопад. Этот редкий снег под копытами тысячного табуна превращается в грязь. Если же случается буран, то он страшен на возвышенностях, а здесь затишье и табунам, здесь вольготно.

Эта местность очень богата разнотравьем для тебенеющих¹¹⁴ лошадей.

Это левый берег Урала, где пасутся тысячные табуны Есенкельды близ Уленты, Шидерты, Канколя и Бултурты. В этом году – году зайца¹¹⁵, боясь сильных морозов и зимних буранов, с началом гололеда Есенкельды отправил табунщиков с лошадьми на Наркамыс.

Наркамыс – земля рода Бериш. Разумеется, Сарбала не отдал бы столь богатые земли Наркамыс для тысячных табунов Есенкельды, если между ними не установились родственные отношения, с прошлого года они стали сватьями. Сарбала сосватал единственному сыну дочь Есенкельды. И поэтому, в эту трудную зиму, выручая друг друга, пользуются вместе дарами этой земли.

Расстояние между аулами сватьев не столь уж близкое, в хорошую погоду верхом всаднику приходится проехать за две недели. К тому же, учитывая столь частые бураны зимой, вообще прекратились сообщения: разумный человек не пустился бы в дни буранов в путь.

Видимо Есенкельды сильно полагался на своих вверенных людей, что они выведут его помеченных коней из буранной зимы благополучно. Или же безрассудный буран заставлял разумных людей не пускаться в дорогу, но, в общем, связи с хозяином за зиму так и не было.

Опытные табунщики, догадываясь о предстоящей трудной зиме, прихватили с собой теплую одежду, продукты питания. Им было не до сна, они были заняты думами о спасении бесчисленных табунов в эту буранную зиму.

Неудобство этих местностей в том, что здесь водятся очень много волков. Если не брать в счёт ночное время, только днём они могут напасть и разодрать отлучившихся одиноких жеребят. Но и у волков хватает своих «врагов». Иногда, в случае нападения на след волчьей стаи, лишь один вооружённый всадник может истребить несколько волков сразу. К тому же в каждом табуне лошадей имеется вожак, который может в ярости разорвать зубами волка или же растоптать его копытами, и тогда остальные волки в испуге пускаются наутёк.

Выходя на охоту, казахи никогда не возвращались без трофея, привозили с собой хотя бы зайца. «Теперь в аул вернемся с волчьей шкурой», - радовались табунщики.

Наркамыс – раздольная земля кочевников. Не зря пастухи выбрали эти места: табунам здесь было вольготно, потому что здесь много низменных мест, когда лошади паслись по низовьям, с высоты можно лишь наблюдать за ними, не столь утруждая себя работой.

Недалеко от Наркамыса расположены около десяти домов. Прибыв в ноябре, тридцать человек построили эти дома. Половина здания под землей, часть над землей.

¹¹⁴ Тебенеющих – добывающих корм под снегом копытами.

¹¹⁵ Год – Зайца - по казахскому (мусульманскому) календарю.

Возле домов вбиты в землю столбы для привязи за узду лошадей. Сейчас на привязи лошади вернувшихся с ночной смены десяти пастухов.

Спокойные, понимающие друг друга по мимике в другие дни, сегодня табунщики, обеспокоенные и взволнованные чем-то, собрались в крайнем доме. С утра что-то никак не поделят, кричат друг на друга.

– Сырлыбай, дорогой, говорят «от удара о твердую землю даже стальной нож гнется». Неизвестно, чем все это закончится. Может, перестанешь, пока все идет подобру-поздорову, – предложил Шойкара, сложив свой перочинный ножик в голенище сапога.

– Сырлыбай затевает глупость, – вмешался Убисин, с ухмылкой на светло-рыжем лице. – Есенкельды не погладит нас по головке за иноходца Акбас – Белоголового. Лично я умываю руки.

– Не беспокойся, тебя это не коснется. За все я отвечу сам, – вскрикнул, взорвавшись от возмущения Сырлыбай, всем видом подчеркивая твердую решимость.

– Он оказал тебе честь, назначив главным табунщиком, а ты вздумал зарезать Акбас, чтобы отомстить за отца, увидишь, он поступит с тобой как и с твоим отцом. – Такое мнение высказал пастух – сверстник Сырлыбая.

– Заткнись! Не смей в это дело вмешивать имя моего отца! Это не твое дело. Если завидуешь мне, хоть сейчас занимай место главного табунщика. А я все равно зарежу иноходца Акбасты.

Если Сырлыбай завелся, то его бесполезно отговаривать. Вновь вмешался Шойкара.

– Сырлыбай, мы с тобой немало лет пасли вместе табуны Есенкельды. Сколько проводили долгих ночей, делились секретами, сокровенными мыслями. Отца твоего уважали и будем хранить в памяти. Если тебе так необходимо зарезать коня, бери любого на выбор, только оставь в покое Акбас. Ты же знаешь, что бай нам с тобой наказал особо смотреть за Акбасом. Ни ты, ни я не знаем, почему он так дорожит им. Его планы нам неизвестны. Что же делать? Не нам решать судьбу Акбаса.

Несколько пастухов поддержали Шойкару.

– Не стоит на здоровую голову искать себе проблему.

– Зачем искать приключений, когда все тихо и мирно!

– Тем более, что Акбас – худой. Ведь на нем свет клином не сошелся!

– Для бая дороже всего его обшитая позументом шуба.

– Может правдой является слух в народе, что единственную дочь бая обесчестил ты, и тем уже ты насолил ему.

– Ха-ха-ха!

– Хи-хи-хи!

В лице Сырлыбая не вздрогнула ни одна мимика. Лишь по казавшимся другим красивым его усам можно было догадаться, что он сильно взволнован. Пастухи вмиг умолкли.

– Амиргали, приведи сейчас же Акбаса! Кто же не согласен с моим решением, тут же можете отправить посыльного к баю с сообщением, – властным тоном приказал Сырлыбай. Все молчали. Нарушив неловкую тишину, заговорил Шойкара.

– Ладно, Сырлыбай, если затеял непростое дело, мы тебя одного не бросим. Мы с тобой, и ответ понесем вместе. Так же, джигиты!

– Конечно!

– Согласны!

– Ответим вместе! (Сырлыбайдан бөлек сақтаған жанды ит жесін!)

Амиргали ушел за Акбасом, прихватив висевший у входа аркан, а пастухи, вернувшиеся с ночного дежурства, взялись точить ножи.

В комнате остались только Шойкара и Сырлыбай.

– Эй, сынок, – сказал Шойкара, – Слышал ли ты пословицу: У шалуна голова начинает мыслить лишь после проделанного дела!

– Зачем возвращаться вновь и вновь к уже сказанному и навсегда решенному?

– Тогда я замолчал.

Уткнувшись, Шойкара завалился спать. Неужели имя ему дал его же отец?! Кто бы ни выбирал ему имя, но попал в точку. Шойкара – Иссиня черный, крепкий, соответственно и его телосложению и его характеру. Сейчас ему больше сорока. Крепок сложением, даже слишком крепкий. На лице выделяется острый нос, сам весь черный. Волосы всегда бреет наголо. Кожа головы вечно в морщинах, как и все тело, голова – крупная. Уши, похожие на уши мыша, кажутся на фоне его крупной головы, совсем маленькими, будто не уши, а небольшой чуть-чуть видный нарост. Голос сильный, каждое им произнесенное слово слышишь отчетливо. Лишь только голова его коснулась подушки – тут же послышался храп. Сырлыбай было тоже только вздремнул, как обоих разбудил голос Салемгерей.

– Шоке¹¹⁶!, Сырлыбай! Выйдите, пожалуйста.

– Да что случилось?! – пробурчал недовольно Шойкара, пытаясь проснуться.

– Скажу – не поверите! Не зря говорят: на свете всегда много всего, чего человек не знает и не видел. Идите сюда!

Оба вышли на улицу. Салемгерей с Амиром освежав, уже почти заканчивали рубить мясо иноходца Акбаса. Две собаки, рыча, с удовольствием уплётывали свежую кровь на снегу.

– Шоке, кто может сказать, что видел подобное?

– Дорогой, что удивительного ты увидел, скажешь наконец или нет?

– Шоке, говорят же, что у настоящего иноходца кости позвонка не крепнут, бывают подобно хрящу?!

– Говорят.

– Тогда я и на самом деле вижу, что вместо позвонка у Акбаса – хрящ.

– Астагыпырала (господи, боже мой), правда! – ответил Шойкара. – Действительно так! Надо же такому случиться!

– Шоке, и правду так!

Все по очереди стали ощупывать позвонок, напоминающий хрящ.

– Бедненький Акбасты, каким бы иноходцем ты стал бы и прославился на всю Степь!

– Я же чему диву даюсь, так это тому, каким образом предвидел это Есенгельды!? – вымолвил Салемгерей.

– Это можно определить только в первые дни появления на свет жеребёнка.

– Надо же, каков хитрец! Если Есенгельды не владел бы такими секретами коневодства, мог бы так умножить свои табуны! Вот почему, когда появляются на свет жеребята, он сам так и вьётся вокруг них сам. Вот где его секрет!

– Мы же глупые, с детства возимся возле лошадей, а о таком и не ведаем.

Сырлыбай молча пошёл прочь.

* * *

Вечером перед пастухами на ужин было подано полное мясом блюдо. В другие дни такое богатство уплётывалось бы в обе щеки, но сегодня мало кто ел с аппетитом. Только Салемгерей да два-три пастуха беспечно приступили к трапезе.

¹¹⁶ Шоке-традиционное обращение казахов-мужчин друг к другу, сокращая полное имя – Шойкара-Шоке. Таким обращением подчеркивается дружеское отношение собеседников; также друзья могут позволить себе подобное обращение между собой (Г.У.).

Хотя Акбас был иноходец Есенкельды, но через три-четыре года, если бы он победил в байге¹¹⁷, то каждый из присутствующих с гордостью мог заявить, что и его труд есть в этой победе, благодаря чему прославился бы на всю округу и аул. Но видимо, побаиваясь Сырлыбая, когда увидели хрящ Акбаса – все признаки несостоявшегося победителя-иноходца, никто, кроме слов: «Надо же!», «Бывает же такое!» и «Ой, астагыпералла – господи, боже!» – не сказал ничего, не возмутился. А теперь, попробовав отваренное мясо Акбаса, шептали: «Какое нежирное мясо! Бедненький!» – и больше не прикасались к блюду.

У Сырлыбая, ни разу не прикоснувшегося к блюду, вид был очень бледен. Но по лицу ни о чем нельзя догадаться. Временами, закручивая концы своих усов, сидел молча.

– Эй, вы чего все насупились, сидите не кушая. Или думаете, что из тысячного табуна вновь не родится подобный Акбас, – проговорил Сырлыбай, продолжая горстями набирать пятерней мясо и с удовольствием отправляя его в рот. – Может кто-то желает сдать меня Есенкельды, обвинив, что больше всех съел мясо Акбаса?

– Дорогой, успокойся, если есть аппетит – кушай на здоровье, – сказал Шойкара. – А насчет ответа перед Есенкельды – ответим все вместе.

Пастухи, вытирая руки об сапоги, по одному стали выходить на улицу.

– Саке, Вы сегодня отдохните, а я подежурю вместо Вас, – предложил Сырлыбай Салемгерю.

– Сыржан, я и сам могу пойти. Ведь ты и прошлой ночью дежурил, – ответил Салемгерей, хотя в душе был не против отдыха.

– Не волнуйтесь, я днем вздремнул, и поэтому спать не хочется, – произнес Сырлыбай, выходя на улицу.

Лунная ночь. Легкий туман стелется по земле, в окрестности – тишина. Лошади, стоящие на привязи, временами нетерпеливо ржали. Сырлыбай вскочил на своего Желмая, отправился восвояси, сзади него на длинных поводках скакали три других коней. Рядом бежали, стараясь не отстать, собаки.

Смятения: правильно ли он поступил сегодня, или нет, – стали беспокоить молодого джигита. Кажется, ему было жаль Акбас, он чувствовал, что виновен в судьбе иноходца. Ведь разобраться, Акбас ни в чем не виноват перед ним. Разве дело в призе, которого мог бы принести в случае победы в байге иноходец? Победа иноходца – честь всего племени, а не только аула. Казахи всю жизнь, даже каждый день и ночь проводящие с конем, и засыпающие то под их ржание, или топот, всегда ценили иноходцев, гордились, если имели таковых. Тогда судьба Акбаса, точно удар со спины, будет смертельным для Есенкельды. А что он потребует за зарезанного (зарубленного на мясо) иноходца – одному богу ведомо.

Отец Сырлыбая Жаманкара был ровесником Есенкельды. Всю свою жизнь пас его табуны лошадей. В конце концов, в прошлое лето за то, что не выполнил приказ хозяина приучить ненаезженного коня, Есенкельды ударил табунщика по голове камчой со свинцом на конце. Такой удар оказался смертельным и через три дня отца не стало. Горе, свалившееся на плечи семьи, стало тяжелой ношей и для джигита. Когда все, кто пришли хоронить, ушли, сын один остался у могилы. При людях не посмевший расплакаться, в одиночестве он дал волю слезам. Среди детей Жаманкары Сырлыбай – старший, остальные еще совсем малы. Наплакавшись, сын дал клятву отомстить за отца. «Если же не выполню обещанного, считай, – что у тебя нет сына», – громко проговорил Сырлыбай.

В день поминок на седьмой день со дня похорон Жаманкары, пришел Есенкельды, оправдываясь, он произнес: «Какой мужчина не конфликтует. В минуты

¹¹⁷Байга – скачки-соревнования на лошадях

ярости не совладел собой – с кем не случается. Сырлыбай, ты с детства знаешь повадки лошадей, помогал отцу пасти мои табуны. Займи место главного табунщика».

Сырлыбай, которого переполняли чувства ненависти, возмущения, желания отомстить за отца, промолчал. «Какой мужчина, – говорит, – не вступает в конфликт, тогда давай попробуем побороться», – эти слова, подобные выстрелу, чуть не слетели с его языка.

Слова табунщиков об единственной дочери бая ... – тоже правда. Мечь, подобно грому, одним концом выстрела, попала в эту девушку.

Лунная летняя ночь очаровывает молодёжь, будит в них влюблённость, возвышенные чувства. Возможно такие ночи, подаренные природой восприимчивой молодежи, способствуют пробуждению в сердцах юных симпатии, влечение юношей к девушкам и служат причиной многих-многих признаний влюбленных в своих чувствах. Видимо, в том, что казахская молодёжь именно в эти прекрасные летние вечера играет в свои любимые игры «Ақсүйек» («Белая кость»), «Алтыбақан» (Во время этих игр молодые парами – девушка и парень, катаясь на качелях, исполняют песни о любви), и есть своя прелесть. От нескончаемых бытовых проблем, грязных сплетен любопытных, от зорких глаз опекающих взрослых, от окружающих, старающихся видеть в отношениях между девушкой и парнем только развратное, низменное, молодёжь с её открытой душой к прекрасному, возвышенному, чистому, с нетерпением ждёт такой летней ночи как чуда природы.

Была одна из таких ночей, от которой молодые сердца ожидали встречи с прекрасным: в эти ночи можно было услышать новые песни, шутки, смех.

Ночь была безветренная, прохладная. Будто безлунная звёздная ночь была в сговоре с тайнами молодежной игры «Алтыбақан» и, соглашаясь с её секретами, подмигивала. На качелях – известные всему аулу голосами Ашим и красавица Жансая – единственная дочь Есенгельды. Эх, если кому можно доверить спеть песни о любви, то только им двоим!

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.
Не страшись, что в тиши
Говорю от души,
Иль самой невдомёк!
Дивный день предреши¹¹⁸.

Один только Сырлыбай, стоявший в стороне от молодежи, был безмолвен, безучастен к веселью, музыка и песни не волновали его. Если бы не ночная темнота, окружающие заметили бы его туманный взгляд, что в его душе, после 40-дневных поминок отца тлеет что-то страшное.

Песня закончилась. Жансая спустилась с качели, Ашим продолжал качаться. Среди молодежи загорелся спор; кому же надо составить партию Ашиму. Жансая стала отделяться от толпы, но к ней подбежала Зибя.

– Я приду сейчас. Ты же иди к Ашиму. Ты думаешь, он не слез с качели из-за меня, он же тебя одну ждет, – прошептала подруге Жансая. – Пока с ним пели песню, он глазами искал только тебя.

– Эй, Жансая, я то останусь с ним, но петь как ты не смогу, – улыбаясь, ответила Зибя и ушла к толпе.

¹¹⁸ Перевод песни казахского классика Абая. – М.Петровых.

В темноте сверкал подол белого платья Жансаи. Сырлыбая, догонявшего девушку, никто не заметил. Когда достаточно отделились от веселившейся молодежи, он окликнул ее:

– Жансая!

Голос его прозвучал громко и грубо. Девушка в испуге застыла.

– Кто это?

– Я, Сырлыбай. Не бойся! – сказал он уверенно. – Кто ищет, тот всегда найдет. Я пришел не за твоей жизнью, а затем, что ты бережешь пуще глаз.

– Агажан¹¹⁹, дядя, что я такого сделала Вам, чтобы так преследовать меня?! – с дрожью в голосе спросила она.

Сырлыбай схватил девушку за руку.

– Вы поймите меня, я же безвинна!

– Если у джигита из рода Бериш, которого сосватали за тебя и который не знает тебя, к тебе нет никаких притязаний, то у меня к тебе есть притязания.

– Какие притязания?

– Это ты сама должна догадаться.

– Поняла. Вы мстите за отца. Но разве пристало уважаемому джигиту отстаивать честь отца, унижая женщину?

– О моя умница! Если бы ты не была такой умной, я держался бы подальше. Пусть началом моей мести станешь ты.

– Отпустите, иначе, – закричу!

– Нет, не закричишь!

Против действий крепкого мужчины у хрупкой девушки не хватило сил. Она застыла как зайчонок, попавший в железные лапы беркута. Попыталась закричать, но джигит заткнул ей рот ее же платком. Девушка захлебнулась в слезах. И, подобно осам, искусала и исцарапала ему грудь.

Когда же он, добившись своего, решил уйти, она, схватив его за ворот, вся в слезах, проговорила:

– Вы тот, кто впервые прикоснулся к моему безвинному телу. Теперь дайте мне обещание, что не бросите меня. Может, это моя участь, предначертанная судьбой. Не оставьте меня в таком положении. Теперь я вся ваша.

Джигит, который ни разу в своей жизни не то, что шутить с девушкой, но и близко боялся подходить к ней, опешил от ее слов. Слова Жансаи бросили его в жар. Забыв, что пришел с темными мыслями, он понял: пред ним была его любимая, и поэтому стал целовать ее в глаза, полные слез, в красные губы, целовал беспрестанно. Продолжая целовать, он спросил:

– Разве твой всеильный отец при жизни соизволит отдать дочь рабу, подобному мне? Жансая собралась ответить ему, но в это время они услышали голос Зибы:

– Жансая, куда ты делаешь?

Он вскочив, быстро исчез в темноте.

Утро следующего дня как будто разом потушил так быстро вспыхнувшее в его сердце пламя любви. Больше он не подходил к Жансае. «Месть!», «Месть!» – беспрестанно звучало в его ушах. Но слова Жансаи, произнесенные ею сквозь рыдания, остались в памяти и часто заставляли его вспоминать ее.

Почему он оскорбил безвинную Жансаю? Ведь и других путей было достаточно для сведения счета с Есенкельды? За что он унизил ее, ангела с чистой душой? Его мысли были заняты местью всемогущему Есенкельды. Даже не верится, что Жансая – дочь от жены Есенкельды – Асыл. Все аульчане с уважением отзывались о Жансае, и каждый мечтал, чтобы их дочь была бы похожа на нее. Каждый джигит мечтает выбрать спутницей жизни девушку, похожую на Жансаю.

¹¹⁹ Агажан – уважительное обращение женщины к мужчине, старшему по возрасту.

Конечно, Есенкельды об отношениях между дочерью и Сырлыбаем не ведают.

... Очень жаль иноходца Акбас, действительно, стал бы красавцем – конем, гордостью всего племени, побеждал бы не на одной байге. То, что зарезали Акбас, окажется непредсказуемым ударом для Есенкельды, ему покажется, что будто «враги начисто срубили его любимый лес».

От этих мучительных, неразрешимых мыслей Сырлыбая отвлекло испуганное ржание лошадей. Видимо, опять идут волки. Он окликнул собак.

– Актос! Актабан! Аккус!

* * *

Август. Откуда столько людей набралось? Среди почетных гостей, собравшихся на поминки, Есенкельды выделялся важным, много знающим и видевшим человеком. Он надменно оглядывал всех, поглаживая с удовольствием свою черную бороду. Среди гостей были и те, кто услужливо лебезил перед Есенкельды и те, кто считал себя с ним наравне, и те, кто позволял себе смотреть на него свысока. «Надо же, – подумал Есенкельды про себя, – покойный Даукара при жизни прославился, его знают всюду! Столько людей собралось помянуть его!» Он же почитал покойного за богатство, за то, что имел непобедимого скакуна. Да, при жизни так и не уступил скакун Даукары почетные места, а хозяину – почетное звание владельца непревзойденного и непобедимого иноходца, поэтому Даукары знают не только в округе. А коренастый Даукара теперь после смерти заставил собравшихся, помянуть его чуть ли не как вождя. По мысли Есенкельды, мужчина может прославиться, если ему сопутствует удача. Когда закончатся сочтенные богом тебе дни, вчерашняя лебезящая пред тобой, старающаяся превозносить тебя при всяком удобном случае толпа может лишь иногда и то, если вспомнят, сказать: «Да и такой-то человек был на свете и ушел из этой жизни». Думаешь, что эта толпа собралась на поминки Даукары, почитая его богатство и славу? Нет, они пришли досыта наесться тем сочным мясом, который варится в больших казанах (котлах), да показать себя другим. Не зря говорят: «Өлі арыстаннан тірі тышқан артық!» – «Живая мышь лучше мертвого льва».

Вот теперь: кто может поспорить с тем, что его имя – имя Есенкельды прославит его любимый Акбас. Дай бог, чтобы так случилось! Скоро должны вернуться со стороны Канколя участники байги. Все внимание болельщиков обращено в сторону Канколя и каждый надеется, что первым прискачет его иноходец. «Помоги Всевышний! Когда же я увижу первым скачущего Акбаса с его красивым, неповторимым белым лбом!» - молился он про себя.

Многие зрители давно обратили внимание на Акбас. Некоторые из них имеют дар сглазить. Именно этого боится Есенкельды. Почему перед тем, как собраться на поминки Даукары не подумал накрыть Акбас, тогда зрители обратили бы больше своего внимания на покрывало иноходца, нежели на него самого. Нет ничего опасного, чем знатоки лошадей. Но кто знает, как они мгновенно выделяют Акбасты от других скакунов. Знатоков восхищают даже помет его иноходца. Все это Есенкельды не смог предугадать раньше байги. Ведь знатоки могут сглазить Акбас. Господи, упаси моего любимца от такой напасти! Есенкельды сколько помнит себя, как бы ни множил табуны лошадей, судьба впервые одарила его красавцем – иноходцем Акбас. То почему же не поддержит его Всевышний! До Акбаса Есенкельды питал надежду на иноходца Сартандак, который еле смог войти в девятку лучших скакунов на байге, проводившейся в честь великого собрания казахов трех жузов. Хотя Сартандак был красивый, но скорость его при беге, видимо сглазили знатоки лошадей, была неважной. Тогда Есенкельды казалось, что зрители смеялись над ним, говоря: «Есенкельды пасет не коней, а ишаков. И поэтому всемерно рад». Но, может быть, и не говорят точно так,

но он чувствовал себя в шкуре человека, над которым едко насмеялись из-за слабого выступления иноходца Сартанака.

Неужели его душевное горе, тоску, оставшиеся после Сартанака, не развеет Акбас? В этом он не сомневался. Только вот уже терпение лопается в ожидании возвращения Акбас, скачущего впереди всего табуна. Вон, даже видно издалека, как он отделяется от всех лошадей.

– Лошади скачут!

– Ой, господи, дай силы дождаться!

Табунщики мешали увидеть яснее Акбаса. Вон, вон он, Акбас! О, Всевышний, это он! Будто в байге участвовал лишь один.

– Давай сюда Сартандака! – крикнул он пастушонка.

... Фу, ты! Оказывается, все это сон!

– Мырза, мырзек¹²⁰, лошади возвращаются – кричал кто-то на улице, и эти слова разбудили спящего Есенкельды.

– Пошел отсюда! Сгинь! Не показывайся мне на глаза!

Кайрак, прислуга, отступая, исчез за дверью. О том, что уже обеденное время, Есенкельды догадался, когда открылась дверь, иначе, по закрытому тундуку юрты определить время суток трудно. Видимо, токал¹²¹ ушла недавно, потому что ее место в постели было еще теплым. Вновь лег на подушку и подумал: «Ведь Акбаса, возвращающегося с победой на байге, увидел ясно, будто наяву». Действительно, летом справляли поминки по Даукары. Но допускать к скачкам Акбаса еще не стоит: ему нужно чуть окрепнуть, подрасти. Зря не стоит мучить коня. Он сейчас больше похож на ишака. Когда был жеребенком, он не был таким! Или же все быстроходные скакуны имеют не очень-то красивый внешний вид?! Ведь он сам видел, как некрасив прославленный Акан сэром¹²² его Кулагер. Ой, лишь бы вырос быстроходным конем, а что внешне некрасив – не имеет значения. Конь красив именно быстроходностью. «Интересно, каким он стал на сегодня?»

О том, что у него столь большие надежды на Акбаса, знает только он сам. Не только днем, но и ночью, во сне, он живет думами о лошадях. Весь секрет в особой зоркости, знаний Есенкельды повадок лошадей, их особенностей. Неповторимость, необычность Акбаса он заметил еще в первые дни его рождения.

– Эй, ты сказал, что табунщики с лошадьми близки?

Кайрак, заметивший чуть потеплевший взгляд хозяина, осмелился подойти поближе.

– Да, мырза, недавно Коптелеу вернулся. Он сказал, что табунщикам с лошадьми осталось день пути. Скоро будут. Коптелеу видел их в пути.

За три недели вперед сам Есенкельды оправил Коптелеу с заданием передать пастухам приказ возвратиться в аул с табунами.

– С лошадьми все нормально?

– Да, все нормально. Штук пять-шесть слабых жеребят съели или покусали волки, остальные в порядке.

– Да ладно, пять-шесть жеребят можно посчитать как за милостыню перед богом.

Есенкельды чуть не проговорил вслух: «Все ли в порядке с Акбасом», испугавшись, промолчал. Он боялся вслух обсуждать свои думы об Акбас, стараясь держать свой секрет только в мыслях.

В это время зашла молодая токал Асия, открыла тундук, стала готовить чай. Закончив пить чай, Есенкельды велел достать из сундука шубу.

– Баба, достань мою шубу с позументами.

¹²⁰ Мырзек - уважительное отношение к господину.

¹²¹ Токал – младшая жена (В казахском обществе XIX века бытовала традиция многоженства – Г.У.).

¹²² Ахан сэр - знаменитый казахский поэт-бард.

Асия, удивленная тем, что обычно эта шуба доставалась по особому случаю, не скрывала своего удивления:

– Зачем она тебе, мой мырза?

Есенкельды, обычно не допускающий того, чтобы ему перечили, не мог оборвать эту красивую молодую токал на полуслове.

– Эй, если не носить эту шубу при жизни, она сгниет в сундуке. Да и то, что после такой тяжелой зимы, мои табуны возвращаются в целостности и сохранности – разве не праздничное событие?!

Асия, открыв большой сундук, достала шубу и кинула пред ним.

Шуба с позументами – ценность, доставшаяся Есенкельды от прадедов. Сколько же лет ей, кто носил ее – не совсем известно, но, главное, шуба сохранилась как новая. Широкий добротный воротник сшит из шкуры речного бобра. Все пуговицы из золота. Подол, рукава мастерски обшиты позументом. Вся шуба сшита из бархата. А из чьей шкуры сшита шуба и сам Есенкельды не знает. Он только помнит, как в детстве ему рассказывал отец: «Говорят, что наши деды были сильными людьми. Могли идти на охоту без ружия и осилить медведя. Видимо, эта шуба была сшита из шкуры такого медведя». Да и эта догадка была лишь предположением. От отца своего Итемгена Есенгельды достались семейные реликвии – шуба с позументом и кинжал. Для кинжала к шубе пришит ремень с футляром, чтобы обязательно носить с шубой. И Есенкельды, не нарушая семейные традиции, носит шубу обязательно с кинжалом. Главной ценностью, семейной реликвией, не сомневаясь, считает эту шубу с кинжалом. Если не особо праздничные дни, их не трогает, не носит. На сухощавом, рослом Есенкельды шуба сидит ладно, будто сшили только для него. Иногда Есенкельды в душе хвалится тем, что ни у кого в округе не видел подобной красивой шубы с кинжалом. Если же кто-нибудь, восхищаясь его шубой, замечает, что прадеды Есенкельды, видимо, были людьми знатными и уважаемыми, то Есенкельды от гордости бывал на седьмом небе.

Надев шубу, вышел на улицу. Не торопясь, одним махом взмогился на своем коне Сартандаке, заранее подготовленного для поездки мырзы.

Хотя снег полностью не сошел, временами грязи было достаточно. Начала пробиваться трава. Едут два всадника. Это Есенкельды на Сартандаке и еле поспевающий за ним прислуга Кайрак на худощавой лошаденке. Есенкельды вышел пораньше встречать своих табунов, думая заранее дать распоряжение приготовить стойбище, отдельное для ожеребившихся кобылиц. Ехали все время молча. Подъехав ближе к Шидерты, мырза заставил своего коня убавить ход, и не поворачиваясь, спросил Кайрака:

– Кажется, эта окрестность более подходит для пастьбы ожеребелых кобыл.

– Из всех рассмотренных нами мест, думаю, Шидерты – самое подходящее. Мырза, со стороны Теке¹²³ в нашу сторону едут путники.

– На наших не очень похожи. К повозке трёх лошадей, что ли, впрягли?!

– Кажется, уездный начальник собрался к нам?

– Черт его знает.

Повозка, запряженная тремя белыми лошадьми, быстро подъехала к ним.

– Нет, это не уездный начальник. Его обычно сопровождают два-три всадника, – успел высказать свои догадки Кайрак, как возле них остановилась повозка.

В повозке, кроме кучера, сидели два человека. Один чуть выше среднего роста, слишком толстый – русский. Одет он был очень уж нарядно. «Видимо, один из крупных русских мырза», – подумал Есенкельды про себя. Рядом с ним сидел аккуратный, лет около тридцати или чуть меньше возрастом, маленький ростом, джигит-казах, переводчик.

¹²³ Теке - название, данное казахами Уральску в XIX – начале XX вв..

Как только повозка остановилась, с нее вылетел этот молодой казах, а его попутчик, мырза лишь наполовину выглянул, приоткрыв дверь повозки.

– Ассалаумалейкум, Есака, – поздоровался казах и с Есенкельды и с Кайрак, подавая обоим руку.

Есенкельды не узнал джигита.

– Есека, живы-здоровы, скот жив-здоров?¹²⁴

– Нормально, пойдет, – сквозь зубы промямлил Есенкельды.

– Есака, не узнали же меня, как говорят казахи: «Знакомились, когда продавали коней». И правду, мы знаем друг друга с тех дней, когда вы приезжали в Теке продавать коней, а я купил у Вас одного черного иноходца.

– Не запомнил, – холодно ответил Есенкельды. – А кто этот русский, что рядом с тобой?

– Есака, так это же самый известный и богатый мырза в Теке – Карпов. Наверное, наслышаны о нем. В Теке, кроме него, нет богатого человека. Сейчас он в Теке строит самый высокий дом в Уральске.

Есенкельды был наслышан о Карпове. Если этот джигит с пеной во рту расхваливает, значит действительно богатый человек.

– Е, доброго пути вам! А этот голубоглазый даже свое «здравствуй» пожалел что ли?

– Ой-бой, Есака, этот мырза понимает немного по-казахски.

– Е, и что из этого, пошел он к черту.

В это время джигит что-то быстро перевел своему попутчику. Посиневший от холода русский мырза улыбнулся, его голубые глаза заиграли.

– Е, е, бай я тебя знает. Тебя сколько лошадей? – спросил он, пытаясь заговорить по-казахски.

– Откуда мне знать, думаешь, я считал, что ли, их.

Карпов с непониманием посмотрел на переводчика. Тот объяснил.

– Ну, скажи, канша сенде ат? (сколько у тебя лошадей?) – вновь выпытывал он.

– Я никогда их не считаю. В июле месяце, когда они от жары в жажде приходят на водопой к берегам Шидерты, воды в реке остается вдвое меньше. Если мастер считать, теперь посчитай сам.

Джигит перевел. Карпов от удивления стал щелкать языком, затем вновь пристал с вопросом:

– Акша бар? Акша коп? – Деньги есть? Денег много?

– Нету, денег нет.

Карпов еще что-то сказал на своем языке, переводчик не к месту засмеялся. Его смех напоминал кваканье лягушки.

– Эй, что этот говорит?

– Говорит, что Вы тощий бедный. Кони не считаются богатством, из их шкур, проданных на базаре – не сколотишь состояние, – ответил переводчик, продолжая неестественно смеяться.

– Ей, откуда знать этому «капир»¹²⁵, что если коня продать – можно заиметь деньги, если запрячь, то это средство передвижения, а мясо и кумыс – кобылье молоко не уступают по лечебным свойствам вашему меду.

– Есака, не обижайтесь, это шутка. Мы едем в Жымбейту по срочному делу. Может, на обратном пути надумаем к Вам заехать, – попытался успокоить переводчик, залезая в повозку.

¹²⁴ Особенность казахов: приветствуя, обязательно узнают о хозяйстве – домашнем скоте. Полагается, что если жив скот, – сыта и семья, и жизнь продолжается.

¹²⁵ Капир – не мусульманин, неверный.

Довольный своей шуткой, Карпов, как только тронулись кони, громко обратился к Есенкельды:

– До свидания, мырза.

– Пошел к черту!

Злой, Есенкельды выматерился вслед уезжавшему русскому.

* * *

Дело клонилось к вечеру. В безоблачном небе и чистом воздухе несло паром, исходящим от согревающей после снега земли.

Черно-белые, в яблочко, гнедые, рыжие, серые, темно-красные кобылы с жеребьятами, годовалые жеребята, кобылицы-трехлетки, тощие и крепкие косяки лошадей шли и шли подобно морским волнам в ветреные дни. Тонкие голоса потерявшихся от своих матерей жеребят, беспокойное ржание кобылиц, грозный окрик вожakov каждого отдельного косяка, - все эти голоса придавали особую черту пробуждающейся от зимней спячки весенней природе.

Есенкельды в приподнятом настроении. Эти проносящиеся пред ним его тысячные табуны лошадей, топот их копыт всегда будили в нем чувство человека, испытывающего пик славы. Всю зиму он грезил этим моментом встречи небывалого количества своих лошадей.

Стоя на возвышенности, наблюдая за продвижением косяков, в прекрасном настроении, Есенкельды приказал Кайраку:

– Иди быстрее! Зови Сырлыбая!

– Ладно, мырза!

Кайрак, обрадовавшись избавлению от мырзы, поскакал за главным табунщиком.

Не заметив среди косяков Акбасты, Есенкельды стоял в растерянности. «Возможно, незаметно упустил из виду. Ведь, если ежедневно не следить за тем, как жеребенок становится стригунком, невозможно будет сразу узнать прежнего жеребенка. Но ведь он (Есенкельды) безошибочно узнавал черногривую рыжую кобылу – мать Акбасты. Если же только что пробежавшая рыжая кобыла и есть мать иноходца, то где же сам Акбасты? Жеребенок двухлеток, трехлеток может ходить за матерью. Эй, что бы ни было, я, видимо, сам все напутал...»

Он узнавал всех пастухов, сопровождающих косяки лошадей. Шойкара, Амиргали, Салемгерей, Убисин – все или не заметили его, или претворились, что не узнали его. Только вот ни Акбас, ни рыжая кобылица – мать иноходца, ни Сырлыбай не попадались ему на глаза. Видимо, они плетутся позади всех...

* * *

Время стирает все из памяти. Он такой хитрый, он вор. Горе, разрывающее вдвое грудь, желание отомстить во что бы ни стало любой ценой и любым путем, как острием кинжала местью вызвать ту же боль и у врага – все как вода, уходящая в песок, уносит время, заставляя тебя все забыть, больше и больше притупляя остроту испытанной боли. Незабываемое горе, непрощенную вину – крадет это же время. К такому выводу на сегодня пришел Сырлыбай. Боль после смерти отца, месть мырзе, отдаваясь по времени, словно никогда не вольется вновь вода в течение реки, оставляют о себе в душе лишь неясные проблески, следы.

Время, притупив боль, невольно привело джигита к таким неоднозначным, непростым мыслям. Теперь, молодому джигиту было невтерпех встретиться с ней, с Жансаей. Долгих шесть месяцев зимы показались целой жизнью. Возможно то, что он унизил ее, силой овладев ею, она не в силах простить. Нет, она не может не понять те чувства и чистосердечные стремления. Лишь бы вышла поговорить. На душе у него для нее накопилось очень много чего, что уже превратилось в целую легенду. Душа девушки всегда чувствует намного тоньше. Пусть другие его не поймут, но в том, что

его душу может понять и услышать только Жансая, – в этом он уверен. Он мучается тем, что позволил себе в ту темную ночь. Жалеет о том, что вновь не вернулся к ней, чтобы услышать ее последние слова, хотя молва о них идет по аулу, но он уверен: до Есенкельды эта молва не дошла. Без этого ему достаточно того, что зарезан Акбасты: это событие схоже с тем, как если бы среди белого дня напали на его дом, снесли его и увели его детей и жену в рабство.

Думы эти, всю зиму мучившие его, вновь завладели им, и чем ближе он подъезжал к желанной Жансае, плетясь позади всех косяков, продолжали терзать джигита.

Еще издали заметил всадника, направляющегося в его сторону. Когда же тот приблизился, в нем он узнал Кайрака.

– Е-е, дорогой Сырлыбай, жив-здоров, сыт, вернулись без приключений?

– Ассалаумагалейкум, Кайреке! – Они, не сходя с коней, поздоровались за руки.

– Да, сами живы-здоровы, скот мырзы цел и невредим. Сейчас по пути встретил Шокена, – шмыгая носом, сдвигая шапку на затылок, проговорил Кайрак.

– Слава богу, все нормально. Все ли в ауле живы-здоровы?

– Здоровы, здоровы! Вчера видел твою мать, тоже жива-здорова. И братья, сестры так же. Все с радостью носятся, кричат: «Кокем¹²⁶ приедет!» О том, что вы приближаетесь с табунами, нам вчера сообщил Коптлеу. Тебя зовет мырза. Сам вон там стоит. Стоит будто батыр, ждущий встречи с врагом.

Оба, повернув в сторону Есенкельды, поехали шагом к нему. Кайрак сам по себе болтун, крикун. И тут он болтал без умолку.

– О том, что у вас все благополучно, вчера слышали от Коптлеу. Да, мырза в хорошем настроении. Он говорит: «Благодаря тому, что смогли без жертв перенести столь лютую зиму каждой семье, где есть мальчишки подарю по стригунку». Эти слова сам слышал, как он вчера говорил аульным аксакалам. Ведь мырза наш добрый. Ничего удивительного в том нет: богатство льется через край, почему бы не одаривать других. А то, что он собирается подарить по иноходцу, – своими ушами слышал, – повторил он вновь, полагая, что его словам Сырлыбай не верит.

– Да, это он правильно поступает, – холодно отозвался Сырлыбай. «Как только узнает, что Акбас зарезан, – не только стригунка, но и детеныша мышонка не даст», – подумал Сырлыбай про себя.

Кайрак вновь завел свой разговор.

– Как только переедет в летнее стойбище, мырза выдаст замуж дочку за Берша. Ты же сам знаешь: в прошлом году засватали. Да, ты и не ведаешь, сколько же он взял калыма за дочь. Нет, не знаешь.

В душе Сырлыбай резко отреагировал на такое сообщение, но чтобы не подавать виду, спросил:

– Сколько же собрался брать?

– Ой-бой. Не знаю. Не знаю, но короче, ему калыму, счета нет. Конечно, он не знает, что не все приданое дочери готово. Словом набил цену, – не в силах закончить рассказ, Кайрак начал задыхаться от душившего его смеха. Увидев, что до мырзы осталось совсем немного, резко умолк. «Этот дурачок, видимо, о чем-то наслышан», – подумал Сырлыбай. Он подъехал к мырзе, не отводя взгляда от него. Тот сидел крепко и величаво на Сартандаке. На нем шуба с позументами, которую Сырлыбай уже видел раз или два. «Удивительно, эта шуба, видимо, ценна. А как дивно сидит на нем! Конечно, то, что табуны его вернулись благополучно, для него, мырзы, большой праздник. И соответственно по такому случаю он к месту надел шубу, куда же надевать ее, если не по праздничным событиям. Потому что ему неизвестно, что Акбасты

¹²⁶ Кокем - обращение младших к старшему брату.

зарезан», – Сырлыбай только это успел подумать, они уже подъехали к мырзе вплотную.

– Ассалаумагалекум, мырза!

– Да будет так. Слава богу, вернулись же благополучно! – ответив, мырза сам подъехал и протянул руку.

– Нормально.

– Слава богу, что здоровы. Зима-то была очень суровой. Всю зиму так и не смогли даже дорогу нормальную протоптать, – промолвил мырза более бодрым голосом.

Раньше Есенкельды казался Сырлыбаю угрюмым, с грозным видом. Сегодня же он совершенно другой. Казалось, будто черты его лица заострились, на лице появился румянец, черные густые усы и округленная его борода делали его лицо красивее и приятнее.

– Да, и весь аул здоров. И земля из-под снега показалась, люди только начинают приходить в себя. Дорогой Сыржан, я не увидел стригунка Акбаса. С ним все нормально, волки, шакалы не напали на него?

Этот долгожданный вопрос вновь изменил Сырлыбая. До сегодняшнего дня ему казалось, что он бросится под ноги Есенкельды, будет просить прощения. К какому бы то решению он ни приходил, он думал больше не перечить мырзе. Теперь же, увидев самодовольного, счастливого и беспечного мырзы, вспомнив, что Жансаю он выдаст замуж, Сырлыбай, пуще прежнего, впал в ярость и ненависть к Есенкельды.

– Нет, нет его!

– Что сказал?!

Есенкельды весь изменился в лице. Эта весть сдула с его лица ту природную красоту будто ветер сдул пену, образовавшуюся на воде волнами.

Черты лица его заострились, он весь потемнел, от неожиданности вытаращил свои глаза. «Вот так то, таким ты, мырзеке, был всегда», – подумал Сырлыбай.

– Эй, что ты сказал? – выпалил он, веря и не веря своим ушам.

– Мы зарезали Акбаса и съели его мясо.

– О, да видел я тебя в гробу отца!.. За что, эй, раб-сирота?!

Есенкельды начало трясти, весь в ярости, он вплотную подъехал к нему. Сырлыбай подумал: «Теперь нечего бояться!» и выпалил:

– За отца! Мырза! Отец всю жизнь ходил за косяками твоих лошадей. Он не одного, а тысячи Акбаса заслужил.

– О, борец за справедливость! Сколько волка не корми, он в лес смотрит! За Акбас не только жизнью отца, своей, но и всем поколением не рассчитаетесь! Ты этого-то и не понял! – Есенкельды мог уже дотянуться до Сырлыбая рукой. Вид его был устрашающим.

Сырлыбай не заметил кинжала на поясе мырзы: Есенкельды, протянув руки, схватил за ворот его. «Если что – он может ударить, побить», – подумал Сырлыбай, и не пытался сопротивляться. В мгновение ока пред ним что-то засверкало и от пупка до груди обжег огонь. У него даже сил не хватило схватиться за удила, свернувшись, свалился на землю. Растянувшись, лег навзничь. Весь мир приобрел совершенно иной цвет. Он только понял, что обессилен, что всесильного мырзу как Есенкельды невозможно победить.

Он стал задыхаться. «О господи! Почему вокруг так тихо? Почему мырза и Кайрак так застыли? Почему молчат? Как красивы усы мырзы! И почему все вокруг погружается во тьму!»

Еле заставил повернуть голову в сторону солнца. Все равно стало в глазах темнеть.

«У-у жизнь! Смогу ли вновь увидеть твой свет?» Мучаясь, с трудом, в последний раз произнес: «Жан – са – я!»

Еще одна свеча, не догорев, погасла, погасла еще одна надежда.

* * *

В этой степи полно горок, сопок, долин, озер, равнин. Многим из них народ дал имя. Все же то место, где произошло это страшное, трагическое событие, не имело своего названия. С того самого дня холм, который стал свидетелем случившейся трагедии, именуется «Жарма» – «Не руби».

* * *

Как только переехали на летовку, Есенкельды выдал Жансаю замуж. Не то из-за любви к дочери, не то хотел подчеркнуть свою щедрость, но только он не пожалел отборных баранов, чтобы угостить близких людей; и отборных лошадей для помпезного накрытия дастархана перед состоятельными, – богатыми, как он сам, гостями. Кто откажется от бесплатного и щедрого угощения, чем больше был переполнен дастархан угощениями, тем более расхваливая хозяина, обращались гости к Всевышнему с просьбами не сглазить его состояние.

Хотя в душе Есенкельды испытывал гордость от столь частых восхвалений его щедрот, его слух ласкали слова лести, но внешне он сидел невозмутим. Как всегда, он весь – загадка, по его лицу, мимике невозможно предугадать, что же за душой. Почему же я должен им показывать свою радость от того, что благодаря калыму удалось увеличить владения. В глазах – туман, на душе – опьянение от такого счастья.

А вот в душе Жансаи – неизбывная печаль. О том, что в последнюю минуту жизни словом, вырвавшимся из уст Сырлыбая, было её имя, – весь аул узнал от Кайрака. Донесли их до Жансаи. По женской сущности настойчивость, смелость, решительность и мужественность ценятся выше всего, и, видимо, поэтому Жансаей та ночная месть Сырлыбая была истолкована именно соответственно с этими понятиями. Если после той ночи джигит ушел в мучительные раздумья, девушка же впала в грезы в ожидании глубоких чувств между ним и собой. В конце концов, Сырлыбай, полный надежды в прекрасное будущее, был безнаказанно убит.

Свою боль, горечь девушка изливала слезами. Ведь и Жансая – безвинная жертва, у которой уничтожили светлую надежду на человеческие чувства. Кто поймет ее изнывающую душу? Обливаясь слезами, она теперь ходила с опухшими глазами: её выдавали за джигита из Бершев. Она не видела и не знала его. И теперь уезжала с ним, чтобы не жить, а существовать.

– Жансая – в нашей семье единственная дочь. Оказывается, до сегодняшнего дня я только и делал, что приводил сыновьям невесток, вот теперь приходится выдавать и свою дочь, расширяя круг новых родственников, и свои корни, – сказал Есенкельды, отделиваясь общими фразами.

Прошумев, прошла и свадьба. Свата, который оказал помощь ему в сохранении поголовья тысячных табунов в лютую зиму, предоставив хорошее пастбище, Есенкельды особенно и не благодарил, восприняв такой жест как само собой разумеющийся, не придав ему значения. По его виду нельзя было сказать, что он знает душевное состояние своей единственной дочери. Это было время, когда его достояние непрестанно и удачно умножалось; когда всё, что он надумал – легко сбывалось, а его власть была безгранична.

Трагедия, случившаяся с Сырлыбаем, потрясла весь аул, но повседневная будничная суета заглушала остроту той трагедии, боль утраты.

Разумеется, что молодёжь грезит больше думами о светлом будущем, нежели раздумьями о прошедшем. Кто же знал и общался с Жаманкарой, особенно старики, встретившись друг с другом, обсуждали: «О, боже ты мой, оказывается, ведь раньше говорили: «Тому, кто не знает границ, сытости, тому господь готовит предел». Но где же эта преграда?! Старики догадывались, что злодеяния Есенкельды не закончатся

только убийством Жаманкары и его сына Сырлыбая. Зная жизнь люди ломали головы над тем, кому же следующему готовит мырза свои злодеяния. Убедившись во всесильности Есенкельды, старики мечтали о том дне, когда родится тот, что отомстит за оскорбленных баем.

– Да, говорили они, – если Всесильный одарит кого-то, то его милость к нему безгранична. Не одного Сырлыбая способен проглотить ненасытный Есенкельды, и никто не привлечёт к ответу. Если жить, то нужно жить как он: наступать так же нахрапом, как умеет делать Есенкельды.

На фоне зеленеющей степи красуется белая юрта. На самом почётном месте – торе – на четырёх мягких корпе – одеялах и мягкой пуховой подушке в хорошем настроении расположился Есенкельды. У него на душе – благоговение. Он лежал, растянувшись, с удовольствием поглаживая недавно бритый наголо затылок, пробормотал: «О, аллах, благодарю за всё». Токал Асия, гладившая и массирующая его ноги, от неожиданности вздрогнула.

– Мой мырза, ты что-то сказал?

Есенкельды и сам-то не ожидал, что непроизвольно озвучит свои мысли. Тут он вспомнил, как старики утверждали, что невозможно узнать мысли жены, которая лежит у тебя под боком. Он решил проверить, насколько верно такое утверждение, и поэтому задумал задать ей вопрос о её думах в этот момент. Но в этот момент дверь резко отворилась, и в юрту ворвались сын Жасаган и племянник Карлыбай. Они были очень возбуждены, будто за ними гнались собаки, одежда их была в пыли. Они насилу успокоились.

Есенкельды, который привык к тому, что в его юрту все входят, смущаясь и бесшумно, не понял, что же с ними стряслось.

– Придурки, где вы находитесь?! Что, за вами гонятся враги? Уберите свои камчи! – прикрикнул он на них, приподнявшись с постели.

Жасаган и Карлыбай мигом успокоились. До этого готовые ударить встречного, теперь они убрали камчи в голенище сапог.

– Отец, – сказал, очень уж быстро усмирев, Жасаган. – Отец, Бекей весь скот растранижил. Если сами его не успокоите, Вы знаете, он не перестанет раздаривать скот.

– Что еще скажешь? Ослеп что ли? Кроме него, ты знаешь кого-нибудь?

Слова отца пристыдили его, но и взбесили немало.

– Нет! Я прав или нет – решать Вам! Но я должен сказать. Говорят, будто исполняется триста лет царствования рода Романовых. К этому событию Бекей решил отправить в подарок шестьдесят отборных аргамаков.

– Эй, что ты несёшь?

Встав с постели, Есенкельды сел. Лицо Жасагана пылало.

– Нагашы¹²⁷, то, о чём рассказал Жасаган, я видел своими глазами, – вмешался в разговор Карлыбай. – Это ещё что! В наших косяках он набрал пятьдесят девять отборных аргамаков, а одного недостающего взял у Асана-Тана Абусеита с Амансая. А вместо этого одного отогнал ему целый косяк наших лошадей. На наш вопрос: «Что же это такое?», он ответил: «Когда я попросил помочь, он, не смотря на свою бедность, выручил меня, отдал единственного своего коня. Разве я не могу отблагодарить его за отзывчивость», – и не стал нас больше слушать.

– У, собаки, рожденные от человека! Есть мастера, а думать головой – тугодумы, ослы, почему об этом не сообщили мне в тот же день?

– Мы только сейчас успели!

– Где?

– О чём Вы?

¹²⁷ Нагашы – уважительное обращение к братьям по матери.

– Где сейчас аргамаки?
– Позавчера сам во главе табунщиков погнал коней в Теке¹²⁸.
– Уйдите прочь! Исчезните все! Сейчас же догоните! Верните! – кричал мырза в истерике.

– Отец, он всё равно нас не послушается.
– Э, кого не послушается? Если не послушает, то вас не послушает. И меня не послушает? Сейчас же догоните! Хоть из-под земли достаньте, но приведите его ко мне! (Еті сендердікі, сүйегі менікі. – *Буквально*: Его мясо – ваше, кости – мои). Если будет сопротивляться – привяжите к хвосту коня и приволоките! К хвосту коня! Поняли! Но аргамаков верните! Поняли?!

– Они ушли далеко: к тому же, в Теке они доехали вчера. Если успеем, попробуем вернуть, – пробормотал не очень уверенно Жасаган.

– Я же вам приказываю, чтобы успели, – во что бы то ни стало!

Жасаган с Карлыбаем, семена, отступая задом, мигом исчезли за дверью. Вскоре послышался топот удаляющихся коней.

Есенкельды так ослаб, что вновь развалился на подушку. «О, время, времечко! Как всё изменилось! Свой собственный ребёнок предался неверным! Где то время, когда всё шло своим чередом, строго следуя традициям прадедов и дедов!»

Какой же отец не оценивает поступки своих детей критически? Почти каждый отец, видя способности ребенка, пытается направить его по правильному жизненному пути.

Есенкельды после женитьбы на байбише¹²⁹ Зауреш ещё дважды брал себе жён. Избалованный богатством отца Итемген, он женился на Зауреш, несмотря на всевозможные протесты родственников. «Не позволим жениться на дочери бедняка Айтбая», – твердили все. Но Есенкельды настоял на своем. Тогда он позарился не на единственное богатство Айтбая – его поэтический дар, а позарился на красоту его дочери.

Когда Есенкельды женился вторично, и в третий раз; Зауреш не закатила истерики, что он разлюбил её, а повела себя мудро как полагается старшей жене – байбише, хозяйке дома. Пробежали пять-шесть лет. Может судьба, а, может быть, и сама Зауреш, но когда он пожелал заиметь ребенка, она не пошла ему навстречу. На его предложение вновь привести молодую жену, она проявила сдержанность.

Вторая жена – Асыл из состоятельной семьи. Отец её Загыпар с Итемген – друзья, да и по богатству не уступает второму. Как будто только и ждала его женитьбы на Асыл, Зауреш с ней одновременно забеременела. Каждая родила по сыну разницей в десять дней. Сына от Асыл нарекли Жасаган, а от Зауреш – Бекей. После Бекея она уже не рожала никого. Жансая же – дочь Асыл после Жасагана. Сыновья же Жоракельды и Акылкельды лишь достигли возраста, когда сами могут садиться на коня – пяти-шести лет отроду.

Двое детей от токал Асии очень маленькие. Есенкельды же думает о Бекее, Жасагане, Жоракельды и Акылкельды.

Проклятый Бекей с детства похож на деда по матери: заразился от него поэтическим даром. Всё время носится с домброй. К тому же пристрастился к пению песен. По мнению Есенкельды, именно такого человека в народе называют легкомысленным, беспечным. Такому человеку не до хозяйства, в его доме вечно недостаток. Если этого мало, он стремится растратить ещё и отцовское достояние, щедро раздаривая каждому встречному. А где нет расчета, хозяйственного отношения к

¹²⁸ Теке – так называли казахи город Уральск в XIX – начале XX вв.

¹²⁹ Байбише – старшая жена (*В казахском обществе XIX века бытовала традиция многоженства – Г.У.*).

жизни, нет и достатка. Вот, свой скот отдал бедняку, черт знает, кому отправил лучших аргамаков.

Как тут не подумаешь, что время портится?! Не зря же говорят: «Рыба гниёт с головы». Это я сам виновен во всём. Все, кто был в состоянии, кинулись обучать детей русской грамоте, полагая, что ребёнок станет образованным. Ну и он сам послал сына туда же. Иногда он больше всех злится на себя. Следуя примеру других, отправил Бекея учиться в Оренбургскую четырёхклассную русскую школу. Теперь, вот, оставшееся от предков богатство соизволил выделить царю как предназначенное иноверцу наследство. Или же зачем раздарил косяк лошадей бедняку за одного его иноходца, еще и неизвестно, действительно ли он иноходец. Откуда же у бедняка аргамак?

Жасаган совершенно другой человек. В нём ему больше всего нравится его способность, стремление умножать родительское хозяйство, состояние. Когда увеличивается весной приплод в косяке лошадей, - радости его нет предела, когда всего полно в хозяйстве – он в прекрасном расположении духа. Есенкельды доволен таким сыном. Если же такое состояние, хозяйство доверить глупцу Бекею, не знаю, что было бы.

Несомненно, положительное качество Жасагана – его умение в ответственный момент собраться с волей, стремление во что бы то ни стало добиться желаемого. В этом он сильно похож на отца. Есенкельды, который очень редко хвалит кого-то, в душе благодарен сыну за такой характер и благодарен Всевышнему за сына Жасагана. Не нравится же в Жасагане отцу – его стремление жаловаться. Он падок на недостойные, грязные сплетни, слухи. Не считая остальное, ненависть между сыновьями Жасаганом и Бекей, словно между кошкой и собакой, больше всего волновали отца.

Между тремя женами он не замечал ни ссор, ни сплетен, ни распущенности. Они демонстрируют понимание того, что они одна семья. То почему сыновьям, у которых один отец, хотя матери разные, не живется мирно? Может, думают: кому из них достанется меньше отцовского богатства?! Но и на это не похоже. Бекей – транжира, рука его не в меру щедра; вместо того, чтобы скрыть недостаток, отрицательные стороны перед чужими, он всячески стремится высмеять Жасагана перед другими. Ведь Жасаган пытается умножить состояние отца.

То, что два его сына выносят сор из избы, ругаясь и придираясь друг к другу перед посторонними и тем самым привлекают всеобщее внимание любопытных, больше всего расстраивает отца. Из-за них два младших – Жоракельды и Акылкелды разделились на два лагеря. Жоракельды без ума от легкомысленного брата-певца. Он похож на тень Бекея: где гулянье, где свадьба, обоих можно найти именно там.

А Акылкелды с детства опекал, нянчил Жасаган. Он весь – копия Жасагана.

Хотя Есенкельды и собрался было уснуть пораньше, но всю ночь не сомкнул глаз – все думы его были заняты сыновьями.

Надеясь, что сыновья – Жасаган и Бекей поймут, что они родные братья, когда станут семейными, Есенкельды рано женил обоих, отделив каждому положенное состояние. Сам выбирал им достойных невест. Бекею выбрал дочь известного на всю округу острослова Сауыра – Алконыр. Жасагану же дочь султана Казыгали с Шиле. Её он сосватал еще ребенком. С султаном Есенкельды был «бесік кұда» – сватьями «с колыбели». На обеих невест Есенкельды не пожалел добра, когда платил калым.

На сегодня Бекей живет у Борбастау. У молодого мырзы-певца – летнее стойбище, окрестности вокруг Сырымской возвышенности.

Жасаган же посчитал земли Амансая для себя более выгодными и с семьей расположился там.

* * *

Бекей вместе с пятью джигитами, за три дня до этого отправился в Теке (современный Уральск), сопровождая назначенные в подарок царевичу шестьдесят отборных аргамаков. Расстояние между Борбастау и Теке где-то около тридцати километров. В тот вечер доехали до города.

В Теке живет друг Бекея Ормантай, свободно владеющий русским языком. Бекею было известно, что Ормантай собирается ехать в Петербор (Петербург). Когда же Ормантай услышал, что Бекей намерен через него отправить подарок царю, он удивился щедрости и расторопности друга.

– Надо же, Бекей, ты оказался одним из мудрых казахов среди многих безграмотных. Как ты пришел к такому решению? – стал радостно лепетать Ормантай.

– Думаешь, как же этот дурачок догадался?

– Дурачок, почему же тебе самому не вручить этот подарок царевичу?

– Конечно, так было бы правильнее. Но ты же знаешь мою мать Зауреш?

– Как же не знать ее. Если скажу, что не знаю, – навру: ведь сколько раз пользовался ее хлебосольством.

– Хватит! Клянешься как женщина. Сам бы не против отправиться с тобой; но мать – в тяжелом состоянии, не имею права оставлять ее. Всё остальное, думаю, сам поймешь.

– О, господи! Что делать?! Так устроена жизнь. Твой подарок постараюсь довести в сохранности. Думаю, ты мне доверишься.

– Если бы сомневался, то не обращался бы к тебе.

– Давай руку!

* * *

На второй день Бекей вместе с Ормантаем отправился в дом губернатора Панкратова.

В то время Панкратов занимал должность военного губернатора. Был в звании полковника. Когда Бекей учился в Оренбурге, он жил на квартире у одного богатого татарина, соседа Панкратова. И поэтому с первых дней подружился с сыном Панкратова – Василием.

Ту четырехлетнюю дружбу они пронесли через годы, продолжая переписываться, приглашая друг друга в гости.

Позже Василий закончил в Петербурге военное училище. Сейчас служил в Саратове, являясь заместителем начальника гарнизона. «Скоро выйду в очередной отпуск. Приезжай в Уральск. Там встретимся», – писал Василий Бекею в своем последнем письме.

Когда Бекей с Ормантаем явились к Василию, он собирался позавтракать. Он был одет в военную форму, будто собрался на военный парад. Он был очень обрадован, увидев друга.

– О, мой дорогой! О, мой бесценный друг! Неужели это ты! – закричал от радости Василий, обнимая и кружа друга.

– Здравствуйте, Вася, мой уважаемый друг! – проговорил в ответ, обнимаясь, Бекей.

Ормантай же, растерявшись, поднял руку, чтобы отдать честь по чину, но Василий, махнув рукой, сказал:

– Эй, тамыр¹³⁰, перестань. Наши военные правила этот степной казах все равно не поймет. Еще не так истолкует. Давай лучше твои широкие ладони, – проговорив, Василий поздоровался с Ормантаем за руки.

– Ну, а ты, Бекей, как живешь-поживаешь? – спросил вновь Василий, подходя ближе к нему. – Сам чем занят?

¹³⁰ Тамыр – буквально: корень; в переносном значении.: дорогой, самый близкий друг.

– Какое может быть занятие у необразованного казаха. Вокруг широкая степь. Пирь-свадьбы, ухаживание за красавицами. Сочиняю стихи, балуюсь песнями. Ничего другого не умею. Поэтому промышляю поэтическими и песенными способностями.

– Перестань! Перестань! Ты не можешь стать таким обывателем! Нельзя человеку так изводить свои способности, себя. Теперь ты приехал ко мне в связи с моим отпуском или есть другой повод твоего приезда?

– И то, и другое.

– Спасибо на том, что уважил меня, что собрался ко мне в гости; и если не секрет, сообщил бы о твоей второй цели. Нам же интересно, хочется быть в курсе дела.

– Конечно, можно. Но, прежде всего, ты брось свои русские манеры. Вначале давай поздороваемся по-настоящему.

Василий стал хохотать над этими словами друга.

– Извини, Бекей! Забыл, что казахи о каждом своем плане, деле докладывают обстоятельно, словно сватаются к невесте. Просто забыл о таких традициях казахов.

– Э, вот так-то, мой друг. Хорошо, хватит. Как здоровье Михаила Дементьевича?

– Он сейчас тоже в отпуске. Конечно, здоровье не как прежде. Не так-то легко быть губернатором, когда уже больше шестидесяти лет. Наверное, только просыпается. Ты бы хотел зайти поздороваться?

– Конечно, со старшими надо поздороваться обязательно.

– Скажешь, конечно, что это традиции, обычаи, идущие от дедов.

– Хватит, Вася, пошутим после. Ты, смотрю, за два года, что мы не встречались, стал красавцем, отпустил усы, повысился по чину.

– Пах-пах! Мы с тобой издавна любим хвастаться.

– Не шучу, Вася. Ты и правду, стал настоящим казаком-красавцем!

– То, что поднялся по чину – правда, но, однако, сам всё тот же Василий. Достаточно. Засиделись за разговором. Я велю подать завтрак, – и Василий вышел в коридор.

– Этот русский ни в чём не уступает казаху. Не кичится тем, что он сын губернатора, не хвалится своим чином, что за скромный человек! – заговорил Ормантай, как только закрылась дверь за Василием. – Ты почему до сих пор не познакомил меня с ним? Знакомство с таким человеком, у которого отец знаменит – значит добиваться успеха, чина не по годам, а помесечно.

Бекей не успел ответить – вернулся Василий.

– Так, сейчас позавтракаем, а затем прогуляемся, подышим свежим воздухом.

Через некоторое время с подносом, полным яств, зашла красивая русская девушка лет восемнадцати-девятнадцати. Входя в комнату, девушка, чуть преклонив колени, поздоровалась с гостями. Накрыв скатерть на круглый стол и поставив на него приготовленный на скорую руку завтрак, девушка взглянула на гостей вновь большими голубыми глазами и вышла из комнаты.

–Когда она сверкнула глазами, подумал, что, может быть, она твоя невеста, – сказал, полушутя Бекей.

– Эй, мои казахи, если она была бы моей невестой, разве не познакомил с ней вас? Конечно, сама-то она очень красива, – ответил Василий, наливая в три стакана вина. – Так, давай, Борис, выпьем за то, что встретились и все живы-здоровы. А Вас как зовут?

– Ормантай.

– Вы не обижайтесь, для меня пока побудьте Олегом. Так будет удобнее.

Так подшучивая друг над другом и смеясь, они выпили вино.

– Василий, – заговорил Бекей после завтрака. – Теперь поговорим о моем особом деле.

– Говори, я слушаю тебя.

– К трёхсотлетию царствования Романовых я приготовил подарок – шестьдесят аргамаков. Как ты думаешь, я правильно поступил?

Некоторое время Василий молча смотрел на друга.

– Конечно, правильно. Только стоящий ли подарок? – спросил он.

– Стоящее. Только если ты одобришь.

– Тогда я порадуюсь. Я не буду против.

– Считаю, дело сделано.

– Нет, дело не закончено. Надо узнать, что думает по этому поводу наш отец, – предложил Василий, ставая с места.

– Наверное, он сейчас в своем кабинете. Я зайду, узнаю. Потом зайдешь ты, поздороваешься.

– Да, так будет правильнее, – согласился Бекей.

Когда же Василий направился в кабинет отца, Бекей, любуясь другом, посмотрел ему вслед.

«Да, как прекрасно быть образованным! Ведь и телосложением то он несколько не отличается от меня. Но зато его образованность, интеллигентность. Чего они стоят! Если бы продолжил свою учёбу, возможно, и я использовал бы как-то по-другому своё образование. Конечно, не все русские горят желанием быть образованными, стать офицерами. Да, если бы среди нас, казахов, тоже больше оказались бы образованных граждан, может проснулся бы, ожил бы казахский народ от спячки. Проснувшись, возможно, построил бы какую-то, но новую жизнь! Разумеется, от того, что, став образованными, не все станут чиновниками или офицерами, и не изменится сразу моя родная земля к лучшему. Вон, мой друг Ормантай стал офицером. Может для него самого это карьера, но для родной земли, для других – это ничего не значит, ничего не изменило», – вот в такие думы ушёл Бекей.

Но вновь появился Василий.

– Пойдёмде, отец ждёт нас. Олег, Вы тоже идите. Я познакомлю Вас с отцом, – предложил он.

Михаила Дементьевича Бекей знал давно. Высокий, чуть полноватый, светло-рыжий человек. Он встретил их очень доброжелательно.

– Я не знаю вашего отца. Однако, по слухам, очень богатый человек. Недавно здесь побывал Карпов. Он тоже удивлен богатством вашего отца. А вас я же знаю давно. То, что Вы надумали отправить подарок царю – прекрасно! Только я бы хотел сам посмотреть на этих коней.

– Конечно, Михаил Дементьевич! – согласился Бекей.

– Хорошо. Мне бы хотелось задать Вам вопрос, как человеку грамотному, – сказал Панкратов, садясь на мягкое кресло. Он старался говорить не торопясь, выделяя каждое слово. – Сейчас к нам поступает очень много жалоб от казахов. То жалуются, что увели друг у друга жён; то на то, что заняли чью-то землю; то у них украли скот. Барымтой, что ли, называют. В общем, создаётся впечатление, что казахи – любители жаловаться. Или они были таковыми всегда?

Бекей ответил не сразу. Он думал долго, собираясь с мыслями. Потом только он дал обдуманный ответ.

– Вы правы, Михаил Дементьевич, – сказал он. – Спор о земле, жалобы бедных были у нас всегда. В последнее время еще больше усилились.

– Как Вы думаете, в чём причина?

– Причин-то много. Однако, полагаю, первоначальная причина – это отсутствие мудрого руководства. То есть нет определённого централизованного упорядоченного управления народом. Говоря более конкретно, даже если и есть руководство, то оно поступает не совсем справедливо по отношению к народу, сильные, как всегда, угнетают слабых, пост управляющих властью, в основном, занимают те, у кого полон кошелек, а не те, кто способен и умен. Они же и поддерживают состоятельных баев, и в итоге, думаю, всё это порождает недовольство народа, оттуда всякого рода жалобы.

Панкратов в душе чуть было не оскорбился на слова Бекея: «Сильные угнетают слабых», но вскоре сам себя успокоил: «Откуда у народа, не смогшего до сих пор вылезти из состояния феодального строя, в тёмном ауле какие-то политические притязания. Они до этого еще не доросли. Идеи так называемых «большевиков» до них не дошли, да и им подняться на такой уровень пока еще рано».

– Вы дали прекрасный ответ на мой вопрос, – перебил рассуждающего Бекея губернатор в надежде направить беседу в другое русло. – Я сам тоже так полагал. Давайте, теперь поглядим на ваших аргамаков, приготовленных в качестве подарка.

Несмотря на свой преклонный возраст, Панкратов бодро поднялся со своего места и направился к выходу. Они вышли на улицу. Василий заговорил с Бекеем:

– Бекей, ты стал свободно говорить по-русски, – и с удовольствием похлопал своего друга по спине.

– Да ладно, тебе, Василий. Ты теперь решил меня расхвалить! – проговорил, улыбаясь, Бекей. – У кого же в бескрайней степи мне учиться русскому языку. Так, это же мой скромный разговорный русский.

Все они отправились на окраину города, где под присмотром табунщиков Бекея паслись аргамаки. Когда пастухи прогнали несколько раз взад-вперед коней, у Панкратова от восхищения загорелись глаза. Он несколько раз повторил: «Надо же, я и не знал, что бывают такие красавцы-кони!». Затем он обратился к Бекею.

– Бекей, а те три коня, что стоят отдельно, почему же их отделили?

– Михаил Дементьевич, это мой подарок лично Вам. Примите, пожалуйста, их от моего имени, если они Вам приглянулись.

– О-о, разумеется, это очень дорогой подарок, – ответил он, не скрывая, что подарок пришелся ему по душе. – Сколько я держал коней, скольких тонконогих и быстроходных иноходцев я видел, но подобных вашим вижу впервые.

Бекей промолчал. В душе же подумал: «Если понравились Панкратову, значит, и царь воспримет их с удовольствием».

– Бекей, с каким вашим планом связан такой дорогой подарок? – вдруг спросил Панкратов.

– Никаких планов у меня нет, Михаил Дементьевич. Только с желанием выразить наши добрые отношения его Высочеству.

По дороге домой Панкратов не проронил ни слова. Когда зашли домой, взяв за руки Бекея, он сказал:

– Вы, Бекей Есенкельдиевич, грамотный, очень культурный и умный человек. За доставку царю столь ценного подарка от вашего имени я ручаюсь сам лично. Это первых. Во-вторых, о том, что Вы считаетесь хорошим мырзой, я напишу в письме на имя его Высочества.

– Спасибо, Вам, Михаил Дементьевич, – поблагодарил Бекей. – Очень благодарен за вашу помощь и готов выполнить любое ваше распоряжение.

Убедившись, что его подарок в целостности и сохранности будет доставлен до его Высочества, в тот же день Бекей с другом – певцом Ашимом пустился в обратный путь домой.

Чалому Бекея – пятый год, ступал он гордо и весь светился красотой. Подобно взлетающему воробью, чалый пугался от любого шороха травы и скакал легко. С тонкой шеей как у гуся, ступая на свои длинные стройные ноги, он играючи ступал копытами. Бекей, особо ценивший легкую поступь коня, не нарадуется своему коню.

Под Ашимом конь рыжей масти, трудяга, пускавшийся с хозяином и в дальний, и в близкий путь, достаточно старый. Спокойствие его не возмутит не только близко подходящий к нему чужой человек, но даже и лающие подле его ног собаки.

Предстоит долгая дорога, но Бекея и Ашима она не страшит, потому что им путь облегчит песня. Оба очень любят петь, возможно, поэтому они с детства дружны. Каких только песен они не пели по очереди! Расставаясь на день-другой, они скучали

друг без друга. Если один из них первым услышит новую песню, старается донести её до другого.

Вот и на этот раз, Бекей удивил Ашима новой песней «Қос өрік» («Два урюка»), которую первый исполнил очень прочувственно, соблюдая особенности и своеобразие музыкальной расстановки. Ашим долго молчал, находясь в плену от впечатления, которое оказала на него песня, спетая другом.

– Ашим, спой «Эпитөк», – попросил Бекей.

– Ты и сам исполняешь неплохо, Бек.

– Нет, тот, кто поёт лучше тебя, ещё не родился!

Ашим никогда не отказывал другу. По степи послышалась заполняющая душу нежностью и откровением песня о любви в исполнении сильного голоса Ашима.

*Гнездо речной птицы на тростнике
всё в клочьях, всё в клочьях,
Я устал пить воду с этой речки, эпиток,
Если два крыла, что у птицы стали бы моими,
Разве не залетал бы я к любимой не раз,
(Эпитөк/Эпиток...)*

Опьяненный песней, Бекей едет довольный другом. Ровный бархатный голос Ашима лился по тихой степи. Под конец песня тихо умолкла. Через некоторое время Ашим заговорил:

– Бек, я хотел бы задать тебе вопрос.

– О чём?

– В чём причина, почему ты так растранился ради русского царя?

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Возможно, надумал продемонстрировать свою щедрость. Хорошо, если русский царь оценит всё правильно.

– Оценит. А почему именно так поступил – потом объясню.

На левом берегу от мест кочёвок казахов Теке лежит только одна дорога. Через путь, достаточный для одной кочевки, встречается небольшой лесок, а далее простирается ровная степь. Когда вышли на ровную степную дорогу, Ашим сказал:

– Бек, впереди виднеется какая-то пыль. Скачут подозрительно быстро. Пыль не успевает садиться.

До этого времени ехавшие рысцой, Бекей и Ашим перешли к езде тряской, а затем вообще – шагом. Еле видневшиеся вдали семь-восемь всадников, как показалось нашим друзьям, в мгновение ока, подъехали к ним вплотную.

По впереди всех прискакавшему коню с белой отметиной на лбу, сильно вспотевшему, можно было догадаться, что путники очень спешат. Жасагана, скачущего на этом взмыленном коне, Бекей и Ашим разглядели чуть позже. Вид у всех всадников был очень возбужденный, будто скачут на пожар.

Жасаган от скорости не справился со своим конем, и, проскакав мимо них, еле остановил иноходца. Остальные разом поздоровались с Бекеем.

– Что за спешная поездка?! Доброго пути, мырзы, – сказал Бекей.

– Это у вас мы хотим жолдык¹³¹, – выпалил возбужденный Жасаган, обычно его лицо казалось красивым, а сейчас оно выглядело скверно.

– В дороге не спрашивают жолдык. До нашего аула осталось всего ничего, наверное, пыль, которую вы подняли, проскакав мимо него, даже не улеглась. Пока пыль уляжется, и мы доедем до него. Поехали обратно! – усмехаясь, предложил Бекей.

¹³¹ Жолдык-гостинец от тех, кто возвращается с поездки – народный обычай.

– Что ты усмехаешься, как будто вышел погулять с друзьями? Что ты все кривляешься?! Мы же не веселиться выехали. В заботах об умножении родительского достояния, не зная покоя, собираем растранижаемое тобой богатство отца. Куда дел шестьдесят аргамаков, которых собрал для неверного царя? Верни их! Вот это и будет твой жолдык.

Бекей только теперь догадался о целях их срочной скачки. Он глянул на племянника Карлыбай, но тот, отвернувшись, отвел свой взгляд.

– Зря не бесись, от этого подарка тебе не убудет!

– Ответь на мой вопрос: куда дел аргамаков?

– Не ори! Если отец у нас один, то и его достояние принадлежит нам обоим одинаково. Куда, кому отдавать – это дело мое, тебя не касается!

– Ты со мной не переговаривайся. Отец послал меня. Куда дел аргамаков? Откуда хочешь, верни их назад! За это дело отец тебя не простит.

– Зря не трудись! Аргамаки уже три дня, как отъехали от Теке. Теперь хоть полетишь – не догонишь!

– Что ты мелешь! Ашим, правда то, что он плетет?

– Да, мырза.

– Эх, собачий сын. И родится же от человека такая собака. Чтоб тебя даже вера неверных прокляла бы!

От злости Жасаган схватился за камчу, и Бекей, не выдержав, весь взвился.

– Замолчишь или нет! Не ерепешься, считая себя старшим. Доволен, что родился на десять дней раньше. Чихал я на тебя. Чтоб больше не смел на меня кидаться, материться!

– На тебе, если ругани тебе мало! – Жасаган резко и неожиданно ударил Бекея сзади по спине и голове камчой. На конец камчи, которую свили из двенадцати кос, вплетена железка. Эту камчу Жасаган специально заказал, чтобы усмирять грозных верблюдов. Жасаган сам их очень боялся. Той же камчой в ярости ударил Бекея. Последний, сгорбившись, молча упал на спину коня.

Жасаган, повернув коня в сторону аула, резко рванул и помчался восвояси. Те, кто прибыли с ним, непрерывно ударяя своих коней, пустились за ним вдогонку.

Чалый Бекея, хотя и пятилетка, не совсем был еще приурочен, и, поэтому, шарахаясь, продолжал кружить на месте. Ашим попытался ухватиться за узды чалого, но все не получалось: конь шарахался от него. И раньше чалый, никого, кроме Бекея, к себе не подпускал, так и теперь, брыкаясь, пнув коня Ашима, пустился вскачь в степь. На верху – безмолвно трясся молодой мырза.

Ашим огрел своего коня, и тот, как мог, пустился вскачь. Все равно чалого невозможно было догнать. Вдруг Бекей резко опрокинулся с коня. Ашимом овладел панический страх, не оставив места надежде, потому что правая нога молодого мырзы застряла в стремях, и он, Бекей, словно высушенная шкура, привязанная к хвосту лошади, волочился по земле. Видимо Бекей чем-то задел чалого, еще пуще испугавшись, он поскакал галопом, временами резко остановившись, поднимая передние ноги, пытался избавиться от нежеланной ноши. Но все равно конь Ашима так и не смог догнать чалого. В одном месте за собой чалый оставил бархатную тюбетейку, в другом – изорванные клочки шелкового чапана Бекея. У коня Ашима сдавали силы, но он вез хозяина, не останавливаясь.

Все эти события случились очень быстро. Ашим, устав от крика, охрип. Чалый, убедившись, что ему не избавиться от надоевшей ноши, повернул в сторону аула и поскакал туда. Молодой мырза, так и не придя в себя, волочился по земле сбоку своего коня.

Ашим, беспомощный, ехал за своим другом детства, другом, прославившимся своей щедростью, беспрестанно проговаривая сквозь слезы: «Ой, мой дорогой!» и продолжая подстегивать своего коня.

Разбрызгивая пену из-за рта, доволочив изодранное тело Бекея до аула, чалый остановился лишь в ауле, как бы говоря: «Видели ли вы когда-нибудь подобное!»

* * *

Один бесится от сытости, ругой мерзнет от холода. Похожие друг на друга, бессмысленно, бесцельно уходили дни друг за другом, протекали безостановочно. Прошло самое мрачное лето в ауле Есенкельды. Золотые дни, подаренные природой степи, тоже остались позади.

В дни похорон Бекея Есенкельды старался показать свою сдержанность, характерную мужчинам. «В том, что старший наказал младшего нет ничего предосудительного; а то, что случилось несчастье – так, видимо, Всевышнему было так угодно. Тут уж человек бессилён», – однозначно заявил он.

В день сороковин – поминок, проводимых на сороковой день после похорон Бекея, прискакал на взмыленной лошади посыльный от имени уездного управляющего. Он въезжал в аул с криком: «Аруак, аруак¹³² – духи, духи, Есака (Есенкельды), тебя поддерживают и благославляют аруахи! Суинши¹³³! Суинши – выберу сам». Неуместный крик радости ошарашил всех присутствующих на поминках.

Старики, возмущившись столь неуместным поступком приезжего, потребовали:

– Эй, кто-нибудь, успокойте этого несчастного. Да и что за радость для Есенкельды, когда проводятся поминки столь уважаемого народом сына.

Оказывается, посыльный и не слышал о случившейся трагедии. Всем народом, еле надоумив приезжего, взяли у него бумагу и попросили прочитать ее. Письмо было послано Его Высочеством, правящим всей Россией. «С того дня, когда будет получено письмо, левобережьем Урала должен править Бекей, сын Есенкельдия. Скрепляю сей приказ печатью». На конце красовались подпись, печать. Удивленная толпа только и молвила: «О, Всевышний! Чего только в жизни не бывает!» Неизвестно, что же каждый из присутствующих думает и скажет, но при Есенкельды никто из них ничего не произнес.

Есенкельды при всех промолчал, не проронив ни слова, оставаясь невозмутимым. Так казалось постороннему глазу. В душе же у него все перевернулось. Никого к себе не подпускал. Ни с кем не хотел говорить. В большой юрте он один. Отказался от всех гостей, не желал ни с кем обсуждать или решать какие бы то ни были бытовые вопросы, как делал раньше.

«Бедная моя голова. Думал, что умножая богатство своего отца Итемген, прославлю своё имя. Оказывается, всё это богатство может в один миг превратиться в ничто. Стать знаменитым за счёт богатства – какая нелепая мысль, какой самообман! Почему я до сих не понял, что сначала необходимо добиться уважения людей в округе и тогда всё богатство само бы пришло?! О, мой Бекей! Твои мысли, твою душу я понял и осознал лишь только сейчас. Меня погубило богатство, а тебя – твой ум. Наверное, и на том свете ты в обиде на меня!

Тучные табуны лошадей моих, пасущихся и у правого и у левого берега Урала, окажись под твоим присмотром, хотя бы часть их с левого берега, разве тогда уменьшилось бы моё состояние?!

Твоё рыцарство, постоянная помощь нуждающимся материально выводили меня из себя, приводили в ярость и бешенство. Твой отец никогда не слышал и не видел человека, достигшего известности в жизни через благородство и разум».

¹³² В аруахи – в святых ангелов, по мусульманскому поверью, превращаются духи умерших. Впоследствии, по поверью, они опекают живущих родственников, оберегая их от несчастий и одаривая благополучием и успехами за добрые дела.

¹³³ Суинши – непереводимый возглас, сообщающий радостную весть и требующий вознаграждения за такую новость. Тот, кому предназначена данная весть, обычно, одаривает того, кто передал эту радость.

Уже месяц как Есенкельды находится в юрте второй жены Асыл. Байбише Зауреш, до сего дня бывшая неподвижной, тяжелобольной, не выдержав гибели единственного сына, умерла после семи дня со дня похорон Бекея. После смерти Зауреш, Асыл, почувствовав себя в роли байбише, старалась держаться вольнее. О том, что происходило в семье и в ауле, и вообще, в мире, Есенкельды могла сообщить одна Асыл.

Обеденное время. С утра не поднявшийся с постели Есенкельды лежит с открытыми глазами. Все лицо обросло давно не бритой бородой. Не потерявшие еще своего блеска его карие глаза уставились в потолок, лишь иногда он моргает ресницами.

Асыл, замешкавшись, не зная, как приступить к разговору, нерешительно вертелась около него. Ей не хватало смелости начать разговор.

Есенкельды никак не реагирует на возню и нерешительность жены. Он, видимо, забыл, что на свете, кроме него, существуют и другие люди.

Асыл, вытянув шею, еще раз попыталась начать разговор. Под конец, решив: «Хватит, надо приступить!», осмелев, заговорила:

– Мой мырза, ты слышал что-нибудь?

Есенкельды молчал. Его молчание Асыл поняла по-своему, истолковав: «Откуда мне знать, что же происходит вне дома. Если знаешь – рассказывай!» - начала сама:

– Народ сплетничает о том, что сноха, невестка Бекея, собирается требовать платы.

Теперь Есенкельды обратил на нее внимание.

– Ты что-то сказала?

«О, боже ты мой, он что, не услышал того, что я сказала?!» - удивилась она в душе и недоуменно уставилась на него.

– Не я говорю, а народ говорит.

– Что говорит народ?

– Сноха, невестка Бекея, говорят, собирается потребовать плату за убийство мужа.

– Плату?! От кого хочет потребовать плату?!

– Мой мырза, ты что, не слышишь?! Я же говорю: от тебя.

– Кто это говорит?

– Народ говорит.

Есенкельды присел на постели:

– Не передавай мне больше сплетен! – грозно, сверкнув огненными глазами, гаркнул он.

Асыл осмелела, видимо, подумав: «Что могло случиться – случилось!»:

– Нет, мырза, это не сплетни, а скорее, истина.

– А чем докажешь? – спросил Есенкельды, решив узнать обо всем до конца.

– Говорят, Алконыр серьезно намерена потребовать платы со свекра. И поэтому послала человека к Телтуган – бию¹³⁴ с Сырымтобе, Айтим – бию с Нарына, к Сагыр – бию с Шиеле с просьбой помочь добиться этой платы. От них получены вести, где просят определить конкретный день и поставить тебя, мырза, в известность.

Есенкельды, окончательно поверив, вскрикнул.

– Уйди отсюда! К чему ты затеяла этот разговор? С каких пор у казахов сноха стала требовать платы за убийство?! Если умер Бекей – на то воля Всевышнего. В этом ни моей, ни Жасагая нет вины. Бием является отец Алконыр, а не она сама! Уйди отсюда! Так и передай им! – Асыл, тихо ступая на носки, вышла вон.

– О, Всевышний, оказывается еще многое можешь послать для испытания! – проговорил Есенкельды, ваяясь вновь на постель.

¹³⁴ Бии – народный судья.

Как только его голова прикоснулась к подушке, в голове начало шуметь, уши наполнились непонятными шумными звуками. Может из-за этого в глазах потемнело, стало не хватать воздуха. Он постарался вновь подняться, но все безуспешно. Показалось, что руки-ноги онемели, два-три раза проделал какие-то бессмысленные движения руками. «О, страшное время, время господства чертей! Кто интересно надоумил проклятую сноху? Кто бы ни был, но то, что ее черт попутал – это точно! Не зря, оказывается, в народе говорят, что страшнее черт в человеке нежели черт, отслеживающий ангела! Ой, аллах, сделай так, чтобы это все оказалось ошибкой!».

* * *

Горе, свалившее Есенгельды, превратило его в серьезного больного, и это длится уже больше месяца. О том, что он серьезно болен, Есенгельды не догадывался.

Вечерело. В юрте становилось все темнее. С улицы зашла Асыл, зажгла недавно привезенную с Оренбурга лампу. Увидев Есенгельды не спящим, она, удивленная увиденным, приблизившись, присела около его ног.

* * *

– Мырза, кушать подавать?

– Сейчас нет аппетита. Принесешь позже. Какая погода на улице?

– На улице прекрасно. Хоть иногда выходил бы на улицу!

– Нет, не хочу. Откройте тундук¹³⁵, этого достаточно. Иначе дома тяжело дышать.

Асыл, выйдя на улицу, приказала открыть тундук. Начало осени, больше похожее на лето, теплая, мягкая ночь. Воздух, чистый и легкий, ворвался в юрту.

Послышалось, как поют в несколько голосов женщины, казалось, их песня укачивала эту тихую лунную ночь.

На вопрос Есенгельды, что же это за песня, Асыл сообщила о гулянии молодёжи в честь рождения сына у пастуха Шойкары.

Есенгельды вновь прислушался к доносившейся с улицы песне. Казалось, будто песня лилась монотонно и голоса поднимались выше, когда пели припев. «Прекрасная песня!» - подумал он. Возможно, это был не первый случай в жизни мырзы, когда он оценивал песню. Сейчас ему и самому это было невдомёк. Он и успех сына, когда тот пел под восхищенные возгласы слушателей, поклонников его таланта, пропустил в этой жизни. Он только помнит, как ему случалось с нетерпением выгонять из своей комнаты Бекея, пытавшегося настроить домбру перед пением...

Когда же замолкли женские голоса, песню продолжил высокий густой мужской голос, заставивший непроизвольно вслушаться в слова песни.

– Это же Ашим! Какой высокий голос! – удивился Есенгельды.

Е- е - е - ей,

Ай да өткен, жыл да өткен,

Ғұмыр түбіне кім жеткен.

Жомарт көңіл, сері-сал,

Бекей де сынды мырза да өткен.

Всё в этой жизни имеет конец: и месяц, и год.

Всем в этой жизни не насытишься.

К сожалению, талантливый поэт и певец

Мырза Бекей тоже ушёл из жизни. (Подстрочн. пер. – Г.У.)

Остальную часть песни Есенгельды не слышал. Он стал кричать, чтобы скорее закрыли тундук. Верхнюю часть юрты закрыли. Но все-таки пение Ашима оглушено слышался сквозь тундук.

¹³⁵ Тундук – верхняя часть юрты.

Это же толгау – песня – посвящение в честь Бекея. Кажется, Есенгельды уже слышал её на поминальном асе в честь семи дней со дня похорон сына. Её исполняли женщины как жоктау – песню-плач. *«Бог наделил тебя красотой. Среди сверстников всегда был на виду. С открытой душой, добр, умён. Звучная домбра у тебя в руках, умел ты открывать тайный смысл и слов, и музыки. Твоя песня была подобна песням лебедей в небе. С твоими способностями ты мог бы стать как Қазы би»¹³⁶. Любому – беден он иль богат – в твоём доме был накрыт дастархан...»*. – Так толгау восхвалял безвинно убитого Бекея.

Сегодня Есенгельды приснился сон. Во сне Бекей оказался живым: он стал сильным родоправителем казахов левобережья Урала, приобретя ещё большую популярность среди народа. Но он просит отца взять правление в свои руки, а ему отдать родовую драгоценность – шубу. На отказ Есенгельды, который к тому же рассказывает сыну, что ему шуба досталась лишь после смерти деда, Бекей силой отбирает шубу с отцовских плеч. Отец в возмущении, стал обзывать сына и с криком набросился на него.

Есенгельды показалось, что он и наяву сильно кричал, но, резко проснувшись, убедился по крепко спящей рядом жене: это всего лишь был сон.

* * *

Растаял последний снег. Оживала вся природа. Есенгельды, подобно природе, стал оживать. Собрав с собой аульных охотников, три дня провёл на охоте. Есенгельды, с иронией считавший раньше, что казаха, кроме умения ухаживать за конем, подготовке его к скачке, бог, мол, другим даром обделил; певческий и музыкальный талант казахов он относил к проделкам нечистого; страсть к охоте считал делом бездельников, любовь к красноречию – делом глупца; впервые сам отправился на охоту. Что же он при этом испытал и что получил от этой охоты – одному богу известно. Главное, у него поднялось настроение, у него проснулся интерес хоть к чему-то. Боль от гибели Бекея; сожаление, что он не успел стать правителем всего левобережья Урала, – немного притупились, будто на время отступив. Даже если и так, то по внешнему виду Есенгельды незаметно его прежнее безразличие. Как всегда скрытен, непонятен.

Негодование на сноху, нарушившую традицию и осмелившуюся потребовать плату – кун за убийство Бекея, будто убавилось. Теперь решил: пусть. Если надумала, потребует, – он расплатится, не обеднеет. Но всё же его волновал единственный вопрос: она сама пришла к такому решению или кто надоумил? Если же надоумил, то кто он?

Но истина в том, что на самом деле, никто не давал ей советов по этому поводу. Горе, навалившееся после гибели её любимого Бекея, подтолкнула красавицу Алконыр к мысли хотя бы попытаться отомстить за мужа.

Своим увлечением пением, пониманием тонкостей музыки, умом, своими бездонными, большими глазами она очаровала Бекея. Посторонние завидовали согласию, взаимопониманию между ним и ею. Потеря же любимого обернулась потерей смысла жизни. Ведь убили не только Бекея, но и её жизнь как бы разрубили в расцвете лет. Ненависть к Жасагану и свекру – убийцам Бекея вылилась в решение отомстить за любимого, или хотя бы потребовать от них платы. А в какой форме она потребует этой самой платы – она и сама ещё не знала, и поэтому биям не объявила о сути куна. «Я не буду требовать невыполнимого, вы только выступите, пожалуйста, моими заступниками. А в какой форме должна быть плата – я скажу перед свёкром», – передала Алконыр биям.

¹³⁶ *Қазы би* – известный народный философ и поэт. (Г.У.)

С утра к дому Есенкельды прибыли сырымский Телтуган-би, нарынский Айтим, шиелинский Сагыр. К тому была своя причина. «Будет неудобно, если мы выразим соболезнование по поводу кончин байбише Зауреш, сына Бекея Есенкельды на месте разбирательства по делу снохи Алконыр. Нам необходимо по дедовским обычаям до этого события зайти к нему домой, выразить соболезнование, помянуть молитвой усопших, и тогда с чистой совестью мы можем призвать Есенкельды к ответу», - решили бии и поэтому вначале заехали в аул мырзы.

В это утро Есенкельды вновь собрался на охоту. Услышав с улицы, как подъехали к его дому посторонние и уверенно направились в дом, мырза недовольно пробурчал: «Что это за наглые прут ко мне?!»

Все три бия вошли в дом. Лишь Сагыр среди них был сверстником Есенкельды, Телтуган с Айтимом годились в ровесники отцу мырзы.

– Ассалаума-га-лай- ку-ум! – проговорил, входя в дом Сагыр.

Те двое молчали. Есенкельды, поднявшись с места, поздоровался с ними за руку.

– С приездом, би агалар!¹³⁷ Проходите на тор¹³⁸.

Оказывается, на улице шёл снег. И поэтому одежда вошедших была в снегу. Те двое так ничего и не сказали, замолчал и Сагыр.¹³⁹ Гости повесили лисью, заячью шапки, волчьи тулупы, отряхнув их от снега, и прошли на тор.

Сев, Айтим протянул перед собой ладони, те двое поступили также, и все погладили лица ладонями. Затем Айтим монотонно прочитал молитву. Читал долго. Опять провели по лицу ладонями. Лишь после этого заговорил Айтим.

– Да упокоится прах усопших!

– Да, что случилось, то и случилось, – чуть слышно промямлил Есенкельды.

– Мы давно должны были прийти, помянуть байбише и Бекея: разве повседневная суэта скончаема?!

Это говорил Сагыр, Есенкельды впервые посмотрел им в лицо. Если вспомнить, то каждого из них он не видел в течение четырёх-пяти лет.

Айтим был очень высоким и широким в плечах. Он мог бы ростом заменить в доме столб, поддерживающий потолок. На его бледном лице особо выделялись усы и борода. Морщин на полном его лице не заметно. Телтуган и раньше не отличался телосложением, а уж преклонный возраст превратил его как бы в небольшой пучок сена. Беззубый, как старуха, весь в морщинах.

Если бы сказали, что есть на свете бессмертный человек, то его Есенкельды продолжил бы: «Это Сагыр». Он старше Есенкельды на два-три года, но ему можно дать и тридцать лет. А кто не знает Сагыра, легко поверили бы в его тридцатилетний возраст. «Ишь ты, как сидит прямо, словно молодой!» - позавидовал ему Есенкельды. Затем, чтобы не подумали, что он не желает поддерживать беседу, начатую Сагыром, Есенкельды включился в беседу:

– Да, такова жизнь: кто-то покидает эту землю, а кто-то занят житейскими проблемами. Хорошо, хоть сегодня нашли время прийти, и на том спасибо.

Гости так и не поняли, с каким умыслом были сказаны эти слова: не то с иронией, не то серьезно.

В свою очередь, каждый по-своему оценивали состояние хозяина. Айтим полагал: «Здоровый и крепкий как бочка, раньше был недосыгаем, высокомерен, не удусуживался опуститься на землю смертных, а теперь какой-то съёжившийся. Ведь не

¹³⁷ Агалар, ага – уважительное обращение к мужчинам старше по возрасту.

¹³⁸ Төр/Тор – почетное место в комнате для гостей.

¹³⁹ По народной традиции, те, кто приходят помянуть усопших, начинают беседу с хозяевами лишь после прочтения молитв. Считается, что важнее почтение усопших и чтение молитвы, затем только приступают к беседе.

зря говорят в народе: «Возомнившемуся, не знающему границ, бог посылает запрет, предел. О, господи, о, боже ты мой!»

«В этой жизни все-таки тебе пришлось согнуться. Думаешь, горе тебя согнуло! Как бы не так! Тебя согнула несбывшаяся мечта о том, что Бекей не успел стать правителем левобережья Урала! Вот она жизнь с её мышиной возней! Наверное, очень жалеешь о тех шестидесяти аргамаках! Думал, что отомстил за них, а не заметил, что пнул по собственной голове!» – размышлял Телтуган.

В душе и Сагыр злорадствовал, думая: «Так тебе и надо! Как я рад этому! Намереваясь наказать доброго и щедрого Бекея, обвинив его в растранижении твоего добра, не заметил, как самого себя превратил в посмешище перед всем народом. Ты ещё не знаешь меня, я сделаю всё для того, чтобы ты расстался со своими бесценными табунами. Не будь я Сагыр, если не заставлю тебя поделиться бесчисленными табунами со снохой Алконыр. Если же не смогу добиться этого, пусть я тогда сгину, не буду зваться бием, защитником унижаемых!».

Домработницы и джигиты-прислуги, беспрестанно суетясь, носились между гостями и поварами. Несколько раз накрывался дастархан.

За полночь гости приготовились к отъезду. Есенкельды особо не стремился им предложить остаться переночевать. Зная о цели их приезда, Есенкельды не принимал активного участия в разговоре, лишь пассивно поддерживая его, дабы не слыть плохим хозяином.

– Мы поедem, – сказал Телтуган. – Сам знаешь, по какому поводу мы оказались в вашем ауле. Мы, бии – исполнители воли божьей, по желанию народа стоим на защите справедливости. Возможно, тебе не по душе требование снохи. В твоём положении тебе необходимо привезти с собой своего защитника.

Айтим и Сагыр насторожились. Они чуть было не усомнились в Телтугане: «Что он болтает?! Неужели, пожалев Есенкельды, решил заступиться за него?!»

Есенкельды промолчал, потому что до этого времени он тоже не бездействовал. Хотя в мыслях он противился тому, что нужно платить кун, всё же он допускал: «Ведь даже баран, пред тем, как его зарежут, пытается противиться, топнув копытами».

И поэтому он решил: «Ведь, если сразу же соглашусь оплатить требуемое снохой, стану посмешищем для всех. Многие истолкуют это как оскорбление моей чести. Если же смогут меня убедить в правоте требований снохи – то соглашусь и оплачу, если же не убедят – то тогда уж, как и все наши деды поступали, потерпевшим поражение – ничего не платят».

После этих решений, он пригласил к себе Шомбал бия со своего аула, объяснил ему своё положение. Одно только он скрыл от Шомбал бия: решение отдать кун, если будут сильно настаивать. В конце разговора он подвёл итог своей речи:

– Я не намерен платить кун. Как бы там ни было, по традициям наших дедов, сноха никогда не выступала с какими бы то ни было требованиями к свекру. Мы знаем друг друга с детства, до сих пор понимали друг друга с полуслова. Моя единственная просьба – выступи защитником моей чести.

Шомбал би, умеющий передавать свои мысли пословицами, поговорками; когда потребуется – ужалить соперника, когда необходимо – и ошарашить, ответил коротко:

– Твоя честь – моя честь. Оскорбление в твой адрес считается оскорблением и в мой адрес.

Больше они ни о чём не говорили. Молча согласились. Когда Есенкельды промолчал при отъезде гостей – биев, он вспомнил встречу и разговор с Шомбал бием. Мысли Есенкельды перебил голос Айтима, начавшего громко читать молитву. Молитву из Корана читал он долго. В конце все погладили лицо ладонями, произнося: «Аминь!». Затем гости быстро встали и вышли на улицу.

Есенкельды окликнул прислугу Кайрака:

– Приготовь коней гостям!

– Место нашей встречи – дом Тайбасара с соседнего аула, – сообщил Сагыр, выходя на улицу.
– Завтра же?
– Завтра.

* * *

Есенкельды вызвал Шомбала на утренний чай.
– Сейчас отправляемся.
– Приехали? Кто же они?
– Трое: Айтим. Телтуган, Сагыр.
– Ой, тоже мне, собрали кого!
– Что испугался?
– Нет, прежде всего, себя завожу и злю перед боем.
– Ночью можно было пригласить тебя побыть с ними вместе, но, подумал: будет лучше, если ты с ними встретишься во время процесса.
– Ну и правильно решил. Когда решается спорный вопрос, желательно встретиться на поле боя.
После чая Есенкельды приказал Асыл достать с сундука шубу, обшитую позументом.
«Он что на свадьбу собрался, что ли?», – подумала про себя Асыл.
– Будет солиднее, если наденешь шубу вместе с кинжалом, – посоветовал Шомбал.
Есенкельды молча согласился.
Когда они вышли на улицу – во дворе на привязи стояли подготовленные Кайраком к поездке Сартандак и Таскарап.
– Мне не надо ехать? – спросил Кайрак.
– Не надо. Присмотреть за конем и в том ауле найдется прислуга. Велика беда! – отрезал Есенкельды.

* * *

Ауыл Тайбасара расположен от аула Есенкельды не очень-то далеко. Есенкельды с Шомбалом ехали не торопясь. Чем ближе подъезжали к аулу, выражение лица Есенкельды становилось всё мрачнее и мрачнее. По лицу Шомбала трудно было определить, о чём же он думает. В любой ситуации ему мастерски удавалось изображать спокойствие. Телосложение его напоминало медведя. В молодости был отважным батыром. А как он сидит на лошади, как он умеет хитрить – об этих его качествах можно говорить долго. Там, где затевалась барымта, там всегда Шомбал. Он никогда не упускал такого случая, наоборот, стремился попасть в самое пекло. Он один с соилом – дубиной мог уложить несколько джигитов сразу. Секретами владения дубиной во время схваток владел Шомбал отлично: с таким крупным телосложением он легко опрокидывался через коня, прыгивал метко, мог ловко поддеть противника и сбросить его с лошади. Подобных методов знал множество.

В молодости защищал честь Есенкельды с помощью соила. Когда нажил небольшое состояние, стал солиднее, увлёкся красноречием, стремясь чаще участвовать в разрешении спорных вопросов в качестве бия.

Нельзя утверждать, что Есенкельды был прирожденным шешеном – острословом, мастером красноречия, но отрицать его умение выражать свои мысли остро, образно, ярко нельзя. Мастерски и к месту он использует пословицы, поговорки. Иногда точно применяет их, в случае же растерянности может вставить ироническое и даже

саркастическое слово, уничтожив тут же своего соперника. Когда и то, и другое подводит Есенкельды, он бесцеременно пускает в ход свой властный голос.

Разговор между Есенкельды и Шомбалом по дороге был кратким:

– Ты их знал раньше?

– Всех троих видел на поминках сына батыра Сырыма. Был их слушателем, но в споре с ними не участвовал.

– Тогда слушай. Сагыр, хотя и остро слов, но труслив. Если окрикнуешь на него, становится тише воды, ниже травы. Думаю, особо не будет перечить. А вот Айтим упрямством похож немного на тебя. Если найдешь, что ему ответить, добьешься, чтобы он заупрямился, тогда победа за тобой. Твоим главным соперником останется Телтуган. Предок Сырыма не испугается ни твоих острых слов, не отступит перед твоими угрозами и шантажом. Только у него язык может быть наполнен желчью и ядом, он может обойтись с тобой как с ребёнком, лаская твой слух льстивыми словами, уговаривая, убеждая исподтишка, что не заметишь, как согласишься с его мнением. А насчёт защиты чести ты сам неплохо разбираешься.

– Хорошо, – сказал Шомбал. – Есенкельды, если правда то, что мой язык без костей, постараюсь победить красноречием.

– О, мой друг, надеюсь, что ты не допустишь моего оскорбления.

– В остальном – можно положиться на волю аллаха.

* * *

Когда же они подъехали к дому Тайбасара, внутри дома уже сидело немало людей. Они все уже знали: по какому поводу спор, кого собираются привлечь к ответу. Каждый по-своему считал себя борцом за справедливость, знатоком ведения спора, сознающим и понимающим предмет спора. Они полагали, что без их участия сегодняшний спорный вопрос не решится.

Многие были навеселе после выпитого ароматного, осеннего кумыса и съеденного сочного мяса молодого барана. Некоторые ковырялись в зубах, тем самым как бы подчеркивая независимость.

Перед домом Есенкельды и Шомбала встретил Тайбасар. Когда же вошли в дом, Шомбал нарочито громко гаркнул: «Ассалаумагалайку-ум!». Есенкельды же лишь прошептал что-то губами, будто здороваясь. Присутствующие тоже не остались в долгу, ответив: «Уагалеукумассалам!» Те, кто были моложе Есенкельды и Шомбала, встали, здороваясь за руки с ними. С теми же, кто были старше их и оставались сидеть на местах, прибывшие сами подходили к ним, чтобы поздороваться за руки. Есенкельды и Шомбалу уступили места возле биев, на торе. Как только все уселись, начиная с Айтима и все остальные протянули руки и погладили лица ладонями, будто после прочтения молитвы, но всё делалось молча. «Видимо, они благословили наш приезд», – так воспринял эти жесты Есенкельды, иначе как понять столь странный поступок всех.

– Вчера ломал голову над тем, кто же в столь позднее время приехал в наш аул и проехал мимо моего дома. Обычно это время прихода воров или волков, иль чертей. А это, оказывается, вы, бии-агалар, – проговорил Шомбал, обращаясь всем трем биям.

Айтим и Телтуган промолчали. Сагыр, словно пламя, вспыхнул сразу:

– И слова, как и поступки, как я слышал, стараешься подбирать и поступать грубо. Все они крупные и безобразные, как и весь твой вид. Если не ошибаюсь, ты Шомбал. Если же ты действительно Шомбал, то твоё имя прославилось не красноречием, а участием и геройством при участии в барымте. Ладно, допустим, обращаясь ко мне, ты посчитал меня своим сверстником. Но твоё сравнение уважаемых биев с ворами и волками демонстрирует не знание и не свидетельствуют того, что ты многое видел.

Но и Шомбал не смолчал.

– Говорят, что у бия слова должны быть короткими, но ёмкими по содержанию. Смотря на то, что слова тянешь словно резину, ты и есть считающий себя бием Сагыр.

– Обычно, такое слово быстро прилипает. Как бы прилипнув к моим словам, ты сам не остался в растерянности.

– Жвачку (резину) может расплавить кипяток. Слово же горячее этого кипятка, оно не только жгет кожу, но пронизывает сквозь все тело, доходя до мозга, костей, тогда от тебя нечего ждать, – сказал Шомбал, поварачиваясь к Айтиму. – Говорили, что, кроме кочующего песка, нет ничего в высохшем Нарыне, и что там только есть с высохшим ртом, высохший и хитрый би. Видимо, он и есть Вы. Стоило ли ехать с далекого Нарына, чтобы потратить своё время на брехню.

Айтим выслушал Шомбала, но обратился с ответом к Есенкельды:

–Е-е, Есенкельды, хотя ты рассудительный и состоятельный человек, но ты не нашёл себе достойного защитника, умеющего говорить от твоего имени. От этого, кроме грубых слов, ничего не услышишь. Да и слова его, подобны беспомощным шагам бота-верблюжонка, слабы и немощны.

– Как говорят, сила не узнает своего отца. Не считаясь, могли бы старший обратиться к младшему, младший – к старшему, лишь бы говорили о деле, – как отрезал, вмешался Есенкельды, не собираясь отказываться от слов Шомбала.

Айтим оставил своё недовольство при себе. Разговор продолжил Шомбал:

– Поприветствуем и Телтуган-ага. Все казахи Сырымской окрестности знают его как батыра и бия. Вы единственный внук Сырыма от сына Саура. Но в народе говорят, что вы рожденный не Сауром, а народом. К сожалению, мы не узнаём сегодня этого бия, – ехидно проговорил Шомбал, бросив подушку для Телтугана¹⁴⁰.

Такое обхождение оскорбило Телтугана.

– Замолчи! Чтобы больше не слышал твоих слов. Твои ничтожные слова совершенно не соответствуют твоему телосложению, возрасту. Твоё восхваление меня при жизни и при всех всё равно что заживо похоронить меня!

После этих слов Шомбал замолк надолго. Есенкельды старался, чтобы присутствующими не было замечено его замешательство.

По молодости он сдружился с Шомбал из-за того, что тот был удал, смел и слыл батыром, а, повзрослев, ценил его остроумие, красноречие, поэтому старался не расставаться с ним. Вначале ему по душе пришлись слова, сказанные Шомбалом в адрес Сагыра и Айтима. А то, что Шомбал обидел Телтугана, его, наоборот, разозлило. Теперь он был недоволен словами своего защитника. «Эх, ты!» – вырвалось у Есенкельды. Данный промах Шомбала Есенкельды отнес к незнанию Телтугана первым. Он пожалел, что в пути об особенностях каждого бия сообщил Шомбалу очень кратко. Вновь расстелили дастархан-скатерть, подали чай. Разговор биев, начатый с приветствия, знакомства перешел в ожесточенную битву резких, иногда чрезмерно грубых слов, затем у дастархана как бы получил передышку. Наступило бессловесное затишье.

* * *

Некоторые из гостей с удовольствием растягивали чаепитие словно кони, столь долго не пившие воды. Еле-еле удалось убрать дастархан. Часть гостей пришла в движение, некоторые вышли освежиться, потом вновь все уселись за свои места. Затем подали кумыс. Через некоторое время заговорил Айтим.

– Ау, халайык, люди, народ, пришло время повернуть наш разговор к сути дела, поговорить конкретно о сути требований. Ведь так, Есенкельды?

¹⁴⁰ Бии вели разговор, сидя на ковре. А подушки им подавали, чтобы было удобнее сидеть, опираясь на подушки. Обычно подушку кладут возле человека – таков народный этикет.

– Вам решать! – сказал Есенкельды.
– Тогда, скажи, есть ли у тебя пожелания к нам, Есенкельды?
– Пожелание одно. На этом месте должны остаться бии и я. Пусть остальные выходят, не к чему всем толпиться здесь.
– Твое пожелание выполнимо.

Другие же бии присоединились к такому мнению. Остальные, шумя, вышли. В комнате остались шестеро: Телтуган, Айтим, Сагыр, Шомбал, Есенкельды, Тайбасар.

– Может, позовем Алконыр? – предложил Сагыр.
– Зачем вмешивать молодую женщину в наш разговор, – сказал Айтим.
– Знаем же, что же она требует.
– Вначале договоримся, затем можно пригласить, узнать, что же она требует – несложное дело, – подсказал Телтуган.

– Е-е, Есенкельды, ты вон известный и уважаемый человек, мы же, старые, одной ногой – в могиле, одной – на этой грешной земле, – начал разговор Телтуган. – Нам троим в нашем возрасте нелегко было проехать недалёкий путь. Подумав и взвесив всё, скажи свое последнее слово.

Вместо ответа Есенкельды глянул на Шомбала. «Я зачем привез тебя, не скажешь ничего?», – будто спросил взглядом он своего защитника. Немного растерявшийся в начале разговора, Шомбал вновь ожил, заговорил, наступая смело.

– Есенкельды не будет платить кун.
– Почему? – спросил, будто оторвал, Сагыр.
– С какой стати он должен платить?
– Если требует кун – требует его родная сноха. Он что, не ей платит?
– Эй, би-агалар (братья-бии) раньше вы ратовали за соблюдение традиции, с пеной во рту добивались строгого выполнения дедовских законов. В этой борьбе вы были подобны собакам с одного двора, забыв родство, могли разодрать друг друга глотки. Теперь где же ваши традиции?!

– Зачем тебе копать издалека? Традиции, дедовские обычаи. Они сложились еще во времена Адама, Евы. Не копай издалека! Вернись в сегодняшний день, говори о деле! – передернул Шомбала Айтим.

– Если не сослаться на традиции, на основе чего собираетесь добиться куна с Есенкельды?

– Разумом, силой разума, Шомбал! Силой разума.
– Разум разве не проистекает из традиций, из обычаев?
– За свои восемьдесят лет, не ссылаясь на традиции, обычаи, сколько раз сумел добиться куна?

– Об этом знает народ!
– Нет, это знаю я! Думаете, куда же денется Есенкельды, если соберутся представители трех родов! Пока жив я, никто не посмеет хватать Есенкельды за ворот! Ни по каким традициям, ни по каким обычаям не подступиться вам! Вот вам моя рука! Только через мой труп!

– Эй, Есенкельды, – окрикнул возмущенным голосом Телтуган. – останови этого ненормального! Ради уважения к моему возрасту. Думали скажет что-то разумное, а он готов кинуться с кулаками на нас. Не стоит и себя, и нас из-за одного глупца выставлять на посмеище. Ты его не на такие серьезные дела, а на барымту посылай: там ума не надо, была бы сила да дубина.

Есенкельды больше не стал рассчитывать на помощь Шомбала. Тот еще раз попытался выступить на защиту Есенкельды, но он грозно метнул в его сторону свой ненавидящий взгляд, будто попытался вскрикнуть: «Достаточно с тебя и этого! Хватит, натворил предостаточно!» Защитник-би заткнулся.

Тайбасар, временами помешивая в бочонке кумыс, подавал его гостям. Кроме Сагыра и Шомбала, остальные не очень-то и пили его.

Айтим, убедившись, что ему теперь никто не будет перечить, заговорил уверенно, к месту, иногда и не к месту вставляя слова. Старый шешен, видно, был еще в силе. То растягивая слова, то повышая голос, смотря по смыслу, старался до слушателей свои мысли. Айтим говорил о том, как одни люди могут в жизни совершать бесконечное добро, от других же можно ожидать одни лишь страдания и мучения. С древних времен до наших дней люди мало чем изменились, но и тех, кто указывал бы на эти человеческие пороки, остается все меньше. И в конце своей речи, би перешел к предмету разговора и обратился к Есенкельды:

– Е, Есенкельды, допустим, твоя байбише умерла по болезни. Но ведь народ говорит о гибели Бекея по твоей же вине и по вине Жасагана.

– Мало ли что может говорить народ? – резко оборвал Есенкельды.

– Да, и тебе, и нам нет дела до болтовни людей. Однако, мы прибыли по просьбе твоей снохи Алконыр, которая обливается с горя горячими слезами. Она требует с тебя уплаты куна.

Видимо, Есенкельды до этого уже подготовил ответ и поэтому сразу же приступил:

– Оу, мои уважаемые, вы считаете себя острословами, защитниками обиженных, биями. Хорошо, пусть в гибели сына виновен лишь я. Но, однако, с каких пор в традициях и обычаях наших дедов вы знаете случаев, чтобы сноха требовала куна со свекра? Мало ли что вздумается людям. Может, моя сноха по своей молодости взболтнула что-то лишнее, неуместное. А вы-то при чем? Вы же сами первые начинаете с того, что вспоминаете и приводите примеры из народных традиций и обычаев.

Есенкельды, проговорив это и глянув на потолок¹⁴¹, замолчал, как всегда, весь – гордость и недоступность. Было лишь заметно, как мелко вздрагивали губы.

В разговор включился Айтим.

– Ловчить нечего, Есенкельды. От этого ты и не унизишь себя, и не обеднеешь ничуть. Исполни просьбу снохи!

– Да, ты бы лучше, все взвесив, обдумав, оплатил бы. Ведь сноха не думает, наверное, требуя от тебя уплаты куна, разбогатеть. Что ни говори, хотя она женщина, сноха, но факт: она осталась хозяйкой наследства Бекея, – продолжил, растягивая слова словно резину, Сагыр.

– Все хватит! – вскрикнул Есенкельды. – Хватит умничать, учить уму-разуму! Я что вам ребенок пяти-десяти лет?! Вспомните: я кто, и вы кто?

Телтуган:

– Успокойся, успокойся, Есенкельды!

Сагыр:

– Сейчас не время злиться!

Подхватив мысли Телтугана и Сагыра, разговор продолжил Айтим:

– Говоришь: я кто, вы кто? Кто же мы? Если понимаем правильно, народ нас зовет биями. Сегодня живы, а будем ли дальше живы или нет – в руках аллаха. Мы считаемся людьми, если сумеем примирить два спорящих, враждующих сторон; если же не получается, то грош цена нам как людям, мы будем подобны мертвецам. А ты вот, убереженный аллахом, возвеличенный им мырза, Есенкельды. Так и останешься им. Однако, если ты не уплатишь куна – это не делает тебе чести.

Мысли Айтима развил Телтуган:

¹⁴¹ По мировосприятию казахов потолок, крыша дома подразумевает принадлежность дома определенному роду или хозяину. Гости, чужие лица, прибывающие под этой крышей, в этом доме должны считаться с хозяином, не диктовать свои правила поведения. Данная ситуация аналогична смыслу русской пословицы: *В чужой монастырь со своим Уставом не ходят*. Есенкельды напоминают, что он, хотя и богат, и известен среди казахов, но в данном случае он не вправе устанавливать свои правила поведения.

– Хочу передать слова твоего свата Сауыра, иначе останется за мной как долг. Он напоминает тебе народную пословицу о том, что «Роднясь, сватьями люди становятся навечно, а зять даётся аллахом на сто лет». Сауыр, говорит, что так бы и должно быть между вами. Он сожалеет, что ты, Есенкельды, не уважил его как свата, родственника. Иначе как понять: Жаманкара – родственник Сауыра, а его безвременная гибель и смерть его сына Сырлыбая на твоей совести. И Сауыр, по законам дедов, мог потребовать с тебя уплаты куна за них, или затеять кровную месть. Но он не допустил этого ради уважения к зятю Бекею, дочери Алконыр. Сауыр считает их вашими общими детьми, и задачей его и твоей, как старших в семье, полагает он, – оберегать молодых. И последнее, о чём просил передать: если ты не намерен уйти на тот свет грешным, то должен уплатить требуемое твоей снохой и дочерью Сауыра – Алконыр.

– Хватит! Хватит командовать и указывать мне! Я не отказываюсь платить кун. Вы поймите, в данном случае хотел лишь напомнить вам о том, что ничего подобного в традициях наших дедов и отцов не было, – заговорил Есенкельды. – Пусть! Берёт! Получите и отдайте ей то, о чём она просит. Что она просит? Если это её удовлетворит, то пусть забирает желаемое!

– Чем упрямиться, лучше давно бы так согласился! – не к месту ляпнул Сагыр.

Есенкельды с ненавистью и негодованием метнул в его сторону свой уничижительный взгляд. Сагыр от смущения заёрзал на месте, не находя, куда сунуть вдруг оказавшиеся как бы лишними свои руки.

– Мы сами не знаем, что же она намерена потребовать. Она лишь сказала, что об этом сообщит при всех.

– И где она сама? Зови же её, – велел Есенкельды Тайбасару.

Тот вышел на улицу и послал кого-то за Алконыр в соседний дом.

Появилась Алконыр. Увидев её лицо, от неожиданности Есенкельды вздрогнул. В комнату входила совершенно другая женщина, не та, которую он знал. Входила большеглазая, с открытым лбом, белая как полотно, невестка. Она, уставившись в него, смотрела на него в упор, смотрела прямо, не моргая и не отводя взгляда своих как будто ставших еще больше глаз. В её глазах была скорее не обида, а готовые выстрелить в него пули, способные сразить его сразу. «Нет, это не Алконыр, ведь в его восприятии его сноха была краснощёкая, улыбчивая, но не та, что стоит пред ним. Та была стеснительная, скромная, уважительная по отношению к свекрови и свекру, уступающая им дорогу при встрече, воспитанная. Та Алконыр почитала традиции и никогда не допускала, чтобы уставиться в упор свекрови и свекру, что не позволительно, по народным понятиям, воспитанным людям». Он слышал, что она любила петь песни вместе с Бекеем. Только это не нравилось ему в ней.

Алконыр, повернувшись к дедам-биям, чуть преклонив колени, поздоровалась с ними. Только после всего этого села на край ковра.

– Говори, дочка, – сказал своим бархатным голосом Айтим. – Твой свекор – человек разумный. Он готов выполнить твоё требование.

– Я благодарна вам, уважаемые бии, за ваши правдивые слова, за ваши добрые дела; за то, что защитили честь такой несчастной бедняги, как я. Сейчас я готова винить в своем горе всех подряд. Но больше всего я виню свёкра. Говорят: я затеяла дело, неслыханное в наших традициях. Вы вправе осуждать меня за необдуманность, в ваших руках вынести мне приговор или обвинение.

Стараясь говорить громче, чтобы перебороть дрожь в голосе, Алконыр резко оборвала свою речь.

– Говори, дорогая, говори, – сказал Телтуган. – Что собиралась требовать?

Вспыхнув, Алконыр вновь взглянула на свекра. От такого взгляда у Есенкельды по всему телу пробежала дрожь, – он опустил глаза.

– Если согласен, я хотела потребовать у него шубу, обшитую позументом.

Наступила гробовая тишина. Все знали, что Есенкельды считал эту шубу семейной реликвией, ценностью, олицетворяющей его достояние, и берёг её пуще глаз. Все застыли в ожидании: отдаст или не отдаст.

– Есака, сноха сказала, чего она желает потребовать от тебя в качестве куна, – прервал напряжённую тишину Сагыр.

– Слышу, – очнувшись от неожиданности, подал голос Есенкельды. – Если возжелала занять передающуюся из поколения в поколение реликвию – шубу – отдайте, пусть заберёт! Отдай ей шубу!

Поднявшись с места, Тайбасар снял висевшую шубу и бросил перед Алконыр.

– Я хочу попросить прощения у вас, уважаемые, – начала Алконыр, встав со своего места и взяв на руки шубу. – Зачем мне эта шуба? Она мне ни к чему. Да её некому у меня носить. Некому. Я просил её не за тем, что позарилась на неё как на драгоценность. Желаете знать, зачем она мне тогда, то смотрите, если хватит у вас духа!

После этих слов, Алконыр бросила шубу на пол, и, наступив на неё, прошлась по ней несколько раз. Есенкельды, онемев, смотрел себе под ноги. Казалось, остальные, будто разом уронили перед собой иголки для шитья и никак не могли её отыскать, и поэтому, уставившись на пол, рассматривали усердно и тщательно отыскивали её пред собой.

Когда Алконыр собралась озвучить своё требование к свёкру, у всех в мыслях было одно: «Конечно же, она потребует часть многочисленных табунов свекра», и никто не сомневался в таком требовании. То, что потребовала сноха, её решение разом оглушило, ошарашило всех. Всем вдруг показалось, что их всех ударили резко по лбу, и они, теперь не в состоянии понять и объяснить, что же произошло на самом деле.

Некоторые попытались как-то возмутиться, но не знали, каким образом выразить своё возмущение. Часть – просто потеряла дар речи.

– Уважаемые, благодарю вас за поддержку! Я же получила то, о чём желала. Если я попросила слишком дорого, то пусть свекор призовёт меня к ответу. У него нет других забот, кроме коней. Может, потребует у меня скотины. Спросит – отдам, не задумываясь. Ничего из того, что осталось от Бекея, мне не жаль. Отдам как милостыню¹⁴².

Вдруг она замолкла. В мёртвой тишине слышалось лишь шуршание подола её платья. Держа прямо своё красивое тело, Алконыр вышла из комнаты.

Стояла долгая и мертвая тишина. Начать разговор ни у кого не хватило сил. Предстала картина: будто только что вынесли отсюда покойника, и никто не смел поднять глаза и посмотреть на другого.

Почему же все молчат?! У них что, в горле что-то застряло? Отдав самого уважаемого человека в племени на растерзание вздорной бабы, теперь не знают, как сказать? Или же эта несносная сноха сделала с ними что-то такое, после чего они потеряли дар речи, будто она обожгла им язык?!

Есенкельды, не позволявший до сих пор никому перечить себе, не смеет провалиться сквозь землю?!

Кажется, до сих пор никто не отрезал острый язык Айтима, столь часто хвалившемуся тем, что он правнук знаменитого казахского бия и острослова Казыбека. Почему же тогда молчит Айтим?!

Что стало с Телтуган, мастером образного слова, знатоком метких фраз?!

Почему молчит Сагыр, обычно рьяно поддерживающий добрых, не жалеющий своих сил в схватке со своими врагами, не теряющийся в любой ситуации, ко всем и всегда находящий слова?!

¹⁴² Отдать милостыню состоятельному человеку, по представлениям казахов, – унижение его чести. Понимается, что тот потерял своё человеческое достоинство.

О чём же они все думают?! Хоть кто-нибудь молвил бы слово в адрес Есенкельды, которого унизили; как-нибудь поддержали бы мырзу. Хотя бы одно слово... Эй, люди добрые!

Спустя три года (Вместо эпилога)

Это был не последний случай оскорбления чести Есенгельды.

Подобно землетрясению, вначале наступили события шестнадцатого года. Началась мобилизация в солдаты на фронт. В это время сорокалетний Шойкара по списку, составленному Есенкельды, был включён в число мобилизуемых как тридцатилетний. Настоящая схватка началась именно с этого. Шойкара собрал вокруг себя себе подобных, причисленных к возрасту от девятнадцати до тридцати. Они отобрали у Есенкельды его табуны и раздали всем беднякам. Поэтому многие бедняки, заимев по два-три коня, отправились в Торгайский уезд и примкнули к отряду Аманкельды, известного предводителя народного восстания.

Шойкара перед отъездом предупредил Есенкельды, что если тот надумает отобрать своих лошадей, то Шойкара, вернувшись, совместно с остальными бедняками разорит всю семью мырзы. Зная характер Шойкары, Есенкельды смирился.

Несчастье настигло мырзу в последнюю зиму с её беспрестанными буранами и метелями, в которую пали оставшиеся табуны Есенкельды.

Есенкельды, сумевший выдержать оскорбления его чести, не выдержал горя от потери своих тысячных табунов в стужную зиму: он слёг в постель. Та болезнь, которая овладела им после похорон Бекея, вновь напала на него. Потерявший сына и честь, страдающий от уничтоженной буранной зимой скотины, теперь Есенкельды боролся за самую жизнь.

Серік Зиятов
(1983 ж.туған)
Бекей биігі

Келеді зулап, мәшине жолда,
Беткейден түсіп, қыр асқан.
Ұмсына берді түспекке қария,
Бекейге тоқта, – деп, – қарғам!

«Бекей» деп қалды, бір бала жігіт
Ойына әлдене түсті ме?
Сипады бетін, әңгіме түсіп
Әкесі айтатын есіне.

Бала еді ол кез, алтыдан асқан
Шыбықты ат қып ойнаған.
Қариялар келіп, отыра қалып
Қызатын әңгіме қайнаған.

Көп заман өткен ол күннен бері,
Есенгелді деген бай болған.
Жағасы – жайлау, кеңілі – қыстау,
Төрт түлігі сай болған.

Жылқысы көп-ті, көптігі сонша,
Он сегіз мыңға жетіпті.
Он сегіз мың, сірә, киелі сан-ау!
Көбеймей содан кетіпті.

Сатып ап жылқы, қосып та көрген,
Арттырамын деп болмастан.
Аспаған бірақ, артпаған содан
Быр сыр бар, тегі, әу бастан!

Байлығы тек мал, қараулау екен,
Дүние-мүлік жимапты.
Ұлдары өңкей әкеге тартқан.
Есепсіз бір тай соймапты.

Түс кезі, бай ауылы қырға қонған
Шаң шықты қарауытқан құба жоннан.
Суыт-ау жүрестері, неткен жандар?!
Дегенше жалт бұрылды ұзын жолдан.

Алты қанат ақ үйдің жұпыны іші,
Киіз де жоқ отырар жөндеп кісі.
Есіктен төрге дейін бәрі тулақ
Болмаса кілем ілген төрдің тұсы.

Қариялар өңкей, жастары құралпы
Көкірегі толған қазына.
Қалжыңдап алып, насыбай атып
Қылатын өзара بازیна.

Әр қыры тарих төскейдің туған,
Шежіре тұнған белі де!
Батырлар өткен, даналар өткен
Қорған болғандай еліне!

Үлкені – Кәрім, бипаздап сөйлеп
Өткен күндерге бойлайтын.
Бір бала келіп, әңгімеқұмар
Тыңдаудан әсте тынбайтын.

* * *

Он сегіз мың жылқы, самсаған қолдай,
Сыймайтын қаптап жер-көкке,
Шідерті бойы, Мәжен мен Тіксай,
Бір шеті Бөрібас, Қоржынай...

Бекейі ғана тоқалдан туған
Жасынан зерек, есті екен.
Сөзге де шешен, жолбарыс жүрек
Жігіттің дәйі тас бекем.

Інісін күндеп, ағалары нойыс
Бағатын әрбір қадамын.
Болса да өздері шаруаға қырсыз
Әкеге айдап салатын.

* * *

Сол күнде Есенгелді сасық бай-ды,
Жимапты дүние-мүлік, зат ыңғайлы.
Байлығы, бар болмысы – жылқылаоды,
Атанған атырапқа Қарынбай-ды.

Есенгелді төрде отыр, ойға батқан
Кеше түн жолаушы кеп, кештеу жатқан.
«Мен тұрғанша, ешкімді кіргізбе!» – деп,
Жатрда Борғымашқа жарлық айтқан.

Байекеңнің Борғымаш бәйбішесі
Жан еді үлгі болған өнегесі.
Жүргізбей үй маңынан бала-шаға
Тұрғанша өзі күтпек болып шешті.

Бірақ та күтпеген жай болып қалды
Келгендер өңкей дөкей, кілең сайлы.
Ішінде бірі, тіпті, Орынбордан
Бекейден сұрастыра қонақ жайлы.

Борғамыш жайды біліп, кідірмеді
Көрші үйі қонақтарға әзір еді,
Кіргізіп жайыменен, төрге оздырып,
Зыр жүгіре, қызмет қып бәйектеді.

Байекең де бұл кезде хабарласып
Көрші үйге кіре берді амандасып,
Төрге дейін жылыстап әрең жетті
Шенділерден қысылып, асып-сасып.

Сары ала киімдісі сөз бастады,
Аударды қасындағы тілмәштарі.
Ұққаны Байекеңнің көбі жұмбақ,
Ақ патша бермек екен қонақасы.

Алты қанат ақ үйдің іші толған,
Есенгелді ұлдарын тегіс жиған
Талқыламақ Орынбор, патша жайын
Мұрагерге жөн болмаө не сыйлаған?

Алтын-күміс оларда атымен жоқ,
Басқа мүлік бағалы затымен жоқ,
«Нені тарту етеміз?» – десе әкесі:
Айтатын ұлдарының ақылы жоқ.

Ішінде ақылдысы Бекей ғана,
Жас та болса, бас болған, ақылы дана
«Не айтасың?» – дегендей сойын бұрды
Өке сыншы балаға көзді сала.

Жайымен сөз басты сонда Бекей:
«Сөзімді құп көріңіз менің, әкей,
Жүз арғымақ бір түстен таңдап алып
Патша ұлына сыйлыққа тарту еткей».

Ағалары үндемей іштен тынды,
Бөкейдің әкесіне сөзі жүрді.
Есенгелді тоқтады осы сөзге
Жүз қара айғыр сыйлауға белді буды.

Шақырған мұны сонда рақымы түсіп,
– Ұлық, – деп ойлады іштей, – неткен
кішік,
Орынборға кешікпей келеді екен,
Түсінгені осы-ақ болды, шала біліп.

Қуанышты хабар деп бай ұйғарды,
Қонақасы жасауға қам ойлады,
Шақырып, ұлдарына жарлық етіп,
Ақыры жөн көрді іштей тай сойғанды.

Ас үстінде білді әрі істің мәнін
Патша емес, келіпті ұлы, болды мәдім.
Мұрагер Павел деген патшазада
Көрмекші құзарындағы елдің жәйін.

Келгендер ертесіне ерте аттанды,
Хабардар етпек және екі адамды
Үш байға осы өлкеден таңдау түсіп,
Көруге тағдыр жазған ақ патшаны.

* * *

«Сыйлық жайы шешілді сәтіменен,
Жүз қара айғыр табылар артығымен.
Орынборға кім бармақ мұрагерге?!
Мен бармаймын, бірінді өкіл етем!»

Деді де, Есенгелді үнсіз қалды,
Бекей ғой ұлдарының ақылы алды
Ағалары айтпай-ақ түсінбей ме,
Мәлім ғой, өздеріне-ақ шама-шарқы!

Ал бірақ байекеңнің болмады ойы
Оларсыз өйтпейтіндей патша тойы.
«Бәрінің да қарай гөр, дәмелісін
Білмейді-ау, бір де, тіпті, орыс сөзін».

«Сонда бұлар бармақшы қалай тойға,
Қарамайды-ау, батырлар оң мен солға!
Абырой әкелмейді бұлар бәрібір» –Тірелді
Есенгелді деген ойға.

Байекең өз шешімін айтты сонда:
«Барады Бекей ғана Орынборға!
Қасына он жігітті жолдас етіп,
Сәрсенбінің сәтінде шықсын жолға!»

Әке айтты, ақырғы сөз осы болды,
Көп күткен мәжілістің хошы болды.
Ағалары тарқасты разы болмай,
Деуменен: «Тоқал ұлы бізден озды!»

* * *

Қоржынай – сол күндері бай жайлауы,
Жаны қыр, ортасы ойпат, жер сайлауы
Аттанбақ таңсәріден Бекей жолға
Кермеде жараулы аттар тұр байлаулы.

Білмейді әке сонда қан жыларын,
Сезбеді өлтірерін өз ұланын,
Білген жоқ баласы да сол бір сәтте,
Күтпеген әкесінен өз ажалын...

Ұйықтамай шықты сол түн бай ауылы,
Көңілі байекеңнің абыржулы,
Түс көрген таң алдында қалғып кетіп:
Бекейдің атын көрді тұлданулы.

Жүз арғымақ айдаған он жігітпен,
Көтеріле күн көкке Бекей кеткен,
Ағалары дұрдараз қала берді,
Бір жауыздық жасырып ішкі есеппен.

«Түс – түлкінің қиы» деп жұбатты өзін
Білген жоқ ұлына айтқан соңғы сөзін,
Бекей де білмеген-ді сол бір сәтте,
Оң соңғы рет көрерін күннің көзін.

* * *

Азғырды Бекей кете әкелерін,
Білген жоқ соңы қасірет әкелерін,
Сезбеді сол бір сәтсіз тірліктері
Өлігін бауырының әкелерін.

Қайғының қара бұлты көкті жапты,
Қасірет қара түндей жерді басты,
Күңіреніп, әке жаны байыз таппай,
Жүрегі қарс айрылып қан жылапты.

Түс ауа Аңқатыдан ұзамастан,
Аттылы жан көрінді қырдан асқан
Дегенше әне-міне келіп қалды,
Жын қуғандай жан екен құты қашқан.

Бекейді сол араға жерлеп елі,
«Бекей биігі» атанды жатқан жері,
Есенгелді құсадан көз жұмыпты,
Қайғыдан қарс айрылып көкірегі.

Таныды Бекей бұрылып, өз әкесі –
Астында ерен жүйрік күрең бесті,
Дегенше: «Әке, жай ма?» жөн сұрасып,
Наркескен қынабынан бір жарқ етті.
Ұлының ләм деместен басын кесті.

Ұлдары ұстай алмай мол байлықты,
Тарыдай шартарапқа бытыратты,
«Есенгелінің келініне жүн сұратқан,
Құдайдан қорық» деген сөз содан қапты...

* * *

...Заманның құлап түсіп арбасынан
Азайып қарт қатары қалды-ау, сірә.
Өмірден Кәрім де өтті, әкем де жоқ,
Жатыпты қырды жастап жамбасына.

Туған жер, әр пұшпағың аңыз, дастан.
Жаттасам деп ем бәрін жаңылмастан.
Мен бүгін бір төбенді жырға қостым
Қонсын деп қайта басқа сәнің қашқан...

Кеткен жоқ өшіп бірақ шежіре сыр,
Сол сырға қадам бассañ кезігесің.
Қариялар – жазып қойған хат емес пе,
Жас ұрпақ, тарихыңнан не білесің?!

Серік Зиятов
Шідерті ауылы,
Сырым ауданы

P.S. Бұл өлеңдегі кейіпкерлердің бәрі де – өмірде болған адамдар. Мәселен, Есенгелді байдың бейіті Аралтөбе ауылы маңында болса, Бекедің мүрдесі қазыргі Сырым ауданы мен Теркеті аудандары шекарасында жерленіпті. Осы Бекейдің өмірі жайында орыстың белгілі жазушысы Даль «Бекей мен Мәулана» деген повесть жазыпты. Бұл өлеңдегі Мәтсай, Тіксай, Қоржынай, Бөрібас күні кешеге дейін мал қыстағы не жайлауы болып келген жер аттары. Негізінен, Есенгелдінің көп жылқысының бір бөлігі Шідерті өзенінің бойын жағалаған. Қариялар «Есенгелдінің табын-табын жылқысы Шідертіден су ішкенде, өзен суы төрт елі төмен түседі-мыс» – деп отырған.

Серик Зиятов

(род.в 1983 г.)

Высота Бекея

(Построчный перевод Умаровой Г.С.)

Мчится машина, спускаясь с холма,
– Останови у могилы Бекея сперва, –
Просит водителя старец-ата.
Пока старец молитву читал,
Парень имя «Бекей» вспоминая,
Имя «Бекей» с детства слышал:
Много легенд о нём он встречал.
Старик, молитву читать перестал,
Парнишка рассказы отца вспоминал.
Лет шесть ему было в те времена:
На палке скакал он как на коне.
Преданья, легенды пленяли его,
Всё оживало в глазах у него:
В круг старцы садились,
Друг с другом, смеясь, шутили,
Когда собирались, садились дугой,
Преданья сыпались у них одна за другой.
Старший из аксакалов – Карим.
Красочно, ярко рассказывал им
Каждое слово из уст старца
Врезалась в память мальчика.¹⁴³

* * *

Немало воды утекло с тех пор, когда жил бай Есенкельды. Все лучшие земли, угодья и пастбища принадлежали ему, табунам его лошадей. Говорят, что богатство его – табуны лошадей – доходили до восемнадцати тысяч.

Восемнадцать тысяч лошадей еле вмещались на территории Шыдарты, Мажен и Тксай, занимая к тому же Борибас и Коржынай.

Есенгельды имел восемнадцать тысяч лошадей – ничуть не больше и не меньше. Желая увеличить их число, он прикупил лошадей, но это всё было не впрок: ничего не прибавлялось и не уменьшалось. Больше этого, видимо, Всевышним было предписано ему не иметь.

Свое счастье бай видел в богатстве, состоящем только из отборных коней. Других богатств он не собирал. И сыновья его, как отец, бездумно не резали скот.

Лишь сын один, Бекей, от токал, был с детства смышлён, смел, красноречив. Он считался одним из лучших джигитов.

Братья же его, обделённые умом, упрямые, следившие за каждым шагом Бекея, жаловались отцу, доносили на него.

* * *

¹⁴³ Перевод Сурукпаевой Аспет

Время обеда. Аул бая – в степи. Издалека виднеется пыль от скачущих к аулу незнакомых всадников. Всадники необычны, заметно, что не свои. Кто же это может быть?! Не успели подумать, как путники свернули с дороги в сторону юрты бая.

Большая белая юрта. Внутри – скупое убранство. Нет ни кошмы, на которой можно было бы удобно расположиться. На полу – дубленые кожи, да ковёр – на стене на почётном месте.

Есенкельды, считаясь самым богатым баем, не собирал ничего другого: ни мебели, ни имущества. Всё богатство, вся гордость – его табуны. Во всем крае прослыл он скрягой, как Карынбай¹⁴⁴.

Есенгельды после приезда из дальней поездки просил Боргамыш¹⁴⁵ не беспокоить его сон, никого не допускать к его юрте до его пробуждения ото сна.

Боргамыш – байбише, славилась мудростью, была образцом умной жены. Она сама охраняла покой супруга, не допуская близко к юрте никого, пока он спал.

Однако прибывшие гости были известными людьми, сопровождавшими видного чиновника из Оренбурга. Со слов Бекея Боргамыш поняла, что ждать долго гости не намерены. Поняв ситуацию, она пригласила гостей в соседнюю юрту, стараясь приветить почетных гостей.

Бай, поставленный в известность, пришёл к гостям, чуть смущаясь от вида погон на одеждах гостей, стал здороваться, проходя и сам на почётное место.

Человек в пестрой одежде начал речь, рядом сидящий переводил его слова. Многое было невдомёк баю, но он понял главное: белый царь собирается устроить пир.

– Проявляя милость, приглашает на пир. О, как великий царь умеет снизить! – подумал бай. – Оказывается, приезжает в Оренбург, – вот всё, что мог понять из речи чиновника бай.

Хорошая новость, – посчитал бай. – Надо приготовить хороший гостинец, – решил он.

Приказал всем сыновьям собраться. А сам в душе подумал зарезать самого жирного стригунка.

За тризной-дастарханом узнал он истину: Не царь, а сын, наследник, прибывает.

Царевич, наследник Павел, решил изучить свои владения, дабы осмотреть благосостояние людей, живущих в ему подвластных землях.

Приезжие наутро оправились в путь: им предстояло донести весть-приглашение ещё двум людям: лишь трем казакам в этом краю судьба предоставила счастье увидеть белого царя.

* * *

В белой юрте народу полно:

Есенкельды собрал всех сыновей на совет, обсуждали, что же отправить в Оренбург, в подарок царевичу.

Золота-серебра у них в помине нет. Другой ценности подавно нет. На вопрос отца, что же можно подарить, у сыновей и мыслей нет никаких. Додуматься самим – ума нет совсем, умом не доросли.

Разумное мог предложить лишь только Бекей, хотя и моложе других, ума палата, разум лишь у него. Что же ты скажешь? – пытал сына отец, повернувшись к нему.

Не торопясь, степенно начал речь Бекей: «Если моё мнение Вам по душе, отец, сто отборных аргамаков стоит отправить царевичу в качестве гостинца».

¹⁴⁴ Карынбай – герой популярной народной сказки, известный своей жадностью, скупердьяй.

¹⁴⁵ Боргамыш – имя жены-байбише Есенгельды.

Братья молча проглотили столь умный ответ. Предложение сына пришлось по душе отцу. Есенкельды, согласившись с сыном, решил сто аргамаков готовить в подарок:

«Вопрос о подарке решен удачно, больше ста молодых аргамаков найдется с излишком. Кого же теперь отправить к наследнику?! Я не поеду, кого-то из вас уполномочу послом!» – молвил Есенкельды, затем замолк. Ведь самый-то умный из сыновей Бекей, братья его, не говоря уж вслух, сами бы должны понять, что возможности их малы. Ведь не знают ни единого слова по-русски. Как будто без них не состоится пир. Каждый хочет отправиться на пир, забывая, что не понимает ни одного русского слова. Как же они хотят попасть на пир, не способны думать батыры ни о чём серьезно! Нет, не защитят они моей чести! – пришёл к выводу Есенкельды. Только думы бая не оправдались.

Тогда бай провозгласил своё решение: «Только Бекей отправится в Оренбург! И сопровождать его будут десять его друзей-джигитов, отправятся в среду¹⁴⁶, в день, когда сопутствует удача».

Сказал отец последнее слово. Так закончилось собрание, разошлись братья, озлобленные, сквозь зубы промолвив: «Сын токал обошёл нас всех!»

* * *

Коржынай – в то время джайлау-урочище бая. По бокам – возвышенность, в середине – низина, лучше нет земли. Бекей должен был отправиться с зарёй, чуть свет. Как для выставки подготовлены кони на привязи. В ту ночь весь аул бая не сомкнул глаз. Сам бай в волнении уснул лишь под утро. Ему приснился сон:

Конь Бекея стоял на привязи с отрубленным хвостом и остриженной гривой¹⁴⁷. «Түс – түлкінің қиы. Сон – лишь хитрость лисы», – успокоил он себя, не запомнив последние слова, сказанные им сыну.

И Бекей не знал, что это был последний день его жизни.

Не представлял отец предстоящей трагедии, не предчувствовал, что сам убьёт своего орлёнка. Не знал и сын, что в тот день случится его гибель от руки отца...

Сто отборных аргамаков, сопровождаемых Бекеем с десятью джигитами, отправились в путь с рассветом. Братья же, оставаясь дома и затаив обиду, затевали в душе темные дела.

* * *

Стали зудеть, шипеть отцу на Бекея, не задумываясь, что к беде их дело ведёт. Не знали, что злобные их слова окажутся роковыми – станут причиной смерти брата.

После обеда, недалеко от Анкаты скакал во весь опор всадник, стремглав, как будто кто догонял его. Взбешенный, догнал он табун Бекея. Узнал во всаднике взъерошенном отца Бекей. Под ним быстроходный серый иноходец. Не успел молвить: «Отец, что случилось?» – Лишь заметил блеск кинжала – сыну отрубил голову отец.

Случилась трагедия, небо покрылось темными тучами,

Горе покрыло всю землю,

Помутился разум у отца,

Не выдержав содеянного им самим.

Бекея похоронили на том же месте:

«Холм Бекея» теперь зовут то место, где он лежит.

¹⁴⁶ По убеждению казахов, дело, начатое в среду, бывает удачным.

¹⁴⁷ По народным поверьям, такой вид коня предвещал беду.

Говорят, с горем Есенкельды не справился, не выдержало его сердце сей трагедии.

Сыновья его, скудными умишками своими, растранижирили, не сберегли отцово богатство. Говорят, с тех пор в народе сложилась поговорка:

«Бойся бога, заставившего сноху Есенкельды сделаться попрошайкой».

* * *

Как будто выпавшие из телеги того времени
Все меньше осталось стариков,
Ушёл из жизни и Карим-старец,
Отца уж нет в живых –
Они были хранителями преданий
Об истории родного края.
Но не исчезли предания, услышанные от них.
Если пожелаешь, и ты услышишь.
Предания предков – разве не записанная история,
Молодое поколение, что ты знаешь из истории?
Родной мой край, каждый клочок твой хранит легенду, предания,
Которые хочется учить наизусть.
Я сегодня рассказал одно из них,
Чтобы вновь ты обрел былую славу, родной мой край!

Список публикации результатов исследований доцента Г.С.Умарова

1. Комическое и сатирическое в повести В.И.Даля «Майна» // Статья в «Ұлт тағылымы». – «Достояние нации» /Научное приложение Международного научно-педагогического журнала «Высшая школа Казахстана» МОН РК. – Алматы, 2007. – № 4. – с.309 – 314.
2. The comic and satirical in the story “Maina” by V.I. Dahl // Seattle-2013: 4TH International Academic Research Conference on business, education, nature and technology. Part 4: Kazakhstan. November 4-5, –2013. – Seattle, WA, USA. – P.415-417.
3. Зачатки синергетики в лингвистических трудах В.И.Даля о немецком и казахском языках // В Материалах МНПК «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад» - Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Евразийский Национальный университет им. Л.Н.Гумилева – Казань, 17-19 октября, 2013. – С. 305-308.
4. The beginnings of synergy in the linguistics works on German and Kazakh languages by V.I.Dahl //Modern Science: Problems and Perspectives. International Conference. Volum 4 /Article/ Зачатки синергетики в лингвистических трудах В.И.Даля по немецкому и казахскому языкам – Америка. – Las Vegas, NV, USA. – April 15, 2013 г. – P/с.224 - 227.
5. Тема женской эмансипации в казахских повестях В.И.Даля // Вестник Каз. универ.Международных отношений и мировых языков, 2005. – № 4(14) – Алматы. Материалы Республ. н.-пр.конф. «Казахский компонент в современной компаративистике».
6. Theme of Female emancipation in the kazakh stories by V.I.Dahl // Modern Challengs and Decisions of Globalization. – International Conference. – July 15, 2013. – New York, USA. Prt 2. – Session: Kazakhstan. – P.194-196.
7. Поэтика повести «Майна» // Умарова Г.С. В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: Монография. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им.М.Утемисова, 2012. – С.105-122.
8. Образы Есенгельды и Бекея в русской и казахской литературе //«Вестник» ЗКГУ, 2007. – № 2; 2008, № 1; Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сб.науч.трудов /редкол.: Ю.Н.Борисов (отв.ред.) [и др.]. – Саратов: изд-во Сарат.ун-та, 2009. – С. 65-67.
9. Концепт «аксакал» как литературный штамп в повести В.Даля «Бикей и Мауляна» //«Вестник» ЗКГУ им.М.Утемисова – Уральск: РИЦ ЗКГУ им.М.Утемисова, 2013. – № 4. – С.172-179.
10. Семантическая интерпретация понятия «аксакал» в разных лингвокультурах // Semantic Interpretation of the Concept “Aqsaqal” in Different Linguistic Cultures. Статья / В соавторстве / В мат. Vol 6, –No 5 S4 (2015) October, 2015. – Special Issue Mediterranean Journal of Social Sciences. Ссылка: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/issue/view/182>. Италия. – 3, 7 п.л.
11. Творческий результат пребывания В.И.Даля в Приуралье // Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С. 33-38.
12. Герменевтический подход по анализу повести «Бекей и Мауляна» В.И.Даля на уроках литературы // Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С.167-172.
13. Время и пространство в «уральских» повестях В.И.Даля // Лингвистическое и литературное краеведение: теория и практика: Мат. областной науч.-практ. конф. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2017. – 219 с. – С. 11-17.
14. Поэтика имени Майна в одноименной повести В.И.Даля // «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», V Международный науч. форум (2021;

Элиста). V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», 30 ноября 2021 г. [Текст]: материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. – 513 с. – С. 330-333. ISBN 978-5-91458-389-4.

15. Дialeктизмы в очерке В.И.Даля «Уральский казак» //«Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», V Международный науч. форум (2021; Элиста). V Международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире», 30 ноября 2021 г. [Текст]: материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. – 513 с. – С. 326-330. ISBN 978-5-91458-389-4.

16. Внесюжетные элементы в повестях В.И.Даля и Л.Н.Толстого, их роль в сюжете // «XXI ғасырдағы филология ғылымының теориясы мен практикасының заманауи тұжырымдамалары» / «Современные концепции теории и практики филологической науки в XXI веке» / «Modern concepts of the theory and practice of Philological Science in the XXI Century» / Сборник научных статей молодых ученых. – Под общей редакцией А.Г.Бозбаевой – Уральск, 2022. – 225 с. – С. 177-182.

Объем 32,5 п.л. Тираж 500. Заказ № 45

*Сверстано и отпечатано в редакционно-издательском центре
Западно-Казахстанского университета им. М.Утемисова
г. Уральск, пр-т Н.Назарбаева, 162.*